ДЖОРДЖ ДЖОНАС

МЕСТЬ

ДЖОРДЖ ДЖОНАС МЕСТЬ

George Jonas

VENGEANCE

The True Story of an Israeli Counter-Terrorist Team

SIMON AND SCHUSTER NEW YORK

ДЖОРДЖ ДЖОНАС

МЕСТЬ

ОПЕРАЦИЯ ИЗРАИЛЬСКИХ АГЕНТОВ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ТЕРРОРИСТОВ В ЕВРОПЕ

עיריית חיפה
מערכת הספריות
מרכז [illegible]
בית ארדשטיין - ספריה
מס. מלאי.....

LIBERTY PUBLISHING HOUSE
NEW YORK • 1986

PUBLISHER -- ILYA I. LEVKOV
LIBERTY PUBLISHING HOUSE, Inc.
475 Fifth Avenue, Suite 511
New York, N.Y. 10017

Editor Asya Kunik

Original English title:
VENGEANCE
The True Story of an Israeli Counter-Terrorist Team

Copyright © by Simon and Schuster, New York, 1984

Copyright © for the Russian edition by Liberty Publishing House, Inc. 1986

ALL RIGHTS RESERVED

This book may not be reproduced in whole or in part, by mimeograph or any other means, without permission

Cover design by VAGRICH BAKHCHANYAN

Printed in the United States of America
R.R.Donnelley & Sons Co., Harrisonburg, Virginia

ISBN 0-914481-28-2

OCR Давид Титиевский, август 2021 г., Хайфа

БАРБАРЕ АМИЭЛЬ, АССУ, ДАВИДУ, КЭТИ, КОПИ, МИЛТУ, ТОНИ, СМАДАРЕ И ЯСИРУ, А ТАКЖЕ ПАМЯТИ ПОГИБШИХ В ЭТОЙ ОПЕРАЦИИ ЧЛЕНОВ ГРУППЫ ОТ ОСТАВШИХСЯ В ЖИВЫХ.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ 11
ПРОЛОГ. МЮНХЕН 15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СТАНОВЛЕНИЕ АГЕНТА

АВНЕР 22
АНДРЕАС 41

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НОВЫЙ ПОВОРОТ ЕВРЕЙСКОЙ ЭТИКИ

ГОЛДА МЕИР 75
ЭФРАИМ 84

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
МЕСТЬ

ВАЕЛЬ ЗВАЙЦЕР 105
„ЛЕ ГРУП" 116
МАХМУД ХАМШАРИ 151
АБАД АЛЬ-ШИР 165
БАЗИЛЬ АЛЬ-КУБАИСИ 174
БЕЙРУТ И АФИНЫ 188
МОХАММЕД БУДИА 203
ВОЙНА СУДНОГО ДНЯ 220
АЛИ ХАСАН САЛАМЭ 233
ЛОНДОН 244
ХОРН 254
ТАРИФА 267
ФРАНКФУРТ 282

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
АГЕНТ, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

АМЕРИКА 292

ЭПИЛОГ 321

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ 335
ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ПОЛЕМИКИ 354
ПОСЛЕСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ 369
БИБЛИОГРАФИЯ 379

ТАК ГОВОРИТ ГОСПОДЬ БОГ: ЗА ТО, ЧТО ФИЛИСТИМЛЯНЕ ПОСТУПИЛИ МСТИТЕЛЬНО И МСТИЛИ С ПРЕЗРЕНИЕМ В ДУШЕ, НА ПОГИБЕЛЬ, ПО ВЕЧНОЙ НЕПРИЯЗНИ,

ЗА ТО, ТАК ГОВОРИТ ГОСПОДЬ БОГ: ВОТ, Я ПРОСТРУ РУКУ МОЮ НА ФИЛИСТИМЛЯН...

...И УЗНАЮТ, ЧТО Я – ГОСПОДЬ, КОГДА СОВЕРШУ НАД НИМИ МОЕ МЩЕНИЕ.

Иезекииль 25: 15-17

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Осенью 1981 года мои канадские издатели предложили мне встретиться с человеком, который, по их мнению, мог рассказать мне много интересного о террористах и о тех, кто посвятил себя борьбе с ними. После тщательной подготовки встреча была организована в одном из городов Северной Америки. Там, в небольшом офисе, и произошло мое с ним знакомство и я услышал одну из версий эпизода тайной войны Израиля с террористами: речь шла о действиях контртеррористической группы, созданной после убийства израильских спортсменов в Мюнхене в 1972 году.

Издатели, предваряя нашу встречу, постарались выяснить все возможное о личности моего собеседника. Я, со своей стороны, уже после нашей встречи тоже собирал о нем информацию.

Наши выводы совпали. Стало очевидно, что мы действительно имели дело с вышедшим из подполья израильским агентом. Насколько нам известно, это был единственный в своем роде случай.

Я начал собирать материалы, дополняющие его рассказ, на котором, собственно, и построена эта книга. В течение следующего года я несколько раз побывал в странах Европы и Ближнего Востока. Мне также удалось побывать и в двух городах в стране за „железным занавесом". Кроме того, я встречался с израильским агентом еще несколько раз в различных городах мира. По его совету, я взял интервью у шести человек во Франции, Израиле и Соединенных Штатах, а по собственной инициативе опросил также многих экспертов, чиновников и случайных свидетелей. Меня интересовало все, что могло пролить свет на те или иные обстоятельства, связанные с этим актом мести. Имена большинства из этих людей я чувствую себя вправе назвать, но по вполне понятным причинам в некоторых случаях это оказалось невозможным.

По тем же причинам я не могу назвать имени человека, который поведал мне всю эту историю. Правда, он и сам позаботился о том, чтобы обезопасить себя, не полагаясь полностью на мою сдержанность. Он не дал мне возможности выяснить о нем больше того, что было необходимо, чтобы написать эту книгу.

Для более ясного представления о работе агентов мне была предоставлена возможность самому наблюдать некоторые из второстепенных операций. Я познакомился с системой охраны, с тем, как завязываются и налаживаются надежные контакты, как подделываются и фабрикуются документы, организуются безопасные явки, оплачиваются осведомители. Таким образом, я из первых рук получил информацию о мире, который должен был быть воссоздан в моей книге.

В большинстве случаев событиям, которые я собирался описывать, ежедневные газеты уделяли один-два абзаца. Некоторые из этих событий печать связывала с деятельностью израильских агентов, хотя официально ничего и никогда установлено не было. В недавно опубликованных книгах, посвященных вопросам международного терроризма и антитерроризма, также были ссылки на эти эпизоды. Сенсационные операции частично были освещены в таких документальных исследованиях, как „Израильская разведка" Ричарда Дикона ("The Israeli Secret Service" by Richard Deacon), „Мастера шпионажа Израиля" Стюарта Стивена ("The Spymasters of Israel" by Stewart Steven), „Убийство спортсменов" Дэвида Б.Тиннина и Дага Кристенсена ("The Hit Team" by David B.Tinnin and Dag Christensen). В своей превосходной книге „Язык террора" Эдгар О'Балланс ("Language of Violence" by Edgar O'Ballance) коротко описал убийство нескольких палестинских лидеров террористических групп в Европе. Таким образом, казалось, эти события в основном уже были описаны, однако я взялся за книгу о них, поскольку мне они представлялись в несколько ином свете.

Я не мог рассчитывать на то, что моя книга будет отвечать строгим требованиям, предъявляемым к историческому документу, хотя ничего от себя и не придумывал. В ряде случаев обстоятельства складывались так, что полученная мною информация исходила из одного какого-нибудь источника, который я не мог назвать.

Кроме того, некоторые детали проверить было невозможно. В этих случаях меня вполне устраивали другие подробности операций, сходные по характеру с теми, которые я должен был описать. Подменять детали приходилось и еще по одной причине: чтобы защитить людей, посвятивших меня в подробности операций от разоблачения.[1]

В идеале, журналистская практика предполагает, что в случаях, когда сюжет основан на конфиденциальном материале, должен существовать еще один, независимый, источник информации, подтверждающий достоверность изложенного. Я, однако, не всегда мог это требование выполнить.[2] Воспроизводя в книге диалоги и мнения, которые не были в свое время фиксированы, я вынужден был довольствоваться тем, что мне подсказывала моя

память, которая, как и всякая человеческая память, несовершенна и не лишена известной тенденциозности.

Я решил поведать историю, рассказанную мне моим агентом, ориентируясь на двойной к ней подход: с его точки зрения и со своей собственной. Этот же метод я использовал, когда рассказывал и о других участниках событий. Это позволило мне изложить их не только от собственного имени, но и от лица этих действующих лиц. При этом я не был обязан оставаться беспристрастным и солидаризироваться с моими героями. Ситуация напоминала положение присяжного заседателя, который делает выводы на основе всех имеющихся в его распоряжении фактов.

Многое в моей книге определялось и наличием третьего источника: второстепенных свидетелей, на которых я ссылался в тексте и в примечаниях. Это обычный прием в книгах, описывающих текущие события и рассчитанных на широкого читателя. Если данные используемых мной источников расходились с моими представлениями (а это иногда случалось), я на эти расхождения указывал. Мне казалось обязательным определить свою позицию по вопросам, которые в этой книге поднимаются, поскольку они решаются разными людьми по-разному.

Как и большинство, я осуждаю политический террор. Более того, я не согласен с циничным утверждением, что тот, кто с точки зрения одних — террорист, может оказаться борцом за свободу с точки зрения других.[3]

Терроризм — это один из способов достижения политических целей, но политической целью как таковой он не является. В то же время я не разделяю распространенного заблуждения, что терроризм неэффективен. Я полагаю, что такая точка зрения основана на принятии желаемого за действительное. Что с помощью террора часто не удается решить те или иные задачи — это факт. Но столь же часто не удается их решить и другими методами — дипломатическими или, напротив, военными. Подходя к этому вопросу с такой меркой, можно с успехом утверждать, что все эти методы также неэффективны. Моя точка зрения состоит в том, что терроризм плох независимо от того, сопутствует ему успех или нет.

Однако и антитеррористические действия сопровождаются кровопролитием. Когда речь идет о человеке, который по заданию своего правительства убивает, скажем, двенадцать человек, при этом семерых из них совершенно хладнокровно, неизбежно возникают этические проблемы. Я не пытаюсь дать на эти вопросы однозначный ответ. Я надеюсь, что ответ дает книга в целом, в той, разумеется, степени, в какой это вообще возможно.

В системе: Израиль—враги Израиля — я на стороне Израиля. Помимо того, что я сам еврей, существуют и другие соображения, оправдывающие мою позицию. Их два.

Во-первых, я верю в преимущества демократии перед любыми другими известными формами общественной организации. Из всех стран Ближнего Востока только в Израиле принципы демократии проводятся наиболее последовательно.

Во-вторых, хотя политика Израиля, особенно в последние годы, не может служить образцом, эта страна на протяжении всего конфликта на Ближнем Востоке придерживалась более высоких этических стандартов, чем ее оппоненты. Я не могу сказать, что не сочувствую делу палестинцев. Но к тем, кто отстаивает его методом террора, я симпатии не питаю.

Джордж Джонас

Автомат Калашникова кажется неуклюжим по сравнению с современным элегантным оружием, используемым в пехотных войсках. „Калашников" — оружие наступательное. Автомат известен под маркой АК-47. Изобрел это оружие, по слухам, какой-то сибирский крестьянин. Так во всяком случае об этом рассказывают международные террористы, в среде которых он чрезвычайно популярен. По своему устройству „Калашников" прост. Его длина составляет 34,2 дюйма, ложе и рукоять сделаны из темного дерева, обе металлические части — из тусклого серого металла. Центральная металлическая часть состоит из затвора и спускового механизма (собачки). В обойме помещается тридцать патронов 7,62 мм — коротких свинцовых пуль.

Автомат Калашникова способен выбрасывать в минуту по сотне пуль, каждая из которых вылетает из короткого ствола со скоростью 2330 футов в секунду, или около 1600 миль в час. В Советском Союзе и в других странах Советского блока изготавливаются различные модели этого автомата. С небольшого расстояния он способен в буквальном смысле слова рассечь человека пополам.

5 сентября 1972 года несколько таких автоматов были извлечены из пропитанной маслом упаковки и вручены восьмерым террористам из организации, носящей название „Черный сентябрь". Террористы направлялись на Коннолиштрассе, 31 в Олимпийской деревне под Мюнхеном, в здание, где разместились израильские спортсмены.

Федаины, что по-арабски значит „смертники", были замечены в тот момент, когда преодолевали проволочное заграждение высотой 6 футов на Кузочински-дамм. Было четыре часа утра. До Коннолиштрассе, 31 оставалось не более 50-ти ярдов. Чтобы пройти это расстояние даже медленным и осторожным шагом требуется одна-две минуты. Но ключ в дверь подъезда № 1 был вставлен только в 4 часа 25 минут.

Остается невыясненным, помогал ли кто-нибудь террористам в эти двадцать пять минут.[1]

Первым услышал подозрительный шум Иосиф Гутфрейнд, судья по боксу, гигант весом в 275 фунтов. Поначалу он, вероятно, предположил, что это возвращается его сосед, тренер по борьбе Моше Вайнбергер, у которого был свой ключ. Различив, однако, за дверью шепот арабов, он мгновенно понял, что им грозит опасность и, навалившись на дверь всей массой своего тела, громко закричал на иврите: „Тревога!"

В течение следующих нескольких минут восемь арабов пытались открыть дверь. Но один Гутфрейнд стоил этих восьмерых. Арабы толкали дверь, Гутфрейнд держал ее. Напор по обе стороны был так велик, что металлические петли и дверной косяк оказались деформированными. Услышав шум, Тувиа Соколовский, тренер и штангист из команды Иосифа, разбил окно и выскочил на улицу. Четверо остальных жильцов квартиры № 1 бежать не успели.

Ворвавшиеся в квартиру арабы сначала избили израильских спортсменов — тренера по бегу Амицура Шапиро, мастера по фехтованию Андре Шпитцера, тренера по стрельбе Кехата Шора и судью по штанге Якова Спрингера. Затем, направив на них дула автоматов, арабы потребовали показать квартиры других израильтян. Каждому из четырех была обещана свобода, если он согласится постучать в эти квартиры и помочь захватить живущих там израильтян.

Гутфрейнду арабы подобных предложений не делали: они связали его подобно тому, как в библейские времена был связан филистимлянами Самсон.

Не добившись сотрудничества израильтян, арабы решили обследовать весь дом № 31 по Коннолиштрассе, в котором, помимо израильской команды, располагались и олимпийские команды Уругвая и Гонконга. Выйдя из подъезда квартиры № 1 и пропустив подъезды 2, 4 и 5, в которых жили восемь израильтян, они направились к подъезду № 3, ведущему в квартиру под тем же номером, и захватили еще шестерых израильских спортсменов: боксеров Элиазара Халфина, Марка Славина и Гади Зобари, штангистов Давида-Марка Бергера, Зеева Фридмана и Иосифа Романо. Однако, прежде чем арабы проникли в квартиру № 3, им пришлось выдержать схватку с тренером боксеров Моше Вайнбергером, который, ничего не подозревая, возвращался в это время домой. Вайнбергер был такой же гигант, как и Гутфрейнд, и справиться с ним было не легче. Он сбил с ног одного из террористов, но тут же был ранен выстрелом в лицо. Тем не менее он продолжал борьбу.

Когда захваченных из квартиры № 3 спортсменов перегоняли по Коннолиштрассе по направлению к подъезду № 1, боксер легкого веса Гади Зобари попытался бежать. Побег удался, несмотря на то что федаины сделали несколько выстрелов ему вслед. Спасло Зобари то, что он бежал, делая зигзаги.

На минуту возникло замешательство. Воспользовавшись им, Вайнбергер ударил одного из террористов. Сильный удар повредил бандиту челюсть, он потерял сознание и упал. Но его сосед тут же выстрелил в Вайнбергера. Выстрел был сделан в упор, и террорист полагал, что прикончил спортсмена.

Штангист Иосиф Романо и его друг Давид-Марк Бергер бросились к кухонному окну, пытаясь бежать. Но побег не удался. Тогда Романо, схватив нож для разделки мяса, полоснул им по лбу державшего его террориста. Тяжело раненный, араб отступил, но вбежавший следом его товарищ разрядил в Романо свой автомат. На следующий день, когда спасатели хотели унести его тело, оказалось, что оно рассечено пополам.

Вайнбергер, однако, не был убит и вовсе не считал борьбу законченной. Вместо того чтобы тайком уползти из квартиры № 1, он пробрался туда, где были террористы. Ошеломленные видом двигающейся на них окровавленной громады, террористы в первый момент замерли, и Вайнбергер успел ударить одного из них, а второго полоснуть по руке попавшимся ему на глаза кухонным ножом. Последовавший выстрел в голову свалил его замертво.

Было уже около пяти часов. Террористы из „Черного сентября" в течение двадцати пяти минут убили двух израильтян и захватили девятерых. Двоим спортсменам удалось скрыться. Еще восемь, живущих в этом же здании, остались необнаруженными.

Охрана Олимпийской деревни в течение этих двадцати пяти минут получала лишь невразумительные сигналы о том, что в районе дома № 31 по Коннолиштрассе происходят какие-то беспорядки. И это неудивительно. Была ночь, и не только спортсмены, но и официальные представители власти спали. Происходящее носило спорадический характер: крики, выстрелы, затем тишина. Люди просыпались, обеспокоенные шумом, прислушивались, ничего не слышали и засыпали вновь. Тот, кто все-таки поднялся с постели и выглянул в окно, ничего не увидел. К тому же в Олимпийской деревне почти каждую ночь происходили какие-нибудь праздничные церемонии, нередко сопровождавшиеся шумными фейерверками. Так что большинство соседей израильской команды могли не усмотреть в этом шуме ничего необычного.

Примерно в 4 часа 55 минут у здания появилась одинокая фигура западногерманского полицейского из охраны деревни. Полицейский не был вооружен. Увидев человека в капюшоне, стоящего перед домом № 31, он пробурчал: "Was soll das heissen?" — „Что все это значит?", но ответа не получил. Террорист предпочел скрыться за дверью.

Между тем спасшиеся двое израильтян уже подняли тревогу. Добравшись до зданий, где разместились команды Южной Кореи и Италии, они оповестили охрану о случившемся.

В течение следующего получаса террористы передали властям напечатанные по-английски тексты, содержащие их требования. Тело Моше Вайнбергера было выброшено на улицу.

Террористы требовали освобождения 234-х палестинцев, захваченных „милитаристским режимом в Израиле". Списки их были приложены. Помимо палестинцев, в них были включены также имена некоторых лиц, арестованных в Западной Германии. В их числе были Ульрика Майнхоф и Андреас Баадер — лидеры группы, получившей их имя, арестованные западногерманской полицией в июне этого года. Террористы настаивали также на предоставлении им трех самолетов, которые доставят их в „безопасное место". Только там, в этом „безопасном месте", они обещали , если будет достигнута договоренность, освободить израильских спортсменов. Они писали, что будут ждать до девяти часов утра. Если к этому времени договоренность не будет достигнута, говорилось в документе, заложники будут ликвидированы — „все сразу или по одному".

Началась обычная в таких случаях процедура переговоров. Высокопоставленные должностные лица в Западной Германии предложили федаинам вместо израильтян себя в качестве заложников. Это предложение нескольких мужественных людей — двоих министров федерального и баварского правительств, мэра Олимпийской деревни и помощника комиссара полиции в Мюнхене — было отвергнуто. Однако продлить срок ожидания ответа до полудня террористы согласились.

По имеющимся сведениям, канцлер Западной Германии Вилли Брандт в течение десяти минут разговаривал с премьер-министром Израиля Голдой Меир. Результат этого разговора можно было легко предвидеть. Позиция Израиля по отношению к террористам была хорошо известна. Никаких сделок. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Хотя западногерманские политические деятели не пытались оказывать какого-либо прямого давления на Израиль, однако хорошо известно, что они усматривали в позиции израильского правительства неоправданное, с их точки зрения, отсутствие гибкости, чреватое серьезной опасностью. Почему, спрашивается, не может Израиль отпустить, к примеру, дюжину содержащихся в израильских тюрьмах федаинов? Почему не дать террористам возможность „спасти свое лицо", освободить заложников и покинуть Мюнхен? Западная Германия, со своей стороны, была готова выдать им Ульрику Майнхоф и Андреаса Баадера и заявила об этом сразу же.

Переговоры продолжались. Сроки постепенно отодвигались. Теперь уже до девяти часов вечера. Террористы пошли на уступки, ограничив свои требования одним самолетом, который должен был доставить их и заложников в Каир. Там (если Израиль не ос-

вободит пленных палестинцев) они казнят заложников. Это было хоть и небольшой, но все же уступкой по сравнению с первоначальной угрозой убить заложников на месте, перед отлетом из Мюнхена.

В восемь часов вечера террористам и заложникам привезли еду. Канцлер Брандт выступил по телевидению с речью, содержащей осуждение инцидента и надежду на благоприятное его разрешение. Он также высказался против прекращения Олимпийских игр, о котором ходатайствовало израильское правительство, считавшее, что таким образом будет выражено уважение к памяти двух погибших спортсменов. По мнению канцлера, прекращение игр означало бы победу террористов. Эта точка зрения, разумеется, имела право на существование. Но, с другой стороны, продолжение Олимпиады, сама идея которой должна была символизировать принципы братства и мира между народами, означало, что убийство спортсменов — лишь небольшой инцидент, омрачивший Олимпийские игры, не более того. А это уже было триумфом террористов. К полудню, однако, последовало распоряжение Олимпийского комитета приспустить государственные флаги стран, участвующих в Олимпиаде. Делегации десяти арабских стран немедленно заявили протест. Немцы подчинились, и флаги этих стран были подняты на вершины флагштоков.

Около 10 часов 20 минут два геликоптера, которые должны были доставить восемь федаинов и девять заложников в аэропорт в Фюрстенфелдбрюке, поднялись в воздух с зеленой, поросшей травой площадки около Олимпийской деревни. К геликоптерам пассажиры были доставлены на маленьком автобусе „фольксваген".

Несмотря на то что западногерманское правительство с полного одобрения Израиля уже приняло решение не допустить отправки самолета с заложниками в Каир, оно не предприняло попытки напасть на автобус, следующий к геликоптерам. Можно предположить (хотя задним числом делать это всегда легко), что таким образом была упущена наилучшая возможность для спасения спортсменов.

Далее события в аэропорту, расположенном в пятнадцати милях от центра Мюнхена, развернулись с невероятной быстротой. Геликоптеры приземлились приблизительно в 10 часов 35 минут. В одном из них находились четверо израильских заложников, в другом — пятеро. Геликоптер оказался примерно в сотне ярдов от Боинга-727, будто бы предназначенного для отправки федаинов и заложников в Каир. Четверо федаинов покинули геликоптеры, чтобы осмотреть самолет. В течение следующих пяти минут пятеро немецких снайперов, находящихся на большом расстоянии от террористов, открыли по ним огонь. Несколько федаином были ранены, остальные открыли ответный огонь. Четверо немцев, чле-

нов экипажей геликоптеров, попытались бежать. Двоим это удалось. Двое других попали под перекрестный огонь и были тяжело ранены. Израильтяне сидели в геликоптерах крепко связанные и с повязками на глазах. Они были бессильны что-либо предпринять.

По какой-то причине федаины не убили их сразу. Может быть, они чувствовали, что их последняя карта в этом случае была бы бита. Возможно, они были слишком заняты перестрелкой, да и от пуль приходилось укрываться. Не исключено даже, что они испытывали некоторое чувство отвращения к убийству совершенно беззащитных людей — подобное чувство, случалось, останавливало руку самых отъявленных негодяев. Однако на предложение западногерманских властей сдаться, террористы ответили отказом, хотя не могли не отдавать себе отчета в том, что это могло бы спасти им жизнь.

Перестрелка продолжалась час с четвертью. Около полуночи немцы под прикрытием шести бронированных машин бросили на террористов отряд пехотинцев. Снайперские пули из-за темноты и большого расстояния не могли настичь прятавшихся под геликоптерами арабов. Кроме того, снайперы, стреляя, боялись попасть в заложников.

Как только началась атака, один из террористов бросил ручную гранату в геликоптер с пятью израильтянами на борту. Через секунду геликоптер превратился в огненный шар. В считанные секунды двое других террористов расстреляли четверых заложников во втором геликоптере.

Впоследствии выяснилось, что, начнись атака на террористов несколькими минутами позднее, у Зеева Фридмана, Якова Спрингера, Элиазара Халфина и Иосифа Гутфрейнда был шанс на спасение. Четверым израильтянам удалось заметно ослабить толстые веревки, которыми они были привязаны к сиденьям. На веревках были обнаружены следы зубов. Освободившись, израильтяне захватили бы врасплох двоих террористов, находящихся снаружи, и скорее всего им удалось бы отнять у них оружие.

Что касается Амицура Шапиро, Давида-Марка Бергера, Андре Шпитцера, Марка Славина и Кехата Шора, находившихся в первом геликоптере, то они заживо сгорели и тела их были обезображены до неузнаваемости.

Двое остававшихся в живых террористов продолжали борьбу. В течение последних пятнадцати минут полицией и пехотинцами был убит один из них, по имени Исафи, или Исса, бросивший гранату в геликоптер. Примерно в это же время немцы захватили тяжело раненного террориста Бадрана. Чуть позже захвачены были и еще двое — эль-Денави и Самир Талафик, притворившиеся мертвыми.

Последним был гибкий, жилистый, курящий сигарету за сигаретой террорист, по имени Тони. Сам он называл себя Геварой.

Этот „Гевара" проявил незаурядное мужество.[3] Он продолжал стрелять и прятаться от немцев еще в течение целого часа, и ему удалось ранить в шею немецкого пехотинца. В половине второго ночи Тони наконец был загнан в угол и застрелен. Все было кончено.

На следующий день Олимпийские игры были продолжены. Советский Союз завоевал пятьдесят золотых медалей. Соединенные Штаты заняли второе место, выиграв тридцать три.

СТАНОВЛЕНИЕ АГЕНТА

АВНЕР

Что было в письме, Авнер догадался еще до того, как вскрыл коричневый конверт. Во всяком случае он знал, от кого оно и по какой причине ему послано. В подобных случаях он всегда мог полагаться на интуицию, „шестое чувство", как он это называл.

Собственно, именно интуиция и отличала его от прочих людей с обычными пятью органами чувств, которые у Авнера были вполне заурядны. Зрение, нормальное в будничной жизни, было недостаточным, чтобы обеспечить ему возможность приобрести увлекательную профессию, о которой он всегда мечтал, — стать военным летчиком — или завоевать звание чемпиона среди снайперов. Слух тоже не был особо замечательным. Не хватало ему и сноровки для того, чтобы стать настоящим механиком. И только „шестое чувство" было его особенностью.

Коричневый служебный конверт, который он держал в руке, ничем не отличался от множества других таких же конвертов, в которых отправлялись различные официальные корреспонденции. Но правительственное или армейское письмо должно было иметь соответствующую пометку на конверте — скажем, отдел такой-то. На этом же конверте никаких пометок не было. Письмо содержало не более пяти строк. Напечатано оно было на иврите. Машинка букву „М" не пропечатывала. В письме говорилось, что в том случае, если Авнер заинтересован в получении работы, он может встретиться с автором письма „на углу улиц Фришмана и Дизенгофа в Тель-Авиве". Были также указаны время, название кафе и номер телефона, по которому Авнер может позвонить, если предложение его не заинтересует или назначенное время не устроит. Внизу стояла подпись: „Искренне ваш — оше Иоханан". Это имя Авнеру ничего не говорило.

Описанные события происходили в начале мая 1969 года. Авнеру было двадцать два года, он был молод и здоров. Сабра, уроженец Израиля, он только что закончил службу в армии в особой части. Как и все остальные, он принимал участие в Шестидневной войне и имел звание младшего лейтенанта в отставке, присвоенное всем, кто служил в отрядах коммандос.

„Чудесно", — сказал он сам себе и отправился наверх принимать душ. Это было его привычкой — принимать душ в середине дня, а также подбадривать себя этим словечком „чудесно", произнося его по-английски.

Попробуем задаться таким вопросом: много ли в армии молодых людей, которые не поленятся сконструировать переносной душ, использовав при этом пустую корзину из-под апельсинов и старый ковш? Многим ли будет не лень таскать за собой это сооружение во время маневров в пустыне, вызывая веселый восторг окружающих? При этом всякий раз, решив воспользоваться душем, его владелец еще должен будет отыскать цистерну с водой и прикрепить к ней свое изобретение. Кроме душа, у Авнера имелась еще одна коробка из-под апельсинов с аккуратно выдолбленным в середине отверстием — это было не что иное, как переносной унитаз. И все это не где-нибудь, а в пустыне Негев!

Но ему казалось это естественным. Он не намерен был елозить, как обезьяна, по песку и не собирался допускать, чтобы насекомые ползали по нему.

Однако не стоит думать, что для Авнера чистоплотность была превыше всего. Просто он был опрятным человеком и нисколько этого не стыдился. В день демобилизации он был единственным в своем подразделении солдатом, который сдал свой вещевой мешок со всем содержимым в таком же безупречном виде, в каком получил его четыре года назад. Что здесь особенного?

Разумеется, в этом рассказе явно что-то приукрашено. Сомнения в этом нет. Однако дело в том, что все, что касалось Авнера, всегда казалось несколько преувеличенным.

Известно о нем было и еще кое-что. До настоящего времени Авнер никогда не бывал в Соединенных Штатах. Но его мать утверждала, что первое произнесенное им слово, было не „мама" или „папа", а „Америка". Возможно, это было придумано, но звучало правдоподобно. Соответствовало Авнеру. Когда он подрос и начал бегать по пустынным, обожженным солнцем улицам Реховота, стремясь во что бы то ни стало попасть на дневной сеанс в кино, Америка полностью завладела его воображением. Лана Турнер, Джон Уэйн, Рита Хэйворт...

Там же, в кино, он усвоил первые слова на английском, вернее, на „американском" языке. Это был язык, на котором он, как и многие в Израиле, разговаривал с большим увлечением, хоть и не всегда правильно. Английский в школе был совсем другим. „По-американски" в кино говорили так, что язык можно было ощутить, попробовать на вкус. Этот язык мог стать твоим собственным, и ты сам при этом становился другим. „О'кей, мистер", „говорят из ФБР" — в этом что-то было...

Нельзя сказать, что Авнер так уж часто обо всем этом думал, Да и кто будет пытаться понять, какую роль все эти детские фан-

тазии играют в те моменты, когда уже взрослый молодой человек должен принять важнейшие в своей жизни решения? Он только что расстался с армией. Его всячески уговаривали остаться. Упрашивали. Нет. Четыре года — он считал этот срок достаточным. Но что же дальше? Найти работу? Жениться на Шошане? Быть может, пойти учиться в университет?

Авнер вышел из душа — чистый, прохладный, загорелый. Перед тем как набросить полотенце, он кинул быстрый взгляд на свое отражение в зеркале.

Авнер был похож на отца. Для полного сходства он должен был бы быть несколько крупнее и более светлой масти. Отец, правда, изменился невообразимо после всего того, что ему пришлось пережить. Волосы поседели, мускулы обросли жиром. Что касается настроения, то всякое бывает — и плохие дни и хорошие.

Этот коричневый конверт на табурете в ванной комнате, несомненно, как-то связан с отцом. Не непосредственно — в этом Авнер был уверен. Отец никогда не стал бы разговаривать с *ними* об Авнере. Наоборот, он бы остановил их, если бы мог. „Моего сына я вам не отдам", — сказал бы он. „Через мой труп..."

Но Авнер вовсе и не собирался говорить с отцом о письме. Он и сам может сказать им „нет". Точно так же, как он это проделал, когда к нему обратились несколько месяцев назад люди из Амана.[1] „Если вы хотите числиться в активе армии, — сказали ему тогда, — что вы думаете по поводу работы в военной разведке?" — „Нет, благодарю вас", — ответил он.

И этому, как его там, -оше, что подписал письмо в коричневом конверте, он тоже скажет „нет". Но отчего не встретиться с ним? Он ведь все равно собирался в понедельник поехать в Тель-Авив и увидеться с Шошаной. Почему же не взглянуть на *них* и не выслушать? Вреда от этого во всяком случае не будет.

Его заявление о приеме на работу вот уже два месяца находилось в авиакомпании „Эль-Ал". Все утверждали, что попасть туда невозможно, но ему удалось протолкнуть свои документы через тетку, которая была знакома с кем-то, у кого в свою очередь был близкий друг в управлении компании. Конечно, он не мог рассчитывать на место в экипаже самолета. Ему ни за что не пройти всех испытаний по разным наукам. Помимо этого, экипажи набирались обычно из состава военно-воздушных сил. Тем не менее, работая в системе „Эль-Ала", ты все же обслуживаешь эту компанию. Даже если ты всего лишь официант или клерк. Можно надеяться, что сможешь попутешествовать или просто ненадолго еще раз выехать из Израиля, чтобы повидать этот волнующий мир за его пределами, или — как знать? — может, удастся встретиться с друзьями по армии, которые ушли работать в авиацию. Возможно, они уже летают. Когда-нибудь они позволят Авнеру посадить самолет или хотя бы поднять его в воздух.

Сидя на крышке унитаза, закутанный в полотенце Авнер безупречно посадил „Боинг-707", плавно заскользивший по полосе. Огромные колеса самолета приближались к взлетной полосе точно пара крыльев. Ничего удивительного. Он отрабатывал эти „сендвичи" в ванной комнате с десятилетнего возраста.

Авнер отрулил „боинг" в ангар, почистил зубы и надел рубашку. Матери дома нет, Шошана в Тель-Авиве. Что если добраться автобусом от Реховота, зайти к отцу и попросить у него его старенький „ситроен"? Денег на автобус у него хватит. По субботам деньги в Израиле особого смысла не имеют. Все развлекательные заведения закрыты наглухо. Если, конечно, вы не готовы есть в ресторане только сандвичи.

Но в понедельник было неплохо покататься на „ситроене", несмотря на то что это самая старенькая в Израиле машина. Можно будет заехать за Шошаной, и это избавит их обоих от необходимости ловить попутные машины. Шошану, правда, это не смущает. Стройная блондинка с волосами цвета меда и бледным, узким аристократическим лицом, точно высеченным древним египетским мастером, Шошана выглядела по-королевски. А на самом деле она — чистейшая сабра. И характер у нее был ясный, без тени порочности. В первое их свидание, когда Авнер пришел в дом к ее родителям, он, смутившись, сказал что-то невразумительное. Они познакомились за день до этого, вечером, в доме общих друзей, и он не запомнил ее имени...

Дверь открыла ее маленькая кузина: „Да?" — „Видишь ли... Принцесса дома?" Девочка не поняла, кого Авнер имел в виду, и собиралась захлопнуть перед ним дверь. К счастью, в это время Шошана спустилась с лестницы. А ведь Авнер мог бы и не набраться смелости постучать в дверь вторично. Она предполагала, что они пойдут в кино, но ему надо было в ту же ночь возвратиться в свою часть. Он только что был зачислен в армию и не собирался начинать службу с нарушения дисциплины, даже ради „принцессы".

— Ты должен сегодня же вернуться? — спросила Шошана. — Все остальные мальчики возвращаются в воскресенье.

— Что поделаешь, я должен вернуться сегодня.

— О'кей, давай тогда погуляем.

Они отправились бродить по городу. Ей еще и восемнадцати тогда не было, но она понимала, что больше никаких вопросов задавать не следует. В Израиле всегда так. Если это армия, то — никаких вопросов. Она и не задавала их. Ни разу.

Так было всегда, с самой первой встречи. Прогулка, кино... В среднем один раз в месяц, когда ему удавалось получить несколько дней отпуска. Скажем, — десять раз в год. За четыре года сорок встреч. Двадцать прогулок, двадцать кинофильмов. А потом в пятницу на попутных машинах (на обратном пути в

в часть (он приезжал в Реховот к матери — в одиннадцать, а иногда и за полночь. „Привет, мама, я дома" — и тут же автомат „Узи" к стенке, а сам — в постель. После того, как аккуратно развесит свою одежду.

Но вот сейчас, когда прошло почти три года, надо было думать о будущем. Для большинства его друзей оно было простым и понятным. Это будущее он мог начать строить хоть за этим углом, жарким и пыльным, где он сейчас стоял, ожидая прибытия старенького, дребезжащего автобуса. Дядя Шошаны дал бы им денег взаймы, чтобы построить дом здесь, на пустующем участке. Чего проще? Дружба между ними прошла испытание временем, или во всяком случае испытание длиной в двадцать прогулок и двадцать сеансов в кино. Скоро Шошана получит диплом учителя. Ну, а он? Он уже имел за плечами службу в армии. Очень много счастливых браков на земле строилось и на более зыбкой почве.

Правда, Франкфурта, этого великолепного Франкфурта, у них позади не было. Не было в их прошлом этого чудесного города.

Но Франкфурт лишь осложнял жизнь Авнера. У Шошаны, чистопородной сабры в четвертом поколении, предки были тоже европейского происхождения. Но для нее это ничего не значило. Она ни разу за двадцать один год своей жизни не слышала запахов чистых, темных, сказочных лесов, омытых дождями. Слово „снег" было для нее пустым звуком, чем-то, что какие-то счастливчики видели в течение нескольких часов в особо холодную зиму на холмах в окрестностях Иерусалима. Она же снега не видела никогда, точно так же как никогда не видела домов, которым больше двадцати лет. За исключением, разумеется, тех, которым было более двух тысяч лет. У Авнера все было по-другому.

То, что с ним произошло в 1959 году (ему тогда было около двенадцати лет), было захватывающе прекрасно и волнующе. Описать это словами трудно. То была реальность, производившая впечатление значительно более сильное, чем, скажем, Джон Уэйн. Когда его родители решали вопрос о поездке всей семьей — с ним и с его младшим братом Бером — к дедушке во Франкфурт, они вряд ли могли предвидеть реакцию Авнера.

Что с того, что Авнер был европейцем по своему мироощущению. По рождению он — сабра, дитя Ближнего Востока, — первый драгоценный плод, выросший в стране, которая приютила изгнанников со всех четырех континентов. Почему он не ощущал Палестину своим домом? Если его родители испытывали легкие приступы ностальгии, возникавшие от некоторой эстетической что ли неудовлетворенности Ближним Востоком, от чуждых им запахов, от каких-то мимолетных воспоминаний о своем прошлом, — это можно было понять. Но почему все это испытывал он? Дети, родившиеся в Израиле, ничего этого не знают. Но Авнер был мало похож на них.

Все началось с обычных, казалось бы, каникул. И задумано было для него, хотя именно его эта поездка тогда не интересовала вовсе. Вот если бы в Америку! Германия не будила его воображения. Даже наоборот. Разве не в Германии нацисты убивали евреев? Почему дед, которого Авнер никогда не видел, хочет, чтобы они приехали к нему?

К величайшему своему изумлению, этим летом 1959 года он нашел во Франкфурте все, что любил в жизни. Более того, он нашел еще многое, чего не знал и только поэтому не мог любить раньше. Все, что он видел, казалось волшебством, сказочным подарком. Позднее, после возвращения в Израиль, он пытался описать Франкфурт, рассказывая о нем своим друзьям, но ничего из этого не получилось. Франкфурт был мечтой, чудом. И слова здесь не могли помочь.

С чего же начать?.. Представьте себе город куда больший, чем Тель-Авив, город, в котором очень чисто, где люди на улицах не толкают друг друга. И тем не менее все там кажется громадным и все заняты делом. На улицах, которые освещаются ярким светом неоновых ламп, тысячи машин. Авнер никогда не видел такого количества машин сразу. Почти, как в Америке. И нигде не видно незаконченных построек, битого кирпича, навороченных курганов земли, незасыпанных канав с положенными поперек досками.

А потом случилось невероятное. Не прошло и недели с их приезда во Франкфурт, как дед подарил ему транзистор. Авнер, разумеется, знал об их существовании, он даже видел их рекламу в американском журнале, но представить себе, что ему, Авнеру, вот так, просто, как будто это какое-нибудь яблоко, подарят транзистор, — он не мог. В Израиле на такой подарок мог рассчитывать разве что Бен-Гурион.

Но все-таки самым большим чудом Франкфурта был воздух.

Когда многие годы спустя Авнер вспоминал Франкфурт, он всегда с особым значением произносил это слово. Он не имел в виду климат. Израильский климат нравился Авнеру — много солнца, голубое небо. Он любил пляжи в Ашдоде, хотя плавать научился только в армии. Само собой, он предпочитал тепло холоду. Так что не в климате было дело.

Воздух во Франкфурте казался Авнеру живительным, чистым и здоровым. Он действовал успокаивающе. Может быть, в этом воздухе просто не было чего-то гнетущего, подавляющего, не было угрозы, которая всегда носилась в воздухе Израиля. И сырым он не был, этот воздух. Позднее он обнаружил, что так было не только во Франкфурте. Так было и в других городах на севере Европы — в Амстердаме, в Париже, в Лондоне. И в Америке.

— Ты рад, что мы здесь? — спросил его отец примерно через неделю после приезда. — Нравится тебе Франкфурт?

— Очень.

Отец рассмеялся, но мать, как ему показалось, восприняла это иначе.

Однажды, без всякого предупреждения и более жестко, чем обычно, она сказала Авнеру:

— Не забывай, что все эти люди, которых ты видишь здесь на улицах и которые тебе так нравятся, пытались убить семью твоего отца и мою семью.

— Оставь это, — сказал отец.

— Я просто хочу предупредить его.

Но предупреждать Авнера было не нужно. В Реховоте, в школе, где он учился, и дня не проходило без урока о Катастрофе. Во всяком случае так ему казалось. И все же он любил Франкфурт, так же как впоследствии полюбил и другие европейские города.

В день их предполагаемого отъезда в Израиль произошло нечто, что показалось Авнеру знамением судьбы. Ничтожное само по себе, это событие сыграло, можно сказать, решающую роль в его жизни.

Весы в ванной... Если бы не они, Авнер не прожил бы еще девять месяцев во Франкфурте, не пошел бы там в школу, не научился бы свободно говорить по-немецки, наконец, не подружился бы с Андреасом, мальчиком из богатой семьи. Вся его жизнь пошла бы по-другому.

В тот памятный день они услышали глухой стук в ванной. Вбежав туда, они увидели дедушку сидящим на полу. Голова его тряслась. От боли и неожиданности он шипел, как змея. Дед упал с весов и сломал себе лодыжку. Было ясно, что они не могут уехать, оставив старика без ухода. Родители отложили отъезд, решив, что дети в этом году будут учиться во Франкфурте. Уезжать до тех пор, пока дед не поправится, было нельзя.

Как это ни странно, но труднее всего принять это решение оказалось для матери Авнера, хотя дед был ее отцом. Отец, напротив, казался довольным. У Авнера даже мелькнула мысль, что отец был бы не прочь остаться во Франкфурте навсегда. Что касается самого Авнера, то он был в состоянии экстаза.

— Мы могли бы и вообще остаться здесь, — услышал как-то Авнер слова отца, сказанные матери.

Теперь они жили в своей квартире, а не у деда, но в доме неподалеку от него. Уже более месяца Авнер посещал немецкую школу.

— Ты сошел с ума! — закричала мать.

— Почему? — Отец искренне удивился. — Я все равно разъезжаю, а ты с детьми...

— Я и обсуждать это не хочу, — резко ответила мать.

И действительно этого вопроса она никогда больше не касалась. По мнению матери, отъезд из Израиля — даже временный — был прямо-таки смертным грехом. Создавать семью, воспиты-

вать детей вне Израиля? Нет, этого она не могла. К тому же, где ей предлагалось все это делать? В Германии? Право, это было, с ее точки зрения, какой-то нелепостью.

Веселая, с хорошим чувством юмора, умевшая переносить будни с шуткой на устах (Авнер унаследовал от нее это свойство), в своем патриотизме мать обнаруживала полную серьезность, даже угрюмость. Едва только разговор касался Израиля, лицо ее теряло присущую ему живость, каменело, а в глазах появлялся фанатический блеск. Израиль был для нее чем-то большим, чем просто ее страной, он был для нее какой-то высшей субстанцией, где не было места обычным понятиям о добре и зле.

Это восхищало Авнера.

В отношении к Израилю отец был до странности непохож на мать. Был ли он патриотом Израиля? Кто знает? Как только заходил разговор об этом, он отшучивался и пожимал плечами. Лишь много лет спустя Авнер узнал, как велика была преданность отца своей стране.

Но в то время, о котором идет речь, Авнер и понятия не имел, чем, собственно, занимается его отец. Он знал, что у него есть какой-то экспортно-импортный бизнес, но отец никогда не ходил на работу к определенному часу и никогда не возвращался с работы в определенный час, как это делали большинство известных Авнеру людей. Отец часто находился в разъездах, иногда отсутствовал месяцами.

Но в тот год, который он прожили во Франкфурте, отец никуда не уезжал. И это тоже делало жизнь в Германии более привлекательной, чем в Израиле. Работа его, как мог видеть Авнер, часто была связана с деловыми встречами. Эти встречи происходили в ресторанах и кафе, а иногда и просто на перекрестке. Бывало, что отец брал с собой Авнера. Они не спеша приезжали в нижний город из тихого пригорода Эшерсгайм, затем объезжали Кайзерштрассе или Гете-плац и ездили так до тех пор, пока не замечали человека, с которым у отца было свидание. Запарковавшись и оставив Авнера у машины, отец направлялся к нему. Как правило, эти встречи были короткими и через несколько минут отец возвращался к машине. Иногда он передавал своему собеседнику какой-то конверт. Авнер заметил, что каждый раз при этом, прежде чем спрятать конверт, человек нервно оглядывался. Авнер привык к этому и уже с интересом наблюдал, будет ли беседовавший с отцом человек вести себя так, как другие, или нет. Вскоре он обнаружил, что люди, с которыми они встречались, были разными, но поведение у всех было одинаковым. Авнеру показалось это даже забавным.

Однажды он решился задать вопрос.

— Папа, кто это был?

— Неважно. Это деловое свидание. Послушай, еще только три часа, хочешь в кино?

Они смотрели фильм Хичкока или какой-нибудь вестерн. Оба предпочитали американские фильмы. Это были блаженные дни, но, к сожалению, они выпадали нечасто.

Авнера удивляло, что его отец-бизнесмен не был состоятельным человеком. Бизнесмены — ведь это богатые люди, рассуждал он. Разве не так? В Реховоте то, что его отец не был богат, никого не смущало — там никто не был богат. Во всяком случае никто из тех, кого Авнер знал. В их семье не было машины, но не было ее и в других семьях. Во Франкфурте они ее купили, но здесь это было обычным явлением. А у некоторых, как, например, у отца его ближайшего друга Андреаса, их было даже три. Разговоры о деньгах Авнер впервые услышал только в Германии. Если он, случалось, показывал отцу на игрушку или еще на что-нибудь, что было выставлено в витрине магазина и что ему так хотелось иметь, отец, сдерживая раздражение, говорил:

— Извини, сын, но мне это не по карману. Может быть, ты сможешь когда-нибудь сам заработать достаточно, чтобы покупать все, что тебе захочется.

Однако это были лишь маленькие облачка на чистейшем небосклоне. Авнер жил во Франкфурте полной жизнью.

Была зима. После школы он отправлялся на Сидлунг Хохенблик покататься на санях или садился в красный трамвай, чтобы проехаться по Эшенсгеймер Ландштрассе до американского магазина для военных на углу Адиксаллее. Еще одной привлекательной особенностью города была штаб-квартира НАТО, которая, на взгляд Авнера, придавал Франкфурту сходство с Америкой. Американские служащие и их семьи размещались неподалеку, как раз на другой стороне Хюгельштрассе, в районе, который назывался Гиннхэйм. Американские машины, клубы, радиопрограммы, рестораны и фильмы очень занимали воображение Авнера. И особенно вкусными казались американская жареная картошка и сосиска, положенная вовнутрь надрезанной булочки — так называемый „хот дог".

Во Франкфурте он познакомился и с американцами. Многие из детей военных учились в его школе.

Интересна история о том, как он завел себе американскую подружку. Ее звали Дорис. Это была хорошенькая блондинка, пользовавшаяся большим успехом у мальчиков. Она была уже достаточно взрослой девочкой — четырнадцать лет, тогда как Авнеру еще и двенадцати не было.

Друг Авнера Андреас утверждал, что Авнеру никогда не удастся обратить ее внимание на себя. Оказалось, однако, что Андреас ошибся. Он не учел врожденного упорства Авнера, который никогда, даже в детстве, со словом „нет" примириться не мог. Собственно, вероятно, именно это постоянное, неуклонное, твердое и уверенное упорство, с которым он ухаживал за девочками,

и привлекало их к нему. К тому же Авнер был красивым и ловким, казался старше своих лет и говорил по-английски лучше, чем большинство его немецких сверстников. Одним словом, ухаживания за Дорис кончились тем, что белокурая американка согласилась сесть в его сани. Авнер был в упоении. Когда они летели с крутой горы вниз к подножию Людвиг-Тикштрассе он ощущал мягкое прикосновение ее груди к своей спине. Однако прогулка эта кончилась плачевно. Сани врезались прямо в кусты. Дорис сильно поцарапалась и наотрез отказалась встречаться с Авнером. Его это, правда, не слишком огорчило. Ну и что? Он ведь знал уже, что может произвести на нее впечатление. Это было для него хорошей проверкой своих сил.

Тель-авивский автобус с шумом остановился, заскрежетав тормозами и подняв облако горячей пыли. Авнер сел в автобус. Боже, куда она скрылась — та франкфуртская зима? Что сталось с белокурой Дорис? Или с Андреасом, самым близким в то время его другом, мальчиком из зажиточной немецкой семьи, таким вежливым, таким воспитанным? Он искренне тогда им восхищался. Но с переездом в Израиль их связь оборвалась. Они обменялись, правда, несколькими письмами, открытками к праздникам, но на том все и кончилось. Впрочем, поддерживать эту переписку, живя в кибуце, было бы нелегко. А именно в кибуце пришлось ему жить после возвращения из Германии.

В 1961 году, когда они вернулись в Израиль, мать устроила все в соответствии со своими желаниями. Это удалось ей с такой легкостью, думал Авнер, потому что в это время отец исчез из их жизни. Это произошло не сразу. Он возвратился вместе с ними, даже прожил несколько месяцев в Реховоте, но затем уехал по делам своего экспортно-импортного бизнеса, и на этот раз не вернулся ни через месяц, ни через два.

Авнер не знал, что отец не вернется. Не знал этого и сам отец. Было только известно, что он уезжает надолго.

— Я ничего не могу поделать, — сказал он матери. — Я должен уехать и, может быть, даже на несколько лет.

— Куда? — спросил Авнер, слышавший этот разговор.

— И не спрашивай даже.

— Авнер, — сказала мать, — у меня для тебя есть хорошие новости. Мы с отцом использовали свои связи, поговорили с некоторыми людьми... Знаешь, тут неподалеку есть замечательный кибуц. Тебя согласны туда принять.

— Что?! — Авнер не верил своим ушам.

— Тебя примут в кибуц. И ты будешь ходить там в школу. Со следующего месяца.

— Если, конечно, ты этого хочешь, — добавил отец, взглянув на сына.

— Как ты можешь такое говорить?! — воскликнула мать, прежде чем Авнер успел открыть рот. — Ну, конечно, он хочет. Это же кибуц — самое замечательное во всем мире место для мальчика. И, кроме того, я не могу справиться одна с двумя детьми.

— Ну как? — спросил отец.

Авнер был потрясен. Он никак не мог поверить, что все это всерьез. Дело было даже не в кибуце, а в самом факте — они хотели, чтобы он уехал из дома. Как бы он ни хотел жить во Франкфурте, но оставаться там одному, без родителей и брата, он бы не смог. Но теперь, мало того, что они вернулись в этот унылый сырой Реховот, его к тому же хотели отослать из дома. Почему? Неужто собственная мать его ненавидит?

Пусть так. Но он не доставит ей удовольствия, обнаружив, как ему в этот момент горько.

— Хорошо, — ответил он, глядя в пол. — Я не возражаю.

— Прекрасно, — удовлетворенно кивнула головой мать. — Значит, все решено.

Этот эпизод навсегда наложил отпечаток на отношение Авнера к матери. Тяжелое чувство осталось даже после того, как он преодолел ужас сознания, что он должен покинуть дом и понял, что мать не хотела его обидеть, а действовала так, будучи абсолютно убеждена, что пребывание в кибуце пойдет ему на пользу. „Шестое чувство" помогло ему поверить в искренность материнских намерений. Он понял ее увлечение самой идеей создания кибуцев.[2] Но как могла она так ошибаться на его счет?

Может быть, он все же сможет убедить ее в том, что она неправа. Что если он прикинется довольным, — нет, не просто довольным, а на самом деле отдастся всей душой этому делу, будет работать больше и упорнее, чем все остальные мальчики — настоящие кибуцники? Тогда они его признают, они вынуждены будут сообщить его матери, что он замечательный мальчик. И вот тут-то она приедет к нему и будет просить у него прощения. И уговаривать вернуться домой, в Реховот.

План был хорош. Но по мере того как автобус тащился по пыльной жаркой дороге, приближаясь к Гедере, энтузиазм его заметно убывал. Бедный этот маленький городок был только остановкой в пути. Предстояло проехать еще не менее часа по немощеным извилистым дорогам вокруг невысоких холмов, мимо хлопковых полей и апельсиновых рощ к сверкающему вдали горизонту, усеянному точками пыльных эвкалиптов. Тридцати четырехградусная жара, казалось, висела в воздухе. То и дело на глаза попадались пастбища с тощими коровами. Но на картинках в школьных учебниках коровы были упитанными и лениво-мирными. Такими же упитанными, как и на лугах Германии.

Авнеру пришлось признать, что кибуц — отличное место. Однако гнетущее чувство не проходило. И это несмотря на то, что

его встретили крепкими рукопожатиями, а в огромной столовой он был поражен количеством тележек с различной едой — яйцами, булочками, свежими овощами. И спальни ему понравились — безукоризненно чистые, на три-четыре человека, где мальчики и девочки спали вперемешку. Все это было прекрасно. Его уважение к тем, кто всем этим заправлял, явно выросло. Но они чувствовали себя здесь как дома, а он оставался чужим. Это чувство появилось сразу же — от одного взгляда кибуцников на его мокасины, купленные матерью во Франкфурте. Все остальные мальчики носили рабочие ботинки. Мать должна была это предусмотреть.

Если человек вынужден жить в чуждой ему среде и понимает это, у него есть три возможности. Уйти в себя, попытаться обособиться и мстить или стать отщепенцем. Авнер перепробовал все три возможности, часто в течение одного дня.

Уходить в себя было самым легким. Это было не так очевидно для окружающих, но ощущалось как какая-то внутренняя немота, завеса, которая позволяла разыгрываться самой буйной фантазии на тонкой прослойке, называемой реальной жизнью. В шесть часов утра, когда раздавался трубный звук рога, укрепленного на мачте (он был снят со старой британской канонерки), Джон Уэйн просыпался вместе со всеми, хотя никто не знал, что он был среди них. Быстро приняв душ, он засовывал кольт 38-го калибра в кобуру и выпивал порцию фруктового сока в столовой. Перед завтраком во время уроков (между которыми была лишь одна перемена) он благодушно посматривал через окно на работающих на дальних полях людей. Они были в безопасности. Полковник Уэйн был готов отразить неожиданную атаку иорданцев с востока. По его команде, из подземных шахт, позади хлева, выползали танки, которые, однако, не шли во фронтальную атаку, как того ожидали иорданцы, а осуществляли фланговый маневр, двигаясь в хлопковые поля. Кусты раздвигались по команде, осуществленной нажатием кнопки, и за ними обнаруживалась стальная сетка временной дорожной полосы. Вдоль нее двигались огромные танки, из которых выдвигались крылья бомбардировщиков, готовых с воем взмыть в воздух.

Герой и защитник своего народа, самый искусный на Ближнем Востоке стрелок, в два часа дня он занимал свое место на консервной фабрике и начинал стричь курам когти. В четыре часа он покидал фабрику уже в роли бандита Авнера — скверного мальчишки, который не скрывает своих чувств по отношению к законам и порядкам, установленным оккупантами. Он и его банда — Ицек, Иоханан и Тувиа (из йеменитов) — занимались саботажем, как только представлялась возможность.

Взгляните на Моше (из „мужиков"), взгляните, как он ввинчивает новые лампочки во дворе. Как он дотянется до них? Эти

русские иммигранты очень изобретательны. Нет, вы только посмотрите на него! Неважно, что стремянка коротковата, — он привязывает старого мерина к фургону с отбросами и прислоняет к нему стремянку. Что, если лошадь... Нет, этот старый мерин и не пошевельнется. Ничего, задвигается, если ткнуть его в основание хвоста нагретым куском проволоки.

Как это ни удивительно, но проделки Авнера и его банды ни разу не кончились трагически. Даже тогда, когда Авнер „по ошибке" притащил в класс улей, или когда они пригнали в столовую быка, взятого кибуцем напрокат, или, когда заперли Моше в холодильнике на полдня. Более того, в течение всех четырех лет, проведенных в кибуце, их ни разу не поймали.

Почему-то возмездие настигало его, когда он из Авнера-бандита превращался в Авнера — примерного кибуцника. Допустим, он пытался записаться в число волонтеров, желающих работать по субботам, — скажем, помогать соседнему кибуцу в сборе урожая. А ему в этом при всех отказывали. „Что вы, мистер Мокасин? Что вам там делать? Только порежете серпом себе пальчики. Нельзя подвергать нашу репутацию такому испытанию. Если вы так жаждете поработать, отстригите побольше когтей у кур..."

Авнер — Джон Уэйн мог побить иорданцев, а Авнер-бандит — ускользнуть от преследования. Но Авнер-кибуцник ничего примечательного никогда не совершил. Объяснялось это просто — по природе своей он не был фермером, не был сельским жителем. Возможно, он уступал другим мальчикам в проворстве и физическом развитии. Мальчики, выросшие вдали от больших городов, были подвижнее и крепче его. Но что из того? Зато у него было кое-что другое. Он был более изобретателен. Он владел языками — немецким и английским. Он кое-что повидал в жизни, общался с американцами, путешествовал, объездил полмира. А в жизни этих кибуцников, которые отталкивали его, и поездка на ослике в городишко Бней Реем была крупным событием.

Ему казалось, что он должен вызывать у них восхищение. В школе во Франкфурте для него не составляло это труда. Справился он с этой задачей даже, когда дело коснулось девочек. Но в кибуце почему-то это не получалось.

Он привез в кибуц свой транзистор. Благодаря ему он оказался в центре внимания. Все ребята собирались вокруг радиоприемника. Но кто-то из руководства попросил его мать забрать транзистор — ребенок в кибуце не может владеть чем-нибудь, что другим детям недоступно. На следующий день мать увезла транзистор, подаренный дедом. Тот самый.

Ребята, которые недолюбливали Авнера, называли его „еккепоц". Слово „екке" Авнер узнал, живя в кибуце, но и не живи он там, он рано или поздно все равно узнал бы его.

В Реховоте все жители Израиля были для него просто израильтянами. Конечно, он видел разницу между евреями, рожденными в Израиле, сабрами, каким он был сам, старыми поселенцами, как его родители, приехавшими в Израиль еще до провозглашения независимости, и недавними иммигрантами, которые даже не говорили на иврите, но разница эта была незначительной. Существовали в Израиле и религиозные евреи (хотя в Реховоте их число было мало), которые своим видом и поведением больше напоминали евреев гетто, евреев Катастрофы, несмотря на то что не только они сами, но и их предки — и не в одном поколении — родились в Израиле. Они носили черные кафтаны, шляпы с широкими полями и пейсы, заправленные за уши. Но о существовании особой подгруппы — „екке" — Авнер никогда раньше не слышал.

Живя в кибуце, он научился различать типы израильтян в соответствии с тем, как они сами себя определяли. Большинство ребят в кибуце принадлежали к так называемым галицийским евреям. В представлении Авнера это были вульгарные, нагловатые, невежественные евреи из восточно-европейских стран. Он же был „екке" — цивилизованный и образованный сабра, выходец из Западной Европы. Однако постепенно Авнер пришел к выводу, что принадлежность к той или иной группе определялась не столько тем, откуда родом был тот или иной человек, сколько специфическими чертами характера. Однако все же считалось, что Галиция — восточная провинция старой Австро-венгерской империи — была родиной лживых, спаянных общими корыстными интересами евреев-взяточников, принадлежащих к низшим слоям общества. Нельзя отрицать, конечно, что эти евреи были сообразительны, по-своему умны и энергичны. К тому же у них было превосходное чувство юмора — Авнер полностью отдавал себе в этом отчет. Часто эти евреи были мужественными, горячо преданными Израилю людьми. Но подозрительность и недоверчивость были для них типичны. Их духовные интересы были ничтожны, и их жизнь определяли практицизм и прагматические устремления. Они обманывали и лгали, они зачастую были прожженными жуликами. В их лексиконе обычными были выражения „своя рубашка ближе к телу" или „надо уметь снимать сливки". При этом они крепко держались друг за друга точно были членами одной семьи. Разумеется, не все они были выходцами из Галиции. Но всех, кто обладал этими качествами, было принято называть „галицийцами".

„Екке" прибыли в Израиль из Германии или других стран Центральной Европы. Однако, откуда бы они ни приехали, всех их объединяла одна особенность — они были европейцами в лучшем смысле этого слова. Они никогда не знали черты оседлости, не жили в гетто или в маленьких городках. У них не было и этого инстинкта преследуемого животного — выжить во что бы то ни

стало, который был так силен в галицийцах. „Екке" были людьми вежливыми, воспитанными и чистоплотными. Они покупали книги, слушали классическую музыку. Конечно, находились и галицийские евреи, которые читали книги и любили не только джаз, но у „екке" были свои представления о европейской цивилизации. И это было существенным. Они видели будущий Израиль как некий вариант Скандинавии для евреев — с симфоническими оркестрами, исполняющими Бетховена, с картинными галереями, где висят полотна Рембрандта.

И гражданские добродетели „екке" представляли себе иначе, чем галицийцы. В трудные времена, полагали они, на все предметы потребления должны быть введены карточки и люди выстроятся в стройную очередь, чтобы получить то, что им причитается. Они были способны выполнять или отдавать распоряжения, но не были способны изворачиваться и приспосабливаться. „Екке" были людьми методичными и пунктуальными, может быть, чуть-чуть напыщенными. В своем городе Нахарии они строили дома, располагая их аккуратными, ровными рядами. Возможно, что немецкий дух был им свойственен в большей степени, чем самим немцам.

Авнер понимал, что чувство спаянности между галицийцами, не было направлено против него лично. Просто они заботились о „своих", то есть практически о евреях из Восточной Европы, в большинстве своем из Польши и, пожалуй, из России. Это был какой-то заколдованный круг. Лучшие рабочие места и прочие преимущества доставались им. Руководство кибуцем находилось в их руках, казалось — навсегда. Если возникал вопрос о том, кого из детей послать, например, в медицинскую школу, не имели значения ни отметки, ни способности. Внешне это носило вполне демократический характер — вопрос решался голосованием на общем собрании кибуца. Но можно было не сомневаться в том, что тот, кому будут отданы голоса, окажется галицийцем.

Все эти мысли приходили Авнеру в голову еще в бытность его в кибуце. Они отражали его осознание действительности. С течением времени он все больше убеждался в правильности своих представлений. К ним ничего не добавила и служба в армии. У руля власти в Израиле стояли галицийские евреи, на долю остальных — „немцев", „датчан" и „американцев" — приходилась лишь малая доля участия в деле управления страной. Что касается выходцев из Азии и Африки, то галицийские евреи делали все от них зависящее, чтобы не допускать их на руководящие должности вовсе.

Однако поняв все это, Авнер отнюдь не сделался меланхоликом. Наоборот, он пришел к выводу, что ему придется вступить в соревнование с галицийскими евреями. На их условиях. Он станет единственным в своем роде, незаменимым и в конце концов

окажется наверху. Он превзойдет и галицийцев, и кибуцников — любого из соперников... Как бы изобретательны, сильны и неразборчивы в средствах они ни были. Он выиграет.

Может быть, он пойдет по стопам отца.

Все же и в Израиле посторонний мог рассчитывать на признание. Даже „екке-поц", чужак, чувствовавший себя дома лишь во Франкфурте. Надо было стать героем, настоящим героем — как Меир Хар-Цион.[3]

Это было примерно в 1964 году, в последний год его пребывания в кибуце. Именно тогда Авнер узнал, что его отец был секретным агентом. Никто этого ему прямо не сказал. Даже если бы об этом зашел разговор, никто не произнес бы слова „агент". Мать бы выразилась как-нибудь так: „Твой отец работает на правительство". Люди посторонние сказали бы что-нибудь вроде: „О, вы знаете, он делает что-то для Мосада", — и при этом скорее всего понизили бы голос.

В переводе с иврита это слово означает просто „институт". Может быть, биохимический, научно-исследовательский институт или институт транспорта, изучающий безопасность движения, или еще какой-то. Но само по себе слово „Мосад" для израильтян однозначно. Это сверхсекретная, относительно небольшая и всеми уважаемая организация, существование которой считается жизненно необходимым для безопасности Израиля.

Среди мальчиков, родители которых в подавляющем большинстве работали в кибуце, были один-два, чьи отцы занимали высокие посты в армии, и один, чей отец был членом Кнессета. Был также мальчик, отец которого „что-то делал для Мосада".

Однажды, когда Авнер вместе с этим мальчиком стоял у главного входа в кибуц, к воротам подъехала машина. Отец мальчика приехал повидаться с сыном. (Вот так же, надеялся Авнер, приедет когда-нибудь и его отец.) Выйдя из машины, он обхватил сына за плечи и несколько раз дружески похлопал его по спине. Только после этого он заметил Авнера.

— Это Авнер, — представил мальчик своего друга.

— Рад познакомиться. — Ты новенький? Как зовут твоего отца?

Авнер ответил.

— Ах, вот что, — сказал отец мальчика и уже с интересом взглянул на Авнера. — Так ты его сын? Когда увидишься с отцом, передай от меня привет.

— Вы знаете моего отца? — с некоторым удивлением спросил Авнер.

— Он еще спрашивает, знаю ли я его отца! — последовал ответ.

На том разговор и кончился.

Голова у Авнера кружилась. Разумеется, из того, что этот человек, имеющий отношение к Мосаду, знает его отца, было дале-

ко до предположения, что его отец — агент. Но что-то в поведении этого человека, в искорке интереса, вспыхнувшей в его глазах, говорило: „один из наших". „Шестое чувство" подсказывало Авнеру, что так оно и есть. Этот „экспортно-импортный" бизнес, постоянные разъезды, эти встречи с разными людьми на перекрестках улиц во Франкфурте, эти настороженные взгляды... Все говорило в пользу его предположения.

Чтобы подтвердить свои догадки, Авнер решил спросить об этом у матери.

— Мама, отец шпион?

— Ты что, с ума сошел?! — воскликнула мать, оглядываясь по сторонам.

— Мама, мне не пять лет. В кибуце есть люди, которые знают отца. Ты хочешь, чтобы я спрашивал посторонних?

Авнер хорошо знал, что это было бы ужасным нарушением установленных правил поведения.

— Послушай меня, это не кино, — сказала мать. — У нас тут нет шпионов. Твой отец работает в системе „экспорт-импорт" и иногда выполняет задания правительства. Ты понял?

— Да, мама.

— Очень хорошо, — коротко закончила она разговор.

Итак, это было правдой. Авнер пришел в состояние такого возбуждения, что слышал, как бьется его сердце. Только теперь он смог простить отцу, что тот позволил матери отправить его в кибуц. Но это было не самым главным. Главным было то, что с этого момента он почувствовал себя равным не только самому что ни на есть важному кибуцнику, но и выше его. Подумать только — „екке-поц", стригущий когти курам, сравнялся с сыном руководителя кибуца!

Но говорить об этом он ни с кем не мог. Разве что с самим отцом, если бы тот когда-нибудь приехал навестить его. В течение всех этих четырех лет в кибуце, перед службой в армии, Авнер видел отца дважды, когда приезжал в Реховот на короткие каникулы и случайно заставал его дома. Отец, пробыв в Реховоте один-два дня, вновь улетал из Израиля. Этого требовали дела. Авнеру не удавалось побыть с ним наедине. Рядом всегда была суетящаяся по хозяйству мать и беспокойный малыш, его шестилетний брат.

Вот если бы отец приехал в кибуц и их было бы только двое, Авнер поговорил бы с ним. Очень жаль, что отец так ни разу и не приехал.

Сейчас, в 1969 году, он может в любое время повидать отца. Вернее, не отца, которого он знал, а того сломленного и больного человека, каким он стал. Теперь, когда Авнеру уже двадцать два, и он — младший лейтенант запаса, а за спиной у него четыре года

службы в особых частях, он может видеть отца, хотя это уже не так для него важно.

И все же важно...

Ему было жарко после поездки в автобусе из Реховота и хотелось снова принять душ. Он распахнул ворота и увидел отца на складном стуле в саду. Отец спал. Мухи облепили стакан с апельсиновым соком, который стоял подле него. Жара была несусветная. Отец еще потолстел с тех пор, как Авнер видел его в последний раз. Во сне он тяжело дышал.

— Привет, отец.

— Хм... — отец открыл глаза не сразу — сначала один, потом другой. Это была давно выработанная привычка. Авнер никогда не замечал, чтобы кто-нибудь другой так делал.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хмм...

— Скажи, тебе понадобится „ситроен" на выходные? Можно мне его взять?

— Да, конечно. Бери, пожалуйста. — Отец закашлялся, прочистил горло и выпрямился в кресле. — Который час?

Авнер взглянул на часы.

— Около трех.

— Вильма здесь?

— Не знаю. Я только что вошел и ее не видел.

Вильма была новой женой отца, той самой, на которой он женился за границей после того, как развелся с матерью. В каком-то смысле, догадывался Авнер, это было частью его „экспортно-импортного бизнеса". Но они никогда об этом не разговаривали.

Излагалась эта история так: отец женился на Вильме, и она стала помогать ему в работе. Тем не менее с легкостью можно было предположить, что все было наоборот. Но как бы то ни было, отец женился на Вильме еще до своего ареста. Когда примерно года полтора назад, сразу после окончания Шестидневной войны, его выпустили, он вернулся в Израиль вместе с нею.

Авнеру Вильма нравилась, он даже восхищался ею. Настоящая европейская дама... Она даже еврейкой не была.

— Как поживает мама? — спросил отец.

— Хорошо.

Авнер вытащил из кармана коричневый конверт и протянул его отцу. Однако независимо от того, что скажет ему отец, он хотел решить все сам.

Отец надел очки. Он читал это письмо всего в четыре строки долго, вероятно, прочел его дважды. С минуту он молчал. Было слышно, как жужжат мухи вокруг стакана с апельсиновым соком.

Наконец он сложил письмо и вернул его Авнеру.

— Ты им даже не отвечай, — сказал он.

Авнер рассердился не на его слова, а на тон, каким это было сказано.

— Почему? Ты же понимаешь, что я не могу просто игнорировать это письмо.

— Не будь дураком, — возразил отец. — Ты хочешь вынудить меня позвонить им? Они смогут заполучить тебя только через мой труп!

Авнер не мог не улыбнуться, услышав эти слова. Воображая ответ отца, он мысленно отвечал именно так.

— Если ты только им позвонишь, — я никогда больше не буду с тобой разговаривать. Предоставь, пожалуйста, мне решить все самому.

— Ты скажешь „нет"!

— Конечно, я скажу „нет". Я просто хотел показать тебе это письмо. Вот и все.

— Это ведь не шутка, — продолжал отец. — Ты можешь этого не понимать. Но это именно так. Посмотри на меня.

Авнер поднял глаза.

— Оставь это, отец, — сказал он, обнимая старика за плечи. — Не беспокойся. Поверь мне, меня они никогда не смогут до этого довести.

И много лет спустя Авнер помнил этот разговор до малейшей детали. И эту жару, и кресло, и мух, ныряющих в апельсиновый сок, но главное — выражение лица, с которым говорил с ним тогда отец. Он помнил и свою поездку в „ситроене", и Шошану, и объятия и пожатия рук, и фильм, который они смотрели, и то, что он не сказал ей ни слова о полученном письме. Он помнил и то, что на следующий день, в понедельник, отправился в кафе неподалеку от угла, где пересекались улицы Фришмана и Дизенгофа, и был там ровно в десять часов утра.

Моше Иоханан оказался невысоким человеком лет пятидесяти, одетым в белую рубашку. Он читал газету, но заметил Авнера сразу и весело указал ему на стул рядом с собой. Они обменялись крепким рукопожатием, и Авнер заказал две порции смеси лимонного и ванильного мороженого.

Господин Иоханан сразу приступил к делу.

— Что я могу вам сказать? Я еще не знаю, тот ли вы человек, который нам нужен. Это придется еще выяснить. Но если окажется, что вы нам подходите, знайте — вы нужны своей родине.

Если бы друг его тетки устроил его на любую работу в „Эль-Ал", Авнер не нажал бы кнопку звонка в квартире № 5 на втором этаже непритязательного на вид здания на улице Борохова. Моше Иоханану он бы сказал: „Забудьте обо мне. Я уезжаю домой. То, что вы можете предложить, слишком смахивает на армию".

Молодая девушка, которая открыла ему дверь, тоже смахивала на солдата хоть и была в гражданской одежде. Это можно было безошибочно уловить в точной, деловой манере, с которой она протянула Авнеру пачку документов и попросила заполнить их, указав ему на деревянный стол. Кроме нескольких, тоже деревянных, стульев, в комнате никакой другой мебели не было.

Авнер поглядел на длинный список вопросов только после того, как она скрылась за одной из дверей, на которых не было никаких надписей.

Вопрос № 36: „Имеются ли у вас какие-нибудь родственники, живущие сейчас в Советском Союзе?"

Еще не поздно. Он может встать и уйти. Не потому, что ответы на все эти бесконечные вопросы, некоторые из которых были очень личного характера, оскорбляли его независимость, — вовсе нет, подобные мысли Авнеру и в голову не приходили, а потому, что все это было скучно и, главное, предвещало скуку. Еще формы, расписание дежурств, приказы, схемы. Команды. Все отпуска отменены до особого распоряжения. Доложите в шесть ноль-ноль... Это все уже было в его жизни в последние четыре года. Не достаточно ли?

Армия никогда не тяготила Авнера тем, чем она тяготила других. Если, например, требовалось пройти маршем почти по всей территории Израиля ночью, с поклажей в пятьдесятов фунтов весом, он не возражал. Если половина претендентов на командные посты и армейские отличия теряли сознание в походе и подбирались госпитальными грузовиками, тем лучше. Авнер никогда в обмороки не падал хоть и не был в числе самых сильных. Он оставался на ногах. Он вышел на первое место в соревнованиях по прыжкам в воду с высоты, хотя плавать научился только в

армии. В конечном счете, именно он вошел в отряд коммандос, оказавшись среди примерно пятнадцати человек из ста, претендовавших на это назначение. Он имел вторые по значимости знаки отличия в вооруженных силах Израиля. Первые были у летчиков.

Во время Шестидневной войны он прошел много испытаний, выполняя опаснейшие задания. Например, погружался в воду с грузом мин. Конечно, он боялся. Только идиоты не боялись бы, а коммандос набирались не из идиотов.

Он терпеть не мог плохие душевые, в которых было не отмыться дочиста, плохую и холодную еду по субботам, которой их кормили по распоряжению военного раввина. Бюрократия была его злейшим врагом , а именно с ней были связаны бесчисленные ограничения, вводимые на все случаи жизни, которые, однако, никак не обеспечивали ни безопасности страны, ни военной эффективности. Отпуска отменялись без видимых причин (во всяком случае Авнеру они были неведомы) , задания были направлены не на совершенствование боевых навыков, а составляли сложную систему поощрений, наград или, наоборот, наказаний за провинности.

Не любил он и поездки домой на попутных машинах, когда приходилось проделывать путь туда и обратно за двенадцать часов. Стоишь на обочине дороги и теряешь драгоценное время, пока какой-нибудь штатский не подберет тебя. Может быть, такой и должна была быть жизнь солдата, даже героя, и не только в Израиле, а везде? Он не пытался это оспаривать. Он просто не хотел для себя такой жизни, во всяком случае на неопределенно долгий срок. Отдать жизнь за родину — в любой момент. Ловить попутные машины — ни в коем случае.

Авнер колебался, заполнять или нет лежащие перед ним анкеты, и еще по одной причине. Хоть он и сказал отцу: „Меня они до этого никогда не смогут довести", — но это была, скорее, бравада, чем искреннее убеждение. Авнеру вовсе не было ясно, что могут „они". Более того, в действительности он не знал, что именно сделали „они" с его отцом.

Сдержанность отца была. вероятно, просто профессиональным навыком. Тем не менее, возвратясь в Израиль, он так никогда ничего и не объяснил сыну. Он лишь пошутил, что его вторая женитьба на самом деле не была двоеженством, потому что тот, кто был женат на его матери, это вовсе не тот человек, который за границей женился на Вильме. Одного из этих двоих по закону не существовало. Да, конечно, его посадили в тюрьму за шпионаж в пользу Израиля. Во всяком случае, так были сформулированы обвинения. А на самом деле? А что он, Авнер, по этому поводу думает?

Отношения между отцом и матерью внешне оставались дружественными. Отец почти каждую неделю приезжал в свой старый

дом в Реховоте и проводил многие часы на кухне, беседуя с матерью.

— Ты теперь видишь его чаще, чем в те времена, когда вы жили вместе, — сказал ей однажды Авнер.

Она пожала плечами.

— Ты думаешь, что самое важное в жизни, это чувства? Разреши тебе заметить, что это не так.

Авнер истолковал эти слова как знак того, что мать восприняла разрыв с мужем без всякой враждебности, считая, что это ее патриотический долг. Почему было ей не пожертвовать своим положением замужней женщины, когда другие отдавали за Израиль жизнь? Она ни разу не произнесла ни одного осуждающего слова ни в адрес отца, ни в адрес Вильмы, хотя говорить о ней избегала. Из отдельных ее высказываний следовало, что Вильма была одним из испытаний, „выпавших на долю твоего бедного отца", таким же как арест и тюрьма.

Авнер понимал ее позицию, но втайне не мог не чувствовать некоторого презрения. Ему было бы понятнее, если бы она проклинала свою судьбу.

Совсем по-другому все это переживал отец. Он не скрывал, что обижен судьбой, хотя понять что-нибудь из его намеков было трудно. „Когда ты все выполнил, это конец", — часто повторял он. „Ничего для тебя не пожалеют, пока ты нужен. Ты — фигура! Но когда ты все выложил, они на тебя плюют". И прибавлял: „Если, конечно, тебе посчастливилось, и им останется, на кого плевать". Авнер, бывало, спрашивал: „Кто это „они"? Кто?"

На это отец обычно не отвечал. Но потом, после нескольких минут молчания добавлял: „Используют тебя, точно ты апельсин. Выжимают все, что можно. Досуха, а затем выбрасывают".

Хотя отец не касался деталей, все и так было понятно. Он стар. Кстати, он и старым-то еще не был. Ему было примерно пятьдесят пять лет. Но в Израиль он возвратился раздавленным. Не в связи с арестом и допросами, нет. „Все зависит от точки зрения, — объяснил он как-то Авнеру. — С одной стороны, один-два-три года тюрьмы — это очень плохо, с другой — пустяк. Я мог бы это выдержать, стоя на голове". Его настроение не было связано и со здоровьем, хотя к докторам он наведывался довольно часто. Не тревожили его и денежные затруднения, хотя он очень нуждался, имея лишь небольшую пенсию. После своего возвращения отец дважды пытался наладить собственный бизнес, но ничего из этого не вышло.

Истинная причина его депрессии была запрятана глубже.

„Они дают тебе возможность полюбоваться драгоценными камнями, — заметил он однажды в разговоре с Авнером. — Ты держишь эти рубины в руках, можешь даже позабавиться, поиграть ими". Все эти драгоценности, мол, будут твоими, если ты

сделаешь то-то и то-то, говорят они. И так без конца. „Когда наступает соответствующий момент и ты приходишь за своими рубинами, стучишь в дверь... Извините, говорят они, какие рубины? Как ваше имя, кстати?"

„Что все это значит?" — вспоминал Авнер свой вопрос. В ответ отец только качал головой.

Отец не лгал. Авнер был в этом уверен. Но, может быть, то, что казалось истиной ему, не воспринималось так другими людьми? Если существует только одна-единственная истина для всех и на все времена, то что остается делать маленькому „екке"? „Екке", у которого нет способностей, чтобы выгодно продавать и покупать, нет способностей, чтобы стать математиком или химиком? Неужели он обречен всю жизнь стричь курам когти? И никогда не увидит вновь Франкфурт? Что же ему остается? Ездить с Шошаной раз в неделю на попутках на пляж в Ашдоде? Ждать от теткиного друга работы в „Эль-Але"? Оставаться добропорядочным „екке", вопреки опыту, накопленному за четыре года в кибуце и послужному списку в армии? Никогда ничего не пытаться сделать ни для себя, ни для своей страны? Только потому, что у отца это не получилось? Может быть, это не их вина, или не полностью их? Может, отец все же взялся за дело не с того конца?

Авнер заполнил все анкеты и отдал их девушке. Через несколько минут она впустила его в другую комнату, дверь которой он не заметил. В комнате с металлическим шкафом для папок с документами и единственным стулом для посетителей за деревянным столом сидел мужчина средних лет. Он внимательно взглянул на Авнера и, пожав ему руку, предложил сесть.

— Как живете?

— Спасибо, хорошо, — ответил, слегка удивившись, Авнер.

— А как поживает ваш отец?

— Спасибо, тоже неплохо.

— Прекрасно. А как живет... — Он назвал имя командира части, в которой Авнер служил в армии.

Имена командиров особых подразделений гласности не предавались. Авнеру было неясно, по какой причине принимавший его чиновник назвал это имя — то ли для того, чтобы создать атмосферу доверия между ними, то ли проверяя Авнера. Впрочем, он мог это сделать и из желания самоутвердиться. Авнер решил ответить по-деловому.

— Он был в отличной форме, когда я видел его в последний раз.

— Это было как будто... в феврале, не так ли? — спросил его собеседник, небрежно подвигая к себе поближе тонкую папку, лежащую на столе.

— В марте, — ответил Авнер, стараясь не выдать интонацией ни своего раздражения, ни своего удивления. Он и на самом деле ис-

пытывал двойственное чувство. С одной стороны, был раздражен этим заигрыванием, с другой — восхищен манипуляциями сидевшего перед ним чиновника. Они, должно быть, трижды проверили все сведения о нем, но тем не менее действовали очень осторожно.

Чиновник предложил Авнеру сигарету. Авнер отказался, отметив при этом, что сам хозяин кабинета себе сигарету не взял. Те, кто сами не курят, обычно и другим не предлагают, так что и это можно было посчитать маленьким психологическим тестом, — а тот ли Авнер человек, за которого себя выдает? Курильщик мог непроизвольно взять сигарету. Вот молодцы! У него возникло непреодолимое желание сделать вид, что он все же хочет закурить — для того чтобы посмотреть, как отреагирует на это его собеседник. Но делать этого Авнер не стал. Напротив, он весь обратился в слух и внимательно слушал то, что говорил ему чиновник.

Если, говорил он, Авнера зачислят в их организацию, у него будет очень интересная работа. На нынешней стадии нельзя еще сказать, будут ли Авнеру предложены предварительные испытания. Но после испытаний, если он их пройдет, последует длительный курс тренировок. Авнер, разумеется, может не сдать тесты, как это происходит примерно с половиной намеченных ими кандидатов. Но выдержав их, он получит увлекательную работу. Не только увлекательную, но и чрезвычайно важную для его страны. Она обеспечит ему уверенность в себе, пенсию и страховку, медицинское обслуживание, включая дантиста. Ему может представиться возможность интересных поездок за границу, он узнает, продолжал чиновник, что их организация напоминает пирамиду: большое число людей у подножия и очень немногие — на вершине. Только от самого Авнера будет зависеть, как высоко он поднимется.

— Взгляните, к примеру, на меня, — продолжал чиновник, явно увлекаясь сюжетом. — Я начинал с самых низов. Мне пришлось многое преодолеть прежде, чем я достиг моего теперешнего положения.

„И что ты сейчас? — подумал про себя Авнер. — Сидишь на деревянном стуле в жаркой маленькой комнате и интервьюируешь неопытных кандидатов. И это в пятьдесят-то лет! Очень увлекательное занятие — ничего не скажешь. Ну и что?" — продолжал дальше размышлять Авнер. Эта захудалая комната на улице Борохова явно была помещением для тех, кто стоял в основании пирамиды, о которой только что толковал ему чиновник. Наверху, вероятно, все несравненно привлекательнее. А вершина, к которой устремлялся Джон Уэйн, могла оказаться совершенно необыкновенной.

После интервью уже прошло довольно много времени, а высокопоставленные господа, имеющие зубные страховки, еще долго не давали о себе знать. Ни телефонных звонков, ни писем. Но так как Авнер все равно никакого решения еще не принял, то его эта ситуация вполне устраивала, и он этим летом 1969 года решил положиться на ход событий, каким бы он ни был.

— Этот человек из „Эль-Ала" не давал о себе знать? — спросила его как-то Шошана.

Авнер промычал что-то нечленораздельное и покачал головой.

— Он что-то не торопится.

Вопрос Шошаны не был праздным. Осенью она станет дипломированным учителем. Они еще не обсуждали дату своей свадьбы, но то, что они вскоре поженятся, было ясно обоим и без слов. Как только Авнер найдет работу, они начнут подыскивать себе квартиру. Они любили друг друга. Ни с кем другим Шошана не встречалась в течение четырех лет, которые Авнер провел в армии. Если они поженятся, ее родители помогут им устроиться. В конце концов, не могут же они до бесконечности встречаться в стареньком, взятом взаймы автомобиле.

— У меня есть еще кое-что в запасе.

— В самом деле? И что это?

— Это государственная служба. Если она выгорит, будет очень хорошо. Сейчас я просто жду. Не знаю, что мне ответят.

Ничего больше он ей не сказал, и она не стала спрашивать. Это была одна из ее особенностей, которая нравилась Авнеру не меньше, чем ее волосы цвета меда, точеное узкое личико и эмалевые голубые глаза. Но даже и это не было главным. Главное, как всегда, словами было не описать.

Телеграмма пришла на адрес матери более чем через месяц. К этому времени Авнер уже почти позабыл об интервью на улице Борохова. Он с большим нетерпением ждал вестей из „Эль-Ала". Если бы только подвернулось какое-нибудь место в составе экипажа, хоть официанта. Это сулило путешествия, а он всю жизнь мечтал о них.

В телеграмме ему предлагалось явиться не на улицу Борохова, а по другому адресу. Тем не менее и здесь он попал в такую же занюханную конуру. И такая же скучная девушка попросила его подождать, прежде чем пропустила во внутреннюю комнату через такую же незаметную дверь в стене. И деревянный стол оказался точно таким же, как в комнате на улице Борохова. Однако чиновник, сидевший за этим столом, был другим.

— Я хочу поговорить с вами о работе, о которой с вами уже говорили. Вы все еще заинтересованы?

— Да.

— Хорошо. — Чиновник взял со стола календарь, отметил круж-

ком дату и показал ее Авнеру. Затем он подвинул к нему исписанный листок бумаги.

— В указанный день явитесь по этому адресу. Выучите его наизусть и верните мне бумажку. Поезжайте туда не на машине, а городским транспортом. Там вам придется некоторое время поучиться. Во время обучения вам предстоят кое-какие испытания, а по окончании курса — экзамены. Что будет дальше, — посмотрим.

Авнер смущенно молчал.

— У вас есть вопросы?

— Я хотел бы узнать, означает ли все это, что у меня есть работа и я буду получать зарплату?

— Вы допущены к испытаниям, а это значит, что вам будут платить. Вы временно будете зачислены в штат компании, занимающейся бытовыми услугами для населения. Я точно не знаю, в какую. Но компания будет еженедельно присылать вам чек. Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо. Все в порядке.

— Желаю удачи. — Чиновник протянул ему руку, не вставая с места. Унылая девушка уже открывала перед ним дверь.

Через минуту новый агент Мосада был на улице.

Позднее, в этот же день, он ехал с Шошаной в „ситроене". Повинуясь какому-то ему самому неясному побуждению, Авнер спросил ее, как бы она отнеслась к эмиграции из Израиля. Вопрос возник как-то сам собой. Он не отдавал себе отчета в том, что именно заставило его задать его. Шошана посмотрела на него непонимающим взглядом.

— Куда же это? — спросила она.

— Не знаю. В Германию, например, или еще куда-нибудь. Может быть, в Америку.

— Ты имеешь в виду навсегда?

— Конечно, навсегда. Эмиграция — это навсегда.

Шошана засмеялась, но чуть искусственно.

— Не может быть, что ты это серьезно, — сказала она. — Я начинаю учительствовать этой осенью. Потом, мои родители... Ведь наш дом здесь. — Она посмотрела на Авнера и прибавила: — Не волнуйся, рано или поздно, но ты получишь хорошую работу.

Авнер промолчал. Он не сказал Шошане, что у него уже есть работа, может быть, даже хорошая. У него было отчетливое ощущение, что нечто подобное уже было в его жизни. Это казалось странным. Однако ночью, уже засыпая, он вспомнил, откуда взялось это ощущение. Отец спрашивает мать, не хочет ли она остаться во Франкфурте навсегда, а она отвечает: „Ты, должно быть, сошел с ума".

Хотя оставалось еще две недели до дня явки на тренировочный пункт, Авнер не удержался от искушения и, воспользовавшись еще раз „ситроеном", на следующий день поехал (разумеется,

один) в сторону тель-авивского района Ха-Кирья. Оттуда он направился по северной дороге в Хайфу. Он был заинтригован — местность была хорошо ему известна, но он не мог припомнить там ни одного здания, которое могло бы быть тренировочным центром Мосада. Несколько раз проехав по улице туда и обратно, Авнер не увидел никого, кроме молодых людей, вероятно студентов, которые прогуливались или сидели группами на пористых бетонных ступенях. Улица упиралась в открытое поле, окруженное проволочной оградой. В центре поля виднелся грибовидный купол какого-то сооружения. Сооружение походило на генераторный завод или бомбоубежище. Авнер начал подумывать, что, возможно, он получил очередной тест на сообразительность. Было совершенно ясно, что вопросы задавать он не может. Не может и возвратиться к чиновнику, пославшему его сюда, объяснив, что ему не удалось найти указанный пункт. Собственно, и идти было некуда. Оба раза ему показалось, что помещения, где происходили встречи с чиновниками Мосада, были сняты временно.

И вдруг его осенило. Развернувшись, он доехал до места, где улица смыкалась с главной трассой. Запарковавшись на стоянке, он стал выжидать. Движение здесь было небольшим, но все же в течение часа несколько машин въехало на стоянку и несколько уехало.

Авнер продолжал ждать. Если бы его спросили, чего он ждет, он бы не смог ответить. Но его „шестое чувство" подсказывало ему, что он торчит здесь не напрасно.

Машина, которую он интуитивно ждал, приехала через час. В ней не было ничего такого, что выделяло бы ее среди других. Двое мужчин, сидевших в ней, могли сойти за молодых профессоров или ассистентов преподавателей университета. Однако он чувствовал, что это не так. Правда, позднее он скажет, что правительственную машину в Израиле всегда можно узнать.

Сохраняя приличную дистанцию между своим стареньким „ситроеном" и привлекшей его машиной, Авнер следовал за ней по извилистой боковой улочке. Машина направлялась к ограде на краю открытого поля, но, не доехав до нее, внезапно свернула направо и поехала, казалось, прямо на стену последнего по этой улице здания. Авнер даже подумал, что вот-вот она врежется в бетонную стену, однако этого не произошло. Как теперь ему стало ясно, машина въехала на узкую подъездную дорожку между зданием и оградой. В конце дорожки оказались раздвижные ворота, которые стали медленно открываться, пропуская автомобиль. За воротами дорога круто шла вниз, и машина скрылась под землей.

Теперь Авнер точно знал, куда ему нужно явиться через две недели.

В группе Авнера было, кроме него, еще двенадцать мужчин, в большинстве своем его ровесники. Только двое или трое оказались значительно старше. Одному даже можно было дать более сорока лет. Никого из присутствующих он не знал. Правда, ему показалось, что кое-кого из молодых он где-то видел, может быть, в армии во время объединенных учений. Но из его части здесь не было никого.

Через неделю Авнер получил первый чек на сто двадцать израильских фунтов. Он был отправлен водопроводной станцией из Тель-Авива на его домашний адрес в Реховоте. Сумма была вполне скромной и следовало хорошо подумать, прежде чем начинать с этого семейную жизнь. Впрочем, сейчас это его уже не занимало. Деньги как таковые никогда на имели для него серьезного значения, а в эти дни значили еще меньше, чем обычно. Ему нравилось все, что обещало необыкновенные события, поездки в разные страны, возможность заниматься тем, что тебе по душе и при этом иметь еще возможность сделать карьеру.

Все инструкторы, кроме одного, по имени Дэйв, учившего их пользовать огнестрельным оружием, были молоды, всего года на четыре старше самого Авнера. Дэйву же по лицу можно было дать все шестьдесят, хотя тело его было худощавым и сильным, как у двадцатипятилетнего. Авнер редко встречал мужчин в такой прекрасной форме.

Дэйв был американцем, в прошлом моряком. Он так и не научился правильно говорить на иврите. Авнер, так же как и некоторые другие, с удовольствием разговаривал бы с ним по-английски, но Дэйв настаивал на иврите.

— Ты изучаешь оружие, будь оно проклято! Я же изучаю этот, — будь он проклят! — язык! — заявил он Авнеру при первой встрече. Произносил он слова твердо и в то же время протяжно. Это придавало странную убедительность его речи.

— Будем оба хорошо учиться. Договорились?

— О'кей.

— Ты из армии? Тебя в армии стрелять учили?

— Ну, винтовки нам давали, — осторожно ответил Авнер.

— Окажешь мне большую услугу, — серьезно сказал Дэйв, — окажешь и себе большую услугу, если забудешь, что когда-нибудь в жизни видел оружие. Запомни — ты видишь его здесь впервые.

В некотором смысле это так и было. В армии много времени уделялось изучению холодного оружия, ведь как-никак он был из отряда коммандос. Что касается огнестрельного оружия, то ему никогда не приходилось встречаться с таким подходом, который практиковал на своих занятиях старый морской волк. Прежде всего он придавал огромное значение физической подготовке. Не физической силе как таковой, а ловкости, умению координировать свои движения.

— Ты думаешь, штангисты хорошо стреляют? — спрашивал Дэйв. — Штангисты, будь они прокляты, стреляют плохо. Если ты собираешься воевать, имея в кармане камни, иди в штангисты. А вот если ты действительно хочешь хорошо стрелять, прыгай через веревочку. Точно так, как это делают маленькие девочки.

И по меньшей мере час вся группа прыгала через веревочку в подземном гимнастическом зале. Ежедневно.

Дэйв испытывал почти мистическую уверенность в том, что существовала непосредственная связь между этими прыжками и умелым обращением с огнестрельным оружием. Он даже изобрел афоризм: „Чем больше прыжков через веревку, тем больше пуль в цель".

Авнер не подвергал сомнению эту концепцию. Сам Дэйв вогнял глубоко в стену гвозди, попадая точно в шляпку, с расстояния в семь с половиной метров, при этом ему было неважно, какой рукой он стрелял.

— Хочешь выучиться стрелять в цель, — говорил Дэйв, — иди в Олимпийский клуб. Я же учу вас, будьте вы прокляты, боевой стрельбе.

По мнению Дэйва, боевая стрельба начиналась с изучения оружия противника.

— Ты думаешь, твой враг, будь он проклят, будет, как цель выжидать? — спрашивал он Авнера. — И не подумает. Он выстрелит в тебя первым, может быть, он даже стреляет лучше тебя. Если выучишься хорошо стрелять и к тому же родился в рубашке, будешь жить долго. Но если выучишься уклоняться от пули, проживешь еще дольше.

Разумеется, эти сентенции не следовало понимать буквально. Уклоняться от пуль — занятие бессмысленное.

Изо дня в день, час за часом они учились распознавать виды оружия по слайдам и цветным диаграммам. Каждый вид оружия, который мог быть использован противником. Дэйв объяснял, что уменье отличить какую-нибудь характерную для оружия деталь, может спасти жизнь.

— Пуля не слепень, она не будет преследовать тебя в разных направлениях. Пуля движется по прямой.

Из его наставлений вытекало, что, если вы знакомы с оружием противника, у вас есть доля секунды, чтоб осознать наибольшую вероятность направления полета пули и „нырнуть" в противоположную сторону.

— Допустим, у этого типа револьвер. Но ты умница и хорошо знаешь, что пули, выпущенные из любого револьвера (даже если стреляет чемпион), слегка отклоняются вправо. А это значит, что ты должен отскочить вправо. Если ты не сообразишь и прыгнешь влево, пуля попадет сюда. Точно, как в бинго. — И Дэйв своим корявым пальцем ткнул Авнера в переносицу.

Следующим по степени важности было изучение собственного оружия, которым им предстоит пользоваться. Авнер был немало удивлен, когда старый моряк вручил им полуавтоматические „беретты" 22-го малого калибра. Настоящие. Но, может быть, они предназначались только для практики в стрельбе?

— Нет, это ваше оружие. Навсегда. Для вашей работы, — сказал Дэйв.

Он объяснил далее, что специфика их работы диктует особое отношение к оружию. Радиус действия оружия и его проникающая сила должны представлять для агентов меньший интерес, чем его точность, бесшумность и малый размер. Это „философское" обоснование, и — главное — введение в практику „Беретты-22",[1] были личным вкладом Дэйва в дело подготовки агентов Мосада. До него израильские агенты использовали принятое в армии и полиции оружие значительно большего калибра — тридцать второго, тридцать восьмого или даже сорок пятого.

— Они говорят мне, для чего этот двадцать второй калибр? Нам нужны револьверы более мощные. А я отвечаю им: верьте мне. Вам большие не нужны.

Дэйв настоял и на том, чтобы уменьшить заряд — количество взрывчатого вещества в патронах. В результате получалось, что у этих малокалиберных револьверов скорость пули на выходе и радиус действия были еще меньше, чем у обычных. Зато при выстреле из такого револьвера слышалось лишь негромкое шипение, напоминающее звук „пффм", и необходимость в глушителях отпадала. Из этих револьверов можно было стрелять и в самолете, без особого риска повредить алюминиевую обшивку и вызвать реакцию, известную под названием „взрывчатая декомпрессия", в результате которой самолет может погибнуть. Это делает применение другого оружия в самолете чрезвычайно опасным, а значит, и невозможным.

— Вы беспокоитесь? Слишком, мол, мал? — спрашивал обычно Дэйв. — Хотите большой револьвер? Может, вы собираетесь идти на слона? Или вы думаете, что вам придется иметь дело с танком? Если так, то никакой револьвер вам не поможет. Вам потребуется базука. А вот, если вы охотитесь на человека, то для него и малокалиберного пистолета хватит.

Дэйв приходил в ярость, когда кто-нибудь из бывших военных выражал опасения, что у револьвера двадцать второго калибра слишком мал радиус действия. Он злился, что они не понимали особенных функций агента. По мнению Дэйва, армейская подготовка только мешала тренировке агентов. В армии готовили, например, снайперов. В их задачи входило сидеть, допустим, на дереве и высматривать противника на расстоянии примерно в милю. Армия учила снайперов стрелять несколько раз подряд, как только нажат спусковой крючок.

— К чертям собачьим такого важного агента в Лондоне, — презрительно ухмылялся Дэйв, называя Лондон, вероятно, по чисто личным мотивам. — Может, ему требуются пулеметы „Хэклер" или „Коч". Хорошее оружие. Выпускай пулю за пулей в секунду — и все дела. Кто-нибудь на него взглянет в метро косо — и, пожалуйста, он всех в вагоне перестреляет!

В армии, как и в полиции, учат загонять патрон в затвор, ставить предохранитель и только после этого двигаться вперед с оружием в руках. Дэйв внушал: забудьте о предохранителе, он для вас не существует. Все равно он полной гарантии от случайного выстрела не дает. Если, например, вы его уроните. Но он может помешать вам взвести курок в момент, когда вам это понадобится. Просто не держите в запасе патронов. И никогда не вынимайте револьвер, если не решили стрелять. Научитесь, выхватывая пистолет одной рукой, тут же взводить затвор другой, посылая патрон из обоймы в ствол. Тренируйте это движение миллион раз. Упражняйте до тех пор, пока не научитесь делать его во сне одним легким, мягким движением. Но если пистолет оказался у вас в руке, — стреляйте! Если вы его вынули, непременно стреляйте. Он вам дан именно для этого. Вы не полицейский, будь он проклят! — восклицал Дэйв. — Вы агент. *Секретный агент.* Как только вы вынули револьвер, вы уже ни на что не годны. Вы себя обнаружили. Запомните — вы никогда не будете угрожать оружием. Никому. „Прошу вас, мистер, ведите себя хорошо". — „Ах, нет!" — Стреляйте. А уж если вы выстрелили, значит, мистер убит.

Все это повторялось снова и снова. Это была главная тема занятий. Извлекать оружие только в тех случаях, когда принято решение стрелять. И стрелять только для того, чтобы убить.

— Если грабитель, — говорил Дэйв, — потребует ваш бумажник, — отдайте его. Отдайте ботинки, рубашку. Пусть он вас поколотит, оскорбит. Неважно. Если же вы не можете отдать того, что он требует, — стреляйте! Никогда не угрожайте. Не стреляйте в ногу. Вы не полицейский. Вы агент. Вам платят за то, чтобы вы себя не выдали. И это ваша самая первая обязанность. Когда вы спускаете курок, делайте это дважды. Всегда.

На этом Дэйв настаивал, с горячностью фанатика. Это было не менее важно, чем скакать через веревочку. Это был краеугольный камень науки о стрельбе из любого оружия, в особенности из оружия двадцать второго калибра.

Бывший моряк обосновывал свою методику так: невозможно удержать руку в том же положении, если вы после первого выстрела делаете паузу. Сколько бы вы ни упражнялись. Вы все равно хоть чуть-чуть, но шевельнете рукой. Невольно. Прицелясь в первый раз точно, во второй — если будете медлить — промахнетесь. А вот, сделав подряд два выстрела, один за другим, вы поразите цель дважды, если, конечно, правильно прицелились.

Если вы промахнулись, не имеет значения. Если вы промахнулись, цельтесь вновь и стреляйте снова два раза подряд. Разумеется, если успеете. Но два раза. Всегда только два. Всякий раз, когда вы нажимаете курок, нажимайте его дважды.

— Запомните это, — говорил Дэйв. — Не забывайте даже во сне. Всегда пиф-паф и еще раз пиф-паф. Никогда, будь он проклят, просто пиф-паф. Никуда не годится. Только пиф-паф и еще раз пиф-паф, даже во сне.

Через много лет после окончания этих курсов Авнер встретил Дэйва на улице Жаботинского в Тель-Авиве.

— О, это ты!? — радостно воскликнул старый американец. — Как поживаешь? Запомнил: пиф-паф и еще раз пиф-паф? Никогда об этом не забывай.

И Авнер никогда не забывал.

Он не был от природы метким стрелком, но он тренировался часами, как и следовало хорошему, добропорядочному „екке", тренировался до тех пор, пока не достиг совершенства. Он никогда не был одним из самых успевающих в своей группе. Для этого был нужен точный глаз и чувство ритма, а у него их не было. Однако он был настроен — и очень решительно — добиться всего, чего можно добиться, имея стальную волю. И он достиг. На занятиях по боевой подготовке он научился не извлекать револьвер слишком быстро. Научился он и преодолевать опасение промахнуться.

Ошибки Дэйв комментировал так: „Может быть, ты думаешь, что стреляешь по межконтинентальной ракете?" Или: „Конечно, если ты упрешься в этого типа дулом, то не промахнешься, но он, не забудь, непременно ударит, да так, что ты опрокинешься".

Дважды повторять одно и то же Авнеру не приходилось.

Таким же упорным он был и на других занятиях, где изучались фотография, связь, взрывчатые вещества. По взрывчатым веществам он был подготовлен лучше, чем некоторые из его сокурсников, так как имел с ними дело в армии. В обязанности каждого из коммандос входило знание основ разрушительного действия взрывчатых веществ. Но опыта по изготовлению и обезвреживанию бомб у Авнера почти не было. Он знал только самые элементарные операции. От солдата в полевых условиях требовалось, чтобы он умел установить, зарядить и активировать взрывное устройство. Это особого труда не составляло. Все было заранее подготовлено — детонатор, передатчик, заряд из пластика. Одна пригоршня такой взрывчатки может сорвать дверь сейфа. Однако можно было не соблюдать в обращении с ней особую осторожность. Эту штуку можно было ронять, бить по ней молотком, даже гасить об нее сигареты. Научиться надо было другому: лепить из этой массы форму — любую. Вылепленную форму можно было выкрасить в любой цвет. Затем вставить детонатор и

соединить провода. Красные с красными, голубые с голубыми. Это было совсем просто.

Учиться распознавать документы было значительно интереснее. Авнер в этом преуспел. Возможно, что именно здесь его „шестое чувство" оказалось наиболее важным. Речь шла не о фабрикации фальшивых документов — это была специфическая область, и предполагалось, что агентам в их работе она не может пригодиться. Их учили использовать и идентифицировать документы.

Это была изощренная наука, требующая сообразительности и умения сопоставлять. Инструктора звали Ортега.[2] Он был аргентинским евреем. Свой предмет он классифицировал как один из разделов психологии. Конечно, он учил их распознавать документы, но главное — это разбираться в людях.

Прежде чем приступить к вопросу о том, как раздобыть и как пользоваться фальшивыми документами, Ортега преложил потренироваться в распознавании подделок. В функции агентов входила контрразведывательная деятельность вне Израиля. Внутри страны этим ведала другая организация — Шин Бет,[3] и агенты Мосада к ней отношения не имели.

Самыми ответственными были занятия по изучению чужих ошибок, допущенных в использовании таких документов. Это должно было предотвратить подобные ошибки в будущем.

Например, Ортега вручал каждому паспорт и предлагал что-нибудь подделать на любой из его страничек — предположим, осторожно стереть бритвой надпись и заменить ее другой.

— Проделайте это и верните мне паспорта, не говоря, над какой страницей вы трудились, — говорил он.

К их изумлению, Ортега сразу же определил, кто какую из страниц пытался подделать. Он положил документ на ладонь, и паспорт раскрылся на подделанной странице — ведь они невольно разглаживали его корешок в этом месте, занимаясь в течение часа подделкой.

— Обратите внимание, — говорил Ортега, — я ведь смотрю не на паспорт на моей ладони, а на вас. И вот почему. Любой паспорт, даже нетронутый, раскрывается на какой-нибудь странице. Это само по себе не несло бы никакой информации. Но когда паспорт раскрывается на подделанной странице, в глазах его хозяина вспыхивает едва заметное беспокойство. Его-то и надо научиться улавливать. Всего лишь. Ведь вряд ли ваш противник настолько потеряет самообладание, что разрыдается у вас на глазах. Но не исключено, что его реакция окажется неадекватной, поскольку будет связана вовсе не с паспортом, а с чем-то другим. Этот вот тип, например, просто собирается провезти контрабандой сигареты. Тут-то на помощь агенту и приходит его „шестое чувство". Без него не бывает хороших агентов. Без него ему не удастся ни обнаружить поддельные документы, ни воспользоваться ими.

Именно в этом и заключалась для Авнера вся привлекательность работы агента. Специфические таланты, требовавшиеся для этой профессии, у него были в избытке. Это не ненавистные ему математика и другие науки. Но техническое оборудование иногда было для него немыслимо сложным, особенно в области коммуникаций. Все эти шифровки и дешифровки, эти вспышки в передатчике, одной из которых оказывалось достаточно, чтобы транслировать передачу длительностью в целый час. Авнеру пришлось изрядно попотеть, чтобы усвоить хотя бы основы кодирования и декодирования. Любые компьютеры вызывали у него подлинный ужас. Здесь его способности были минимальны, а „шестое чувство" бесполезным.

Не все ладно было у него и с координацией движений, не было в ней отработанной точности, которая необходима агенту. Даже шофером он был не столько квалифицированным, сколько бесстрашным. Собственно, это вообще было ему свойственно — во всем, даже, когда он разговаривал по-английски и по-немецки. Он легко схватывал основное, на детали же у него не хватало терпения.

В системе Мосада находилось место всем талантливым специалистам. Немало блестящих физиков или искусных химиков работали на него. Но прежде всего Мосаду требовались люди, способные быстро оценивать ситуацию в целом. Они могли не обладать особыми способностями в какой-нибудь узкой области, но должны были обладать особой интуицией, помогавшей им ориентироваться в любой ситуации.

И именно в этом Авнер преуспел. Какой-то внутренний голос часто шептал ему: на *это* не обращай внимания, смотри *вот на что*! Имел ли он дело с документами или с людьми, он всегда чувствовал главное — то, ради чего он и вел наблюдение. Процесс этот был почти бессознательным. Был, например, такой случай. На одном из практических занятий подвергся анализу бельгийский паспорт. Авнер не мог понять сразу, что именно указало ему на то, что паспорт был фальшивым. Визы казались настоящими. Краска не испачкала палец, когда он потер штамп. Бумага на просвет не казалась более тонкой, чем обычно. И тем не менее он был уверен, что что-то здесь не так. Ему нужно было решить эту задачу менее чем за тридцать секунд — так, как он решал бы ее в реальных условиях — допустим, в аэропорту, где ему нужно было бы задержать пассажира, предъявившего этот паспорт, или пропустить его.

Взглянув на документ еще раз, Авнер понял, в чем дело — фотография! Мелкие металлические скобки, которыми была прикреплена фотография, проржавели, как и полагалось в документе двухгодичной давности, который носят в пропотевшем кармане. Но на оборотной стороне были крохотные ржавые следы

от других скобок. Так бывало всегда, когда фотографию подменяли. Невозможно было посадить ее точно на то же место.

Авнер был силен и в искусстве „сканирования". Специального курса по этой теме не было, так как считалось само собой разумеющимся, что любой агент обладает способностью мгновенно оценивать обстановку. „Сканировать" — значило подобно радару охватывать целое, не упуская в то же время ни одной детали. Причем на какой-нибудь конкретной детали можно было задерживаться не более чем несколько секунд.

Целью обучения было довести эту способность до абсолюта, и потому специально подстроенные ловушки поджидали будуших агентов в самых неожиданных местах и в самое разнообразное время суток, даже в их свободное время.

Их учили использовать в работе любые зеркальные поверхности, позволяющие скрыть тайно ведущееся наблюдение. В этом смысле нельзя было упускать ни витрины, ни дверцы машин, ни многое другое. У большинства агентов эта привычка — наблюдать, схватывая целое и его составляющие, — оставалась потом на всю жизнь. Что касается Авнера, то он вскоре сделал несколько неожиданных открытий. Например, он понял, что привычка наблюдать может разоблачить агента. Ведя наблюдения, агенты редко улыбались. Более того, их лица в большинстве случаев были до странности невыразительны. Лицо что-то высматривающего человека неподвижно, лишь его глаза скользят с премета на предмет. Авнер решил учесть это на будущее. Но главное в обучении агентов было не только научить их фиксировать все, что может представить непосредственный интерес для выполнения задания, но и собирать попутно вообще всю информацию, попадающую в поле их зрения. Это требование неоднократно подчеркивалось, и за те шесть месяцев, которые Авнер провел в здании с грибовидным куполом, он выработал в себе эту способность.

Помимо занятий в классе, у них были и практические занятия. Им, например, предлагалось добраться до Хайфы, зайти в холл какого-нибудь отеля и провести там несколько часов, а потом, ничего не сочиняя, попытаться оценить значение того, что они там увидели, и главного, и мелочей.

Это требовало хорошей памяти и терпения, то есть того, чем Авнер похвастаться не мог. Тем не менее эти занятия многому научили его, как в плане наблюдений за общей картиной, так и в распознавании человеческих характеров. Часто в эксперименте участвовал не только он, но и неизвестный ему второй агент из какой-нибудь другой группы. Он сидел в том же холле того же отеля в Хайфе. Если потом оказывалось, что их доклады в чем-то существенном не совпадали, инструктор иронически замечал: „Почему бы вам, друзья, не пройти в соседнюю комнату и не согласовать ваш рассказ?"

Причины таких разночтений были вполне понятны. Сидя подолгу на одном месте, человек обычно уставал, иногда у него портилось настроение, он начинал хотеть есть или ему требовалось пойти в туалет, или у него кончались сигареты. Кроме того, некоторые агенты обладали живым воображением и склонностью преувеличивать или даже выдумывать.

Подобные задания не только тренировали способность наблюдать. Их результаты давали инструкторам и сведения о самих студентах. Становилось ясно, кто из них сочиняет или приукрашивает события, кто умеет, отбросив фантазии, видеть действительность и кто будет настаивать на фантазиях и лжи, даже будучи в них уличен, а кто легко от них откажется.

Все это было жизненно важным для умения планировать операции, организовывать все ее элементы в целое; сюда входил и отбор участников, и составление перечня всех необходимых материалов. Успех в основном зависел от того, кто и какие функции в оперативной группе будет выполнять, а это зависело от того, что было известно о способностях, опыте и характере кандидата.

Инструкторы очень скоро заметили, что Авнер придавал серьезное значение характеру и склонностям своих товарищей при определении их роли в задуманной операции. Если, скажем, по сценарию надо было тайно проникнуть в арабское посольство в Риме и уничтожить коммуникационный центр, он обязательно просил агента, то есть римского резидента, прислать ему отчет обо всем, что происходило в посольстве в течение двадцати четырех часов (по минутам) на протяжении целой недели. За три дня до операции он давал, пусть самому глупому, но надежному агенту распоряжение составить график движения транспорта на всех прилегающих улицах. Если предполагалось, что воображаемое посольство разместилось в высотном здании, Авнер ставил перед собой задачу сыграть роль западногерманского бизнесмена, собирающегося арендовать офис в этом здании. Таким образом, ему удавалось получить планы всех помещений на разных этажах. Он всегда стремился выполнить любую фазу операции с минимальным числом участников и никогда не инструктировал всех подчиненных ему агентов лично, а поручал это кому-либо из наиболее компетентных в том или ином вопросе участников операции.

Закончив письменную разработку операции, он ставил под ней свою четкую и решительную подпись. Своей разработкой он гордился и считал эту гордость оправданной. Однажды, рассматривая подобные планы других учащихся, инструктор показал на чьи-то хилые неразборчивые каракули и насмешливо произнес: „Поглядите, вот она — подпись героя!"

Авнер разделял отношение инструктора к подписи. Чем меньше у человека уверенности в себе и в своем плане, тем неразборчи-

вее его подпись. Про себя Авнер уже решил, что впредь, в реальной обстановке, он всегда будет настаивать на том, чтобы ему показывали подпись под каждым предназначенным для него приказом. Он был уверен, что шансов вернуться с задания живым у него будет тем больше, чем более ясной и четкой будет подпись под приказом.

Все это относилось к области психологии. Именно психологические аспекты всякого рода информации его и интересовали более всего. Саму по себе информацию он мог и позабыть, но психологический подтекст помнил всегда. Все, что касалось технических подробностей, он мог узнать, обратившись к специалисту или заглянув в справочник. Но психологические основы поведения он считал чрезвычайно важными. Они были тем источником, который давал ему возможность ориентироваться.

Например, Авнер никогда не забывал брошенной однажды инструктором фразы о документах.

Существовало множество типов фальшивых документов — от постоянного, которым агент пользовался годами, до документа „на час", скажем, паспорта, украденного у туриста в туалете аэропорта в критический для агента момент. Но, как говорил им на своих уроках Ортега, уверенность в себе имеет большее значение, чем качество документа. Документы сами по себе никогда не „работают". Они работают во взаимодействии с их владельцами. Если у вас нет доверия к своим документам или к тому, кто вас ими снабдил, вы можете обесценить их до такой степени, что они будут не лучше паспорта „на час". Зато агент, уверенный в себе, может долго пользоваться чужим удостоверением, например, водительскими правами.

Задачи, учитывающие психологический фактор, возникали во всех случаях, когда агент приступал к выполнению своих обязанностей.

При организации наблюдения в Париже или в Амстердаме надо было учитывать, что молодая пара привлекает к себе обычно меньше внимания, чем мужчина в плаще, одиноко сидящий на террасе кафе и читающий газету. А вот в Сицилию или на Корсику лучше посылать одного человека.

Для целого ряда стран пожилые пары в качестве хозяев надежных квартир — наилучший вариант, но в Париже, в районе Сорбонны молодая студенческая пара вызовет меньше подозрений.

Когда Авнер впервые получил задание, состоящее в преследовании машины инструктора, он ожидал всякого рода изобретательных трюков. Но инструктор, на хвосте которого ехал Авнер, вел машину по улицам Тель-Авива так, как водят ее пожилые дамы, сигналя на каждом повороте. Это продолжалось до того момента, когда инструктор остановил машину на желтый свет. Но

едва желтый сменился красным, он рванул и, проскочив на полной скорости оживленный перекресток, скрылся. Авнер, опасаясь аварии, не посмел последовать за ним. Это был простой, но впечатляющий урок.

Многие из стажеров предполагали, что им будут преподаны жесткие нормы поведения, четкие правила. Нормы действительно существовали, но слепое следование букве приказа было бы для агента смертельной ошибкой.

Авнера как раз и привлекало в работе агента отсутствие этого слепого подчинения. Секрет успеха заключался в том, чтобы выучить правила, но не считать себя обязанным их выполнять. Это была работа для тех, кто способен импровизировать и совершать нечто совершенно неожиданное. Именно такие агенты достигали вершин. На армию это никак не было похоже. Армия требовала полного подчинения, и бюрократическая система в ней была очень сильна. Работа агента, напротив, как бы специально была создана для тех, кто способен дерзать. Авнер, во всяком случае, в это верил.

По прошествии шести месяцев начались практические занятия. Никаких экзаменов не было. Просто каждый день они получали задания, представляющие собой тесты, по которым инструкторы оценивали успехи будущих агентов. Авнер и понятия не имел, кто из его группы „прошел", а кто „провалился". Ничего и никому об этом не говорилось. Если кто-нибудь переставал появляться на занятиях, это означало что угодно: другое назначение, направление на работу в какой-нибудь специфической области или исключение из группы за профессиональной непригодностью. Конечно, они обсуждали это между собой, но официально им об этом никто и ничего не объявлял.

Прежде чем Авнер приступил к практическим занятиям, ему предложили несколько специальных собеседований по вопросам, связанным с его работой над различными материалами и соответствующими докладами. Он получил при этом ценную техническую информацию, но не более. Одно из собеседований, однако, носило уж очень специфический характр. Авнер не знал, как отнестись к нему. Выбросить все из головы как незначительный инцидент или, наоборот, рассматривать как суровое предупреждение на будущее.

„Шестое чувство" подсказывало ему, что в данном случае он столкнулся с чем-то зловещим, на что в свое время намекал отец. В конце концов Авнер решил не придавать этому инциденту значения, но забыть о нем все-таки не смог.

Человек, инструктировавший его в тот раз, венчиком белых волос вокруг головы напоминал Бен-Гуриона. Однако ничего привлекательного в его облике не было. Лицо хитрое, как у гнома, туловище короткое, рост, похоже, не более полутора метров.

Сидя на вертящемся стуле за столом, буквально заваленным бумагами, он едва доставал ногами до пола. Его руки с короткими, в табачных пятнах пальцами производили неприятное впечатление, которое дополняла грязная рубашка, когда-то, видимо, белого цвета. Он насмешливо поглядывал на Авнера из-под растрепанных бровей. Одна бровь была выше другой и смахивала на вопросительный знак.

Авнер подумал, что этот человек воплотил в себе все неприятные свойства галицийцев.

— Итак, вы собираетесь в дорогу, чтобы повидать мир, — начал сидящий перед ним чиновник. — Очень хорошо. Садитесь и выслушайте меня. Я должен вас кое о чем предупредить. Прежде всего — давайте без обид. Ничего лично против вас я не имею. Я вас никогда в жизни не видел, и все, что вы от меня услышите, я повторяю не только вам, но всем, кто ко мне приходит. Может быть, вам интересно узнать, что это за книги свалены на моем столе? Это бухгалтерские книги. Желаете знать, для чего они мне? Я сижу здесь и смотрю в эти книги, потому что я хочу знать, сколько денег вы истратили и на что. Говорю я об этом потому, что некоторые из вас думают, что они отправляются в роскошное путешествие, организованное специально для них государством Израиль. Я нахожусь здесь, чтобы напомнить вам, что это не так. Напоминаю я об этом один раз. И всем так — один раз! Я не собираюсь говорить об этом с вами вторично. Я буду требовать от вас копии счетов всех ваших расходов. Я хочу получить отчет за каждый грош, который вы истратили на служебные дела. Вам понадобилось такси, — пожалуйста, но извольте предъявить квитанцию об уплате. Вам понадобилось нанять лодку — прекрасно, — но квитанцию мне! Если дышать стоило денег, — пожалуйте квитанцию. Нет квитанции — расход вычитается из вашего заработка. И еще вот что: советую вам такси брать только для служебных целей. Потому что я поинтересуюсь, для чего оно вам понадобилось. Если есть такая возможность, поезжайте на метро или на автобусе, как все люди. Наконец, пройдитесь пешком. Вы тратите деньги... Если ваши объяснения меня не удовлетворят, я снимаю деньги с вашего счета. Не поймите меня превратно: если они нужны для дела, тратьте их. Работа у вас особенная, но вы-то сами не особенный. На мой взгляд, вы не герой, что бы вы ни совершили. Доставьте сюда Гитлера в наручниках, а я все равно спрошу: где квитанции? И как насчет этого междугородного разговора? А? Частный? Своей девушке? Если так, — высчитываю из вашего заработка. Говорю я обо всем этом потому, что вы, мальчики, полагаете, что работаете на барона Ротшильда. Ограничений для вас не существует. А это между тем не так. Вы не на барона Ротшильда работаете. Вы работаете на Израиль. А когда дело касается денег, то на меня. — Галициец

замолчал и, наклонив голову, посмотрел на Авнера. — Пожалуйста, не стесняйтесь, — сказал он. — Если что-нибудь неясно, спрашивайте.

Авнер встал.

— Все ясно, — ответил он. А про себя подумал: „Чего можно ожидать от этого типа? Люди обычно судят о других по себе. Этот старый галициец — вор.[4] Он сам украл бы все, что не прибито гвоздями намертво. Вполне естественно, что он думает, что и все вокруг поступают так же".

Однако насчет Авнера галициец ошибался. Впрочем, он ошибался относительно большей части его коллег. Люди, которые не брезгуют воровством и, более того, — те, которые стремятся как следует заработать, — не станут связываться с организацией, которая потребует от них всех двадцати четырех часов в сутки за 650 израильских фунтов в месяц. Это не имело никакого смысла. И те, кто был наверху, должны были это знать. Перед началом практических занятий стажерам предстояло пройти психологические тесты. Эти тесты должны были обнаружить побуждения, которые их привели в школу Мосада.

Из тестов было видно, что его соученики в большинстве своем считали себя людьми совершенно обыкновенными. Авнер тоже, безусловно, считал себя человеком обыкновенным и уравновешенным. Но были, конечно, среди них и люди, отличающиеся эксцентричностью.

Однако психологические тесты, возможно, имели в виду нечто другое. „Шестое чувство" подсказывало Авнеру, что не следует быть всегда стопроцентно искренним. Это не относилось к испытаниям на устойчивость к стрессовым ситуациям. Тут вопросы были достаточно ясны и ему было интересно на них отвечать. Он, например, с удивлением и радостью узнал, что может выполнить задание по математике (которое и в самые лучшие времена было для него нелегким) после двадцати четырех часов без еды и сна. Более того, оказалось, что он не только с ним справился, но даже несколько быстрее и лучше, чем в нормальных условиях.

Но при сдаче других тестов приходилось все время быть настороже. Он полагался на свое чутье, которое подсказывало ему, чего именно в данном случае от него ждут, и, выполняя задание, более считался с этими ожиданиями, чем с собственными настроениями. Он сообразил, что руководству Мосада некоторые качества агентов были не по душе. Те именно, которыми Авнер дорожил, благодаря которым он захотел и смог стать агентом.

Интуиция подсказывала ему, что сходство с Джоном Уэйном Мосад не устраивало. Точнее, Джон Уэйн подошел бы в роли победителя огромной городской банды, но не в роли героя, ищущего приключений. Они ненавидели героев. — Не слишком ли сильно это сказано? Во всяком случае, они героев недолюбливали и не

доверяли им. Авнер чувствовал, что им не нравится слишком большая увлеченность работой агента. Кроме того, они опасались тех, кто слишком сильно ненавидел своих врагов. Один из стажеров, еврей из Александрии, относился к арабам с фанатической ненавистью. Удивительного в этом ничего не было: в 1949 году толпа арабов убила всех до единого членов его семьи. Авнер по выражению лиц инструкторов догадывался, что у александрийца большого будущего в Мосаде не будет.

Идеальным агентом был надежный, очень аккуратный и спокойный человек. В своем роде хорошо отлаженная машина. От него не ожидали большего энтузиазма в работе, чем от компьютера или магнитного компаса. Его деятельность не должна была зависеть от его личного отношения к заданию. И тем не менее ум и восприимчивость были нужны. Как же иначе? Для работы нужна была изобретательность и убежденность в своей правоте. Агент должен был быть страстным патриотом, но ни в коем случае не фанатиком. Конечно, лучше, если он будет умен, но излишняя самостоятельность ни к чему. В агенте должны были сочетаться два полярных типа: сорви-голова и подотчетный служака.

Итак, им требовалось сочетание качеств, немыслимое в реальном человеке. Именно поэтому Авнер нисколько не походил на идеал агента, созданный в Мосаде. Да и все остальные, насколько он мог понять, тоже мало на него походили. Все они были разными людьми, такими же разными, как люди в толпе на улицах Тель-Авива. Конечно, они были настроены патриотически, но кто не был патриотом тогда, в 1969 году?

Тем не менее, если психологи из Мосада хотели его видеть таким, он таким и будет. Он угадает правильные ответы. Он не допустит, чтобы какой-нибудь психологический тест помешал ему начать увлекательную карьеру агента.

Про себя Авнер знал, что Мосаду не придется раскаиваться в своем выборе, независимо от того, нравится там наверху кому-то Джон Уэйн или нет. Он станет лучшим из всех агентов, которые когда-либо работали на Мосад. Он тысячу раз спасет Израиль, и никто об этом и знать не будет. После многих лет его замечательной деятельности премьер-министр в частном порядке пришлет ему благодарственное письмо. Может быть, он покажет его матери. „Что же ты такого сделал?!" — воскликнет она. А он в ответ произнесет только: „Так, пустяки. Не стоит об этом говорить".

Авнер не мог знать, удалось ли ему обмануть психологов из Мосада. Неизвестно, предстал он перед ними как „анфан терибль" или они усмотрели в нем что-то другое. Но так или иначе, они дали ему возможность начать этот полет. В прямом и переносном смысле слова. Его первое задание было связано с авиакомпанией „Эль-Ал", той самой, в которой он бы работал, если бы другу его

тетки удалось его туда устроить вовремя. Он стал одним из тех тайных полицейских, которые обеспечивали безопасность пассажиров в самолете. Немало людей отнеслись бы к такой работе без всякого энтузиазма. Авнеру в то время это казалось осуществлением его дерзкой мечты. Он не стал летчиком, но все же получил возможность летать. Правда, осчастливить Авнера было легко — самолету достаточно было подняться в воздух и сделать круг над аэродромом. Но он получил больше — он летал в самые различные точки земного шара. В течение нескольких месяцев Авнер побывал за государственный счет во многих столицах Европы. Хотя его тренировали с целью сделать из него разведчика, пока что он никаких заданий такого рода не выполнял. И, само собой, он не занимался секретной разведкой, которая в обществе называлась шпионажем. Пока что он мог лишь отметить, что в разведке настоящей шпионской деятельности было мало. Без сомнения, некоторые, специально подготовленные агенты проникали в правительственные учреждения и занимали там ключевые позиции или фотографировали секретные военные объекты. Но таких, как легендарный Эли Коген[5] было немного. В большинстве же своем агенты выполняли функции, подобные тем, которые были поручены Авнеру.

Помимо своих прямых обязанностей — охранять пассажиров и команду на борту самолета, Авнер должен был вести тайное наблюдение за всем происходящим. В Париже, например, он провел целый день в аэропорту Орли. Он изучал план аэропорта, фиксировал все входы и выходы. Он подробно, до мельчайших деталей, описывал все типы служебных передвижных средств, которые допускались или могли бы быть допущены к летной полосе. Он отмечал расположение наблюдательных камер, выяснял действующие они или поддельные. Делая вид, что фотографирует стюардесс для домашнего альбома, он одновременно фотографировал моменты передачи дежурств на некоторых пунктах таможни и паспортно-контрольных пунктах. В Риме, Лондоне или в Афинах он проводил целое утро или вторую половину дня около указанных ему посольств — русского или арабского. Он не должен был вызывать подозрений. Каким образом это ему удастся, — это было его делом. В популярных у туристов местах имело смысл просто сидеть в кафе. „Шестое чувство" говорило Авнеру, что маскировка не всегда нужна. Но в Лондоне, например, чтобы не привлекать внимания, прогуливаясь в парке, расположенном напротив одного из посольств, он вел на поводке собаку. В Риме, арендовав грузовик и сняв предупреждающий знак „объезд" на одной из боковых уличек около ливийского посольства, он сделал вид, что занят прочисткой люка.

Иногда задание было совсем простым: регистрировать все въезжающие и выезжающие из посольства машины и записывать

их номера, а также регистрировать все машины, которые останавливались по соседству с посольством или парковались недалеко от него. Чаще всего, однако, его просили запомнить по фотографии лицо какого-нибудь человека и понаблюдать, не будет ли этот человек входить в указанное посольство или выходить из него. Следовать за ним ему в обязанность не вменялось, нужно было только суметь подойти к указанному человеку достаточно близко, чтобы не ошибиться. Были периоды, когда его работа сильно напоминала работу клерка в конторе. Приходилось бегать по поручениям, выплачивать деньги осведомителям или, позднее, вместе с одной девушкой, снимать конспиративные квартиры. Такие квартиры необходимо было снимать поблизости от автодорожных трасс, по крайней мере двух. В обязанности Авнера и его напарницы входило обеспечение запасов продовольствия в этих квартирах и снабжение будущих жильцов всем необходимым. Посещая различные районы, населенные в основном людьми среднего достатка они разыгрывали молодую супружескую пару. Девушка жила в Лондоне, однако у нее хранились ключи от всех снятых ими квартир. Таково было предписание.

Авнер ко всему этому относился серьезно, даже с энтузиазмом. Честно говоря, ему все это нравилось. Когда он время от времени узнавал, что кто-нибудь из его бывших соучеников начинал изучать систему коммуникаций, фотографию или языки на высшем уровне, готовясь к более высокому посту, связанному со сбором сложной разведывательной информации или, скажем, назначением на место постоянного резидента, ему и в голову не приходило завидовать. Какой смысл совершенствоваться в науке по подделке документов или производству бомб, когда можно каждую неделю летать в новый для тебя интереснейший город. Конечно, он бы старательно учился, если бы ему предложили какой-нибудь курс наук. Но его вполне устраивало то, что у него было — сидеть в римском кафе или доставлять пакеты в Париж. Он подсчитал, что ему пришлось бы копить в течение целого года, чтобы совершить хотя бы одну поездку из тех, которые он совершал каждую неделю.

К этому времени он уже выработал в себе почти маниакальное отношение к денежным отчетам. Он, конечно, в любом случае вел бы себя добросовестно, как и подобало ему, „екке", человеку точному и аккуратному. Однако встреча со старым галицийцем в недрах Мосада, безусловно, способствовала тому, что он трижды, до последнего гроша, проверял все свои служебные расходы. И вовсе не потому, что испугался. Совсем нет. Но он не желал, чтобы старый галициец обнаружил в его отчетах ошибку или подверг сомнению точность какой-нибудь израсходованной им суммы. Авнер предпочел бы тратить свои собственные деньги на служебные нужды. Иногда он так и делал.

Однажды с ним в Париже случилось и такое: он уронил чек, полученный за стакан ананасного сока, вернулся и долго ползал по полу в многолюдном кафе напротив одного из арабских посольств в поисках этой бумажки, ползал, как законченный шмок.

Хорошо, что никто из посторонних не знал, как галициец в Мосаде вел дела. Израильских агентов можно было бы легко обнаружить по тому, как они нервничают из-за потерянных чеков на пять франков.

В некотором роде это все походило на кибуц. Он, „екке", среди галицийцев! Правда, теперь это уже его не слишком беспокоило. Похоже на то, что в глазах Мосада принадлежность к „екке" становится достоинством. В кибуце он галицийцам не был нужен; они и без него неплохо справлялись. Но в нынешней ситуации, особенно если есть нужда в агентах в Европе, странноватый „екке" — это было для них неплохо.

Как бы сообразительны и энергичны ни были галицийские евреи, они плохо вписывались в европейскую обстановку. Для них ассимиляция при особенностях их поведения и манер была трудным делом. И потом язык. Несмотря на то что Израиль в целом был страной, говорящей на многих языках, молодые израильтяне восточно-европейского происхождения редко хорошо владели иностранными языками. „Екке" могли легче сойти в Европе за местных жителей, среди них чаще встречались люди, свободно говорящие по-французски или по-английски. Кроме того, они не упорствовали в своем стремлении с английским деловым костюмом непременно носить спортивную обувь.[6]

Авнер чувствовал себя в Европе куда свободнее, чем в Израиле. Будь то магазины или обслуживание в кафе и ресторанах, уличные переходы или такси, в европейском стиле жизни все ему импонировало. Ему нравилось, как здесь одевались, как приветствовали друг друга, как женщины реагировали на мужские взгляды. Все это соответствовало его представлениям о хорошем тоне.

Он прекрасно здесь ориентировался и знал, где искать чистый и недорогой отель, где купить хорошие вещи за вполне умеренную цену и как добраться до аэропорта самым быстрым способом. Искусство, архитектура и история Парижа или Рима не слишком его увлекали. Зато он знал римские и парижские кафе и ночные клубы, расписание поездов, часы работы почтовых отделений и магазинчиков дешевых сувениров.

От сознания, что он живет в шумном современном европейском городе он испытывал восторг. И еще он наслаждался воздухом.

Кроме того — и это его отличало от других агентов — у Авнера были личные знакомства в Европе. Близкий друг его детства, его школьных дней во Франкфурте — Андреас.

Честно говоря, в свой первый приезд во Франкфурт он и не

вспомнил о нем. И это неудивительно — за истекшие одиннадцать лет столько всего произошло — кибуц, Шестидневная война, Мосад. Однако, возвратившись в Тель-Авив, он решил, что в следующий свой приезд во Франкфурт непременно заглянет в телефонную книгу.

Телефона Андреаса он не нашел и потому позвонил его родителям. Они не дали ему адрес сына, но посоветовали обратиться к его приятельнице — молодой женщине. Она разговаривала с ним по телефону очень сдержанно и сказала, что ничего об Андреасе не знает. Но Авнер все же попросил:

— Запишите на всякий случай мой адрес. Я живу в гостинице „Холидей Инн", комната 411 и пробуду во Франкфурте еще день.

Андреас позвонил ему в тот же день около полуночи. Поразительно! Они разговаривали так, точно расстались всего несколько дней назад и условились о встрече на следующий день в кафе на Гете-плац. Авнер пришел за десять минут до назначенного времени. Это стало для него привычкой, хотя в данном случае речь шла всего лишь о встрече с другом детства. Правило гласило: приходи всегда раньше, чтобы оберечь себя от неожиданностей. На этот раз его действительно поджидала неожиданность.

Андреаса он узнал сразу, едва тот появился из-за угла. Но узнал он его не потому, что его друг детства мало изменился. К кафе направлялся один из тех людей, которых Авнер должен был запомнить по фотографиям и при случае опознать. Так Авнер узнал, что Андреас был немецким террористом небольшого калибра. Недоучившийся студент, он в настоящее время был членом группы Баадер-Майнхоф.

Авнер наблюдал, как Андреас остановился в некотором раздумье и стал рассматривать лица мужчин, сидевших на террасе кафе. Собираясь с мыслями, Авнер наблюдал за ним еще в течение нескольких секунд. Наконец их взгляды встретились. Андреас приблизился. „Авнер?" — сказал он мягко. Авнер решился. Он встал, широко улыбнулся и дружески похлопал своего друга по спине, как когда-то. Это было удачей, надо было быть дураком, чтобы не понять этого.

Андреас знал его только по его старой фамилии, которую Авнер в армии сменил, так же как и все в его части.[7] Ни при каких обстоятельствах он не собирался говорить с Андреасом о своих делах, решив даже не упоминать о работе в Мосаде и в охране авиакомпании „Эль-Ал". Самое простое — ничего вообще. Пусть он выскажется. Мало ли какие контакты можно будет через него завязать.

Он действовал по наитию. В тот момент он не мог знать, насколько это был верный шаг. Менее чем через два года эта встреча решительно изменила всю его жизнь.

Но в этот день, в кафе на Гете-плац, они просто сидели, пили пиво и вспоминали. Говорили только о прошлом. О себе Андреас рассказал очень мало. Он оставил университет и думал о том, чтобы посвятить себя писательской деятельности. Авнер о своей работе тоже не распространялся. Сказал только, что путешествует по Европе по делам израильской фирмы, торгующей изделиями из кожи. Политики они не касались. Прощаясь, Андреас дал ему номер своего телефона и просил звонить.

С этой встречи Авнер звонил Андреасу всякий раз, когда бывал во Франкфурте. Иногда они встречались за кружкой пива или просто разговаривали по телефону. Тема оставалась прежней — детство. Можно было подумать, что они два пожилых человека, хотя им было всего по двадцать три года. Авнер чувствовал, что Андреас осторожно пытается восстановить былую дружбу. Он не мешал ему, но и не пытался ускорить развитие событий. Однажды, когда он упомянул в разговоре, что летит в Цюрих, Андреас дал ему письмо с просьбой отправить его из Швейцарии.

— Это для одной девушки, — пояснил он. — Я ей сказал, что меня не будет в городе.

Авнер взял письмо и, не задавая никаких вопросов, отправил адресату. С его стороны это была любезность, и он рассчитывал на ответную любезность со стороны Андреаса. В чем могла она состоять, Авнер пока не знал. Он не посвящал своего друга в свою работу. Дело здесь было не в этике. Он просто хорошо помнил один из раговоров с отцом.

Отец узнал о том, что Авнер решил стать агентом, как только он начал посещать школу под грибовидным куполом. Авнер не спрашивал откуда. Одно из двух — либо его просветили на этот счет старые знакомые по Мосаду, либо он сам догадался.

— Ну и как? Нравится тебе твоя водопроводная станция? — спросил он его однажды. И, не ожидая ответа, прибавил: — Ты поступил глупо. Но дело твое.

— Это все, что ты можешь мне сказать?

Отец покачал головой.

— Лучший из моих советов тебе не пригодился. Но все же я дам тебе еще один. Если ты уж ввязался в это дело, то работай как следует. В соответствии с буквой их закона. Будь золотым мальчиком. Но не показывай всего, чем располагаешь. Держи какую-нибудь козырную карту всегда при себе.

Вспомнив этот совет, Авнер решил об Андреасе не упоминать. Это опасности не представляло. Если кто-нибудь и увидит их вместе и узнает Андреаса, то Авнер всегда может сказать, что тот — друг его детства и он не распознал в нем террориста из банды Баадер-Майнхоф по мутноватой фотографии, которую ему вручили в Мосаде. Небрежность, не более того. Не велик риск по сравнению с козырем, лежащим в его кармане.

Последующие два года в жизни Авнера прошли быстро и без особых происшествий. Работал он по-прежнему с удовольствием, и начальство как будто было им довольно. Все это время он оставался агентом на малые роли. В настоящую разведывательную деятельность его не вовлекали. Но задания постепенно усложнялись. Иногда ему предлагали лететь в одну из европейских столиц — Афины или Лондон. Там начальник службы Мосада выдавал ему новый паспорт и он приобретал новый статус — скажем, западно-европейского бизнесмена. По этому паспорту он летел в другой город, например Цюрих или Франкфурт, и встречался там с израильским агентом, работающим в какой-нибудь арабской стране. Задание состояло в том, что Авнер должен был передать ему информацию или, наоборот, получить ее от него. Как правило, агент, работающий в арабской стране и выдающий себя за араба, не приезжал в Израиль для обмена информацией. Таким образом устранялся риск разоблачения израильского агента арабскими агентами в Израиле или в Европе во время посадки на самолет, следующий в Израиль. Почти все разведывательные службы действовали именно так. Три четверти секретной информации передавалось из рук в руки в больших городах, кишащих приезжими и туристами.

На этот счет у Авнера были свои не лишенные цинизма соображения. Ему было ясно, что для обмена краткой информацией агентам не обязательно приезжать в Лондон. Вполне годился для этой цели и Бирмингем, а вместо Парижа Нанси. Но и агентам присущи слабости обычных людей. Кто захочет провести целую неделю в Нанси, если можно пожить это время в Париже? Авнера устраивало такое положение вещей. Это было одним из преимуществ его работы.

Многие из заданий, которые Авнер получал в течение этого времени, были связаны с операциями против терроризма. Непосредственно или косвенно.

Начавшийся в 1969 году, как раз перед тем как Авнер вошел в состав стажеров Мосада, цикл международных террористических акций, стал постоянным элементом общественной жизни во многих странах мира. К осени 1972 года можно уже было насчитать более двадцати крупных инцидентов, связанных с деятельностью одних только палестинских террористических организаций.[8]

До осени 1972 года палестинские террористы действовали главным образом в аэропортах и нападали на принадлежащие Израилю и другим западно-европейским странам объекты. 21 февраля 1972 года сорок семь человек были убиты, когда „Дженерал Комманд" — фракция организации Народный фронт освобождения Палестины бомбила швейцарский самолет, стартовавший в Цюрихе. В этот же день взрыв повредил австралийский самолет, на борту которого находилась почта для Тель-Авива. Всего за не-

сколько дней до этого другая палестинская террористическая группа забросала ручными гранатами автобус авиакомпании „Эль-Ал" в аэропорту Мюнхена. Один пассажир был убит и одиннадцать — ранены. В числе раненых была известная израильская актриса Ханна Маррон. Ей пришлось ампутировать ногу.

В том же году, между шестым и девятым сентября, пять самолетов были захвачены в результате эффектной операции, организованной Народным фронтом освобождения Палестины. Из них только один удалось освободить. Охрана застрелила угонщика, а его сообщницу — Лейлу Халед — арестовала.

Четыре других самолета постигла следующая судьба.

Один самолет был пригнан в Каир и взорван. Остальные три с тремястами заложников на борту приземлились в Иордании на старом военном аэродроме Доусон Филд.

Впоследствии, после того как по настоянию угонщиков из тюрем Швейцарии, Англии и Западной Германии были выпущены палестинские террористы, угонщики освободили заложников, а самолеты взорвали.

Однако эта успешная операция закончилась для палестинцев трагедией. Иорданский король Хусейн, спустя несколько недель после описанных событий, изгнал из страны все террористические группы. В процессе этой операции по изгнанию большое число палестинцев погибло. Именно тогда и была создана группа „Черный сентябрь", самая фанатичная из всех организаций этого типа.

Но не надо думать, однако, что терроризм был изобретен палестинцами в конце 60-х годов. Сложилось так, что в течение нескольких десятилетий политический террор как средство борьбы не практиковался. Заново его открыло новое поколение. И многие нации, причем вполне респектабельные, стали время от времени прибегать к террору.

В конце 60-х годов палестинцы обнаружили ахиллесову пяту Израиля. Как военный противник Израиль был почти неуязвим. С неменьшим успехом он отражал и террористические акты на своей территории.

Ахиллесовой пятой Израиля был Запад. Это понял бывший студент инженерного отделения университета в Штутгарте Абаа-Рахман (Ясир) Арафат, хотя впоследствии он это не раз отрицал. Тем не менее Арафат стал руководить актами насилия за пределами Израиля и на оккупированных им территориях, хотя официально их не оправдывал.

Вначале Арафат использовал для этой цели собственную организацию „Аль-Фатах" („Борьба") — умеренную фракцию внутри Организации освобождения Палестины. В дальнейшем он стал прибегать к услугам организации „Черный сентябрь", разумеется тайно, публично неизменно отрицая свою к этому причастность.

Впервые арафатовский „Аль-Фатах" заявил о себе как о террористической организации в 1971 году, когда провел пробную диверсию, напав на несколько складов горючего в Роттердаме. Затем в отместку за убийства палестинцев в Иордании были совершены нападения на офисы иорданской авиалинии и правительственные учреждения в Каире, Париже и Риме.

Вдохновленный примером „Аль-Фатаха", в том же году начал свои операции „Черный сентябрь". В ноябре в Каире, на ступеньках отеля „Шератон" был убит премьер-министр Иордании, а менее чем через три недели — в Лондоне ранен ее посол Заид Рифаи.

Значительно меньшего успеха добился „Черный сентябрь" во время первой своей атаки на Израиль.

В мае 1972 года этой организацией был захвачен бельгийский авиалайнер. Пригнав его в Тель-Авив, террористы попытались обменять его на триста семнадцать палестинцев, находящихся в израильских тюрьмах. В результате этой операции число содержащихся в тюрьмах Израиля палестинцев увеличилось с трехсот семнадцати до трехсот девятнадцати — израильским парашютистам удалось штурмом взять самолет и захватить обоих угонщиков.

Успешные операции против Израиля осуществил в 1972 году Народный фронт освобождения Палестины, самая крупная и опытная из групп, практикующих международный террор. Создателем этой группы был Жорж Хабаш,[9] а террористическими акциями руководил Вади Хадад.[10]

Вади Хадад бы первым, кто попытался создать централизованное руководство мировым терроризмом.

31 мая 1971 года он послал троих убийц-камикадзе из японской „Красной армии" в тель-авивский аэропорт Лод. Террористы бросили в толпу несколько гранат и открыли беспорядочную стрельбу по пассажирам, находящимся в помещении аэровокзала. Двадцать шесть человек были убиты и семьдесят шесть ранены.

По иронии судьбы, среди пострадавших больше всего было христиан-пилигримов, прибывших из Пуэрто-Рико.

В задачу Авнера входило также и наблюдение за людьми в районе европейских аэропортов с целью обнаружения потенциальных террористов, прежде чем им удастся попасть на самолет, следующий в Израиль.

Элемент случайности в таком задании был достаточно велик. Бывали случаи, когда Мосад получал от своих агентов информацию о готовящемся нападении без указания важнейших данных — даты, конкретного маршрута, числа террористов и их имен.

Среди террористов больше всего было молодых арабов, но теоретически террористом мог оказаться человек любого возраста, национальности и пола. Они могли затесаться в какую-ни-

будь смешанную группу путешествующих или найти какое-нибудь иное вполне правдоподобное прикрытие.

Не все планы террористов были связаны с нападениями на самолеты и их угоном. Иногда они направлялись в Израиль с другими заданиями. Например, некоторые должны были вербовать в террористическую организацию палестинцев, живущих на оккупированных территориях, другие выполняли шпионские функции.

Изучению типа террориста мосадовские ученые посвятили немало времени. Ими была разработана психологичесая модель потенциального террориста. Но, разумеется, редко кто из реальных террористов совпадал во всех деталях с этой моделью. И все же некоторые общие для всех террористов особенности поведения были в этой модели учтены.

Так, на основании материалов допросов Мосад мог в общих чертах представить себе поведение молодых палестинских партизан в течение сорока восьми часов, непосредственно предшествующих выполнению террористической акции. Была обнаружена общая для всех тенденция — напоследок пожить как следует, то есть останавливаться в лучших отелях, есть в лучших ресторанах, одним словом, истратить все деньги, оставив только сумму на билет „туда" — в Израиль. В большинстве случаев террористы не бронировали номер в отеле в городе, куда направлялись, не могли назвать имен друзей или родственников, которых будто бы собирались посетить. Часто они выбирали окольный путь в Израиль.

Если некий молодой человек, выдающий себя за студента, покупал билет в Тель-Авив на самолет, следующий маршрутом Париж — Рим — Афины, жил при этом в самом дорогом отеле в Женеве и не мог назвать в Израиле никого из его жителей, хотя, по его же собственным словам, затеял эту поездку именно для встречи с израильскими друзьями, то подозрение считалось обоснованным.

В поведении террористов можно было заметить и другие особенности, характерные для людей в состоянии аффекта.

Обычно они брали с собой очень мало вещей. И этот небольшой багаж — какую-нибудь туристскую сумку или маленький чемоданчик, — как правило, сжимали в руках или держали на коленях, вместо того чтобы положить его на незанятое место рядом с собой или поставить на пол в зале ожидания аэропорта. Они много курили, часто ходили в туалет. Никто из них не мог углубиться в чтение, хотя перелистывать журнал, страницу за страницей, было для них обычным способом маскировки. Было заметно, что им трудно сконцентрировать внимание.

Обычно, планируя угон самолета, террористы создавали группы из трех-четырех человек, однако члены этой группы никогда

не сидели вместе в зале ожидания, но все время переглядывались друг с другом. (Агент Мосада, узнавший одного из террористов в аэропорту Шипхол в Амстердаме по фотографии, без труда опознал двух его спутников, просто проследив, с кем он нервозно обменивался взглядами.) Было отмечено, что террористы предпочитают сидеть на подоконниках, несмотря на то что по соображениям их же собственной безопасности, целесообразнее было сидеть у проходов.

Однако все это было достаточно неопределенным, даже „импрессионистичным", хотя психологи в Мосаде и дали своему детищу название: „Проект профилированной модели". Достаточного научного обоснования этой работе явно не хватало. Полагаться на эти рекомендации можно было, только обладая особой способностью сопоставлять едва уловимые детали.

Авнер выполнял множество подобных заданий, но тревогу поднять счел необходимым только дважды.

В первом случае — все признаки как будто были налицо, но, как выяснилось, подозреваемой молодой паре, кроме большого количества гашиша, скрывать было нечего.

Второй случай стал его триумофом: подозреваемый человек оказался главным вербовщиком террористов на Западном Берегу Иордана. При этом билет он купил туда и обратно, не курил, не ходил в туалет и ни с кем в зале ожидания не обменивался взглядами. Авнер так и не смог объяснить, почему он счел нужным позвонить в Тель-Авив и высказать предположение, что этого человека следует по прибытии задержать и допросить. Подозреваемый был, правда, арабом, но среди пассажиров арабов было много.

Нельзя утверждать, что Авнер стал настоящим специалистом по борьбе с терроризмом. За тот отрезок времени, о котором здесь говорится, его неоднократно посылали лишь на несложные задания. Но его это устраивало. И вот почему.

Во-первых, он не рассматривал эти задания как малозначащие. Во-вторых, это обычно означало поездку за границу, то есть путешествие. В конце 1971 года он побывал даже в Нью-Йорке. Наконец-то его мечта осуществилась!

Спустя некоторое время характер его заданий несколько изменился. Он не был больше охранником на лайнерах, но время от времени все еще получал приказы, связанные с охраной какого-либо лица. Однажды ему довелось участвовать в сложной операции — надо было обеспечить перебежчику из Восточной Германии (имени его Авнер не знал) выезд из Западного Берлина. Собственно его функции тогда сводились лишь к тому, чтобы доставить перебежчика в служебном грузовике компании „Эль-Ал" от ограды аэропорта, в которой была проделана дыра, к ожидающему его на летной полосе Боингу-707. Беглеца он так и не уви-

дел. В другой раз ему поручили охранять Голду Меир во время ее поездки в Париж. Поездка закончилась без всяких приключений.

Авнер и Шошана поженились, когда он проходил практику. Не было больше никаких причин откладывать свадьбу. После окончания университета Шошана как незамужняя женщина могла быть призвана на военную службу. Это не играло решающей роли в их желании пожениться, но все же ускорило свадьбу. Что касается Авнера, то он, как и большинство мужчин, чувствовал себя вполне комфортабельно и без официально оформленного брака.

Авнер не изменял Шошане. Это не означало, что он не замечал других женщин или считался с инструкцией Мосада, отмечавшей нежелательность любовных связей. Он просто был слишком занят. Кроме того, он ощущал какой-то внутренний протест против любовных интрижек и формулировал его так: „Пусть все будет иначе, чем у отца. Пусть у нас будет нормальная семейная жизнь".

Не исключено, однако, что одной из причин его верности было ощущение, что женщины в нем ничего особенно интересного не находили. Они скорее могли бы заинтересоваться его деятельностью, но этой темы он никогда не касался. Он знал, что другие мужчины производили впечатление на женщин независимо от темы разговора. Авнеру это не было дано. Если он встречал красивую девушку, он терялся и стоял перед ней дурак дураком. Иметь в запасе козырь и не сметь им воспользоваться — вот что было досаднее всего.

У него выработалась защитная реакция, этакое снисходительное отношение к женщинам. Когда при виде ослепительной блондинки другие мужчины теряли голову, Авнер только плечами пожимал: „О, конечно, — говорил он, — в полевых условиях она, безусловно, сгодится". При этом наблюдательный человек мог заметить, что, произнося эти слова, он буквально поедал блондинку глазами.

Шошана была совсем другой. Красивой, может быть, не ослепительной, но красивой. Кроме того, она была сабра и ее не надо было завоевывать. В этом смысле израильские женщины держались гораздо проще, чем женщины Европы. Шошана все понимала без слов и ни о чем не спрашивала. Некоторое представление о том, что означали постоянные отлучки Авнера она имела. Если ей задавали по этому поводу вопросы, она сдержанно отвечала: „Авнер выполняет какую-то работу для правительства". В Израиле этого было достаточно.

Свадьбу отпраздновали весело. На фотографиях Авнер запечатлен с широкой улыбкой на загорелом лице и в белом блейзере. Шошана в длинном белом платье казалась таинственной. Бы-

ло много гостей — друзья, соседи, даже трое или четверо товарищей Авнера по службе в армии. Громадный стол был заставлен едой, причудливыми тортами и множеством бутылок сладкого израильского вина цвета меда. Конечно, на свадьбе были родители Авнера. Отец, как всегда, когда попадал в общество, покорил всех присутствующих своим обаянием. Он пришел с Вильмой. Все были необычайно предупредительны друг к другу... Но на некоторых фотографиях, где были сняты мать, отец, Вильма и родители Шошаны, заметно, что мать и Вильма стараются не встречаться друг с другом глазами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОВЫЙ ПОВОРОТ ЕВРЕЙСКОЙ ЭТИКИ

ГОЛДА МЕИР

Об убийстве спортсменов в Мюнхене Авнер узнал в Париже, сидя у телевизора, как и большинство его соотечественников, где бы они ни были. В Израиль он возвратился к дню похорон. Несмотря на то что похороны вылились в событие общенационального значения, Голды Меир на них не было. Официальная версия гласила, что премьер-министр находится в трауре по поводу смерти сестры. Однако многие предполагали, что Голда Меир опасалась народного гнева, или, говоря проще, плевков и даже камней, брошенных в ее сторону. Разумеется, обвинять Голду Меир в происшедшем было трудно, но всего можно ожидать от толпы в состоянии гневного возбуждения.

Авнер пробыл в Израиле менее суток: его вновь отправили курьером с незначительной миссией в Нью-Йорк. В обычном состоянии он поехал бы с удовольствием. Но на этот раз он был захвачен волной общего для всех израильтян горя.[1] Атмосфера безразличия и деловитости в Нью-Йорке показалась ему неуютной. Так что в пятницу, через две недели после убийства спортсменов, он с удовольствием возвращался домой.

В его чемодане было много недорогих сувениров: рубашки и блузки для Шошаны, брелочки для ключей, солонки, перечницы и прочая дребедень для матери и родителей Шошаны. Даже для щенка Чарли (немецкой овчарки) он припас коробку с сочными молочными костями из нью-йоркского супермаркета. Шошана и Авнер баловали щенка. Он был свадебным подарком друзей Авнера по армии, которые запомнили его рассказы о любимой в детстве собаке Бобби, тоже немецкой овчарке.

Самолет приземлился с опозданием. Но Авнер все же надеялся успеть пообедать с Шошаной в ресторане. Однако ему следовало поторопиться — по пятницам после захода солнца на горячую пищу рассчитывать было нельзя. Так что Авнер не слишком обрадовался, увидев руководителя своей секции, который его дожидался.

— Хорошо съездил? — спросил руководитель.

— Да, спасибо, — ответил Авнер. Он не привык, чтобы начальство его встречало.

Что-нибудь случилось? Мне надо до темноты попасть домой.

— Я понимаю. Но все же я здесь, чтобы предупредить тебя. Не строй на завтра никаких планов. В девять утра за тобой заедет машина.

— Что случилось? — опять спросил Авнер.

— Не знаю, но будь готов к девяти.

Авнер огорчился.

— Черт подери! — воскликнул он. — Я зверски устал. Двенадцать часов лета... Я хотел немножко поспать.

— У тебя есть еще время, — услышал он в ответ.

И это было все.

Утром, забыв о разговоре в аэропорту, Авнер начал было собирать пожитки, чтобы ехать на пляж. По субботам пляж в Тель-Авиве был открыт. И вдруг его как стукнуло.

— Брось! — крикнул он Шошане. — Я не могу ехать. Вот проклятье! Уже почти девять. Через две минуты за мной приедут.

Шошана, как обычно, никаких вопросов не задавала. И ничем своего разочарования не обнаружила. Она стояла рядом с ним с чашкой недопитого кофе в руке. Авнер, тоже с чашкой, пытался одновременно выпить кофе и зашнуровать ботинки.

Через минуту после того как стрелки часов показали девять, раздался звонок. Авнер загрохотал вниз со второго этажа, на ходу застегивая рубашку. У двери он увидел человека, с которым был едва знаком. Это был тоже агент безопасности, но в отличие от Авнера он, если так можно выразиться, имел постоянное место работы — возил генерала Цви Замира, возглавлявшего Мосад.

Поначалу Авнер решил, что произошла ошибка.

— Это вы звонили? — спросил он, заканчивая возню с последней пуговицей рубашки.

Шофер кивнул и придержал дверь, чтобы Авнер мог выйти. На углу стояла машина. Они направились к ней. Шофер открыл дверцу. На заднем сиденье сидел Замир.

Авнер смутился.

— Садитесь, садитесь... — нетерпеливо проговорил генерал.

Авнер занял место рядом с главой Мосада. Голова у него пошла кругом. С Замиром он встречался дважды. Первый раз, когда был представлен ему в составе группы молодых агентов во время очередной тренировки. Во второй — случайно, в самолете, летевшем в Рим. Генерал был пассажиром, а Авнер — охранником. Они обменялись тогда несколькими словами. И вот теперь он сидит в одной машине с Замиром! Непостижимо.

Израиль — маленькая демократическая страна, и социальные и профессиональные дистанции в Израиле гораздо меньше, чем в большинстве других стран. Здесь все евреи, все плывут в одной спасательной шлюпке, все делают одно дело. Авнер, разумеется, был потрясен, но все же куда меньше, чем был бы

потрясен, скажем, какой-нибудь рядовой агент ФБР, оказавшийся рядом с главой своего ведомства Эдгаром Гувером.

Машина ехала вдоль улицы Хамасгер. Затем свернула на восток, на шоссе, минуя дорогу Кибуц Галует.

— Мы едем в Иерусалим, — сказал Замир.

Авнер кивнул. Задавать вопросы не имело смысла. Скоро и так все выяснится. Может быть, он в чем-нибудь провинился? Но в таком случае его вина должна была граничить с преступлением, чтобы сам Замир этим заинтересовался. „Нет, этого не может быть", — подумал Авнер. И успокоился.

Этим субботним утром шоссе на Иерусалим было пусто. Когда они выезжали из Тель-Авива, сентябрьское солнце пекло вовсю. Через полчаса дорога пошла вверх по холмам, окружающим Иерусалим, и стало заметно прохладнее. Авнер любил эту дорогу, петляющую по иерусалимским холмам через прореженные леса, мимо ржавого цвета скал. Этот мягкий и сухой воздух напоминал ему летние дни в Европе. Там и сям вдоль шоссе виднелись груды обломков „сандвичей" — бронированных самодельных грузовиков, которые когда-то, в дни Войны за независимость сопровождали транспорты, поддерживающие связь между Иерусалимом и всей остальной частью страны. На дорогах, проходящих по вражеской арабской территории, они часто подвергались атакам партизан. В стране сохранилось множество таких „памятников". Израильтяне давно к ним привыкли и не обращали внимания. Но Авнер на эти „памятники" всегда реагировал болезненно.

Замир держался дружественно, но казался чем-то озабоченным. Они почти не разговаривали. Но об отце он Авнера спросил. Авнер уже к этому привык. После ареста и суда над ним, отец стал знаменит, пожалуй, не менее, чем Эли Коген. О его заслугах перед Израилем был опубликован целый ряд статей. Даже книга о нем вышла, хотя писатели мало что знали о его частной жизни и еще меньше о его личных переживаниях.

Отец был известен не под своим именем, которое носил, живя в Реховоте. Да и Авнер, будучи в армии, свое имя поменял.

На вопрос Замира он ответил:

— Спасибо, хорошо. Хотя со здоровьем, конечно, не блестяще.

Генерал кивнул.

— Скажите ему, что я интересовался... Скажите ему еще, что я на этих днях заеду к нему повидаться.

— Он будет рад, — вежливо ответил Авнер, хотя понятия не имел, так ли это. Ведь под таинственными „они", на которых отец зловеще намекал, мог иметься в виду и Цви Замир.

Остаток пути они молчали. Все расстояние между Тель-Авивом и Иерусалимом, через узкую полосу территории Израиля при хорошей езде можно было покрыть приблизительно за час. В эту субботу они его проехали меньше чем за час. Еще не было де-

сяти, когда они въехали в окрестности Иерусалима и остановились перед каким-то зданием.

Авнеру показалось, что место ему знакомо, но поверить, что это действительно так, было трудно. Сначала генерал Замир... Потом — этот дом... Он вопросительно взглянул на генерала, но тот уже выходил из машины, кивнув Авнеру и приглашая его следовать за собой. Снаружи у ворот стоял полицейский, который широко распахнул их, как только они приблизились. Авнер машинально последовал за генералом. Квартира и гостиная ему понравились, здесь было уютно, хотя и несколько старомодно. Никаких сомнений в том, куда они пришли, у Авнера больше не оставалось. И все-таки он поверил в реальность происходящего только после того, как увидел на стенах *ее* портреты. Вот она перерезает какие-то ленты. Склонилась в поклоне Неру. Стоит рядом с Бен-Гурионом.

Дверь отворилась. Авнер увидел кухню. Голда Меир, слегка сутулая, в домашнем платье, постукивая прочными черными ботинками, быстро пересекла комнату и протянула Авнеру руку.

— Как поживаете? — спросила премьер-министр Израиля. — И как ваш отец?

Авнер пробормотал что-то тривиальное.

— Хорошо. Я рада это слышать. Вы знакомы?

Только сейчас Авнер заметил, что в комнате, помимо телохранителя и Замира находился еще один человек. Он был в форме. Авнер знал его по армии. Это был генерал-майор Ариель Шарон.[2] Тот самый Шарон, перед которым он когда-то преклонялся. Они пожали друг другу руки.

— Чай или кофе? — спросила Голда Меир. — Или лучше фрукты?

Генералы Шарон и Замир подвинули себе стулья. Поколебавшись, Авнер последовал их примеру. Он все еще не мог себе даже представить, для чего он здесь, в гостиной Голды Меир. И его интуиция на этот раз ничего ему не говорила.

С удивлением он наблюдал, как она опять ушла на кухню, затем вернулась с подносом в руках и начала накрывать на стол. Телохранитель скрылся. Замир и Шарон тихо разговаривали между собой. Авнер встал. Голда Меир покачала головой, и он снова сел. Как зачарованный он глядел на ее непокорные седые волосы, сильные толстоватые пальцы, старомодные квадратные мужские ручные часы. Он видел ее однажды, когда она летела в Париж на самолете, который он обслуживал как агент безопасности, но не разглядел. Она была похожа на его бабушку. Он тут же сообразил, что она, видимо, каждому в Израиле напоминала его бабушку. Это особенно бросилось ему в глаза, когда она принялась резать яблоко на части и протягивать каждому из них по кусочку, точно они были детьми.

Но вот Голда Меир заговорила. Поначалу Авнер не понимал, кому она адресовала свою речь. Он заметил, что ни на Ариеля Шарона, ни на Цви Замира она не смотрела. Она смотрела куда-то в пространство, поверх их голов, точно обращалась к невидимой аудитории за пределами этой комнаты, но голос ее звучал ровно. Может быть, это было обращение к населению Иерусалима или всего Израиля? А может быть, она просто говорила вслух сама с собой?

Слушая ее, Авнер все больше недоумевал, хотя его вовсе не смущало то, о чем она говорила. В ее эмоциональной, сильной речи каждое слово было ему понятно. Это была история евреев. Она говорила о том, что вновь, как и прежде, на евреев совершаются нападения, их убивают. Везде. Только потому, что евреи хотят иметь свой дом. Она говорила о ни в чем не повинных пассажирах и экипажах самолетов, погибших в Афинах, в Цюрихе, в аэропорту Лод. Сегодня в Германии, точно так же как тридцать лет назад, евреев связали, одели им повязки на глаза и уничтожили, а весь мир в это время был занят игрой в волейбол. Играли духовые оркестры. Пылали Олимпийские факелы. И все это тогда, когда евреи были погружены в глубокий траур. Евреи одиноки в этом мире. И так было всегда. В лучшем случае мир откликался на горе и беды евреев несколькими возгласами сочувствия. Никто за них не вступался. Защищать себя евреи должны сами.

Государство Израиль было создано для спасения евреев, продолжала Голда Меир, для защиты их от врагов. Оно должно служить евреям всего мира убежищем, местом, где евреи смогут жить в безопасности. Но, вступив в борьбу за свой дом, Израиль не нарушил этических принципов, не опустился до морального уровня своих врагов. Защищая своих детей, Израиль проповедовал сдержанность. Он стремился не пятнать своих рук кровью. Спасая свой народ, Израиль соблюдал нормы поведения, принятые в цивилизованном мире, избегая излишней жестокости, не подвергая опасности даже жизнь случайного человека. Израиль был единственной страной, которая не применяла смертную казнь даже к террористам, саботажникам и шпионам.[3] Она, Голда Меир, со своей стороны, всегда спорила с теми, кто пытался изменить это положение. Она пользовалась своим правом вето на любой план, который мог бы нарушить хотя бы одну из нравственных заповедей.

И тут премьер-министр первый раз посмотрела прямо на Авнера.

— Я хочу, чтобы вы знали, — сказала она, — это решение принято мною. И ответственность я полностью беру на себя. — Она поднялась. — Это мое решение, — повторила она. — Теперь вы можете все обсудить, — закончила Голда Меир и направилась в другую комнату.

Авнер был потрясен.

Все, что касалось Израиля и истории еврейского народа, все, о чем говорила Голда Меир, с точки зрения Авнера, было непререкаемой истиной. Но почему, почему она сочла нужным говорить об этом с ним? Или с Шароном и с генералом Замиром? Почему возглавляющий Мосад генерал счел нужным привезти Авнера в Иерусалим, в дом Голды Меир? Чтобы он услышал от нее то, что всем в Израиле было хорошо известно? А решение? О каком решении шла речь? Что именно должны были они обсуждать?

Молчание прервал генерал Шарон.

— Как вы, вероятно, догадались, — сухо сказал он, взглянув на Авнера, — речь идет о вещах чрезвычайной важности. Думаю, что нет надобности это объяснять. Вы не сидели бы сейчас здесь, если бы это было не так.

Авнер утвердительно кивнул, почувствовав, что именно этого от него ожидали.

— Вопрос заключается в следующем, — продолжал Шарон, — согласитесь ли вы взять на себя выполнение ответственного задания. Очень ответственного. Я думаю, что и этого объяснять не надо. Но я должен сказать, что это задание не только ответственное. Оно сопряжено с опасностью. Более того, оно перевернет всю вашу жизнь. Вам придется уехать. И неизвестно, когда вы сможете вернуться. Пройдут, может быть, годы...

Авнер молчал.

Шарон взглянул на Замира и продолжал:

— Говорить о том, чем вы заняты, вы не сможете ни с кем. Время от времени мы будем устраивать вам свидания с женой в какой-нибудь другой стране. Но и ее вы не сможете посвятить в свои дела.

Авнер продолжал молчать. Молчали и оба генерала. Наконец Шарон заговорил снова.

— Я бы хотел одного, — произнес он тихо, — чтобы это предложение было сделано мне.

Авнер попытался стряхнуть оцепенение. Полностью осознать происходящее он еще не мог, но что-то стало вырисовываться. Задание... Конечно, это должно было быть задание. Ему следовало догадаться. По какой другой причине стали бы они привозить к Голде Меир рядового агента? И, вероятно, это важное задание. При таких обстоятельствах оно не может быть иным... Но почему именно он? И что это за задание?

Надо было хоть что-нибудь сказать, и он задал первый пришедший ему в голову вопрос.

— Я буду действовать в одиночку?

Тогда заговорил генерал Замир.

— Нет, — сказал он. — Но сейчас важно не это. Важен ваш ответ. Согласны ли вы?

— Я должен... — начал Авнер, — мне нужно подумать. Могу ли я дать ответ через неделю?

Он и сам еще не понимал, чем вызваны его колебания. Может быть, интуиция, его „шестое чувство"? Страха в нем не было. Он не заботился о своей безопасности. В свои двадцать пять лет он имел за плечами уже серьезный опыт столкновений с опасностями: четыре года в армии, Шестидневная война, задания, которые он выполнял за границей. В чем же было дело? Почему он сомневался? Шошана? Шошана была беременна. Авнер узнал об этом несколько месяцев назад. Она была такой стройной, что даже сейчас, на пятом месяце, беременность была едва заметна. И все-таки не в Шошане дело. Он находится в доме у Голды Меир, глава Мосада делает ему предложение. А он колеблется?!

Генерал Замир покачал головой.

— В вашем распоряжении один день, — сказал он. — Обдумайте свой ответ. Если вы не сможете принять решение в течение одного дня, это будет означать только одно — что вы не в состоянии принять его вообще.

Шарон протянул Авнеру руку...

— Мы, по-видимому, больше с вами не увидимся, — сказал он. — Так что разрешите пожелать вам удачи. — Он посмотрел Авнеру в глаза и прибавил: — Желаю удачи, что бы вы ни решили.

Как хотелось Авнеру задать им несколько вопросов! Но он понимал, что этого делать нельзя. Будет ли это задание похоже на задание Эли Когена? Или на работу его отца? Должен ли он будет уйти в подполье и жить под чужим именем? Или...

В комнату вошла Голда Меир. Авнер тут же отключился.

— Как дела? — спросила она. — Все улажено?

— Все решено, — коротко ответил Замир. И прибавил: — Окончательное решение будет известно завтра, но... я думаю, все в порядке.

Несмотря на охватившее его смущение, Авнер все же заметил взгляд, которым обменялись Замир и премьер-министр. Она чуть приметно покачала головой, как бы говоря: „Я предупреждала вас, — не так уж это легко". Во взгляде генерала можно было прочесть ответ: „Не беспокойтесь, не он, так другой, но мы это сделаем". Но, возможно, что весь этот немой диалог был только плодом воображения Авнера.

Между тем Голда Меир (и это уже не было фантазией) подошла к нему, обняла и, провожая к выходу из комнаты, сказала:

— Передайте от меня привет вашему отцу и жене. Как ее зовут? — И услышав ответ, повторила: — Передайте привет Шошане. Я от души желаю вам удачи. — Уже в дверях, пожимая ему руку, она прибавила: — Запомните этот день. Он должен изменить ход еврейской истории. И вы — один из участников этого изменения.

Авнер даже не попытался ответить. Он был ошеломлен, благо-

говейный трепет и восхищение овладели им. И все же... Все же он многое бы отдал, чтобы знать, что имела в виду Голда Меир. Тем не менее он надеялся, что застывшая на его лице улыбка не выглядела идиотской.

Еще некоторое время он молча смотрел, как Голда Меир прощалась с Замиром и Шароном, затем исчезла за дверью.

Из оцепенения его вывел спокойный голос генерала Замира.

— Вы, конечно, понимаете, что о нашем свидании не следует говорить ни с отцом, ни с женой. Ни с кем вообще. Независимо от того, что вы решите. То, что здесь происходило, касается только премьер-министра и нас троих. — Он замолчал. — А сейчас, пожалуйста, подождите меня в машине. Мне надо еще кое о чем поговорить с Шароном.

Сидя в машине, Авнер никак не мог поверить в реальность того, что с ним произошло. В наше время ни в Израиле, ни в других странах, агенты не получают заданий непосредственно от глав государств. В далеком прошлом такие случаи бывали. В чрезвычайных обстоятельствах правитель обращался к своим подданным. Но в современном обществе с его сложной иерархической системой это было немыслимо.

По всей вероятности, поступок Голды Меир был продиктован желанием подчеркнуть необычность ситуации. Возможно, она последовала чьему-то совету. Она знала — и сумела это внушить Авнеру, — что то, что ему предстоит совершить, не имеет аналогов в прошлом. Ни одному солдату израильской армии подобных предложений не делали.

К тайным актам насилия в Израиле относились по-разному. Конечно, Израиль практиковал операции контртеррора в лагере противника еще задолго до убийств в Лоде и Мюнхене. В 1956 году, например, после того как Египет спровоцировал вторжение федаинов в Израиль, двое египетских офицеров разведки, ответственных за эти акты террора — полковник Хафез и полковник Мустафа — были убиты бомбами, полученными в посылках. Целесообразность подобных операций, однако, считалась в Израиле спорной. Великие державы — не только Советский Союз, но и США и Великобритания — время от времени прибегали к насилию в своих национальных интересах. Израиль такую тактику никогда безоговорочно не принимал. В структуре израильского общества (впрочем, как и в еврейском фольклоре) трудно было найти место для агента, получающего лицензию на право убивать.

Поведение Голды Меир, возможно, было продиктовано и соображениями, связанными с положением дел внутри Мосада, хотя Авнеру эти обстоятельства были тогда неизвестны. К осени 1972 года положение генерала Замира несколько пошатнулось в связи с тем, что он не сумел предотвратить атаки террористов в Мюнхене и в аэропорту Лод. Генерал Аарон Ярив, много лет

проработавший в военной разведке, был назначен на должность специального помощника по делам террористов. Таким образом, часть функций Замира была передана ему. Аарон Ярив, по слухам, пользовался расположением Голды Меир.[4] Можно предположить, что на ее встрече с Авнером настаивал именно он. Впрочем, эта встреча могла состояться и по инициативе генерала Замира, который хотел возложить на Голду Меир ответственность за операцию или просто желал продемонстрировать активность главы Мосада в деле борьбы с терроризмом, ставшим осенью 1972 года самой серьезной угрозой Израилю со всех точек зрения, включая и моральную.

Из окна машины Авнер видел стоящих у ворот Шарона и Замира. Генералы о чем-то тихо разговаривали, но при этом энергично жестикулировали. Авнер глубоко вздохнул и попытался расслабиться. Надо медленно сосчитать до ста, — решил он. И ни о чем не думать. Генерал Замир сел в машину, когда Авнер добрался в своем счете до цифры 87. Шарона уже не было видно.

— Я останусь на один день в Иерусалиме, — сказал Замир. — Шофер подвезет меня, а потом поедет с вами в Тель-Авив. Завтра... — он взглянул на часы, — завтра в полдень явитесь ко мне.

Было ровно двенадцать. Генерал Замир дал ему двадцать четыре часа на размышления. Впрочем, они ему были не нужны. Он уже знал, что ему ответит.

Когда машина прибыла в Тель-Авив и остановилась у перекрестка, у Авнера мелькнула мысль: заметят ли прохожие, что он выходит из большого лимузина с шофером? А если заметят, поймут ли, что он выходит из машины генерала Цви Замира?

Эти мысли вряд ли делали честь человеку, который должен был сыграть важную роль в изменении курса еврейской истории. Но они были именно таковы. Других мыслей у него в этот момент не было.

Через десять дней, 25 сентября 1972 года, днем, Авнер сидел на кровати в скромной комнате отеля в Женеве. Бело-розовый фасад приличного и внушающего доверие отеля „Дю Миди" выходил на площадь Шевлю, где разместился торговый центр, цены которого были явно рассчитаны на весьма состоятельных людей. На противоположном берегу Роны, который был виден из окна его номера, высились мрачноватые здания делового района. Дальше, к востоку, в нескольких сотнях метров от отеля, узкое горло Роны, постепенно расширяясь, переходило в великолепное Женевское озеро.

Можно было подумать, что этот швейцарский город сделан из хрусталя — так бережно его жители с ним обращались. Заведенные порядки нарушались здесь редко. И потому, вероятно, возникло молчаливое, нигде не зарегистрированное соглашение, в соответствии с которым Женева стала местом, где люди, занимающиеся нарушением международных порядков, могли спокойно вынашивать свои планы, перегруппировывать и восстанавливать силы.

В комнате находились четверо мужчин. Взгляд Авнера остановился на них. Они держались раскованно, с доверием ожидая, когда он заговорит.

Всего неделю назад Авнер не догадывался о существовании этих людей. А теперь они его партнеры, его группа. И он их начальник, лицо, ответственное за выполнение задания. Поверить в это ему до сих пор не удавалось.

До завершения их миссии эти четверо мужчин будут самыми близкими ему людьми, ближе, чем кто-нибудь за всю его жизнь. Ближе отца и матери. Ближе Шошаны. Ближе старых закадычных друзей. Ближе, чем боевые товарищи в армии. Он доверит им свою жизнь. Они в свою очередь доверят ему свои жизни.

За эти десять дней в жизни Авнера произошло больше событий, чем за все прожитые им двадцать пять лет.

Его жизнь изменилась мгновенно, но нельзя сказать, что это было для него чем-то неожиданным. Последовательно, с самых

тех дней, когда он вошел в состав отряда коммандос, шаг за шагом он шел к той ситуации, в которой сейчас находился. Тем не менее с той минуты, как Голда Меир пожелала ему удачи, Авнер потерял контроль над собой. Это был не страх перед опасностью. Просто с объективностью постороннего он констатировал, что *это* произошло. У него было чувство, что он свалился за борт. Он был в воде, и его несло в открытое море. И ничего с этим поделать уже было нельзя. Не плыть же против течения. Это было бы просто нелепо.

Когда на следующий день после встречи с Голдой Меир в двенадцать часов утра он явился к генералу Замиру, тот встретил его вполне сдержанно и не выказал особой заинтересованности.

— Итак? — спросил он, подняв глаза на Авнера.

— Я согласен.

Генерал кивнул так, словно ничего другого он и не ожидал. Авнера это не удивило. В Израиле не принято было приходить в неуемный восторг, когда кто-нибудь добровольно соглашался выполнять трудные или опасные задания. Тем не менее он был разочарован.

— Подождите в коридоре, — сказал генерал. — Я хочу вас познакомить с одним человеком.

Человек, которому Авнер был представлен спустя полчаса, оказался мужчиной высокого роста и чем-то напоминал профессора. Ему было лет сорок с небольшим, ранняя седина блестела в его волосах. Сутулый, со скорбными складками вокруг рта, он удивлял живым выражением своих темных глаз. Его манера держаться сразу же располагала. Он вел себя с Авнером так, точно они знали друг друга давным-давно. Авнеру он понравился, но родственных чувств по отношению к нему он не испытывал. Его новый знакомый явно был из галицийцев.

— Меня зовут Эфраим, — просто сказал он. — Я буду вашим начальником. Поймите меня правильно — мы только нащупываем пути в этом деле. У вас возникнет множество вопросов, на многие из которых у меня еще нет ответов. Вам придется набраться терпения. Кстати, не хотите поесть? Почему бы нам не начать с ленча?

После ленча они отправились в длинную прогулку вдоль берега. Эфраим рассказывал...

Много лет спустя Авнер должен был признаться себе, что даже после того, как Эфраим в течение первых пяти минут изложил суть задания, он еще долго, в течение двух дней, этой сути по настоящему не понимал. От него оставался скрытым более глубокий и принципиальный смысл его миссии. На слова Эфраима: „Мы решили создать группу, чтобы ликвидировать террористов в Европе", — Авнер отреагировал с полным пониманием. „Давно пора!" И испытал некоторое облегчение при мысли о том, что ему

не придется действовать в одиночку, как отцу, выполняя очередное шпионское поручение, а также изучать языки и коды. Группа оперативников — это прекрасно! Похоже на то, что было в армии. Ехать в Европу? — И это прекрасно. Что же касается термина „*ликвидировать*", то он в этом контексте тоже казался естественным. Опять же, как в армии во время учений, когда это слово звучало тысячи раз. Оно могло означать все что угодно: рейд, разведку боем. Надо было, скажем, взорвать склад, коммуникационный центр или радарную установку, или внезапно напасть и захватить пленных. Из всех этих слов не было ни одного, которое могло бы удивить или обескуражить бывшего солдата из спецподразделения.

— Прежде чем продолжить наш разговор, — сказал Эфраим, — давайте обсудим все касающееся дальнейшей процедуры.

Надо было объяснить Шошане, что в течение нескольких ближайших дней он будет отсутствовать. Это первое. Затем он должен будет явиться по указанному адресу в Тель-Авиве. Там, в квартире, расположенной в первом этаже (верхний этаж снимала фирма готового платья) он проведет сорок восемь часов вдвоем с Эфраимом. Когда Эфраиму нужно будет отлучиться на час-два. Его на это время заменит другой человек, „для компании", — уточнил Эфраим. Между тем, как впоследствии оказалось, этот человек за все время своего пребывания „в компании" Авнера не произнес ни слова. Было очевидно, что он был приставлен к нему как охранник, готовый предотвратить его уход или звонки по телефону.

Первое задание состояло в том, что он должен был выбыть из Мосада. В одном из „контрактов", которые Авнер подписал, перечислялись не обязанности сторон сделать то-то и то-то, а обязательства *не делать* того-то и того-то. Мосад отказывался от его услуг, соответственно, Авнер не будет обеспечен пенсией или другой социальной помощью, исходящей от этого учреждения. Авнер не может рассчитывать и на юридическую поддерку со стороны Мосада. Кроме того, Мосад ни при каких обстоятельствах не признает, что Авнер был его сотрудником и не сможет гарантировать ему содействие консульства или медицинскую помощь.

Авнер, со своей стороны, отказывается от всяких претензий к Мосаду. Он не будет обращаться к нему за помощью или возлагать на него ответственность за свои действия или их последствия. Он никогда не признается в том, что был сотрудником Мосада и обязывается не разглашать этот факт.

— Вы понимаете, о чем идет речь? — спрашивал Эфраим каждый раз, когда подсовывал ему очередную бумажку на подпись. — Прочтите. Я не хочу, чтобы вы подписывали, не читая.

Авнер только кивал в ответ головой и подписывал. Раз-другой

у него мелькнула мысль о том, что ничего-то он не припрятывает, как советовал ему когда-то отец. Но что ему было делать? Требовать адвоката? Но разве он мог чего-то требовать после того, как сама Голда Меир обняла его и объявила, что он один из „деятелей" еврейской истории? Он, правда, знал, что галицийцы друга в беде не покинут. Их можно было обвинять во многом, но в этом никогда. Авнер доверял своим соплеменникам в этом смысле полностью. Даже тем, которым в прочих ситуациях доверять бы не стал.

Если еврей попадал в беду, галицийцы небо и землю перевернут, чтобы его выручить. И это несмотря на их делячество, на постоянную сосредоточенность лишь на своей собственной выгоде. Они будут хитрить, обманывать, льстить и даже убьют, если потребуется, или погибнут сами, но в руках врага своего человека не оставят. Все равно — с контрактом или без него. Если припомнить все то, что было предпринято для спасения жизни Эли Когена, то только можно удивляться этой огромной энергии израильтян. Живи Коген в другой стране, от него бы вообще отказались. Все страны, кроме Израиля, так и поступают со своими агентами, если они разоблачены. Израиль рисковал потерять нескольких коммандос, однако пытался выкрасть останки Эли Когена из Сирии, чтобы похоронить его прах на родине.[1] Так что об этом Авнеру беспокоиться не приходилось.

Он поделился своими соображениями с Эфраимом. В ответ Эфраим лукаво ухмыльнулся и сказал:

— Пока что позаботимся о вашем еще живом теле. Подпишите это и попрощайтесь со своим оплаченным зубным доктором.

— Прощай, — сказал Авнер и поставил подпись.

После того как с бумагами было покончено, Эфраим вручил Авнеру почти две тысячи израильских фунтов — его взносы в государственный пенсионный фонд за три года службы в Мосаде.

— Поздравляю, — сказал Эфраим. — Я серьезно — вы все еще свободный человек. Вы можете в любой момент, пока мы продолжаем обсуждение, изменить свои намерения. До тех пор, пока вы отсюда не ушли.

— А что потом? — спросил Авнер.

Эфраим посмотрел на него и засмеялся.

— Я рад, что у вас есть чувство юмора, — сказал он.

Главной целью плана, как объяснил Эфраим, было пресечь терроризм в его истоках. В отличие от армии, которая является частью государства, террористические группы, какими бы всепроникающими они ни казались, можно легко обнаружить, выявив их руководителей и хозяев. Террористические организации, как правило, малочисленны и полностью зависят от своих организаторов и лидеров. Они живут в подполье и действуют, опираясь на мобильные базы за линией фронта. Они невидимы. Секретность —

залог их успеха, с одной стороны, но и уязвимости — с другой. В отличие от регулярных войсковых соединений они сами по себе функционировать не могут. Существует несколько секретных каналов, по которым они снабжаются всем необходимым: деньгами, оружием, документами, тайными квартирами. Они нуждаются в вербовке новых членов и постоянных тренировках. Если поврежден хоть один канал связи, вся сеть хиреет.

— Терроризм — дракон, — продолжал Эфраим, — но, к счастью, этот дракон имеет не более дюжины голов. Может быть, нам удастся отрубить их, одну за другой.

— Не отрастит ли он новые на смену старым? — спросил Авнер.

Эфраим улыбнулся и задумчиво посмотрел на свои ногти.

— Скорее всего отрастит, — сказал он. — Но постарайтесь понять. Существует такой фактор как время. Террорист — фанатик. Руководитель террористов тоже фанатик, но умный и искусный в своем деле. Люди в большинстве своем не фанатики. А фанатики в большинстве своем и не умны, и не талантливы. Если вы ликвидировали одного лидера, пройдет год или два, пока найдется ему замена. К тому же, если старая сеть разрушена, то новому лидеру потребуется, считайте, еще год, чтобы ее восстановить. Между тем новый лидер может себя обнаружить и тем самым даст нам возможность ликвидировать себя раньше, чем наделает много новых бед. Пока что вы спасли сотни ни в чем не повинных людей. Разве это ничего не стоит? К тому же даже самый лучший террорист — это просто спичка. И этой спичке нужен бочонок с порохом, чтобы взорвать его. Беда в том, что сейчас весь мир представляет собой не что иное, как пороховую бочку. Что будет через год-два — кто знает? — Эфраим замолчал. Вновь взглянув на свои руки, он сказал: — Посмотрите на мои ногти. Не пора ли остричь их? Может быть, вы возразите: „Зачем? Они ведь вновь отрастут".

— Вы правы, — кивнул Авнер.

— Как бы то ни было, — заключил Эфраим, — все это философия, а мы с вами здесь не для этого. Нам надо действовать. Это не значит, что вы не можете задавать мне вопросы. Если они у вас есть, задавайте. Но разрешите мне сначала кое-что сказать о нашем плане.

Эту операцию Мосад тщательно обдумал, объяснил Эфраим. Решено было начать с организации небольшой самостоятельной группы оперативников. Группы, которая будет действовать в Европе и которая должна будет сама обеспечивать себя всем необходимым в течение нескольких месяцев, а может быть, и нескольких лет. Группа эта не будет нуждаться в поддержке Мосада, поскольку в нее войдут все специалисты, которыми располагает Мосад. Все это делается не только для того, чтобы держать группу на расстоянии, хотя и это соображение играет некоторую роль, но и для обеспечения ее безопасности.

Очень часто агентов обнаруживают в тот момент, когда они связываются с центром, снабжающим их инструкциями, оружием, документами. Группа, которая сама себя обеспечивает документами, самостоятельно достает оружие, создает свою собственную сеть осведомителей, группа, члены которой никогда не приближаются к посольствам, не посещают резидента, не имеют никаких контактов, обычных в практике других агентов Мосада, наконец, группа, которая не будет подавать никаких сигналов, посылать информацию через какие-нибудь коммуникационные каналы — практически такая группа становится почти неуязвимой. Она будет построена по типу террористических групп, но перед последними у нее будет много преимуществ. Ей откроется возможность проникнуть в сеть террористических организаций и черпать оттуда сведения, необходимые для ее деятельности. Собственно, в идеале так и должно быть. А почему бы и нет? Двух зайцев можно убить и одним выстрелом. Террористических групп, не связанных друг с другом, много, но все они нуждаются в надежных убежищах, паспортах и взрывчатых веществах. И ваша группа — всего лишь одна из них. Что может быть надежнее такого прикрытия?

— На самом деле нам не требуется связь, — сказал Эфраим. — Как я обычно узнаю, что террористы взорвали самолет? Из газет. „Ле Монд" или „Карьера делла Сиера", или „Нью-Йорк Таймс", или какая-то другая газета, обязательно напечатает об этом. И вот однажды, открыв „Ле Монд" я увижу, что террорист такой-то убит. Что еще мне надо об этом знать?

Чем дольше говорил Эфраим, тем с большим энтузиазмом слушал его Авнер. Это было грандиозно. Настоящее дело. Он сможет *это* организовать. Он сможет им показать, на что способен. Однако Авнер все же был осторожен и своего энтузиазма старался не выказывать. У него должно быть лицо игрока в покер. Он помнил психологические тесты, помнил, что Мосад не желает иметь дело со счастливчиком, довольным своей судьбой, с человеком, стремящимся стать героем. Поэтому ему лучше выглядеть задумчивым , даже озабоченным.

Авнер выбрал линию поведения правильно, потому что тут же обнаружилось, что он все еще не понимал, о чем именно шла речь. Вроде бы и понимал, а вроде бы и нет. Понимание пришло позднее, уже после короткого перерыва на ленч. Эфраим предложил ему задавать вопросы.

— Эту группу комплектовать буду я? — спросил Авнер.

— Нет, мы уже отобрали нужных людей.

— Когда я смогу с ними познакомиться?

Эфраим улыбнулся.

— Терпение, — произнес он по-арабски. — Терпение. Все в свое время. Их еще нет здесь, в Израиле.

Интуиция подсказывала Авнеру, что Эфраим по каким-то причинам говорит неправду, но это в общем не имело значения.

— Из кого состоит эта группа? Есть взрывник?

— Да, — ответил Эфраим.

— А специалист по документам?

— Тоже.

— Значит, непосредственно „ликвидацией" будет заниматься один или два человека? — продолжал Авнер и заметил, что Эфраим в недоумении поднял брови. — Ну, тот, кто, что называется, нажмет кнопку.

— Что вы имеете в виду? Что значит „нажмет кнопку"?

Теперь недоумевал Авнер.

— Я имею в виду специалиста, — того, кто взведет курок. Парня, которого специально тренировали убивать.

Эфраим в замешательстве смотрел на Авнера.

— Специалист, который спускает курок? — медленно проговорил он. — Вы хотите сказать, что не умеете этого делать? За четыре года в армии вы не научились стрелять?

Авнер молчал.

— Парень, которого специально тренировали убивать? — продолжал Эфраим. — Где же эти парни? Может быть, вы знаете место в Израиле, где их готовят? Для меня это новость. Кстати, как вы себе подобные тренировки представляете? Сначала на собаках, не так ли? А потом: „Смотри, вон идет старик, переходит улицу Дизенгофа. Вперед! Стреляй в него!" Так?

Авнер не отвечал.

— Мы учим людей пользоваться оружием, — помолчав немного, сказал Эфраим. — Мы учим солдат, которые входят в отряды коммандос, подкладывать бомбы, владеть ножом и прочему. Вы ведь сами прошли этот курс. Но мы не готовим убийц. Таких инструкторов у нас нет.

Авнер прочистил горло.

— Я понимаю, — начал он и умолк. — Я спрашивал только потому... — начал он снова и опять смолк.

Эфраим откинулся на спинку стула и взглянул на Авнера. Создавалось впечатление, что и он смущен, если, конечно, он не прикидывался. Наконец Авнер овладел собой. Пусть они считают его наивным. То, что он услышал, не должно было быть неожиданностью для него. Но факт остается фактом — для него это явилось неожиданностью. Может быть, именно по этой причине они остановили свой выбор на нем? Он должен это выяснить раз и навсегда.

— Разрешите мне спросить еще об одной вещи, — сказал он сухо. — Почему я?

— Что значит — почему вы? — с легким нетерпением в голосе спросил Эфраим.

— Почему ваш выбор пал на меня?

— А разве с вами что-нибудь неладно?

— Со мной все ладно, — ответил Авнер. — Я знаю Европу, я хороший организатор. И, я думаю, что смогу завершить начатое. Но все же, почему именно я? Я ничего подобного никогда не делал.

— А кто делал? — Эфраим наклонился вперед и голос его смягчился. — Не поймите меня превратно. Если вы не хотите в этом участвовать, только скажите. Никто вас к этому не принуждает. Но кого, по-вашему, нам было выбирать? В нашем распоряжении только такие, как вы, — молодые, обученные, в хорошей форме, владеющие языками, с хорошим послужным списком... И, наконец, если хотите знать, — это не секрет — никто, возможно, вас персонально не выбирал. Компьютер... Мы заложили некоторые данные, а он выдал несколько имен. Вы, как думаете, — мы должны были просить компьютер выдать нам имена тех, кто ограбил какой-нибудь банк, маньяков, воров, убийц-психопатов? По-вашему мы должны просить преступников прийти на помощь Израилю, потому что наши милые молодые люди слишком впечатлительны?

Компьютер... Это возможно. Это даже вполне вероятно. Если подумать, это звучит убедительно. И все-таки...

— Послушайте, — сказал Эфраим, — я знаю, что это не легко. Ни на минуту в этом не сомневайтесь. Я знаю. Давайте еще немного поговорим, чтобы больше никогда к этому не возвращаться. Вы не знали Иосифа Гутфрейнда, судью по борьре, одного из тех, кого убили в Мюнхене? Здоровенный был парень. Мы были знакомы. У него две дочери, небольшой магазин в Иерусалиме. В свое время он спас в Синае что-то около дюжины египетских солдат, умиравших от жажды. Все это ничего не значит — они скрутили его, как цыпленка, голову к ногам, так что веревки врезались глубоко в тело. А затем убили четырьмя выстрелами в упор. И вот представьте себе, вы встречаете человека, приказавшего все это проделать с Иосифом. Человека, который снабдил их оружием, который их инструктировал. Вы его видите, быть может, он сидит где-нибудь в Амстердаме и попивает кофеек. Это он убил Иосифа. В Тель-Авиве живет девушка, красивая... Теперь она ковыляет на костылях. Ей почти начисто оторвало ногу в Лоде. Этот человек отдал приказ это сделать. И вот сидит, пьет кофе, обдумывает — кто следующий? Вы стоите там, и у вас при себе пистолет. Но вы говорите мне, что это не ваше дело, вы не можете спустить курок. Я вас понимаю. И не обвиняю. Мы пожимаем друг другу руки и расстаемся. При этом уважать вас я не перестаю. Это действительно очень трудно — убить человека. Но я ничего не хочу слушать о тренировках, и не толкуйте мне больше о специалистах в этой области. Вы, допустим, не можете. И

все тут. Даже если я вас буду тренировать в течение сотни лет, вы все равно не сможете. И я не захочу вас тренировать. Я не буду пытаться вас убеждать в том, что вы должны уметь убивать. Почему? Да потому что нет в этом никакого смысла. А вот если вы можете... Поверьте, вы сможете. Все, что надо в связи с этим знать и уметь, вы знаете и умеете. Все, что вам может потребоваться.

— Не знаю, — тихо произнес Авнер. — Может быть, я смогу это сделать. — Он замолчал, как ему показалось надолго. Наконец, прервав молчание, он сказал: — Вы правы. Я могу.

— Я знаю, что вы можете, — ответил Эфраим. — Хотите правду? Я не беспокоился об этом. Вы не сидели бы здесь со мной, если бы это было не так.

Хорошо, что Эфраима это не беспокоило. Его самого это беспокоило, и очень. Можно сказать, что ничто еще в жизни не вызывало у него таких сомнений. Пока шел весь этот разговор, сердце его билось так сильно, что казалось невероятным, что Эфраим ничего не слышит. Или он просто не подавал вида?

Авнер переменил тему. С философией было покончено.

На следующий день, 20 сентября, Авнер совершил свой первый выезд в Женеву. Он снял номер в отеле „Дю Миди", затем переехал на взятой напрокат машине через мост ле Монт-блан и поехал вдоль набережной Женераль Гюсан. Он нашел гараж для парковки в деловом районе города, недалеко от рю Коммерс, затем прошелся пешком по направлению к несколько старомодному зданию Швейцарского банка. Там он открыл два счета и заказал личный сейф. На один счет он положил четверть миллиона долларов. Затем тут же снял 50 тысяч наличными и положил их в свой сейф.

На одном из счетов будут лежать деньги для его личных нужд и жалованье, которое ему будут время от времени пересылать. Это выразится примерно в трех тысячах долларов ежемесячно. Не королевский, конечно, доход, но все же вдвое превышающий его прежний. Предполагалось, что эти деньги он не будет тратить. Всякий раз, приезжая в Женеву, он сможет порадоваться тому, как растет его доход. Так сформулировал это Эфраим. Все расходы на питание, отели и прочие бытовые услуги оплачиваются из сумм, отпущенных на операцию. Это было одним из преимуществ его нынешней работы. Считалось, что он на работе семь дней в неделю по двадцать четыре часа в сутки. „Это означает, — сказал Эфраим, — что все расходы (в разумных пределах, конечно) покрываются из казенных денег. Оплачивать расходы на проституток и бриллианты мы, как вы понимаете, не собираемся. Но вот вам нужны ботинки, рубашка, плащ — покупайте. Только сохраняйте чеки".

Расходы на операцию не лимитировались. Так оно и должно бы-

ло быть, ведь никто заранее не мог сказать, сколько придется заплатить осведомителю, во что обойдется поездка, какой-нибудь документ, найм людей или, скажем, партия динамита. Расходы, связанные с операцией, были неподотчетны. Да и как их учтешь? Не просить же квитанцию у какого-нибудь вора или торговца оружием на черном рынке. Ничего удивительного в этом не было. Авнеру казалось любопытным другое — агент, которому безоговорочно доверяли десятки тысяч доларов, отпущенных на операцию, при других обстоятельствах должен предъявлять квитанцию на два доллара, истраченные на спагетти с мясным соусом.

На счету, из которого покрывались расходы на операцию, всегда должно было быть 250 тысяч долларов. Через определенные промежутки времени, по мере того как деньги тратились, соответствующие суммы переводились на этот счет со счетов других банков. Авнера все это не касалось. Это регулирование входило в обязанности рядовых агентов, которые не должны были знать, для каких целей открыт этот счет.

Его банковский сейф нужен был прежде всего для того, чтобы в распоряжении группы всегда были наличные. Несомненно, возникнут ситуации, когда придется платить сразу, и наличными. Вынуть деньги из сейфа проще, чем снимать их со счета.

И в некоторых других случаях наличными оперировать легче, чем чеками или другими банковскими документами, например, когда нужно перевести деньги из банка в банк в разных городах. Кроме того, такие операции значительно труднее обнаружить. И, наконец, сейф сыграет свою роль и как средство связи. Один из двух ключей будет у Эфраима. Они смогут, таким образом, обмениваться информацией. Правда, необходимость в этом будет возникать не часто. Как бы то ни было, но сейф — единственное звено, связывающее группу со штабом.

Закончив все дела в банке, Авнер оставил машину в гараже и вернулся в отель пешком через мост де ля Машин. Это было не обязательно. Он не думал, что за ним следят, но по опыту знал, что именно около банков могут быть организованы наблюдательные посты. Прежде, выполняя задания, Авнер и сам посещал банки в расчете встретить там других агентов. Он считал обязательным, если позволяло время, чередовать прогулки пешком с поездками на машине, таким же обязательным, как войти в здание через одну дверь, а выйти через другую. При этом его поведение становилось непредсказуемым. Он постоянно стремился нарушать логику обычных действий, так что в конце концов это стало привычкой. Допустим, некто задумал следовать за ним на машине. А он пошел через пешеходный мостик, и этот некто его потерял, потому что не мог бросить машину на людной улице.

Эфраим продолжал посвящать его в дело, но понемногу, небольшими порциями. „Терпение, терпение", — говорил он, когда не хотел отвечать на какой-нибудь очередной вопрос Авнера.

— Кто еще входит в состав моей группы?

— Терпение. Вы познакомитесь с ними после возвращения из Женевы.

— А что если мы не поладим и не сможем сработаться?

— Успокойтесь, Авнер, когда мы выбирали вас, мы знали, что вы сработаетесь с этими людьми.

— Что если мы не сможем сфабриковать нужные документы или не сумеем купить оружие? Мне никогда не приходилось раньше этого делать.

— Не волнуйтесь. Ребята из вашей группы умеют это делать. Они в этом специалисты.

— Прекрасно. Но зачем тогда я им нужен?

— Вы им нужны в качестве руководителя.

Эфраим сообщил Авнеру, что на следующий день после его возвращения из Женевы в Тель-Авив он встретится с членами своей группы.

Второй вопрос, волновавший Авнера не меньше первого, тоже оставался без ответа. Совершенно очевидно, что им предстоит охота не за простыми солдатами из пехотных частей, мелким людом, федаинами из беженских лагерей, левыми студентами или неуравновешенными девицами, которых заставили или уговорили убивать и рисковать своей собственной жизнью. За кем же тогда они буду охотиться? И сколько их? Один, может быть, двое. Он сам назвал некоторые имена Эфраиму, но тот только отмахнулся.

— Терпение, Авнер. Терпение, — повторял он свое любимое слово. — Все в свое время. Мы даем вам деньги и список. Деньги вы уже получили. Отправляйтесь в Женеву. Положите их в банк и возвращайтесь. Перед тем как вы вновь уедете, вы получите список. Не беспокойтесь.

Не беспокойтесь... Легко сказать.

— А что если мы ошибемся и выследим не того человека?

— Даже и не упоминайте о таком, — замахал руками Эфраим.

На следующее утро Авнер покинул отель „Дю Миди", предварительно забронировав для себя номер на двадцать пятое число. Затем он направился в отель „Амбассадор" и там тоже забронировал два номера на то же двадцать пятое число. Он взял свою машину, оставленную накануне в гараже по другую сторону реки, и поехал на обратном пути через мост ле Монт-блан, чтобы удостовериться, что никто за ним не следит. Машину он вернул в агентство проката и пересел в такси, чтобы добраться до аэропорта. Примерно через четыре часа он приземлился в Тель-Авиве.

В пять часов вечера они с Эфраимом уже звонили в дверь квар-

тиры, которая находилась в окрестностях города. Молодая, несколько озабоченная девушка, открывшая им дверь, напомнила Авнеру другую, которая три года назад принимала его в день его первого интервью на улице Борохова. Девушка впустила их в комнату и закрыла за ними дверь.

Четверо мужчин подняли головы. Один отложил в сторону книгу. Второй — наклонился вперед, точно собирался встать. Третий перестал выколачивать пепел из трубки. Четвертый, стоящий у стены, сделал шаг вперед.

Молча четверо мужчин и Авнер глядели друг на друга. Прошло несколько секунд.

— Итак, — начал Эфраим. Он остановился и откашлялся. — Ребята, я хочу познакомить вас с Авнером. Авнер, — это Карл... Это Роберт... Ганс... и Стив.

Они обменялись крепкими рукопожатиями, как это принято в армии. О чем думали сейчас эти четверо, Авнер не догадывался. Но он был поражен. Даже обескуражен. Все они были старше его. Моложе всех выглядел Стив, но и он был, вероятно, лет на десять старше Авнера. Карл же выглядел мужчиной за сорок. Это, конечно, не означало, что Авнер считал их слишком старыми для выполнения оперативных заданий. Нет. Об этом он судить не мог, но его смущало другое — его лидерство в этой группе. Ему было ясно, что они значительно опытнее его. Все они, по-видимому, воевали на Синае в 1956 году. Карл мог принимать участие и в Войне за независимость. Как это могло случиться, что ему поручили руководить людьми, почти годящимися ему в отцы? Захотят ли еще они признать его своим начальником?

— У нас не так уж много времени, — сказал Эфраим. — Давайте сядем и обсудим некоторые детали. Это наша первая и единственная совместная встреча. В следующий раз вы увидите друг друга уже в Женеве.

Авнер был в таком напряжении, что не мог сидеть. Он наблюдал за Карлом, который набивал свою трубку табаком, и в первый раз в жизни пожалел, что не курит. Все остальные — Ганс, Роберт и Стив — казались совершенно спокойными. Карл похлопывал себя по карманам в поисках спичек, с таким видом как будто ничего важнее для него сейчас не было. Авнер глубоко вздохнул. „Ну что ж, спокойно", — приказал он себе.

— В расписании предусмотрено, — продолжал Эфраим, — два повторных курса тренировок для всех, кроме Карла и Авнера. Это займет все время до двадцать четвертого числа. Двадцать четвертого — выходной день. Я надеюсь, что к этому времени вы успеете уладить все свои личные дела. Двадцать пятого вы получите свои служебные паспорта и отправитесь в Женеву. Каждый сам выбирает себе маршрут и час отлета, но в Женеву все должны приехать к вечеру. Авнер забронировал для вас номера в отелях. Он

сообщит детали. После офомления, как только вам возвратят паспорта, вы должны будете положить их в сейф и до окончания операции больше никогда ими не пользоваться. Пока вы будете на курсах, — продолжал Эфраим, — Авнер и Карл ознакомятся со списком намеченных лиц, который мы для вас приготовили. К моменту встречи в Женеве они будут знать все, что известно нам, и, соответственно, расскажут вам. Итак, террористы в этом списке стоят в порядке значимости для нас, тем не менее порядок работы с ними отдается на ваше усмотрение. Найдите их и действуйте. Первым будет „обслужен" тот, кто первым придет. Мне кажется, что это все. После двадцать пятого числа вы будете предоставлены сами себе. Если все будет в порядке, я узнаю об этом из газет. Если нет... но все будей о'кей. Я вам полностью доверяю.

Во время всей этой речи Эфраим стоял, но сейчас он потянул к себе стул и опустился на него, как-то вдруг отяжелев. Он вынул из кармана бумажную салфетку как будто хотел высморкаться, но только задумчиво на нее посмотрел, скомкал и опять положил в карман. Все молчали. Лишь Карл, который, казалось, никак не мог справиться со своей трубкой, издавал странные звуки, точно буйвол в воде. Смутившись, он поднял глаза и улыбнулся.

Кроме Карла, Авнер еще не определил своего отношения к этим людям. Карл — это человек. Он готов был поручиться, что с Карлом он поладит, несмотря на то что тот почти годился ему в отцы.

Эфраим вновь заговорил.

— Есть еще два принципиальных вопроса, которые мы пока не обсуждали или почти не обсуждали. Так что послушайте меня. Вы, наверное, знаете, что тактика террористов состоит в том, чтобы уничтожить одного, но напугать не менее сотни. А как напугать террористов? Напав на одного из них открыто, в момент, когда он беззащитен и ничего не подозревая, следует, допустим, из пункта А в пункт В, вы никого не испугаете. Его товарищи расценят это так: „О, Ахмед попался, потому что неосторожно высунул голову из норы. Я буду осторожнее, и со мной ничего не случится". Вы уничтожите одного, но остальные будут продолжать свою деятельность, не испытывая никакого страха. Но если террорист будет поражен в момент, когда он чувствует себя в безопасности, когда он спокоен, находится среди своих и меньше всего ожидает нападения, — это совсем другое дело. То есть вам придется проявлять изобретательность, чтобы заставать террористов врасплох. Я не могу сказать, как это сделать, но, видимо, план операции должен исключать какую-либо стандартность, предсказуемость. Вот тогда они испугаются. „Ох, и умны эти проклятые евреи, — скажут они. — У евреев длинные руки. Если они сумели достать Ахмеда *там* или *так-то*, значит, и мы в опасности".

Авнер заметил, что пока Эфраим говорил, Карл все время смотрел на Роберта. Роберт же, погруженный в глубокую задумчивость, сидел с закрытыми глазами, уперев подбородок в ладони. Мгновенно у Авнера мелькнула мысль — он еще ничего не знал о своих товарищах, но догадался — Роберт был специалистом по взрывчатым веществам. И с Карлом они работали вместе в прошлом. Это хорошо.

— И второе, — продолжал между тем Эфраим. — Это вопрос, который Авнер уже поднимал. Что, если произойдет ошибка при выборе цели? Или, скажем, цель выбрана правильно, но существуют опасения, что пострадать могут невинные люди? Я хочу, чтобы вы поняли меня правильно. На этот вопрос есть только один ответ. Ни ошибки в выборе цели, ни гибели невинных людей быть не может. Вы не можете этого допустить. Ни при каких обстоятельствах. Никогда. Конечно, все бывает, но риск должен быть сведен к минимуму. Риск должен быть нулевым — это и есть ваша работа. Вы не террористы, кидающие ручные гранаты в автобусы или стреляющие в толпу в фойе театра. Вы отличаетесь и от регулярных авиационных частей, бомбящих намеченную цель. Если при этом случайно пострадают гражданские лица, — тем хуже для них. Ваша задача по благородству не имеет равных. Ваша цель — один человек — преступник и убийца — и больше никто. Если вы не уверены на сто процентов, что это тот, кто вам нужен, вы его отпускаете. Вот и все. Вы должны знать того, кого вы ищете, как своего родного брата. Пусть он сам себя обнаружит. Если у вас нет абсолютной уверенности, что это он, вы ничего не делаете. Тот, в ком вы не уверены, уйдет от вас невредимым. — Эфраим встал с места. — Я хочу, чтобы вы хорошо запомнили эти слова. Это единственное, что может помешать вам выполнить задание. В вашем списке одиннадцать человек. Если покончите только с тремя из них, мы будем разочарованы, но нам будет не в чем вас обвинять. Если вам не удастся убрать ни одного, — это будет означать провал операции. И это грустно. Тем не менее и в этом случае нам не в чем будет винить вас. Но если вы прикончите всех, но при этом пострадает кто-нибудь невинный, вы будете виновны. Запомните это. Вопрос о важности того или иного факта, о предпочтении возникает всегда. В этой операции важнее всего то, о чем я только что говорил. Это ваше кредо. Если с террористом девушка, — вы ничего не предпринимаете. Если за его спиной стоит водитель такси, — вы опять же ничего не предпринимаете. Меня не беспокоит при этом, что, может быть, вы месяцами гонялись за этим человеком и упускаете единственный в своем роде шанс. Ничего. Вы достанете его завтра. Не получилось? Что ж, значит, не получилось. Начинайте охотиться за следующим. Не волнуйтесь. Вы не на сдельной работе, вы — на жалованье. Эта операция разрешена только на определенных условиях. Мы не желаем ничего подобного делу Канафани.

Хасан Канафани был палестинским писателем и пресс-секретарем Народного фронта освобождения Палестины. Через пять недель после атаки камикадзе в аэропорту Лод, в Бейруте взорвалась машина, в которой ехал Канафани. По дошедшим в то время до Авнера слухам, некоторые из его армейских товарищей были замешаны в этом деле наряду с Мосадом. То, что Канафани был непосредственно причастен к акции в Лоде, доказано не было. Но он был известен как человек, одобряющий цели и задачи террористических организаций. Однако в том, что его племянница Ламис, ехавшая вместе с ним в машине и тоже погибшая, к терроризму причастна не была,[2] не было сомнений. Авнер впервые слышал официально высказанное мнение по поводу этого взрыва. Говорить об этом никто не любил.

Понятно, что и Эфраиму все это было не по душе.

— Я не хочу выслушивать философские рассуждения о том, можно ли было предотвратить то, что случилось при операции по уничтожению Канафани, — продолжал Эфраим, хотя никто из присутствующих не проронил ни слова. — Меня не интересуют рассуждения на тему, что есть добро и что есть зло. Сейчас я просто формулирую основные правила поведения, связанные с нашей конкретной задачей.

Карл выпустил большую струю дыма и посмотрел на Авнера. Смотрели на него и остальные. Авнер почувствовал неловкость, в то же время понимая, чего от него ждут. В связи со всем сказанным Эфраимом сам собой возникал вопрос, который следовало задать. Как руководитель группы Авнер и должен был это сделать.

— Ну а каковы наши возможности в вопросе самозащиты? Что если кто-то угрожает нам оружием? Или пытается арестовать?

Эфраим поморщился.

— Если... если... — недовольно сказал он. — Если ваш план хорош, этого не должно произойти. Но если все же... Что я могу по этому поводу сказать? Если кто-то угрожает вам оружием, он перестает быть невинным. Не так ли? — Он вновь сел на стул и вытащил из кармана измятую салфетку. — Послушайте, — мягко сказал он, — в задании такого рода, как ваше, невозможно все предусмотреть. Кто бы из нас не пожелал, чтобы ничего этого вообще не было? Я останавливаюсь только на главном. Я говорю лишь о том, что было бы желательным. А в остальном? — Эфраим развел руками. — Я уверен, что вы выполните свою задачу наилучшим образом. И это все, что мы можем от вас требовать.

Тон был взят правильный. Авнеру была понятна тактика Эфраима: мягко стелет, жестко спать, к тому же в какой-то мере напоминает игру в добрых и злых полицейских. Тем не менее Авнер восхитился. Свою роль Эфраим играл прекрасно. Это был руководитель, с которого стоило брать пример. На его глазах Эфраим

легко добился того, что все успокоились, напряжение спало и захотелось блестяще выполнить все, чего он ожидал от них. Это был искусный прием. Авнер чувствовал это. Ему следует запомнить сегодняшний урок.

— Ну хорошо, — сказал Эфраим, — ваша группа скомплектована таким образом, что каждый делает все, в чем возникает необходимость по ходу дела. Гибкость во всем. Никакой специализации. И все же каждый из вас, очевидно, в какой-то конкретной области более компетентен, чем остальные. Давайте познакомим Авнера с нашими разнообразными возможностями. Я уверен, что ему это интересно.

— Начнем с меня, — быстро сказал Авнер. — Такова была израильская традиция. Прежде всего рассказывает о себе командир. — Я служил в армии в отрядах коммандос. Родился в Израиле и недолго учился в школе в Германии. Женат, но детей пока нет.

Эфраим удовлетворенно кивнул.

— Ганс? — передал он слово следующему члену группы.

Ганс выглядел несколько моложе Карла. Из всех присутствующих он только один был в галстуке. Худой, с редеющими темными волосами и длинными костлявыми пальцами, этот человек более всего напоминал карандаш. Авнер не слишком удивился, когда услышал, чем он занимается. Ганс должен был отвечать за все документы.

Он родился в Германии, в Израиль приехал еще мальчиком, перед войной. Служил в армии, затем, перед работой в Мосаде, был некоторое время бизнесменом. Предыдущее его задание было связано с Францией, где он и жил вместе с женой, израильтянкой. Детей у них не было.

Откашлявшись, Ганс сказал:

— Мне потребуется немного денег на материалы и квартира, предпочтительно отдельная. Тогда я смогу взять на себя заботу о документах. Вносить изменения в готовые документы, конечно, легче, но, я думаю, что смогу изготовить и новые.

Заговоривший следующим Роберт тоже был высок и худ. Но не так худ, как Ганс. Ему, вероятно, было около сорока. Широко расставленные спокойные серые глаза, шатен с вьющимися волосами. Авнер несколько удивился, когда услышал его заметный английский акцент. Что касается его специальности, то Авнер угадал ее правильно. Роберт был специалистом по взрывчатым веществам. Он родился в Англии в семье, которая занималась производством игрушек. И возня со всякими необычными и хитроумными механизмами стала его хобби задолго до того, как он начал работать в Мосаде. Роберт был женат на еврейке французского происхождения и имел нескольких детей.

— Если вы захотите бабахнуть, я думаю, что смогу вам это уст-

роить, — сказал Роберт, улыбаясь. — Я знаю, где доставать все необходимые материалы, но в зависимости от конкретных обстоятельств, придется немного заняться всякой техникой. Понадобятся, конечно, и деньги.

— Как с языками? — спросил Авнер.

— Боюсь, что только английский, — ответил Роберт. — И иврит, если вы не будете возражать.

Все засмеялись, потому что ивритом Роберт владел в совершенстве.

— Когда вы приехали в Израиль? — спросил Авнер.

— Всего четыре года назад, — ответил Роберт. — Уже после того, как вы, ребята, здесь хорошо позабавились.

Авнер не был уверен, что о Шестидневной войне следует говорить в таких выражениях, но улыбнулся и кивнул.

Эфраим обратился к самому молодому участнику встречи.

— Стив?

— Машины — мои закадычные друзья, — сказал Стив. — Могу перегонять их из одного места в другое как угодно быстро.

В речи Стива тоже угадывался легкий иностранный акцент, но Авнер не улавливал какой. По облику он был похож на летчика; невысокий, но красивый и мускулистый. И самоуверенный. Ему было не менее тридцати пяти лет, на десять лет больше, чем Авнеру. Однако он почему-то рядом со Стивом чувствовал себя старшим. И это ощущение ему импонировало.

— Вы говорите по-английски, не правда ли? — спросил Авнер.

— Да, — ответил Стив. — И по-немецки. И еще я немного знаю африкаанс, хотя не думаю, что на него будет большой спрос. Я родом из Южной Африки.

— Пожалуй, теперь настала моя очередь, — сказал Карл, взглянув при этом на Эфраима. Он встал и постучал пустой трубкой по ладони. — Боюсь, что никакими особыми талантами похвастаться не смогу. Но у меня за спиной большой опыт. Я найду возможность быть полезным. Я предлагаю использовать меня в качестве подручного.

Карл был „подметалой", как это называлось на оперативном жаргоне. Авнер с уважением посмотрел на него. Это была, наверное, самая опасная часть любой операции, к тому же самая уязвимая. Человек, выступающий в этой роли, покидает место действия последним. Он делает все возможное, чтобы прикрыть отступление всех остальных и, более того, не уходит до тех пор, пока не осмотрится, не выяснит, как именно начинается предварительное расследование, и не подберет все, что впоследствии могло бы фигурировать в качестве улик. Эти обязанности мог выполнять только человек, в жилах которого текла кровь с температурой на несколько градусов ниже, чем у других. Человек с незаурядным опытом и способностью мгновенно принимать решения.

Ничего удивительного не было в том, что Карл был старшим агентом в группе. Он был ветераном Мосада, начавшим свою деятельность еще во времена становления израильской секретной службы. Он, так же как и Ганс, родился в Германии и приехал в Израиль еще ребенком. У него была жена, еврейка из Чехословакии, и приемная дочь. Перед своим назначением в группу Карл жил вместе с ними в Риме.

— Языки немецкий и итальянский, — сказал Карл. — Немецкий — родной язык. Я сделаю все, что могу, чтобы выполнить свою работу.

— Мы сделаем все, что сможем, чтобы у вас была эта работа. Я рад, что вы с нами, — сказал Авнер.

С такими людьми дело пойдет. Это как в армии. Все они — отличные парни. И ему даже казалось, что он не может рассчитывать на то, что сравняется с ними когда-нибудь.

Мосад для выполнения задания в Европе, естественно, выбрал европейцев. И все, видит Бог, „екке". Ни одного галицийца. Все, разумеется, граждане Израиля, но из всех них — только он один сабра. Это было, конечно, не главное. Но родиться в Израиле — немалое преимущество. Своего рода символ, независимо от того, к какому слою общества ты принадлежал.

Для евреев быть рожденным в Израиле имело глубокий смысл. Тысячелетиями они были чужестранцами, и вот наконец и они получили право гордиться теми, кто родился в стране евреев, так же как гордились другие люди, что родились в своей стране. Сабра были золотым фондом Израиля.

— Еще одно замечание по поводу субординации, — сказал Эфраим, как будто следил за ходом мыслей Авнера. — В операциях, подобных вашей, все зависят друг от друга. Само собой разумеется, что все проблемы вы обсуждаете совместно. Руководитель — в общем первый среди равных. В данном случае это Авнер. Второй по значению — это Карл. — Эфраим наконец решился использовать салфетку по назначению и высморкался. — Есть вопросы?

Вопросов не было. Все поднялись. Карл взглянул на Авнера и, когда все, кроме них двоих, вышли, обратился к Эфраиму с вопросом.

— Завтра, Эфраим, вы дадите нам с Авнером список, в котором будет одиннадцать фамилий. Это не мало. Скажите, охотиться за ними поручено только нам или есть и еще охотники? Собственно, я спрашиваю это из любопытства.

Эфраим помолчал.

— Я не могу ответить на этот вопрос. Я не знаю ответа.[3]

На следующий день Авнер и Карл получили список, содержавший некоторые разведывательные и биографические данные о тех, кто в нем значился. Они потратили целый день, чтобы выучить

весь текст наизусть, потому что им не было разрешено брать эти бумаги в Женеву. Они также получили фотографии тех, кто был в списке. С этими фотографиями они должны были ознакомить всех членов группы, а затем уничтожить.

— Я надеюсь, что твоя память лучше моей, — сказал Авнер Карлу. В ответ Карл только пожал плечами и ухмыльнулся.

Все поименованные в списке люди были им известны. Это была верхушка антиизраильского террористического хвижения, хотя в нее не входил ни Арафат, ни Хабаш, ни Джибрил.

Первым в списке шел Али Хасан Саламэ — красивый палестинец тридцати с небольшим лет, считавшийся главным вдохновителем трагедии в Мюнхене.

Вторым был Абу Дауд — эксперт по взрывчатым веществам из организации „Черный сентябрь".

Третьим — Махмуд Хамшари, интеллектуал, дипломат, пресс-секретарь Организации освобождения Палестины. О том, что он лидер террористов, широко известно не было.

То же можно было сказать и о Ваеле Звайтере — поэте, который в списке стоял на четвертом месте.

Пятый — профессор, доктор Базиль аль-Кубаиси, юрист по профессии, — специализировался на поставках оружия для Народного фронта доктора Хабаша.

Шестой — Камаль Насер, тоже интеллектуал, был главой отдела общественных отношений, а с 1972 года официальным представителем „Аль-Фатаха" и в отличие от Хамшари, Звайтера и аль-Кубаиси, не скрывал своих связей с террористами.

Не скрывал этого и Кемаль Эдван, седьмой в списке. Он отвечал за проведение диверсий на оккупированных Израилем территориях.

Номер восемь — Махмуд Юсуф Наджир, известный под именем Абу Юсуф, — был одним из самых высокопоставленных официальных лиц в палестинском движении. Он осуществлял связь между организациями „Аль-Фатах" и „Черный сентябрь".

Под номером девять стоял алжирец Мохаммед Будиа, пользующийся популярностью и хорошо известный в Париже актер и директор театра. Большинству он и был известен как артист и любитель женщин, а не как видный деятель и руководитель террористических акций во всем мире.

Десятым был Хусейн Абад-аль-Шир, один из главных советников по связям с КГБ Палестинской организации Освобождения.

И, наконец, последним в списке стояло имя доктора Вади Хадада, известного во всем мире теоретика терроризма, второго по значению человека в организации Народный фронт после доктора Жоржа Хабаша.

За исключением двух-трех, все эти имена были хорошо известны агентам Мосада и многим жителям Израиля.

Следующий день Авнер провел с Шошаной. Ему было трудно. Днем, лежа с ней в постели, он поймал себя на мысли, что ему хотелось бы, чтобы она плакала. Фигура у Шошаны несколько располнела, грудь стала тверже, но в остальном беременность мало отразилась на ней.

Шошана не плакала. Пальцы ее скользили по его груди. Она все смотрела на него своими эмалевыми глазами.

— Может быть, всего на несколько месяцев... — говорил ей Авнер. — Но, может, и на год. Я не могу сказать точно, когда вернусь.

— Я и не спрашиваю, — ответила Шошана.

— Я буду писать так часто, как только смогу, — продолжал Авнер. — О деньгах тебе не надо будет беспокоиться.

— Я и не беспокоюсь.

Чем меньше она ему возражала, тем активнее он продолжал защищаться и злился при этом на самого себя.

— Я предупреждал тебя, что это может случиться. Мы ведь это уже обсуждали.

— Я знаю.

— Если знаешь, — сказал Авнер сердито и непоследовательно, — зачем же ты пристаешь ко мне? Я ведь ничего изменить не могу.

Шошана рассмеялась и обняла его. Волосы цвета меда упали ей на лицо.

— Беда твоя в том, что ты ничего не понимаешь. — Она поцеловала его. — Постарайся приехать домой, когда я буду рожать твоего ребенка.

— Я обещаю, — сказал Авнер с чувством. — Даю слово.

На самом деле он и понятия не имел, сможет ли это сделать.

На следующее утро, после душа, он упаковал свою сумку и на цыпочках прошел в спальню. Шошана еще спала или делала вид, что спит. Авнер наклонился и поцеловал ее. Они давно договорились, что она не будет провожать его в аэропорт, когда он уезжает.

Вечером 25 сентября Авнер стоял у окна своего номера в белорозовом отеле „Дю Миди". Он видел, как зажигаются первые огни вдоль набережной Женераль Гюисан по другую сторону Роны. Блики искрились и плясали, отражаясь в воде. Женева никогда еще не казалась ему в такой степени похожей на хрустальный дом.

Оторвавшись от этого зрелища, Авнер обернулся и взглянул на своих товарищей. Карл, Ганс, Роберт и Стив выжидательно смотрели на него. И вдруг Авнеру показалось, что никого на свете, кроме этих четверых, он не знает. Что они, эти люди, которых он видит второй раз в своей жизни, ему ближе и дороже всех. Он не

просто смотрел на них, он ощущал их присутствие. Казалось, он мог угадать, о чем они думают и что чувствуют. Сейчас они ждали, чтобы он заговорил.

И он начал. Он говорил легко, ненавязчиво, бросая иногда взгляд на Карла, который, попыхивая своей трубкой, время от времени утвердительно кивал головой или вставлял слово. Ганс рассеянно что-то рисовал на листке бумаги, Роберт откинулся на спинку стула и сидел с закрытыми глазами, засунув руки в карманы. Стив время от времени коротко и резко присвистывал, как это делают мальчишки лет двенадцати.

Он, однако, смолк, когда Авнер начал перечислять имена одиннадцати. Ганс тоже на минуту прекратил возню с бумажкой, а Роберт открыл глаза. После того как Авнер произнес последнее имя, все некоторое время молчали.

— Да, — первым нарушил молчание Ганс, возвращаясь к своему рисованию. — Не так уж много мы о них знаем. Сведений явно маловато.

— Мы знаем то, что нам в первую очередь надлежит знать, — сказал Авнер. — Я не уверен, что так уж для меня важно, играет ли кто-нибудь из них, скажем, в шахматы.

— Понимаю, — кивнул Ганс. — После того, что Эфраим говорил о невинных свидетелях, взрывы, похоже, снимаются с повестки дня. Во всяком случае, как правило, снимаются.

Роберт поднял голову.

— Ты ошибаешься, — сказал он. — Ничего не снимается с повестки дня. Надо просто все хорошенько обдумать. Только и всего.

— Завтра, — сказал Авнер. — Сегодня мы устраиваемся.

Итак, все идет хорошо. Это его группа, его однополчане, его товарищи.

Авнер заказал номера для Карла, Ганса и Роберта в отеле „Амбассадор". Стив оставался с ним в „Дю Миди". После собрания они пошли прогуляться. Мимо катили машины, вечерняя толпа на площади Шевлю выглядела радостной и элегантной. Авнер и Стив почти непроизвольно свернули к реке. На мосту Стив остановился и, опершись о ярко освещенную огнями ограду стал смотреть на реку. Огни города, как будто отраженные гигантской каруселью, таинственно скользили по воде.

— Знаешь, Авнер, у меня предчувствие, — сказал Стив, глубоко вздохнув и медленно, как будто это было неимоверно трудно, выдохнув воздух. — Я предчувствую, что кое-кто из нас живым из этой операции не выйдет.

Авнер ничего не ответил.

— Но не беспокойся, — сказал Стив. На лице его появилось озорное мальчишеское выражение. — Это будешь не ты и не я.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МЕСТЬ

ВАЕЛЬ ЗВАЙЦЕР

Отель „Леонардо да Винчи", расположенный на улице Граччи в соседней с Ватиканом части города, был недорогим, в стиле американских отелей „Холидей Инн", и нравился Авнеру. Из комнаты на верхнем этаже открывалась перспектива на собор Святого Петра и на часовню Святого Анджело. Еще больше Авнера привлекала в этом отеле чистота, вполне современная обстановка и душ, устроенный так, что вода била с трех сторон. Ресторан „Таверна Граччи" находился практически рядом с отелем. В его окне была выставлена огромная поросячья голова, невероятно, по мнению Авнера, забавная. Кормили там прекрасно.

Авнер и Карл поселились в отеле в воскресенье, 15 октября, через три недели, день в день, после отъезда из Израиля в Женеву. Перед этим несколько дней они провели под Римом. Стив и Карл жили в „Холидей Инн" в окрестностях Фьюмичино с 10 октября, а Ганс, Роберт и Авнер — в отеле в Остии, известном средиземноморском курорте в нескольких милях от Рима. В это же воскресенье, перед тем как покинуть отель в Остии и отправиться в Рим, Роберт встретился на стоянке напротив пляжа с одним из своих поставщиков. Он получил прочного вида сумку с пятью Беретами-22 и двумя обоймами патронов для каждой.

На следующий день, 16 октября, примерно в 8.30 вечера Авнер и Карл, выйдя из отеля и пройдя несколько кварталов до места, где улица Граччи упирается в маленький живописный сквер на площади Либерта, сели в машину, которую вел молодой итальянец. Они ехали не спеша. Пересекли Тибр по мосту Маргариты, объехали пьяцца дель Пополо, проследовали далее по краю великолепных садов виллы Боргезе, затем по корсо Италия — до улицы Номентана. Сделав два левых поворота, один — нарушив правила, — они оказались у корсо Триест и дальше поехали по тихому городскому бульвару, который, постепенно поворачивая на север, привел их к площади Аннибальяно.

Эта маленькая площадь, расположенная всего в десяти минутах езды от шумной площади Венеции и маршрутов туристов, была одной из тех скромных площадей Рима, на которых нет ни антич-

ных башен, ни фонтанов эпохи Возрождения, ни знаменитых дворцов. На площади Аннибальяно не было ничего, кроме крошечного садика с несколькими неухоженными деревьями. В этот вечер здесь стояли маленькие „фиаты", „рено", „фольксвагены" и множество других машин — столько, сколько могло вместиться на площади, когда машины паркуются без всяких правил и порядка — так, как это обычно принято в Риме.

К площади сходилось шесть улиц. Две из них шли на север почти параллельно одна другой — виа Массачуколи и Эритрея, которая дальше переходила в виа Либия. Обе эти улицы образовывали клин, который своим южным концом выходил на площадь Аннибальяно. Этот клин был застроен семиэтажными зданиями, где жили римляне с очень скромным доходом. В один из этих домов, стоящий на стыке улиц, вход был с двух сторон. Вход напротив площади Аннибальяно обозначался, как „подъезд С". В первом этаже здания ютились крохотные бизнесы. Налево от подъезда „С" была парикмахерская, с правой стороны — маленькая забегаловка под названием „Бар Триест".

На углу виа Брессаноне Авнер коснулся плеча водителя. Итальянец остановил машину. Авнер и Роберт вышли, а машина, обогнув площадь Аннибальяно, двинулась в обратный путь тем же маршрутом. Шофер свою работу выполнил. Часы показывали начало десятого.

Пересекая площадь, Авнер и Роберт заметили Ганса, сидящего на заднем сиденье в машине, запаркованной между подъездом „С" и баром „Триест". Ганс их тоже заметил, но вида не подал. Он наклонился к молодой итальянке, сидевшей за рулем, и что-то ей сказал.

Девушка вышла из машины и медленно подошла к углу виа Эритрея, затем, повернув обратно, она так же спокойно вернулась к машине.

Итальянка не знала, что ее маленькая прогулка из машины и обратно служит для Авнера и его группы сигналом, означавшим, что человек, которого они предпочитали не называть по имени, а именовать словом „цель" и который жил в одной из квартир в подъезде „С", куда-то вышел. Если бы он был дома, девушка осталась бы в машине. Ничего подозрительного вокруг тоже не было, иначе бы Ганс, заметив Авнера и Роберта, попросил бы девушку уехать вообще. Тогда они бы пересекли площадь, прошли бы около 25-ти метров и сели бы в зеленый „фиат", взятый напрокат Стивом. В машине Стива тоже была итальянская девушка, сидевшая сзади. Если бы Ганс подал сигнал об опасности, Авнер и Роберт уехали бы вместе со Стивом.

Однако, похоже, все шло по плану. Авнер и Роберт, спокойно разговаривая, огибали площадь, при этом ни на минуту не выпуская из поля зрения Стива и Ганса. Они знали, что за это время

Карл должен был оформить отъезд из отеля „Леонардо да Винчи" — свой и Авнера. (Остальные члены группы уже это проделали.) Затем ему надлежало объехать несколько заранее условленных мест и оставить там новые паспорта для всех членов группы, а также водительские права и немного денег. Все это на тот случай, если им придется разделиться и покидать Рим по одному.

Сейчас Карл, вероятно, уже спокойно сидел у окна одного из многочисленных в этом районе кафе, попивал кампари и держал под наблюдением несколько ключевых улиц, сходящихся у площади. Главная часть операции была впереди.

В половине десятого вечера или около того улицы Рима еще были многолюдны, хотя движение уже резко шло на убыль по сравнению с часами пик. В дневные часы римские улицы большей частью бывают забиты машинами, бампер к бамперу. По вечерам в жилых кварталах на окраинах Рима движение стихает, хотя по проезжей части улиц еще долго носятся на своих мотоциклах молодые римляне обоего пола, а на перекрестках и вдоль улиц стоят и прогуливаются люди всех возрастов. Бесчисленные римские кошки тоже вылезают в эти часы на улицу.

Не привлекая к себе внимания (римляне, кстати, никогда не были любопытны), Авнер и Роберт дружески беседуя, прогуливались вокруг площади.

Минут через тридцать Авнер увидел, что Ганс вышел из машины, запаркованной перед подъездом „С". Он посмотрел на часы, прошел вперед, остановился у машины, прислонившись к дверце, и с беспечным видом стал болтать с девушкой, сидевшей за рулем. Наконец, махнув ей на прощанье рукой, он зашагал через площадь, направляясь к корсо Триест, так ни разу и не взглянув на Авнера и Роберта. Девушка уехала. Стив с другой итальянкой продолжал сидеть в зеленом „фиате", запаркованном в нескольких десятках метров от этого места.

Все было готово к началу операции. Они знали, что тот, за кем они охотились, был человеком, никогда не изменяющим своим привычкам. Если в этот вечер не случится ничего непредвиденного, то через несколько минут он выйдет от своей любовницы, живущей в нескольких кварталах от него. Перед тем как войти в подъезд „С", он скорее всего заглянет в бар „Триест", чтобы позвонить по телефону. Телефон в его квартире, по полученным сведениям, был отключен за неуплату.

Тот факт, что Ганс отослал свою машину, означал, что он увидел молодую итальянскую парочку, спешащую по направлению к площади. Девушка обеими руками ухватилась за руку молодого человека, и они весело болтали. В их задачу входило примерно на минуту опередить того, за кем следила группа Авнера. Молодые люди знали, что их появление на площади Аннибальяно было указанием на то, что человек, за которым они наблюдали в течение

последних трех дней, приближается к дому, но кому они подавали свой сигнал и зачем, они не имели понятия.

Увидев парочку, Ганс должен был перейти к старенькому „вэну" с пожилым итальянцем за рулем, терпеливо его дожидавшимся в нескольких сотнях метров от площади.

Авнер и Роберт неторопливо пересекали площадь, двигаясь по направлению к подъезду „С" и не спуская глаз со Стива, сидящего в зеленом „фиате". Было бы неразумным болтаться в вестибюле здания слишком долго. Они должны были войти в подъезд как только девушка, сидящая рядом со Стивом, выйдет из машины.

Но если, выйдя из машины, она отойдет от нее, это будет служить Авнеру и Роберту знаком, что вход в здание опасен и их сегодняшняя операция отменяется.

Могло случиться, что нужный им человек не один, или что он направляется не домой, а куда-то еще. Авнер и Роберт не могли его видеть, так как он должен был появиться из-за угла. Знак, о том, что „цель" приближается к подъезду должна была подать девушка в машине Стива. Они с напряжением смотрели на ее белокурый затылок, виднеющийся в окне „фиата".

Авнер почувствовал, как судорожно сжались мускулы его живота. Он бросил быстрый взгляд на Роберта. Роберт шел со скучающим видом, его серые глаза были полузакрыты.

Блондинке в машине пора было действовать.

Через секунду она вышла из машины и не просто пошла, а побежала на своих высоких каблучках, неловко, как бегают подростки. Она бежала навстречу молодой паре только что появившейся из-за угла. „Чао!" — приветствовала она их и тут же уцепилась за вторую руку молодого человека. Смеясь, болтая и прижимаясь друг к другу, они прошли мимо.

Все было выполнено по плану. Блондинка и пара встретились за одну минуту до появления „цели".

Быстро, решительно, точно всю жизнь только это и делал, Авнер вошел в вестибюль подъезда „С". Ни взглядом, ни жестом, он не подал Роберту никакого знака, но тем не менее не сомневался, что Роберт немедленно последует за ним — при любых обстоятельствах. Это было правило израильской армии: командир выступал первым, предполагая, что остальные следуют за ним. Очень редко случалось, что командир ошибался и неожиданно обнаруживал, что он один на вражеской территории.

В вестибюле подъезда было прохладно и сыро. Как и во многих дешевых домах в Европе, зажженный на лестнице свет через несколько минут автоматически выключался. Не было смысла расточительно расходовать электроэнергию.

Авнер и Роберт приходили сюда накануне, чтобы наметить план действий. Лестница... Железная решетка старомодного лиф-

та, дверь которого открывалась только после того, как вы опускали в специальный счетчик монетку. На одной из стен — стеклянная, отражающая свет, панель. Сейчас, освоившись в темноте, Авнер вдруг увидел свое отражение. На мгновение его охватил страх, хотя он должен был, казалось, помнить, что здесь есть эта панель. Сердце у него замерло. Ему показалось, что кто-то посторонний поджидает их в вестибюле. „Чушь какая-то" — подумал Авнер. Он чуть ли не собственной тени испугался. Хорошо, что Роберт ничего не заметил. Вглядываясь в пространство дверного проема, они видели проходящих мимо подъезда людей. Силуэты на долю секунды появлялись в раме узкой двери: женщина, пожилая пара, собака — остановилась, посмотрела назад, помахала хвостом, подпрыгнула и исчезла.

И наконец человек, которого они должны были убить.

Хотя он мелькнул в проеме лишь на долю секунды (еще один силуэт с продуктовой сумкой в руках), — оба — и Авнер, и Роберт, поняли, что это он. Как и предполагалось, он шел в соседний бар. В этот момент они услышали приглушенный звук автомобильного гудка зеленого „фиата" — это сигнализировал Стив. Но надобности в сигнале уже не было.

Сейчас тот, кто им нужен, разговаривает по телефону. На это уйдет четыре-пять, может быть, шесть минут. Пусть десять — если кто-нибудь занял телефон до него. А может быть, все это займет только две минуты? Минута в минуту рассчитать все невозможно. Но не это важно. Так или иначе, но он войдет в подъезд. Войдет один.

Не исключено, конечно, что кто-нибудь еще войдет одновременно с ним. Или будет спускаться с лестницы. В таком случае им нечего будет здесь делать. Сегодня, по крайней мере. А может быть, и вообще, если тот, за кем они охотятся, сможет их хорошенько рассмотреть.

А что произойдет, если кто-нибудь войдет в парадную, когда они уже начнут выполнять то, что на их языке называлось „заданием"? Самое лучшее, что смог придумать Авнер, — это исключить такую возможность вообще. Но риск не мог быть нулевым. Он мог быть лишь минимальным. Даже Эфраим признавал, что в подобных операциях все предусмотреть невозможно. Нулевой риск может быть дома, у телевизора, да и в этом случае, где гарантия, что не обвалится потолок?

Мысли Авнера были прерваны.

Он входил в дверь.

Авнер не хотел верить своим глазам — следом за ним шли мужчина и женщина, те самые ни в чем не повинные свидетели, о которых напоминал им Эфраим. Увидел их и Роберт. Они собирались войти в подъезд следом за человеком с продуктовой сумкой.

В этот момент Роберт неожиданно шевельнулся, возможно, потому что увидел входящую в подъезд пару. Позднее он пытался, но так и не смог объяснить этого. Скорее всего он посчитал операцию сорвавшейся и собирался уйти. Так или иначе, но входящая пара могла заметить, что в сумраке парадной кто-то притаился. Они остановились. Мужчина что-то сказал женщине и, кажется, потянул ее на улицу. Не исключено, правда, что они ничего не заметили, а просто передумали.

Все это длилось секунду, и человек с продуктовой сумкой, шедший впереди, не обратил на это внимания. Он направлялся к лифту, спокойно и уверенно, не опасаясь темноты. Свободной рукой он шарил в кармане, вероятно, в поисках монетки для лифта. Стройный, худощавый человек шел, не ощущая страха. Авнеру было видно горлышко бутылки, по-видимому винной, которая торчала из его сумки.

Роберт протянул руку и нажал выключатель.

Вспыхнувший внезапно свет, не слишком яркий, не смутил этого человека. Он не замедлил своего шага и не остановился. Он не испугался. Он даже не вздрогнул, только посмотрел на них и, казалось, несколько удивился, но посчитал, что к нему эти люди никакого отношения не имеют.

Роберт спросил по-английски: „Вы Ваель Звайтер?"

Вопрос был задан формальности ради. С того момента, как зажегся свет, оба агента узнали его — стройного палестинского поэта, который в течение многих лет был представителем ООП в Риме. Они изучили его фотографии во всех деталях. Его официальную биографию они знали наизусть: возраст — около сорока, место рождения — город Шхем на Западном берегу Иордана. Литератор, пользующийся известностью в левых интеллектуальных кругах. Очень беден, меняет одну скромную работу на другую, одну скромную квартиру на другую. В настоящее время работает переводчиком в ливийском посольстве в Риме. Скрытен.

Они знали о нем все — даже его любовницу, немолодую тяжеловатую женщину, хорошо одевавшуюся и предпочитавшую проводить отпуск в Советском Союзе. Ничего предосудительного в этом еще не было, как не было ничего предосудительного и в том, что его младший брат был выслан из Германии после трагедии в Мюнхене. Нельзя было считать большим преступлением и выражение патриотических чувств в его статьях и поэзии или стремление продвинуть произведения других патриотически настроенных арабов, например сирийского поэта Низара Кабани, который воспевал „Аль-Фатах" в таких выражениях: „Только пули, а не терпение, откроют путь к освобождению". Это были настроения достаточно широко распространенные даже в среде западных интеллектуалов, новых левых. Или в среде старых левых. Или, если на то пошло, и среди старых правых. Нет, в этом еще не было преступления.

Звайтер, кстати, был кузеном Арафата, хотя даже Мосаду в то время это было неизвестно.

Но и это преступлением не было.

Причина, по которой его имя появилось под номером четыре в списке Эфраима, была в другом. У Мосада были доказательства, что Ваель Звайтер был одним из главных организаторов и координаторов терроризма в Европе. По данным Мосада, он был ответственен за захват палестинцами самолета авиакомпании „Эль-Ал" на пути из Рима в Алжир в 1968 году — захват, положивший начало террористическим выступлениям. Мосаду было известно, что Звайтер делал не только современные переводы „Тысяча и одной ночи", но и попытки в 1972 году взорвать еще один лайнер „Эль-Ала", вылетевший из Рима. Бомба была подложена в проигрыватель, который доставили на самолет под видом подарка от одной английской дамы.[1]

— Вы Ваель Звайтер — голос Роберта звучал ненавязчиво, даже вежливо. Еще какое-то мгновение Звайтер мог ничего худого не заподозрить. В руках у Авнера и Роберта оружия не было.

„Вынимайте оружие только тогда, когда решили стрелять", — учил их старый инструктор. А стрелять было нельзя, пока личность обвиняемого не будет установлена в точности. „Вы должны знать его, как родного брата, — говорил Эфраим. — Пусть он сам себя назовет".

И Звайтер уже собирался это сделать. Глазами, движением головы он еще прежде слов ответил на вопрос Роберта. И вдруг какое-то предчувствие, осторожность взяли в нем верх. Позднее Авнер много размышлял над тем, что именно в какую-то долю секунды заставило Звайтера ощутить, что он в смертельной опасности.

— Нет!

Авнер и Роберт двинулись одновременно. Полшага назад правой ногой, колени согнуты в боевом положении. Правая рука прижата к телу, пола куртки откинута назад, пальцы согнуты так, чтобы сразу схватить рукоятку револьвера. Левая рука ладонью вниз описывает полукруг над правой, которая уже держит „беретту". Курок, оттянутый назад, тут же устремляется вперед. Первая очередь из обоймы подана в затвор. Все сделано точно так, как Авнер делал это тысячи раз на уроках Дэйва.

У Звайтера была лишь секунда, чтобы выстрелить первым, если, конечно, помимо продуктовой сумки, у него есть оружие. Авнер и Роберт выполнили мосадовский прием, рассчитанный на то, чтобы риск был сведен к нулю, чтобы оружие появлялось в руке лишь тогда, когда они решили стрелять. После этого — все, никаких предупреждений, ни малейшего промедления! „Как только ты извлек оружие, — стреляй! — не раз повторял старик Дэйв. — А если ты уж стреляешь, то должен убить".

Ваель Звайтер к этому подготовлен не был. Если полученная о нем информация верна, то он не вооружен. Никаких телохранителей, никакого оружия. Звайтер полностью полагался на то, что он так затаился, так спрятался, что бояться ему нечего. Нищий поэт. Безопасный интеллектуал. Перемещенное лицо, бездомный эмигрант, переводчик, выражающий вполне естественное сочувствие делу своего народа. Человек, который даже не в состоянии оплатить свои телефонные счета. Человек, который носит домой свой ужин в продуктовой сумке.

А что, если это действительно так? Что если, этот невооруженный человек, сжимавший в руке продуктовую сумку с ужином и бутылкой вина и в отчаянии выкрикнувший свое „нет", не Ваель Звайтер? Если он не тот, кто им нужен? В этот момент он вел себя, как любой другой, оказавшийся бы на его месте, — застыл с расширенными от ужаса глазами.

Что, если кто-то там, наверху, ошибся?

Нельзя утверждать, что все эти мысли действительно промелькнули в голове Авнера в течение следующей секунды. Что происходит с Робертом, он не имел ни малейшего представления. И они впоследствии никогда это не обсуждали. Но ясно было одно: прошла еще секунда — а Звайтер был жив.

Первая секунда — это по правилам. Прежде чем вытащить оружие, ты должен удостовериться, что нет ошибки. Словно по команде, в руках у обоих оказались „беретты", но вторая секунда была против правил. Возможно, это была дань уважения одной из заповедей, которую вот-вот они собирались нарушить.

„Как вы думаете тренируют людей, чтобы научить их убивать?" — спрашивал Эфраим.

Уже когда все было кончено, Авнер понял, что и он и Роберт надеялись, что тот, другой, выстрелит первым.

Звайтер сделал шаг, собираясь уйти...

Авнер и Роберт выстрелили одновременно. Дважды. Целясь, как всегда в таких случаях, в туловище — самую обширную цель. Колени согнуты, левая рука вытянута вперед, как это делают фехтовальщики, хотя у „беретты" отдача минимальная. Два выстрела, еще два и еще раз два, меняя прицел по мере того, как Звайтер падал. Авнер не заметил, разбилась ли при этом бутылка вина, но вспоминал потом, что булочки рассыпались по полу.

Они стреляли не синхронно. Роберт кончил раньше. Так что два последних залпа Авнер дал один. Потом наступила пауза. Роберт выстрелил еще раз. Дважды.

Звайтер неподвижно лежал на полу.

Если никто из них ни разу не промахнулся, в его теле должно было быть четырнадцать пуль. А промахнуться на таком расстоянии — один-два метра — было трудно. Обойма „беретты" содержала восемь патронов, но и Авнер, и Роберт впихивали в нее

десять. Это опасности не представляло, если, конечно, не держать пружину разжатой много дней подряд.

У стрелявшего шесть раз Авнера осталось шесть патронов. У Роберта должно было остаться два. Авнер увидел, что Роберт нагнулся. Сначала ему показалось, что он пытается разглядеть Звайтера, но оказалось, что Роберт подбирает выброшенные гильзы. Делать это не имело смысла. И Роберт должен был это знать. Все тело Авнера онемело от напряжения, но растерянность Роберта подействовала на него отрезвляюще. „Оставь это", — сказал он резко и, затолкав револьвер за пояс, быстрым шагом пошел к выходу. Оглянувшись, он убедился, что Роберт следует за ним. Он выглядел подавленным, все его попытки спрятать револьвер в карман были безуспешны — пальцы не слушались его. Отчаявшись, Роберт просто спрятал его под куртку.

Они вышли из подъезда „С" на площадь. Свет в вестибюле продолжал гореть. Значит, прошло меньше трех минут с того момента, как Звайтер вошел в здание, может быть, даже и не меньше трех, а меньше двух.

Они двинулись по направлению к зеленому „фиату" в двадцати пяти метрах от подъезда, все ускоряя шаг. Ничего, кроме этой машины, Авнер не замечал. Повстречался ли ему кто-нибудь на пути, он не помнил.

„Фиат" был повернут к ним задом, но Авнер не сомневался, что Стив наблюдал за ними в зеркальце. Чем ближе они подходили к машине, тем быстрее шли. Уже в нескольких шагах от нее Авнер заметил, что бежит. Он рывком открыл заднюю дверь и пропустил Роберта, который плюхнулся на сиденье.

Стив обернулся.

— Что случилось? — спросил он испуганно, как только Авнер захлопнул за собой дверцу. — Почему все сорвалось?

Поразительно. Там, в парадной, треск выстрелов из двух „беретт", буквально оглушил их. Авнеру казалось, что весь мир слышал эти выстрелы. Это пугало его. Он не мог понять, почему обычно приглушенный звук „беретты" — хлоп... и шипение — в парадной звучал так, точно разверзлись земля и небо. А оказывается, даже Стив, который прислушивался самым внимательным образом и находился всего в нескольких метрах от здания, ничего не слышал.

— Все кончено, — ответил Авнер. — Едем!

„Фиат" рванулся вперед. Он прямо-таки ворвался в поток несущихся вокруг площади Аннибальяно машин, вынудив одну из них затормозить и свернуть в сторону так резко, что она чуть было не завертелась вокруг своей оси. Столкновение казалось неминуемым. Авнеру даже послышался металлический скрежет, но, к величайшему его удивлению, ничего не произошло.

Еще несколько сот метров по корсо Триест они проскочили

мгновенно и, миновав несколько кварталов, остановились позади „вэна", в котором сидел Ганс, в отличие от них совершенно спокойный. Ганс сделал знак шоферу-итальянцу, чтобы он отъехал чуть вперед и освободил место Стиву. Затем он открыл для них боковую дверцу. Пока Стив парковал свою машину, Ганс продолжал наблюдать за потоком машин, идущим от площади Аннибальяно. Никаких признаков погони он, однако, обнаружить не смог.

— Ты все подобрал? — спросил Авнер Роберта, садясь в машину.

Роберт кивнул, но вид у него при этом был неуверенный. Револьвер он уже спрятал, но продолжал похлопывать себя по карманам как будто что-то искал. Авнер решил оставить его в покое. Если даже Роберт и потерял что-нибудь, то Карл в этом разберется. Это по его части. Карл, который как раз сейчас должен был приближаться к подъезду „С".[2]

Все молчали. Пожилой итальянец вел машину на средней скорости. Так же как и все остальные итальянцы, принимавшие участие в этой операции, он понятия не имел, кого везет и зачем. В багажнике его „вэна" погромыхивали какие-то садовые инструменты, а на щитке была укреплена небольшая статуэтка Мадонны. Когда Авнер, Стив и Роберт поспешно садились в машину, он даже на них не взглянул.

Через каких-нибудь двадцать минут „вэн" въехал во двор дома в южной части Рима. Во дворе работали какие-то каменотесы. Когда „вэн" остановился, Авнер вновь почувствовал беспокойство. Еще в машине Авнер и Роберт перезарядили свои „беретты". Ганс и Стив тоже были вооружены. Все они понимали, что самая уязвимая, самая опасная часть их задания начиналась именно сейчас, когда они полностью зависели от посторонних, чужих людей, ничем с ними не связанных. „Вэн" уехал. Под ногами у них был мягкий песок. Впереди виднелись низенькие навесы, под которыми были сложены незаконченные надгробия. Подальше, на открытом месте, стояли перпендикулярно друг к другу два небольших „фиата". Водитель одного из них курил. В темноте Авнер видел огонек его сигареты.

Инстинктивно они разделились. Пока Авнер медленно шагал примерно в трех метрах от Ганса, мысль, промелькнувшая в его голове, могла быть сформулирована так: концепция „нулевого риска" в действительности есть не что иное, как злая насмешка. Во всяком случае — в применении к ним в настоящий момент.

С другой стороны — первая часть задания выполнена.

Моторы маленьких „фиатов" заработали. Стив и Роберт уже садились в первую машину. Шофер второго „фиата", погасив сигарету, открыл дверцу для Авнера и Ганса. Значит, если что-нибудь произойдет, то не здесь и не сейчас.

Выехав за пределы города, обе машины повернули на юг к

Неаполю. Они ехали не по главному шоссе, автостраде дель Соле, а по боковой дороге, проходящей поближе к средиземноморскому побережью. На придорожном знаке, который он заметил, было написано: „дорога № 148" и ниже стояла стрелка, указывающая направление к маленькому городку Латина.

Некоторое время оба — и Ганс, и Авнер — молчали. Авнер озабоченно смотрел в зеркальце, следя за огнями следующей за ними машины, — он должен был быть уверен, что второй „фиат" не отстает от них.

Ганс прервал молчание.

— Итак, — один уже есть, — сказал он на иврите. — Любопытства ради, хотите знать, во что это обошлось?

Авнер отметил про себя, что сходство Ганса с карандашом никогда еще не было таким заметным.

— С точностью до нескольких долларов, — сказал Ганс, — триста пятьдесят тысяч.

Этот уединенный фермерский дом был превосходным убежищем. Здесь можно было провести несколько спокойных дней и на досуге все обсудить. Небо в эти последние дни октября было почти безоблачным. Прогуливаясь среди низкорослых абрикосовых деревьев на заднем дворе, Авнер ощущал запах моря. Море было близко, но безопасности ради лучше было не отлучаться из дома.

Латина — это не Рим. В маленьком городке появление чужого человека всегда может возбудить нежелательный интерес.

Цифра, названная Гансом во время поездки в машине, не удивила его. Убийство связано с большими затратами. Авнер пытался вспомнить, на что именно были потрачены эти деньги. Это ему помогло восстановить в памяти все детали событий последних трех недель.

Легче всего было вспомнить, куда девались первые пятьдесят тысяч долларов. Эту кругленькую сумму получил Андреас. Ничего ощутимого на этом Авнер не заработал. Пока не заработал.

В течение первых дней в Женеве все они представления не имели, как им приступить к выполнению своей задачи. Легко было Эфраиму объявить им, что они получают полную автономию. Они согласились с тем, что будут действовать самостоятельно. Не будут подчиняться распоряжениям и гоняться за своей дичью по планам, выработанным фантазерами в Тель-Авиве. Им не надо будет следовать противоречивым указаниям и страдать от канцелярской волокиты. В теории все это казалось замечательным.

А на практике? Первые два унылых дня они провели в женевских кафе. Бесконечно долгие часы они просиживали за столиком, поедая намазанные маслом хрустящие швейцарские булочки. Дождь барабанил по двускатным крышам, усугубляя и без того мрачное настроение.

Хуже всего было Авнеру. Ему казалось, что все остальные ждут от него как от руководителя указаний. А он еще и сам не знал, с чего начинать.

Наконец он стал изучать список лиц, подлежащих уничтожению.

Что же все-таки им известно об этих одиннадцати влиятельных террористах, об этих, как назвал их Эфраим, головах чудовищного дракона? Список был составлен в соответствии с представлениями Мосада о значимости каждого деятеля. Авнера и Карла удивило, например, что доктору Вади Хададу было отведено одно из самых последних мест. Между тем он был широко известен. Разумеется, они не были обязаны придерживаться порядка, указанного в списке. Не было никакого смысла месяцами гоняться за одним из террористов, упуская из вида троих или четверых вполне доступных.

Можно было классифицировать террористов и по другим признакам. Например, номера первый и второй, шестой, седьмой и восьмой, а также десятый и одиннадцатый были охарактеризованы Авнером и его коллегами на их собственном квазивоенном языке как „трудные" цели. Под этими номерами значились: Саламэ, Абу Дауд, Насер, Эдван, Наджир, аль-Шир и Хадад — организаторы террористических акций, лидеры движения. О них известно было все, за исключением их местопребывания. С оружием в руках, окруженные телохранителями даже в тех случаях, когда они жили инкогнито, эти люди, разумеется, принимали все меры предосторожности, чтобы не быть захваченными врасплох и атакованными. Они опасались не только израильтян, но и своих собратьев по движению, принадлежащих к какой-нибудь враждебной им фракции. Они, безусловно, были всегда начеку, пользовались укрепленными убежищами и непрерывно меняли планы своих маршрутов. Некоторые из них вряд ли проводили две ночи под одной крышей.

Что касается тех, кто значился под номерами три, четыре, пять и девять, то их можно было отнести к разряду „легких". Такие как Ваель Звайтер в Риме, Хамшари, Аль-Кубаиси и Будиа в Париже, имея официальные должности и работу, возможно, полностью полагались на это общественное прикрытие. Они не скрывали симпатий к делу палестинцев, но не обнаруживали своих тайных связей с террористами. Они жили открыто в городах Западной Европы и, казалось, проповедовали свои политические убеждения только гуманитарными методами, занимаясь культурно-образовательной деятельностью. Таким образом, если и было в их жизни что-то еще, то об этом никто не знал.

Полиция Франции, Германии и Италии, как правило, знала террористов, подпольных продавцов оружия и контрабандистов, торгующих взрывчатыми веществами, и она охотилась за ними, пытаясь, если не обезвредить их, то хотя бы выдворить из своей страны. А вот писать статьи, работать на информационные центры, какова бы ни была их цель, в условиях западной демократии преступлением не считалось. Такой тайный террорист чувствовал себя в безопасности, поскольку знал, что и в самом Израиле по-

литическая поддержка Организации освобождения Палестины не рассматривалась как наказуемое преступление. Если, конечно, израильтяне верили в то, что ничем другим этот человек не занимается.

„Вы не можете стрелять в человека, — утверждал Эфраим, — потому только, что он считает, что и палестинцы должны иметь свой дом. Черт возьми! Я и сам думаю, что палестинцам нужен дом. Запомните, вы стреляете в него только потому, что он убивает школьников или олимпийских спортсменов".

Зная все это, „легкие" не считали нужным прятаться, вплоть до того, что не скрывали свои адреса. В списке, полученном Авнером, на одного из них, например, были даны биографические сведения и его парижский адрес. Это вовсе не означало, что этого человека можно было убить без предварительной подготовки. В действительности это было не так-то легко организовать. Еще труднее было потом уйти от преследования. Так что подготовить акт возмездия и в этом случае было непросто.

И все же „легкие" действительно были легкими по сравнению с другими. Во-первых, этих людей было проще обнаружить. Во-вторых, проще до них добраться.

„Легких", наконец, было и проще идентифицировать. Действуя под постоянным общественно-служебным прикрытием, они обычно не прибегали к маскировке или фальшивым документам. Они разрешали себя фотографировать. Бывало, что на дверях их квартиры можно было увидеть таблички с их именем. На вопрос о том, как их зовут, они, по всей вероятности, должны были сказать правду.

Все это было так, если, разумеется, Мосад не допустил ошибки и „легкие" террористы и на самом деле не были теми, за кого себя выдавали.[1]

Имелся и еще один аргумент в пользу выбора „легких" в качестве начала их миссии. Этот аргумент был время. Трагедия в Мюнхене произошла в начале сентября. „Трудные" попрятались и могли не выйти из своих укрытий еще в течение нескольких месяцев, рассчитывая, что мир постепенно забудет об убийстве израильских спортсменов. Чем тратить несколько месяцев на поиски „трудных" и упустить „легких", группа Авнера предпочла уничтожить первым того, на чей след она напала раньше других.

К тому же еще через месяц-другой общественность мира, да и сами террористы могут уже не увидеть прямой связи между трагедией в Мюнхене и их акцией. И убийство террористов может показаться ничем не спровоцированным.

Известное высказывание лорда Байрона „Отмщение — это блюдо, которое лучше есть холодным", — не было знакомо Авнеру. Но и знай он о мнении английского поэта на этот счет, он все равно с ним не согласился бы.

— К черту все это, — сказал Авнер друзьям на второй день тупого сидения в женевском кафе. — Оставим Женеву. Здесь слишком тихо. И трудно найти контакты. Пусть нашей штаб-квартирой будет Франкфурт. Прежде всего — мы разделимся. Откроем банковские счета, соберем информацию — каждый в том месте, с которым он хорошо знаком. Стив, ты отправишься в Амстердам. Карл, само собой — в Рим. Ганс — в Париж. Роберт — в Брюссель. Через пять дней мы встретимся во Франкфурте. И давайте покончим с первым из наших подопечных через две недели.

Это решение могло показаться, на первый взгляд, непродуманным, однако смысл в нем был. Конечно, им потребуются банковские счета, контакты, тайники, надежные квартиры во всех крупных европейских городах. Любой из террористов мог оказаться сегодня в одном городе, а завтра в другом. И они должны были подготовить себе пути отступления. В идеале им следовало иметь в различных городах Европы новые паспорта, новую биографию и достаточное количество денег, чтобы продержаться в течение нескольких недель. Покидая страну, в которой они совершили свой акт мести, они никогда больше не смогут воспользоваться теми документами, которые были у них при въезде. Они никогда, пересекая международные границы, не должны иметь при себе оружия. И само собою разумеется, что никто из них не должен одновременно пользоваться разными документами.

Для Карла родным городом был Рим. Для Ганса — Париж. Амстердам — для Стива. От своих прежних осведомителей они, может быть, что-нибудь узнают о ком-то из их нынешних „клиентов". Четыре пятых всей информации, как это бывает и в практике работы полиции, поступает от людей, обиженных судьбой, или просто жадных воришек.

Брюссель, куда направлялся Роберт, был и все еще оставался мировым центром снабжения контрабандным оружием и взрывчаткой. Авнер мало что понимал в технических деталях — это была область, подведомственная Роберту, но он, как и все, знал, что при наличии контактов и денег через бельгийского посредника можно приобрести целый арсенал оружия и обеспечить доставку его в любое место в Западной Европе и даже за ее пределы.[2]

Оставшись в Женеве, Авнер после отъезда своих партнеров позвонил Андреасу. Вот этот-то звонок и обошелся ему в пятьдесят тысяч долларов. Его „шестое чувство" подсказывало ему, что Андреас может оказаться полезен им. Кроме того, он помнил слова Эфраима о том, что им имело смысл проникнуть в какую-нибудь террористическую организацию. Таким образом, они убили бы двух зайцев разом — были бы хорошо информированы о действиях европейских террористов и могли бы рассчитывать, что с их помощью выйдут на тех, кто им был нужен.

Авнер и его группа представляли собой крошечную, замкнутую

ячейку, очень похожую на те, которых в подпольном международном террористическом мире было много. Официально группа Авнера ни с каким правительством связана не была. Их деятельность, кроме того, не регулировалась правилами разведывательных служб. Они были, что называется, сами по себе — с одной стороны, выполняли поручение своей страны, с другой — вроде бы ни на кого не работали. В этом смысле его группа походила на банды вооруженных анархистов, спонтанно возникавшие повсюду — от Уругвая до Западной Германии. Все они возникли в бурные шестидесятые годы как реакция на самые разные политические и неполитические идеи — от движения за право пользоваться наркотиками или выступлений в защиту окружающей среды до протеста против войны во Вьетнаме , борьбы за равноправие женщин или движения новых левых. Но при этом все террористы работали на одну определенную страну: Советский Союз.[3] Однако в 1972 году мало кто это понимал.

Существовало множество обстоятельств, которые позволяют ответить на вопрос, почему большинство либерально настроенных комментаторов и политических деятелей на Западе отказывались до конца семидесятых годов допустить возможность участия Советского Союза в террористической деятельности.

Во-первых, в шестидесятые годы принятые на вооружение террористами цели и идеи, повсеместно находили сочувствие. В некоторых случаях такое сочувствие было даже оправданным.

Несмотря на то что в огромном большинстве люди на Западе не одобряли терроризм, то есть его „тактику", — убийства, ограбления, угон самолетов, похищение людей, — многие считали, что насилие совершается отдельными фанатиками, людьми неустойчивыми и незрелыми.

Во-вторых, Советский Союз в своих официальных заявлениях обычно либо осуждал, либо, по крайней мере, не одобрял терроризм. Советский министр иностранных дел Громыко в выступлении на Генеральной Ассамблее Объединенных Наций сказал, что невозможно простить акты террора, осуществляемые некоторыми элементами в палестинском движении, акты, подобные тому, например, который привел к трагическим событиям в Мюнхене.[4]

Советологи могут с некоторым правом утверждать, что между анархистами и ортодоксальными коммунистами существует вполне ощутимая пропасть. Коммунисты называют анархистов „мелкобуржуазными романтиками", которые только задерживают наступление победы пролетариата. Некоторые террористические группы тоже иногда позволяли себе высказываться против „советского империализма" и „западного колониализма". Однако при всех своих антисоветских настроениях они никогда не решались подтвердить свои слова в адрес СССР какими-нибудь действиями.[5]

В третьих, растущее с невероятной быстротой террористическое движение в Европе, Америке, в странах „третьего мира" и на Ближнем Востоке представляло собой такое хаотическое нагромождение противоречивых и нелогичных философских построений, что трудно было даже вообразить себе, что все это исходило из одного какого-нибудь источника.

Тут и религиозные фанатики, и ультранационалисты, марксисты и квазимарксисты всех оттенков, противники авторитарной власти и антиимпериалисты.

Никто из них, однако, не высказывал недовольства откровенным авторитарным режимом или империализмом в странах коммунистического блока. Члены организаций, называющих себя „коммунистическими", проповедовали идеи, которые в Советском Союзе квалифицировались как „левоуклонистские". Их авторы быстрехонько угодили бы там в психиатрические больницы, а то и куда-нибудь похуже. Более того, эти группы к своим идеологическим разногласиям относились столь серьезно, что тратили не меньше времени на стрельбу друг в друга и взрывы, чем на террористические акции, направленные против населения и правительств Запада.

Советский блок, а в прошлом и китайское коммунистическое правительство, который организовывал, тренировал, вооружал и частично финансировал террористов, мало интересовался их повседневной деятельностью. Особенности их идеологии и то, соответствует ли она коммунистической доктрине были безразличны тем, кто стоял за спиной террористов. От них требовали соблюдения партийных принципов. Советские органы безопасности использовали террористов для того, чтобы разрушать и дестабилизировать западные демократии. Кремль был равнодушен к тому, какие именно для этого применялись способы и какими идеологическими воззрениями террористы руководствовались. Единственное, чему придавалось значение, это степени воинственности.

Играла роль и ответная реакция демократических правительств. Удавалось ли, например, террористам спровоцировать их на действия столь же разрушительной силы. Идея заключалась в том, что террористы должны были вызывать и даже искусственно создавать ситуации, чреватые репрессиями против них же, для того чтобы впоследствии с этими репрессиями бороться.

КГБ вовсе не интересовал вопрос о том, чем были инспирированы акты насилия — религиозными разногласиями, борьбой за национальное освобождение, социальными или расовыми распрями.[6] Он равнодушно относился и к тому, были ли проповедуемые террористами идеи просто нелепы или содержали какую-нибудь крупицу истины

Террористы — не только рядовые, но в некоторых случаях и принадлежащие к руководству движения, — часто не отдавали

себе отчета в том, что Советский Союз использует их в качестве инструмента своей политики. Более того, КГБ удавалось создавать у них иллюзию, что, наоборот, это они используют Советский Союз в своих целях.

Эта концепция была по-своему гениальной, так как давала возможность Советам подрывать основы либерально-демократических институтов Запада. Например, в таких странах, как Турция или Испания после смерти Франко. Советы были в состоянии задержать или вообще предупредить создание демократических правительств в этих странах, при этом открещиваясь от всякого участия в событиях и, так сказать, умывая руки. Все это относилось к области тайной политики. Для видимости же Советы размахивали оливковой ветвью детанта, предлагаемого Западу.

В конечном счете, именно этими обстоятельствами определялось нежелание Запада открыто признать роль Советского Союза в международном терроризме до конца семидесятых годов. Хотя к этому времени многие факты такого рода стали достоянием широкой публики,[7] некоторые государственные деятели считали необходимым в наш ядерный век соблюдать осторожность и, если можно этого избежать, не слишком раскачивать утлую лодку детанта. Терроризм, полагали они, проблема не слишком серьезная: время от времени приходится принести в жертву какого-нибудь дипломата, бизнесмена, журналиста или пассажира самолета. Цена не слишком высокая, если это дает возможность не осложнять взаимоотношений между Западом и Востоком и сохранять Хельсинские соглашения. Этих государственных деятелей в особенности устраивало то, что Советский Союз предусмотрительно действовал, соблюдая нормы дипломатии, и часто осуществлял свое содействие террористам через посредников: инструкторами назначались кубинцы или палестинцы, многие тренировочные лагеря создавались в Чехословакии или в Южном Йемене, оружие изготавливалось и отправлялось из Восточной Германии, инструктаж террористы проходили в столице Болгарии Софии, а не в Москве. Все это делалось не потому, что Советский Союз стремился не выказывать своей причастности к „мокрым" делам. А между тем именно так думали многие из вполне осведомленных людей. Кремль особенно темнить по этому поводу, однако, не собирался. И тем более не стремился вводить в заблуждение правительственных лидеров и разведывательные службы. Терроризм действенен только в тех случаях, когда его источник не вызывает сомнений.

Политика Кремля сводилась в этом случае к тому, чтобы дать правительствам Западных стран возможность сделать выбор — закрыть глаза на все происходящее или этого не делать.

Это было прекрасным испытанием намерений Запада, иезуитски сочетающим нападение с оскорблением. Деморализовать и

унизить лидеров Запада, заставить, скажем, какого-нибудь одного посла дружески пожимать ту самую руку, которая только что подослала убийцу к его коллеге. Подобная тактика планировалась и осуществлялась до тех пор, пока великие демократии Запада полностью не потеряли уверенность в себе и в свою мощь.

Само собой разумеется, что винить Советский Союз во всех бедах, постигших мир в последние десятилетия, нелепо.[8] Но он их эксплуатировал. Ни одну кровоточащую рану или язву Советы не упустили из вида. Ни одной ране они не давали зажить, если только были в состоянии создать условия для нагноения. Если где-нибудь возникал конфликт, они делали все от них зависящее, чтобы конфликт перерос в войну. Если возникала болезненная ситуация, они выжидали появления какого-нибудь фанатика, который занял бы непримиримую позицию в спорном вопросе. Они снабжали его оружием. Если фанатик не появлялся, они могли его искусственно создать.

КГБ правильно рассчитал, что, снабдив всем необходимым, в том числе и учителями, достаточное число экстремистов и предоставив им возможность действовать по своему усмотрению, он создаст разрушительную силу, которая ни в надзоре, ни в инструкциях нуждаться не будет и которая, без сомнения, породит в мире хаос.

В 1972 году не все еще это понимали. Те, кто имел доступ к разведывательной информации, стали это подозревать и собирать данные, подтверждающие их предположения. Иногда они слишком торопились с обнародованием своих материалов и дискредитировали себя.[9] Другие, типа Авнера, не имевшие доступа к секретной информации, но обладавшие некоторым опытом, подозревали, что это так, руководствуясь простым здравым смыслом. Авнер не был знаком с известной формулой cui bono? — кому на пользу? — но самостоятельно делал соответствующие выводы, понимая, кому явно было на пользу ловить рыбку в мутной воде. Если это так, то почему бы и ему, Авнеру, не воспользоваться этой ситуацией и самому не половить рыбку в той же самой мутной воде?

Во Франкфурте на его звонок ответила Ивонна, любовница Андреаса. Та самая, которая с такой подозрительностью отнеслась к нему, когда он звонил в первый раз несколько лет назад. Она давно уже перестала относиться к нему неприязненно и однажды даже угостила его обедом.

Ивонна была необыкновенно привлекательной брюнеткой с огромными зелеными глазами, высокая, сантиметра на три выше и Авнера, и Андреаса. Авнер даже испытывал некоторую зависть к своему приятелю.

Авнер решил, что первое действие своей пьесы он разыграет по телефону.

— Ивонна! Здравствуй. Я звоню из Швейцарии. Андреас дома? Я... я некоторым образом в затруднительном положении.

Помолчав, Ивонна ответила:

— Одну секунду. Подожди, может, он еще на лестнице.

Через минуту Андреас подошел к телефону. Он немного запыхался.

— Извини, — сказал он, я уже выходил из дома. Что случилось?

— Я, кажется, попал в беду, — ответил Авнер. Он помолчал, интуитивно угадывая, что лучше говорить поменьше.

— Ты хочешь приехать?

— Да, — сказал Авнер. — Но в моей ситуации, „приехать" — это значит поменять страну. — Он замолчал, точно у него перехватило дыхание, и ждал, чтобы Андреас прервал это молчание.

— Хорошо, — сказал Андреас, — ты не должен рассказывать все по телефону. Как у тебя с деньгами?

— Все в порядке, — ответил Авнер. Завязка его пьесы, кажется, удалась. — Единственное, что у меня есть, это деньги. И много.

— Ты в Цюрихе? — спросил Андреас. — Неважно, где бы ты ни был, поезжай в Цюрих. Позвони человеку, которого зовут Ленз-лингер.[10] — Он назвал фамилию по буквам и дал Авнеру номер телефона. — Скажи ему, что ты от меня. Он тебе поможет. — Андреас опять помолчал, затем спросил: — Когда ты сказал , что у тебя много денег, ты не шутил?

— У меня горы денег, горы, — сказал Авнер. — Об этом не беспокойся. Спасибо. Я позвоню тебе позже. — Он повесил трубку, закончив разговор.

В тот же день Авнер позвонил по телефону, который дал ему Андреас, и выехал поездом в Цюрих. На вокзале его ждал шофер, одетый в форму, и через двадцать минут Авнер уже входил в ворота красивой виллы в тихом аристократическом районе. Дом был окружен низкой каменной стеной с чугунными ажурными воротами посередине. Две огромные плакучие ивы раскинули свои ветви по стене.

Войдя в кабинет, Авнер испугался. Ему показалось, что навстречу ему с ковра поднимается молодой леопард. Ленз-лингер объяснил, что это оцелот, который живет у него в доме.

— Не бойтесь, — сказал он улыбаясь.

Ленз-лингер оказался человеком небольшого роста, с маленькими руками и крошечными глазками.

Одна из стен в его сумрачном, отделанном деревянными панелями кабинете, была сплошь увешана африканскими масками и оружием.

Оцелот, может быть, опасности и не представлял. Но о его хозяине этого сказать было нельзя. Он потребовал тысячу долларов

за каждую Беретту-22 с тремя обоймами и от двух до трех тысяч долларов за паспорт — в зависимости от страны. В 1972 году это было непомерно дорого, даже по ценам черного рынка. Однако Авнер уплатил, не моргнув глазом.

В тот момент ему не нужны были ни семь револьверов, ни пять паспортов, которые он купил. Но запертые в женевском сейфе, они никому помешать не могли. Во всяком случае первый контакт был завязан. Он приобрел документы и оружие через час после своего телефонного звонка, затратив на это не больше усилий, чем на покупку яиц в супермаркете. Кроме того, он пользовался тем же источником, что и террористы.

После заключения сделки Авнер уплатил половину наличными и договорился что „товар" будет доставлен через сорок восемь часов в Женеву к условленному месту — закусочной у площади Клебер. Авнер рассчитывал, что за это время Лензлингер успеет сообщить обо всем Андреасу.

Для того чтобы проникнуть в этот мир, одних контактов, дружбы или всяких хитроумных планов было недостаточно. В первую очередь нужно было доказать, что ты серьезный партнер в бизнесе. Отталкиваясь от этого, можно было рассчитывать на дальнейшее укрепление этих связей.

Три дня спустя, звоня Андреасу из аэропорта во Франкфурте, Авнер решил до поры до времени никаких объяснений ему не давать. Он знал, что в конкретной ситуации сможет лучше сориентироваться.

Лензлингер, разумеется, немедленно сообщил Андреасу, что его друг приобрел кое-какие вещи и с легкостью уплатил за них почти двадцать тысяч долларов наличными. Андреас, по-видимому, уже сочинил для себя версию о делах Авнера. Если окажется, что эта версия ему подходит, он будет в дальнейшем ее придерживаться.

— Лензлингер говорит, — сказал Андреас позднее, за чашкой кофе, — что ты хочешь создать небольшую армию.

Авнер рассмеялся. Ивонна накормила его еще одним обедом, притом изысканным, хотя и заметила как бы между прочим, что он сделан на скорую руку. Зеленоглазая красавица, с прекрасной фигурой, она казалась не на своем месте в этой скромной квартире с одной спальней, обставленной скандинавской мебелью. У дверей стояли два чемодана. Авнер еще в первый свой визит попробовал толкнуть один из них ногой. Чемоданы явно были набиты вещами, плотно упакованными и подготовлены на случай срочного отъезда.

Квартира не подходила не только Ивонне, которая была бы куда больше на месте на вилле, подобной той, что была у Лензлингера, не подходила она и Андреасу. Авнер хорошо помнил дом его детства.

— Да нет, не армию.

Андреас тоже рассмеялся, но продолжал наблюдать за Авнером. Затем он бросил в сторону Ивонны взгляд, который явно показывал, что он хочет остаться наедине со своим старым другом.

— Похоже на то, что ты и посыльному хорошо платишь, — продолжал Андреас, когда Ивонна вышла.

Авнер кивнул. Однако быстро в этом мире путешествуют новости, удивился Авнер. Он действительно дал пять стодолларовых бумажек молодому человеку, который доставил ему чемодан от Лензлингера в Женеву. На самом деле он не знал, сколько надо было дать, но учел, что и посыльные подвергаются немалому риску.

— Если ты владеешь машиной, печатающей деньги, — сказал Андреас, — я бы одолжил ее у тебя на несколько часов.

— Если бы она у меня была, — ответил Авнер, — я бы дал ее тебе даже на целый день.

Они снова рассмеялись.

— Скажи мне, старина, — продолжал Андреас, — ты не в ладах с законом?

— Похоже на то, — ответил Авнер.

— Ты ограбил банк? — спросил Андреас на этот раз без тени улыбки.

Авнер отрицательно покачал головой.

— Ты совершил мошенничество?

Вероятно, Андреас уже составил свою собственную версию о том, что произошло с Авнером, и Авнеру очень хотелось знать, что именно думает о нем Андреас.

— Дело в том... — начал он. — Мы — я и мои товарищи — вынуждены были скрыться и... Я не знаю, попадет все это в печать или нет? Это... это крупное дело.

— Ничего больше не говори! — воскликнул Андреас и просиял. — Мошенник! Ты из Лихтенштейна.

Авнер вздохнул с облегчением. Вот, оказывается, что предполагает Андреас. Газеты были заполнены материалами о подозрительных махинациях, в которых было замешано крупное финансовое учреждение крохотного княжества Лихтенштейн. Предсказывали повсеместное банкротство банков во Франции. Ходили слухи, что в этом деле участвовали и некоторые израильтяне. Дело пахло крупным скандалом.

Авнер тут же признался Андреасу во всем, поддерживая версию о мошенничестве в Лихтенштейне. Он понял, к чему клонил его друг. Это было очевидным — не стоило даже апеллировать к „шестому чувству". Андерас нуждался в деньгах.

— Послушай, старина, — сказал Андреас, делая себе папиросу с марихуаной, — мы встречались в последние годы несколько раз, но никакогда по-настоящему не говорили. Ты делал свое дело.

А я, мы с Ивонной, — свое. Ты о чем-то догадывался. А может, и нет, не знаю. Но ты мне позвонил. Для чего?

— Я нуждался в помощи, — сказал Авнер. — И не думай, что я неблагодарный человек.

— Это неважно. Я рад, что смог тебе помочь. — Андреас зажег папироску и сильно затянулся. — Может быть, и ты сможешь посодействовать мне... У тебя есть то, что мне нужно. Если я ошибаюсь, тогда мы на этом и закончим разговор. Но все равно останемся друзьями, и я всегда к твоим услугам, если понадобится. Мне думается, что ты сейчас при деньгах. А я как раз на мели.

Авнер сделал вид, что размышляет.

— Сколько тебе нужно? — спросил он.

— Ты имеешь в виду сразу? — Андреас глубоко затянулся еще раз. — Мне нужно от пятидесяти до ста тысяч долларов.

— Я могу дать тебе сто, — быстро ответил Авнер, глядя ему в глаза. Пусть пожалеет, что не запросил больше. Пусть думает, что и в будущем может на него рассчитывать. Если, конечно, от него будет толк. — Пятьдесят тысяч я могу дать сейчас.

Его позабавило, что Андреас хлопнул его по спине и даже предложил затянуться, хотя хорошо знал, что Авнер не курит и не пьет. Разве что стаканчик-другой пива. От марихуаны и от обещания денег Андреас пришел в состояние возбуждения.

Люди из банды Баадер-Майнхоф, как и большинство террористов, всегда нуждались в деньгах. Если судить по ценам Ленслингера, то расходы у них были гигантские. При их образе жизни деньги, и большие, требовались им постоянно: меры по обеспечению безопасности, поездки, тайные квартиры, плата осведомителям, покупка оборудования для связи, покупка или прокат машин. Надо думать, что расходы эти достигали астрономических цифр.[11]

Все это Авнеру было известно. Он был знаком с тем, как действовали террористы. Эти сведения составляли часть курса, усвоенного им в процессе подготовки к работе агента. Но относительно своего друга Андреаса он знал и еще кое-что — частично по воспоминаниям детства, частично интуитивно.

Андреас был богатым избалованным мальчиком с авантюрными склонностями. Каким-то образом он оказался втянут в водоворот терроризма, который в сущности был ему чужд. Он был хорош собой и находился в отличной форме, но для террориста был слишком искренен и легко возбудим. У него была привычка время от времени протирать свои старомодные очки белым батистовым носовым платком. Авнер помнил эти носовые платки еще со школьных времен. Мать Андреаса, видно, закупила в свое время их несколько дюжин.

Надо думать, что фракция „Красная армия" террористической группы Баадер-Майнхоф вряд ли зачислила такого мальчика в

свои ряды безоговорочно. Его вкладом, вероятно, были деньги или оружие, документы и проч., купленное на эти деньги.

Какое-то время Андреасу хватало тех денег, к которым он имел доступ. Это могли быть страховые фонды на его имя. Он мог вымогать или брать в долг у своих родителей и родственников. Но эти источники с течением времени должны были иссякнуть и ему угрожало исключение из состава группы, а может, и кое-что похуже.

По мнению Авнера, Андреас не станет задаваться вопросом о том, по какой причине он снабжает его деньгами и просит в обмен за это о некоторых услугах — контактах или информации. Даже если Андреас подозревает, что Авнер не перебежчик, контрабандист или мошенник, даже если возникнет у него мысль, что Авнер — израильтянин, борющийся по другую сторону баррикады, — он скорее всего эти подозрения оставит при себе. Авнер будет для него своего рода спасательной шлюпкой, которая даст возможность подольше продержаться на гребне революционного потока. Нет, он ничего не предпримет, чтобы помешать Авнеру.

— Через несколько дней сюда приедет кое-кто из моих друзей, — сказал Авнер. — Мне потребуются три квартиры, такие как ваша. Как ты думаешь, может Ивонна помочь мне найти что-нибудь? Я не хочу сразу снимать. Мне нужны адреса, чтобы я мог сам взглянуть и оценить. Квартиры должны быть в тихом месте, ты понимаешь?

— О, разумеется, — сказал Андреас.

— Займемся тогда этим завтра, — сказал Авнер и встал. — После того, как мы с тобой пообедаем и я принесу деньги.

На следующий день к вечеру Ивонна предложила ему на выбор семь адресов. Из них ему нужны были только три: для Стива и Роберта, для него самого и Карла и для Ганса. По причинам как профессиональным, так и личным, они сгруппировались именно таким образом.

С первого взгляда Авнер понял, что со Стивом или Робертом он не сможет прожить и дня. Со Стивом это были бы всегда переполненные пепельницы и носки в холодильнике. Что касается Роберта, то его привычки были еще более неприемлемыми для соседа. Он коллекционировал механические игрушки и часами играл с ними. Сам он, правда, свои занятия игрой не называл. Игрушки и всяческие новые изобретения в этой области представлялись ему делом очень серьезным. Его семья владела фабрикой игрушек в Бирмингеме, и Роберт перед отъездом в Израиль изобретал и конструировал самые хитроумные и сложные из них. Игрушки до сих пор оставались его любимым развлечением.

Что касается Карла, то он был таким же чистоплотным, спокойным и любящим во всем порядок, как и сам Авнер. Он, прав-

да, непрерывно курил свою трубку, но пепла при этом нигде не было видно. Не было, казалось, и табачного дыма. Карл постоянно открывал настежь окна. К счастью, и по роду их деятельности им надлежало жить вместе — разрабатывать планы операций и способы их обеспечения.

Ганс должен был жить один по соображениям безопасности. Только в его квартире находились документы, которые могли их скомпрометировать. К тому же, работать над ними он предпочитал в одиночестве.

Товарищи Авнера должны были прибыть во Франкфурт еще через два дня. Пока что он вместе с Ивонной осмотрел квартиры, которые она для него подыскала. Было очевидно, что дело свое она знает. Все квартиры оказались очень подходящими, все в приличных районах и неподалеку от главных магистралей. На следующий день Авнер вернулся один и снял из семи три. Ивонне же он сказал, что снял только одну — для себя и своего друга, так как остальные, мол, передумали и решили во Франкфурт не приезжать. Незачем, кому-то еще знать все их адреса, решил Авнер. Квартира, которую он снял для себя и Карла находилась в сравнительно небольшом здании на Хюгельштрассе. Как раз здесь за углом, был дом, в котором Авнер жил ребенком. Нетрудно поэтому догадаться, почему он выбрал для себя этот район.

Квартиры, которые он снял для Ганса, Роберта и Стива находились в домах, расположенных неподалеку от улицы Редерберг-вег, примерно в двадцати минутах езды на машине от Хюгельштрассе. Район был таким же тихим. Обе квартиры находились по соседству с огромным, организованным на немецкий лад, ухоженным городским парком. Стив был помешан на беге, так что у него будет полная возможность пробегать свои восемь километров ежедневно. Ганс, который утверждал, что побежит только в том случае, если за ним будет гнаться мясник с топором, любил спокойные прогулки в одиночестве. Авнер, разумеется, и представления не имел, сколько времени они проживут в этих квартирах. Может быть, и очень недолго. Но не так уж трудно было выбрать жилье, которое удовлетворяло бы вкусам и привычкам его партнеров.

Вечером, в канун того дня, когда его группа должна была прибыть во Франкфурт, Авнер согласился пойти с Андреасом на собрание. Андреас, видимо, старался отблагодарить Авнера за деньги и доброжелательное отношение.

В небольшом помещении — что-то вроде клуба одной из ячеек — последователей Баадер-Майнхоф — было сильно накурено. По тому, как их встретили, Авнер понял, что его друг был здесь важной персоной. Все окружающее показалось Авнеру, однако, малоинтересным. Хотя все присутствующие — пятеро мужчин и две женщины — оказались примерно его ровесниками, Авнер

почувствовал себя шестидесятилетним стариком. Ему с трудом удавалось не задремать под звуки политической трескотни, которой конца не было видно. И это наводившие ужас на Западную Европу террористы?! Правда, те, которых он сейчас видел, не были настоящими террористами. Они казались студентами, собравшимися на дискуссию о книгах и понятиях, которые были знакомы Авнеру только понаслышке. Тем не менее он понимал, что все, о чем они разговаривали, было мешаниной из стандартных коммунистических лозунгов и прочей политической чепухи.

Кому же они поклонялись? Францу Фанону и Герберту Маркузе. Авнер кое-что слыхал об обоих. Но кто такие Поль Гудман и Реджис Дебрей? А могут ли эти бойкие молодые мужчины и женщины пользоваться оружием или подложить бомбу? Впрочем, вспомнив, как это просто делается, он испугался.

Обсуждения каких-то боевых операций, прошлых или настоящих, в этот вечер Авнер не услышал. Не касались присутствующие даже в теории и палестинского вопроса. Авнер кивал и улыбался, когда кто-нибудь пытался вовлечь его в разговор, стараясь запомнить лица присутствующих.

По дороге домой Андреас сказал, как бы извиняясь:

— Я надеялся, что придет еще кое-кто. Все они очень много болтают. Не обращай внимания на всю эту ерунду. Они годятся на то, чтобы бегать по поручениям, найти машину, снять коттедж. Что касается меня, то я себя марксистом не считаю. Все это не столь важно. После победы у нас будет достаточно времени, чтобы покончить со всеми этими болтунами.

Авнер кивнул. Не было смысла спрашивать, кто с кем покончит. И чья это будет победа.

Когда на следующий день Карл, Роберт, Стив и Ганс встретились с Авнером, то никто из них ничего существенного сообщить не мог. Они проделали, как и Авнер, всю предварительную работу. В Париже, Амстердаме и Риме они сняли квартиры и абонировали сейфы, в которых их ждали деньги и документы. Роберт, кроме того, договорился о том, что ему вышлют по первому требованию, переданному по телефону, все необходимое для операции в течение сорока восьми часов. Товар будет доставлен в любое место в Европе.

— Все, кроме артиллерии, — добавил, улыбаясь Роберт. — Но в настоящее время она вроде и не требуется.

— В настоящее время и рогатка не требуется, — мрачно ответил Авнер. — У вас никаких новостей?

Они покачали головами. Их старые осведомители ничего не знали не только о местопребывании „трудных", но и о „легких", которых можно было найти по телефонным книгам. Никто не мог с уверенностью сказать, что они находятся в настоящее вре-

мя на месте, в городе. Товарищам Авнера так и не удалось ничего узнать ни о планах тех, кто был в их списке, ни об их привычках.

— Похоже на то, старик, — заметил Стив, — что мы нарядились, а идти-то некуда.

2 октября 1973 года эти слова точно формулировали положение вещей.

На следующий день Авнер предложил Андреасу пойти погулять.

— Я обещал тебе сто тысяч долларов, — сказал он, — и смогу через несколько дней свое обещание выполнить и вручить тебе вторую половину этой суммы. Но и у меня есть к тебе просьба.

— Все что угодно, — ответил Андреас. — Ты хотел бы здесь, в Германии, познакомиться с кем-нибудь вроде Лензлингера? Я могу...

Авнер покачал головой. Ситуация становилась опасной. Сейчас он проверит, правильно ли понял мысли и настроения Андреаса.

— Нет, — мягко сказал он. — Я хотел бы встретиться с кем-либо, кто имеет контакты с палестинцами, знает их или имеет о них сведения. Ты меня понял?

Андреас шел некоторое время молча.

— Я думаю, что сумею как-нибудь выкрутиться и без этих пятидесяти тысяч, — сказал он наконец.

— Речь идет не только об этом, — возразил ему Авнер. — Если ты свяжешь меня с таким человеком, кто бы он ни был, я не буду платить сам. Деньги, предназначенные этому человеку, я передам тебе. А ты уже будешь расплачиваться с ним по своему усмотрению.

Андреас тихо рассмеялся. Авнеру было ясно, что он понял смысл его предложения. Он, Андреас, будет играть роль посредника и получит, во-первых, возможность отчислять в свою пользу часть денег, заработанных другими осведомителями, а во-вторых, он сможет укрепить свой авторитет в подполье. Он будет контролировать денежные фонды, то есть играть одну из важнейших в подполье ролей. Совершенно так же, как это происходит во всем мире, где движущая сила — деньги.

— Попробуй рассмотреть это в реальной перспективе, — продолжал между тем Авнер, стремясь побыстрее изложить свою точку зрения. — Вы просто часть ваших же собственных денег получаете назад. Разве палестинцы не вынуждают вас платить за обучение, за оружие? Вы платите слишком много. Вы преследуете одни и те же революционные цели, но они тем не менее платить заставляют вас. И вот теперь вы получаете возможность часть этих сумм потратить на нужды вашего собственного дела. Ведь не для себя лично ты берешь эти деньги. Ивонне ведь не нужны меха.

Ссылка на Ивонну была хорошим ходом. Ясно, что в ее отношениях с Андреасом не было никакой материальной заинтересо-

ванности. Соблазнить ее драгоценностями или мехами никому бы не удалось. Чем же тогда? Что в мужчине могло ей импонировать?

Авнер считал, что все женщины ждут чего-то особенного от мужчин, с которыми они связали свою жизнь. Для Ивонны этим особенным были, по-видимому, революционные идеи и романтизм подполья. Понимала ли она, сколько денег требуется тому, кто взялся сыграть эту роль? И что с ним будет потом, когда деньги кончатся?

Андреас это знал. И смеяться перестал.

— Ты не любитель, дружище, — сказал он. — Ты не торгуешь кожаными изделиями в Лихтенштейне.

— Я — любитель, — ответил Авнер. — Время от времени я торгую информацией. Информация — это деньги. За нее платят. Все дело в том, что я могу ее перепродать дороже. И это все.

Это прозвучало вполне вразумительно.

— И вот еще что, — продолжал Авнер, — мы старые друзья. Ты сам это неустанно повторяешь. Я ничего не сделаю такого, что тебе повредит. Учти, что кое-какими сведениями я уже располагаю.

И это тоже звучало правдоподобно. И угрожающе.

— Поверь, если бы я и хотел пойти тебе навстречу, — сказал Андреас, — во Франкфурте я никого не знаю. — И он стал протирать своим батистовым платком очки. — Тебе нужен Тони, но он в Риме.

— Рим? Ты сказал Рим? — переспросил Авнер. Дело было в шляпе. Можно сказать, с того момента, как Андреас начал протирать свои очки. — Организуй это для меня.

30 октября утром они вылетели в Рим. Там, взяв напрокат машину, они доехали только до местечка Фьюмичино, в нескольких милях от аэропорта и зашли в маленькую тратторию недалеко от виа Моло ди Леванте. Из окна Авнер видел чаек — шумной стаей они кружили над морем и ныряли, выискивая в воде отбросы.

Едва Авнер и Андреас успели покончить с первой кружкой пива, как к их столу подошел небольшого роста молодой человек. Он был в светлом помятом костюме, в куртке, при галстуке, плащ он перекинул через плечо. Когда он приблизился, Авнер разглядел его лицо — белое и одутловатое, глаза и волосы темные. По виду — заведующий конторой на какой-нибудь фабрике. Выглядит старше своих, видимо, тридцати лет.

— Привет, Тони, — сказал Андреас.

Тони улыбнулся, кивнул и сел за их столик. На Авнера он кинул быстрый взгляд, вполне нейтральный, без всякой враждебности, но и не особенно дружественный.

Прежде чем он заговорил, Авнер уже понял, что Тони — первый шаг к успеху. Было ясно, что Тони, независимо от того, ока-

жется ли он ему, Авнеру, полезным, — принадлежит к людям особой категории.

— Вы уже сделали заказ? — спросил он. — По-английски он говорил свободно, но с сильным итальянским акцентом. — Я страшно проголодался...

Он изучил меню и сделал заказ. Внимательно просмотрел перечень вин. От Авнера не укрылось, что у него уже намечалось брюшко. Глаза смотрели умно и насмешливо. Тони не лицедействовал, держался просто.

— Авнер — мой друг, тот самый, о котором я с вами разговаривал по телефону, — сказал Андреас после того, как официант принес им еду. — Один из наших, разумеется. У него есть кое-какие вопросы.

— Я слушаю, — сказал Тони. Он начал есть, не торопясь и с явным удовольствием. — Арабы сейчас стали невероятно активны. Они усиленно занимаются вербовкой и прочими делами. Особенно один человек.

Авнер почувствовал, что от изумления язык присох у него к небу. Тони кинул на него короткий взляд и слегка наклонил голову, точно спрашивая: „это и есть то, что вас интересовало?" Так оно и было. Имело смысл отвечать этому человеку столь же откровенно.

— Как его имя? — спросил он.

Тони притронулся салфеткой к углам рта и отложил ее в сторону.

— Это звучит уже по-деловому.

После небольшой паузы Андреас, взглянув на Авнера, произнес:

— Послушайте меня, Тони, деньги я гарантирую. Об этом не беспокойтесь. Но Авнер должен быть уверен, что ваша информация представляет интерес для него. Справедливо?

Пока Андреас говорил, Тони не спускал глаз с Авнера. Затем кивнул:

— Звайтер, — быстро сказал он. — Имя этого человека Звайтер. — Он сказал это скороговоркой, так что понять его мог только тот, кому это имя было уже знакомо.

— Ваель Звайтер, — отозвался Авнер без промедления и тоже скороговоркой, точно пароль.

Собственно, это имя для него паролем и было. Один из тех, кого они называли „легким", оказался в Риме, на месте. Четвертый по порядку в списке Эфраима. Было совершенно ясно, что Тони — это как раз тот, кто ему был нужен.

Тони тоже это понял. Он отхлебнул немного вина и спросил Авнера:

— Что вы еще хотите от меня?

Несколько секунд Авнер размышлял.

— Можете ли вы в течение ближайших пяти дней узнать все о

его образе жизни и привычках? Где он живет? Куда ходит и когда? С кем встречается? Вот все, что нас интересует.

Сами по себе эти вопросы пока что никаких подозрений вызывать не могли. Мало ли по каким причинам мог возникнуть у него интерес к этому Звайтеру? Андреас представил Авнера как „одного из наших", то есть из банды Баадер-Майнхоф. Члены разных террористических групп часто шпионят друг за другом. Террористы одной из групп перед совместной акцией могли хотеть убедиться, что в группу их союзников не проникли посторонние. Или, допустим, хотели проверить, не был ли Звайтер, который, возможно, завербовал в эту группу многих ее членов, двойным агентом? В подполье взаимный шпионаж был делом обычным.

— Пяти дней хватит, — ответил Тони. — Это будет стоить пятьдесят тысяч долларов.

Авнер встал.

— Андреас встретится с вами здесь через пять дней и принесет деньги, — сказал он.

На пути обратно во Франкфурт Андреас не скрывал своего восторга.

— Как тебе понравился Тони? — не переставал он спрашивать. — Я его знаю давно. Он человек радикальных взглядов. Родом из Милана. На политические темы он никогда не разговаривает. Он давно с этим покончил, много лет назад.

„Пожалуй, так и есть", — подумал Авнер.

Вечером в этот же день Авнер предложил членам своей группы шаг за шагом разработанный план. Звайтер станет первым в их списке. К 8 октября все, кроме Стива, переедут в Рим. Стив полетит в Западный Берлин с тем, чтобы выяснить там все относящееся к Али Хасану Саламэ, которым так интересуется Мосад. Кое-какие сведения о нем получил Карл от своего старого осведомителя-араба, одного из тех, кто регулярно поставлял информацию израильской разведке. Если Стив получит важные сведения, они на время оставят Звайтера. Если ничего интересного не окажется, Стив прилетит к ним в Рим.

Следующая встреча с Тони — следующая ступенька. И Авнер опять возьмет с собой Андреаса. Но знакомить Андреаса со своими коллегами он не собирался. Если информация, полученная от Тони, окажется серьезной, то это будет знаменовать начало третьей фазы операции. Тут Андреас больше ему не нужен, и Авнер вновь свяжется с ним позднее.

В процессе выполнения третьей фазы операции, люди из группы Тони должны будут разыграть по меньшей мере дважды всю процедуру сигналов к акции, но о самой акции они ничего не должны знать. Это означало, что люди Тони будут доставлять Авнера и его партнеров к месту назначения и увозить их оттуда, проделывать все трюки, задуманные в качестве сигналов, но при этом

понятия не будут иметь, зачем именно они это делают. Они должны быть уверены, что слежка, которую они ведут, — это единственная цель операции. Их не должно смущать, что наблюдатели все время будут сменять один другого, поскольку слежка ведется за опытным субъектом.

Наблюдатели Тони будут убраны со сцены до того, как акция начнется. Люди из его же спасательной команды, участвующие в операции, должны быть расставлены друг от друга на расстоянии не менее нескольких кварталов и на таком же расстоянии от места действия. Посторонних не должно быть. Но и сами участники о том, что произойдет, узнают лишь из телевизионных последних известий. Однако, поняв, что произошло, они из страха оказаться вовлеченными в следствие, будут остерегаться говорить об этом. А если и заговорят, то ничего существенного сообщить все равно не смогут.

В обязанности Авнера и его товарищей входило найти только машину, которая должна была отвезти их после акции к месту, где их будет ждать вторая машина. Лишь после этого на сцене должен был появиться Карл, который, выполнив свои обязанности, присоединится к остальным.

Если конечно, заключительная — четвертая стадия операции состоится.

План оказался отлично продуманным и менять почти ничего не пришлось. Отчет Тони был составлен тщательно, и Авнер поручил Андреасу уплатить ему пятьдесят тысяч долларов хрустящими стодолларовыми американскими банкнотами. Андреас отправился обратно во Франкфурт, получив указание самому организовать следующую встречу с Тони.

Не задавая лишних вопросов, итальянец согласился продолжать наблюдение за Звайтером, но при участии группы Авнера. Он согласился также приготовить для них надежное место в окрестностях Рима, где бы они могли укрыться. За это Тони попросил еще сто тысяч. Авнера не смутили эти цифры. Это была в общем разумная цена. В результате им удалось осуществить репетицию покушения на Звайтера еще до возвращения Стива.

Между тем слухи о Саламэ оказались, по выражению Ганса, „уткой". Авнер был доволен, что обогатил свой словарь новым выражением, которым во французских газетах обозначали понятие „ложный слух".

Приехавший Стив принял участие во второй репетиции покушения на Звайтера. Для каждой репетиции Тони нанимал новых водителей, но наблюдатели были одни и те же. Что касается Звайтера, то он невольно оказывал содействие мстителям: его образ жизни был на редкость размеренным, без каких-либо отклонений от раз заведенного порядка даже в деталях.

В Риме Авнер и его товарищи сняли себе квартиры сами. На этом настаивал Карл из соображений безопасности. Встречи с

людьми Тони назначались в разных местах и расставались они друг с другом не там, где встретились. Тони не смог бы их разыскать, если бы захотел — так в то время считал Авнер. Впоследствии, однако, он пришел к выводу, что если бы Тони все-таки решил это сделать, то в течение нескольких часов, несмотря на все меры предосторожности, он нашел бы их. Складывалось впечатление, что весь город находился у Тони под наблюдением.

Единственным человеком, которого ни Тони, ни его люди никогда не видели, был Карл. Тем не менее Карл постоянно проверял, не следит ли кто-нибудь за людьми Тони, все ли они надежны. В его функции также входило найти запасные пути при отступлении, квартиры, где они смогут укрыться, осуществив свой план мести, и добыть новые документы на всю группу. Он обеспечивал их безопасность. Именно Карл, вовремя обнаружив угрозу, обязан был предупредить о ней.

После операции Карл должен был прибыть на место убийства еще до появления полиции. В его обязанности входило уничтожить все, что могло навести полицию на след, и с этой целью даже оставить фальшивые дезориентирующие улики. Затем, сев в их первую машину, Карл должен будет отогнать ее от площади и запарковать где-нибудь в другом месте. После этого он попытается выяснить, какие подозрения возникнут у полиции сразу же по прибытии ее на место происшествия и в каком направлении будет развиваться следствие дальше. Таким образом, Карл оказывался самым занятым в группе человеком, к тому же и самым незащищенным.

13 октября, подвергнув анализу весь план, они обнаружили, что им нужна еще одна машина, в которой они отъедут от площади Аннибальяно. Эту машину (ее поведет Стив) придется довольно быстро бросить. Было очевидно, что доверить ее кому-либо из людей Тони нельзя и ее номер должен остаться им неизвестен. Конечно, можно было украсть машину, но это было рискованно. Взять ее напрокат — означало потерю одного из комплектов документов, к тому же сопряжено с риском. Человека, оформлявшего прокат, могли опознать работники агентства.

— Нам нужна еще одна машина, — сказал Авнер Тони. — Машина, которую надо будет бросить.

Видимо, для Тони не существовало трудных задач. Сидя с Авнером в маленьком кафе на улице около площади Навона, он с удовольствием поедал мороженое.

— Это можно устроить, — ответил он и тут же назвал крупное американское агентство по прокату автомобилей и адрес одного из его отделений. — Они дадут вам машину с иногородним номером, и вам не надо будет беспокоиться о документах. На запрос полиции служащий фирмы — мужчина или женщина — назовет техасца высокого роста с кредитной карточкой из „Дайнер клаб",

который эту машину арендовал в Милане. Вам это обойдется еще в десять тысяч. — И далее Тони сказал нечто, весьма удивившее Авнера. — Эти деньги вы отдадите не мне. Я дам вам номер телефона в Париже. Позвоните по нему и попросите Луи. Скажите ему от моего имени, что вы должны ему деньги. Никакой особой спешки нет, но все же в течение месяца постарайтесь это сделать.

Значило ли это, что у Тони есть босс? Или старший партнер, который взимает с него деньги за право работать в Риме? Может быть, он просто должен этому Луи десять тысяч долларов и счел нужным передать их ему с Авнером вместо того, чтобы самому лететь в Париж?

Карл, выслушав Авнера, предположил, что это инсценировка. Авнер это предположение отверг.

В сферах, обслуживающих международный шпионаж, контрабанду, преступления и террор, всегда действовали торговцы оружием, осведомители и прочие шабашники. Иногда они создавали свободные объединения или просто сеть контактов, отнюдь не похожую на какую-либо иерархическую систему. В рамках этих контактов они обменивались клиентами, если каждый в отдельности не мог удовлетворить их запросы. Некоторые из них руководствовались в своих действиях политическими мотивами, другие были совершенно аполитичны, но во всех случаях все и всегда решали деньги. Служить только одной какой-нибудь стороне, вообще говоря, было противно их собственным интересам. В особенности, если учесть, что недавние противники могли стать друзьями, а потом снова разойтись, что в преступном мире было делом обычным.

Иногда случалось, что тот или иной из посредников исключал для себя активность в какой-то определенной области или отказывался продавать те или иные товары. Скажем, некоторые не желали иметь дело с наркотиками или взрывчаткой. Были и такие, которые специализировались только на промышленном шпионаже или, например, отказывались работать на какую-нибудь определенную страну.

Но общим все-таки было правило — хорошо обслуживать хороших платящих клиентов, независимо от того, кто они. И все же в одно и то же время они не поступались интересами одного из своих клиентов в пользу другого, вернее, делали это не чаще, чем частные детективы или адвокаты.

— Что бы Тони ни думал и ни подозревал, — сказал Авнер Карлу, — он твердо знает, что мы расплачиваемся с ним чистой валютой.

Оставалось решить еще один вопрос — как распределить роли? Это относилось только к четверым из них, потому что роль Карла была определена навсегда. Стив был, несомненно, самым лучшим водителем. Поэтому имело смысл посадить его за руль первой

машины. Руководитель группы, Авнер, по израильской традиции, не мог не принимать непосредственного участия в самой акции, особенно в первый раз. Это для всех было очевидно. Кто же будет вторым исполнителем — Роберт или Ганс?

— Я не хочу навязывать свои услуги, — сказал Роберт, когда они начали обсуждать этот вопрос. При этом его голос даже на иврите звучал как-то по-английски, — но примите во внимание, что я хорошо знаком с оружием...

Ганс только улыбнулся. Никто не стал бы оспаривать компетентность Роберта в работе с взрывчаткой, но стрелять из малокалиберных револьверов умели все.

— Не стесняйся, Роберт, — сказал Ганс, раскрывая газету и надевая очки. — Ты можешь идти вместо меня, если хочешь. Но когда все кончится, подай мне знак, по плечу похлопай что ли.

Это походило на разговоры в его подразделении в армии, подумал Авнер, — утверждать, что вы вовсе и не стремитесь на передовую, но таким тоном, чтобы никто вам не поверил. Хотя сейчас, в этой ситуации, кто знает? Может быть, Ганс и в самом деле был счастлив, что эта работа не на его долю выпала. Может, и все они на его месте были бы счастливы?

Но как бы то ни было, через два дня Звайтер был мертв.

И вот Авнер прогуливается среди низкорослых абрикосовых деревьев на задворках фермерского дома в окрестностях Латины, вдыхает запах моря, впитывает в себя тепло позднего октябрьского солнца и чувствует себя, — как бы это сказать? — не очень счастливым, но и не несчастным. А вернее — он почти ничего не чувствует. Не было смысла себя обманывать. Они доказали, что могут это сделать, начав с нуля. И ровно через три недели. Пятеро „екке", совсем одни... С другой стороны, Авнер не мог знать, что было на душе у Роберта или у остальных, но о себе он точно знал — ему никакого удовольствия не доставило стрелять в этого парня, который нес свои булочки в бумажном пакете. И не стал бы он делать этого, если бы не долг. Правда, убить человека оказалось не таким уж трудным делом, как он предполагал. Совершить его, как выяснилось, было легче, чем заранее представить. Он не потерял аппетита и не лишился сна. Кошмары ему не снились, и на утро он съел весь завтрак. Радостного удовлетворения, однако, не было. И ни один нормальный человек не смог бы радоваться на его месте.

Этой темы в своих разговорах члены группы не касались. Ни разу, — ни до, ни после первой акции. Вообще никогда.

С течением времени они стали больше философствовать на тему добра и зла, облекая свои чувства в рассуждения общего порядка, но никогда не делясь друг с другом непосредственными впечатлениями. Обсуждать конкретные действия предстоящей

акции — это было совсем другое дело. Собственно, только этим они и занимались. Но и без слов было ясно, что выполнять свою работу им было достаточно тяжело, и разговоры на эту тему только бы усугубили эту тяжесть.

Больная совесть мучила. Одним из симптомов этого заболевания было, пожалуй, их поведение в повседневной жизни. Они были теперь необычно вежливы и предупредительны со всеми, кто попадался им на пути. Любой — будь то посыльный, официант, водитель такси, клерк в банке — мог засвидетельствовать, что речь их изобиловала всякими „благодарю вас", „пожалуйста" и т.п. Если пожилая дама появлялась на перекрестке, Стив останавливал машину, выскакивал из нее и помогал ей перейти улицу. Если прохожий ронял что-нибудь, Ганс тут же нагибался и поднимал потерянное — совсем, как пай-мальчик. Авнер и Карл покупали сувениры и посылали домой открытки, как только представлялась возможность. — совсем, как заботливые мужья в командировках. В Риме, за несколько дней до акции, Авнер увидел, что Роберт дарит новую механическую игрушку уличному мальчишке, который уныло топтался около их столика. Роберт был от природы человеком отзывчивым, но в данный момент, подумал Авнер, он, вероятно, пытается чуть-чуть облегчить свою совесть.

Карл прибыл в Латину днем 17 октября в машине Тони.

Впервые он встретился с Тони после акции, как и было договорено. Тони отвез Карла в приготовленную для него квартиру. Было решено, что он передаст Тони последнюю из причитающихся ему сумм, если все будет в порядке. Похоже на то, что Тони все это устраивало.

К тому времени, когда Карл выходил из машины в Латине, Тони был уже, несомненно, осведомлен о том, что случилось с человеком, за которым он вел наблюдение. Догадывался он и о том, что Авнер и его друзья имели какое-то отношение к этому происшествию. Тони, однако, ни словом обо всем этом не обмолвился. Итальянец представил свой отчет и получил деньги наличными. Перед отъездом он напомнил Авнеру о том, что тот должен еще вручить Луи десять тысяч долларов за взятую напрокат машину.

Так Авнер познакомился с Луи, старшим сыном „папа́", человеком номер два или три в составе „Ле Груп". Все это выяснилось впоследствии, не сразу. Поначалу Авнер ничего не знал ни о „папа", ни о его детях.

Знакомство состоялось только через месяц. Группа провела в Латине еще несколько дней. Карл собрал все оружие, документы и даже одежду с тем, чтобы все уничтожить. Затем привез им новые документы и новую одежду взамен старой. Он рассказал, что итальянская полиция прибыла на место происшествия через несколько минут, по-видимому, как раз в тот момент, когда они

пересаживались из зеленого „фиата" в „вэн" в нескольких блоках от подъезда „С". Карл сказал, что он заглянул в первую машину перед тем, как полиция ее обнаружила, но ничего компрометирующего в ней не нашел. (Роберт боялся, не уронил ли он чего, меняя в револьвере обойму. Но Карл, подслушавший разговор полицейских со свидетелями на месте убийства, не услышал ничего, что могло бы внушить опасения.

Подслушать этот разговор не составляло особого труда — в Италии на начальных стадиях расследования были не слишком засекречены.

Подходило время отъезда из Латины и Карл должен был отправиться в Рим, чтобы забрать оружие, деньги и документы, спрятанные в тайниках. Было решено, что он начнет этим заниматься только после того, как все остальные благополучно прибудут во Франкфурт.

Роберт и Стив вылетели в Цюрих с тем, чтобы оттуда поездом отправиться в Германию, Авнер и Ганс днем позже улетели прямым рейсом. На контрольном пункте на их паспорта едва взглянули.

Итак, начало отмщению было положено. Первая из операций завершилась удачно, включая и то, что им удалось скрыться от властей.

На протяжении следующих нескольких недель ничего нового о местопребывании кого-либо из террористов в их списке они не узнали. Возможно, что некоторые прятались в Европе. Но не менее вероятным казалось предположение, что они будут отсиживаться в странах Ближнего Востока в течение многих месяцев, а может быть, и лет. Однако Авнеру и его группе туда доступ был закрыт.

Не исключено, что кое-кто находится в Восточной Европе или на Кубе, но это опять-таки было за пределами зоны их деятельности.

Поскольку „трудные" были пока недостижимы, надо было заняться „легкими", теми, кто шел под номерами три, пять и девять. А точнее, в данный момент их интересовал номер три — Махмуд Хамшари. Где в настоящее время находились номера пять и девять — профессор юриспруденции Аль-Кубаиси и директор театра Будиа, — они не знали.

Махмуд Хамшари жил в Париже. Обсуждая план действий, они решили, что Авнер, а не Ганс, который хорошо знал Париж и говорил по-французски, должен отправиться в Париж. К тому же у Ганса было много работы над документами в маленькой лаборатории, которую он оборудовал для себя в своей квартире во Франкфурте.

Ориентировался Авнер во французской столице неплохо, но языка практически не знал. Однако в Париже у него было и еще

одно дело — он должен был встретиться с Луи, которому было уже пора отдать деньги. Обязательство перед Тони надо было выполнить. В сфере бизнеса, который не регулируется законом, обязательства должны выполняться неукоснительно. К тому же Луи в Париже мог оказаться не менее полезным, чем Тони в Риме.

Авнер решил поехать в Париж с Андреасом и Ивонной. Он не думал, что его встреча с Луи может обернуться провокацией, но все же согласился с Карлом, которого они прозвали Осторожным, что первый контакт с Луи должен завязать Андреас, тем более, что у них было впечатление, что Андреас встречался с Луи раньше по делам Баадер-Майнхоф. Андреас говорил Авнеру, что у Луи есть некоторое сходство с Тони. Значит, этот Луи был радикально настроенным молодым человеком, давно изжившим увлечение разговорами о политике.

Андреас ничего не имел против того, чтобы съездить в Париж и оказать услугу Авнеру, — очередную услугу. Ему пришлось уже ездить с ним в Рим на встречу с Тони и комиссионные в пользу фракции „Красная Армия" оказались достаточно щедрыми. Ганс по этому поводу высказался так: „Половина террористов в Европе купается в молочных реках с кисельными берегами, потому что мы их содержим. В скором времени они покинут русских и будут работать только с нами".

Авнер, конечно, понимал, что Ганс прав. Положение было двусмысленным: Израиль финансирует банду Баадер-Майнхоф, которая не раз помогала федаинам в их террористических акциях против Израиля. Какой-то порочный в своей безысходности круг! Но что еще могли они предпринять? Им было поручено ликвидировать террористов. „Проникайте в террористические организации", — говорил Эфраим. Он должен был отдавать себе отчет в том, что „проникать" могло означать лишь одно — платить террористам.

Все остальные были с Авнером согласны.

— Не наше дело рассуждать, старик, — сказал Стив. — Пусть этим занимаются там, наверху. Кроме того, — прибавил он, — мы опять же двух зайцев убиваем. Вы только взгляните на этого молодчика Андреаса. Он не может не догадываться, что помогает нам уничтожать его же единомышленников.

Авнер, однако, не был в этом уверен. Андреас покинул Рим до акции и, разумеется, не расслышал имени человека, за которым обязался следить Тони. Кроме того, сообщение о смерти Звайтера не попало на первые страницы итальянских газет. А в Германии об этом, похоже, и вообще не сообщалось. Андреас мог ничего не знать об этом, или во всяком случае не усмотреть связи между убийством Звайтера и деятельностью Авнера.

Члены различных палестинских группировок часто убивали друг друга. Если даже Андреас что-нибудь и подозревал, он бы удовлетворился объяснениями Авнера. Он, Авнер, делец, соби-

рающий информацию о террористах для перепродажи. Андреас мог предполагать, что Авнер продает ее террористическим группам, враждующим с его, Андреаса, фракцией. Но, разумеется, ему и в голову не приходило, что друг его детства сам осуществляет террористические акции. А Тони вряд ли стал бы ему об этом рассказывать. Тони дураком не был.

Ганс тем не менее был прав. Вся эта операция иногда казалась безумием. Лучше слишком много об этом не думать. Они были всего лишь агентами. Если бы они располагали информацией, которая была доступна главе Мосада или даже Эфраиму, может быть, ситуация казалась бы им яснее. Возможно, что с позиций тех, кто наверху, во всем этом был смысл.

В Париже Андреас, по поручению Авнера, позвонил по телефону, который ему дал Тони. Этот телефон находился в бистро на Левом берегу, — так предполагал Андреас. Он попросил передать, чтобы Луи позвонил ему в отель.

Луи позвонил на следующий день вечером, сразу после шести. Авнер в это время сидел в номере Андреаса и взял трубку параллельного аппарата.

— Как поживаете? — начал Андреас по-французски, но ради Авнера сразу же перешел на английский. — Один из моих друзей приехал в Париж с поручением от Тони.

— Да, я ждал сведений от Тони. — Голос звучал без нажима, но очень уверенно, по-мужски. Таким мог быть голос телевизионного комментатора. По-английски Луи говорил хорошо, акцент едва улавливался. — Передайте своему другу, что мы можем встретиться здесь сегодня вечером в девять часов. Если это его устроит.

Андреас взглянул на Авнера.

— Я уверен, что он сможет быть в девять. Но предпочел бы, чтобы встреча произошла у отеля „Рояль-Монсо". Вы, наверное, знаете, авеню Гох.

— Разумеется, знаю, — ответил Луи с оттенком сарказма в голосе. Отель „Рояль-Монсо" был одним из самых дорогих в Париже. — Он что, там остановился?

Авнер отрицательно покачал головой.

— Нет, я не думаю, — ответил Андреас, но именно там он хотел бы встретиться с вами.

— Хорошо, — коротко ответил Луи. — Скажите ему, что в девять я буду. Как раз перед входом, в черном „ситроене". Со мной будет Фифи.

— Это его собака, — объяснил Андреас. — Он часто берет ее с собой на всякие встречи. Так что узнать его тебе будет нетрудно.

Авнеру такая привычка была понятна и по душе. Он бы и сам с удовольствием взял с собой Чарли, даже на все время задания. На самом деле он действительно остановился в „Рояль-Монсо", но пока не хотел сообщать об этом Луи. Где Авнер остановился, не

знал и Андреас. Ему Авнер сказал, что будет жить у друзей. Чем меньше о нем будет известно на этой стадии операции, тем лучше. Меньше риска. Издевательский смысл этих слов для человека, находящегося в его положении, вызвал у него усмешку. И все-таки не стоило облегчать работу толпам, вооруженным „Калашниковыми".

Элегантно одетый человек лет тридцати ровно в девять открыл дверцу черного „ситроена". Авнер заметил, что он хорош собой, хотя телосложением слегка напоминал плотного Тони, но лицо его было куда более волевым и интересным.

— Замолчи, Фифи, — сказал он, обращаясь по-английски к ворчащей на заднем сиденье немецкой овчарке. — Этот господин ничего не собирается у нас отнимать. Даже наоборот, не так ли? — прибавил он, поворачиваясь к Авнеру, который продолжал стоять на тротуаре.

— Я надеюсь, собака понимает, когда с ней говорят по-английски? — спросил Авнер, вынимая из кармана толстый пакет.

Луи засмеялся. Взяв конверт и заглянув в него, он, однако, не не стал пересчитывать бумажки, а сунул пакет в портфель.

— Спасибо. В ваши планы входило только передать мне пакет, или вы не откажетесь что-нибудь вместе выпить?

— Если вы собираетесь при этом еще и поесть, то считайте, что заполучили партнера, — ответил Авнер.

— Договорились. Какое место в Париже вы предпочитаете?

— Здесь недалеко, на этой улице есть ресторанчик, который мне нравится, — сказал Авнер.

Все это звучало прекрасно. Если бы Луи что-то замышлял против него, он бы не позволил Авнеру выбрать место.

Луи взглянул по направлению руки Авнера и утвердительно кивнул.

— Я к вам присоединюсь через двадцать минут, — сказал он и, захлопнув дверцу машины, уехал.

Это Авнеру не понравилось. Но, с другой стороны, он понимал, что Луи мог не хотеть сидеть в ресторане с портфелем, в котором было десять тысяч долларов.

Небольшое пивное заведение под названием „Табак Хоке" находилось всего в нескольких кварталах от площади Шарля де Голля. Сидя за столиком на тротуаре, можно было любоваться Триумфальной аркой. Авнеру, который любил большие города с их вечерними огнями и толпой, это место очень нравилось. Но сейчас он решил занять столик в помещении.

Луи приехал точно через двадцать минут без собаки и без портфеля. Он оказался гораздо выше, чем можно было подумать, глядя на него в машине, но худощавым не был. Более всего он напоминал Ива Монтана с его усталым и симпатичным лицом.

Авнеру Луи сразу понравился. Почему-то он почувствовал, что этот человек ему ближе, чем Тони, и уж тем более Андреас.

Авнер тоже, казалось, пришелся Луи по душе. Их первый разговор затянулся на много часов, хотя ни о чем существенном они не говорили. После ужина они отправились к Триумфальной арке, оттуда на Елисейские Поля, к площади Конкорд, и обратно.

Говорил главным образом Луи.

Много времени спустя, перебирая в памяти все, о чем шла речь, Авнер начал понимать смысл того, что говорил ему француз. В тот вечер он был просто им очарован и мало что понял. Луи производил впечатление человека хорошо образованного. Время от времени в разговоре он ссылался на исторические события, на писателей или философские концепции, которые Авнеру были незнакомы. Суть всего того, что он излагал, сводилась к утверждению, что земной шар — гнусное место. Войны, страдания и нищета. Многие думают, что существует только одна причина человеческих несчастий. Но вот если бы, например, все стали вдруг религиозны или обратились к коммунизму, или прониклись демократическими идеалами, — жизнь непременно улучшилась бы. Некоторые утверждали, что для всеобщего человеческого счастья достаточно дать свободу Алжиру или предоставить женщинам равноправие, или, допустим, прекратить охоту на молодых тюленей. Разумеется, Луи не увлекался подобной чушью. По его мнению, мир не может измениться до тех пор, пока все созданные до сих пор социальные и другие институты не будут уничтожены. До основания, — так он выразился, употребив латинское выражение: tabula rasa. Но в том-то и дело, что, уничтожив старые институты, человечество тут же примется за создание новых. Поэтому тот, кто все это понимает, вообще не примыкает ни к каким движениям, независимо от того, ставят ли они своей целью разрушить мир для создания социалистического будущего или во славу церкви. Для них важно, чтобы мир был разрушен. Этим разрушители помогают человечеству.

Существует, продолжал Луи, небольшая горстка людей, которые это осознали. И тут впервые прозвучало название объединения, в которое входили эти люди — „Ле Груп". Это, скорее, семья, чем общество. Они помогают всем, кто стремится разрушить мир, независимо от того, нравятся им их цели или нет. Точнее, сказал Луи, „Ле Груп" поддерживает любую борьбу. Если перестать вникать в суть проблем, которые волнуют борющихся, то окажется, что несправедливой борьбы в мире нет.

Это, разумеется, не означает, что члены „Ле Груп" получают удовлетворение, когда гибнут люди или взрываются дома. Только сумасшедшие могут этому радоваться. Но они отдают себе отчет в том, что, чем быстрее и кардинальнее нынешний мир будет уничтожен, тем скорее прекратится это стихийное саморазрушение.

Авнера мало тронуло то, что говорил Луи. Гораздо больше ему понравилось, как он это говорил. Если бы он выражался напыщенно или слишком страстно, Авнер воспринял бы все сказанное как нелепость еще большую, чем вся та ерунда, которую он слышал на собрании студентов, примкнувших к группе Баадер-Майнхоф во Франкфурте. Но все, что говорил Луи звучало ненавязчиво, с юмором и не без самокритики. Иногда Луи даже выступал в роли прекрасного комедийного актера, заставляя Авнера искренне смеяться. Но и затрагивая серьезные темы, Луи не выказывал горячности: „Вы только взгляните на эти так называемые „великие державы", — говорил он. — Поглядите на агентов ЦРУ, то и дело наступающих на свой собственный хвост, или на этих террористов из КГБ в неряшливых штанах. Они же варвары. А после этого осмотритесь кругом — Париж с его тысячелетней историей! Почему мы должны оставаться в их руках? Извините за самонадеянность, но мы ведь куда умнее, чем они когда-либо будут. Мы даже женщин любим иначе. Смею вас уверить".

Не менее года потребовалось Авнеру, чтобы оценить все тогда сказанное Луи и понять, для чего это было сказано.

Его интуиция подсказывала ему, что опасаться нечего. Но полное понимание пришло только впоследствии — после двух новых акций и нескольких тысяч истраченных долларов. Оно появилось уже после знакомства с „папа", отцом Луи. Седовласый экс-маки, румяный, несколько даже похожий на отца самого Авнера, он в отличие от его отца носил старомодный черный костюм с толстой золотой цепочкой, свисавшей из кармашка его жилета.

„Папа" — французский патриот, взрывавший во время войны немецкие грузовики и поезда, делал это до тех пор, пока не вдумался в свою деятельность, не оценил ее возможности. Говорил он об этом с широкой ухмылкой, как простой французский крестьянин — так он сам называл себя. „Папа", человек рационально мыслящий и проницательный, после войны понял, что неизлечимые язвы общества представляют собой богатый источник, могущий принести немалый доход.

Он послал Луи и двоих его младших братьев в Сорбонну, но вовсе не для того, чтобы они с головой ушли в чтение множества книг в знаменитом на весь мир университете. Книги — дерьмо. Его дети должны были отыскивать среди студентов пылких и энергичных молодых людей, мужчин и женщин, которые могли оказаться так или иначе полезными для „Ле Груп".

Авнеру так и не удалось до конца понять, что собой представляла эта семья — три сына (в том числе Луи), пожилой дядя и еще два или три кузена, которые искусно управляли организованной сетью сотрудников, поддерживая террористов в Европе. Авнер, например, не знал, каковы были в действительности политические воззрения „папа". В них было мало общего со смутными

политическими идеями, которые декларировал Луи во время их первой прогулки по Елисейским полям. С уверенностью можно было сказать, что он испытывал чувство глубокого презрения ко всем правительствам, в том числе и к французскому. Он утверждал, что никогда сам не будет и никому из членов группы не позволит работать на какое-нибудь правительство. Он пожимал плечами и гримасничал, даже плевал на пол, когда речь заходила о секретных службах Америки, Советского Союза или Великобритании.

— Дерьмо! Мосад — дерьмо! Арабы — дерьмо! — кричал он.

Но особого осуждения, по его мнению, заслуживали те, кого он называл англосаксами, подразумевая под этим названием и американцев. Это они, с его точки зрения, олицетворяли все зло в мире. Это они организовали гигантских масштабов заговор против континентальной Европы. Русские, хоть они ему и не нравились, беспокоили его меньше. Даже немцев он ненавидел меньше, чем англосаксов. Получалось так, что он возлагал на них ответственность за дела немцев, русских, за обе мировые войны, за восстания в Африке, за Ближний Восток. Невозможно было определить, за что именно он их ненавидит: за то, что они когда-то создали свою империю, за то, что отняли ее у Франции или за то, что так поспешно покончили с ней после войны. Как европейский патриот, а может быть, и как католик, крестьянин и рядовой гражданин, ощущавший себя наследником победоносной французской революции, „папа", казалось, затевал войну по причинам, относящимся к более древним временам и не имеющим отношения к текущим событиям в мире. Похоже было на то, что истоки конфликта, который он считал самым важным, коренились в смутных временах европейской истории и, главное, в его собственной голове. Он воевал с неприятной и капризной английской королевой и с вероломной британской аристократией, которые насыпали мышьяк Наполеону в суп во время его пребывания на острове Святой Елены.

По представлениям Авнера, у „папа" возникали трудности со зрением, когда перед ним открывался лес, но отдельные деревья он различал превосходно. И он, и его сыновья, были очень хорошо осведомлены обо всем, что касалось каждого дерева в густом лесу подпольных операций в семидесятых годах. Во Франции — само собой. Но весьма вероятно, что не только во Франции, но и во всей Европе, а возможно, и во всем мире. Было бы преувеличением утверждать, что „Ле Груп" знала все о местопребывании каждого агента, террориста, вербовщика, организатора и шпиона, связанного с немыслимо сложной системой и всепроникающей сетью, созданной анархистами-революционерами во всем мире. Тем не менее „Ле Груп" владела существенным запасом информации обо всем этом и готова была продавать эту информацию всем

желающим, если только цена была им по карману. Однако — и это было предметом их гордости — члены „Ле Груп" никогда ничего не сообщали правительствам. Во всяком случае, намеренно.

Все это Авнер узнал позднее, когда они прониклись к нему доверием. Сделки с правительствами противоречили их принципам, с одной стороны. С другой — рассматривались ими как слишком опасные. Правительства и секретные службы были куда более бесцеремонными в своих действиях, нечестными, малоэффективными, чем „Ле Груп". К тому же они постоянно запутывались в своих же собственных интригах. Им были незнакомы такие понятия, как кодекс чести, столь почитаемый в среде воров.

„Папа" продавал не только информацию, но и услуги. В свое время, за годы участия во Французском сопротивлении во время второй мировой войны, он понял, что партизаны нуждаются в тайных конспиративных квартирах, надежном транспорте, запасах пищи, одежды и оружия. Он понял, что им нужны документы и люди, которые умели бы заметать следы, уничтожать улики, остающиеся после выполнения заданий. (И трупы не составляли здесь исключения.) Людей для выполнения подобной работы, а также осведомителей прежде всего можно и нужно было искать в стране, где выполнялась тайная операция. Граждане этой страны — мужчины и женщины — лучше и охотнее, чем чужаки, выполняли подобного рода работу. Эти люди занимались своим тайным ремеслом наряду с основным, вполне законным. И все сводилось к одному — к деньгам.

Когда они познакомились поближе, „папа" говорил Авнеру: „Ну скажите, что вы понимаете в замках? Зачем вам ломать себе голову, когда я могу прислать вам отличного слесаря. А зачем вам самому мучиться и копать могилу? Я пришлю вам могильщика. И все это — всего лишь за небольшую плату".

Крестьянская смекалка помогла „папа" сделать для себя великое открытие. Оно состояло в том, что за плату одни люди сделают для вас что угодно, другие — многое, и почти все — что-нибудь. Например, большинство людей согласится выполнить просьбу, связанную с их каждодневным профессиональным занятием. Шофер поведет машину, оружейник изготовит или починит оружие. И все, что от них потребуют, причем за плату, — это не сообщать об услуге властям, то есть то, что люди в большинстве своем и так делать не любят. Однако, как считал „папа", все это не имело отношения к таким ненадежным странам, как англосаксонские.

Дело „папа" требовало содержания большого числа людей на жалованье в самых различных странах. Но доходы „Ле Груп" с избытком покрывали эти издержки.

„Папа", кроме того, учел, что агенты, как и прочие иностранцы, въезжают в страну и покидают ее через аэропорты, вокзалы

и причалы, иногда они это делают и на машинах. Но мало кто из агентов станет продираться сквозь кусты, искать дорогу в горах или пользоваться тайными аэродромами и частными самолетами. Приехав в страну, они предпочитают определенные города, а в городах — определенные отели, банки, агентства и рестораны. Раз так, — становится очевидным, что на этих перевалочных пунктах должен находиться человек, который за скромную плату будет докладывать тому, кто ему платит, о прибытии известного или малоизвестного, но подозрительного иностранца. Таким образом, значительное число террористов и агентов окажется в сфере действия „радара" „папа". Не все, конечно. Но достаточно, чтобы обеспечить процветание его бизнеса.

Все это Авнер узнал много позже, а тогда, в Париже, прощаясь с Луи у Триумфальной арки около часа ночи, он и понятия не имел о существовании „папа".

— Вон моя машина, — сказал Луи, указывая в сторону авеню Виктора Гюго. — Если хотите, я подвезу вас до „Рояль-Монсо".

Авнер улыбнулся.

— Я не живу в этом отеле. Спасибо, я доберусь на такси.

На этот раз улыбнулся Луи.

— Как глупо с моей стороны, — сказал он. — Конечно же, вы не живете в „Рояль-Монсо", в номере 3-17. Я совершенно об этом забыл.

Авнер поморщился и кивнул. Ничего не скажешь, все было честно. Но опасаться Луи ему не приходило в голову. Ведь не стал бы Луи обнаруживать, что ему известен номер его комнаты, если бы собирался вредить ему.

— Я рад нашему знакомству, — продолжал Луи. — Тони сообщил мне, что с вами можно иметь дело. Прошу запомнить — если что-нибудь потребуется, я к вашим услугам. Не могу обещать, что все ваши просьбы тут же будут выполнены, но не исключено, что во многом я смогу быть вам полезным. Имейте это в виду.

— Спасибо, — ответил Авнер.

Они пожали друг другу руки. Но, когда Луи уже уходил, Авнер окликнул его.

— Луи, еще одно, будьте добры...

Луи обернулся.

Не знаете ли вы случайно человека по имени Хамшари?

Луи подошел ближе.

— Я знаю Махмуда Хамшари, — сказал он. — Он живет в Париже. Но, мне кажется, сейчас он в отъезде.

— Через несколько дней я позвоню вам, — сказал Авнер. — Сообщите мне, пожалуйста, когда Хамшари вернется.

Луи кивнул.

— Но лучше я дам вам другой номер телефона. Меня может не

быть, но если вы позвоните в 6.15 по парижскому времени, вам не надо будет себя называть. Я пойму, что звонили вы. Оставьте мне ваш телефон, и я позвоню.

Авнер номер запомнил и понадеялся, что не забудет его, пока не передаст Гансу. Запоминать цифры ему было нелегко. Но имена давались еще труднее. Его часто охватывал ужас, что однажды, явившись в отель под новым именем, он забудет, как его зовут. Просто анекдот какой-то. Авнер всегда с завистью относился к людям типа Ганса или Карла, которые могли запомнить все что угодно.

Встреча с Луи подняла настроение. Он пришел в состояние такого возбуждения, что почувствовал неодолимое желание выкинуть что-нибудь особенное. Авнер всегда был большим охотником до шуток и розыгрышей. Видимо, он унаследовал это свойство от матери. Но сейчас ему пришлось сдержаться. Было бы безумием ради забавы рисковать делом.

Любопытной особенностью коллег Авнера была явная склонность к авантюрным выходкам. Все они были людьми эксцентричными, но им постоянно приходилось себя сдерживать. Однако кое-что они все-таки себе позволяли. У Стива, например, была монетка, обе стороны которой были одинаковыми — с орлом. Он пускал ее в ход всякий раз, когда спорил с Робертом, кому готовить и кому идти за покупками. Роберт почему-то предпочитал ставить на решку и, естественно, всегда проигрывал. Но совершенно удивительным было то, что он при всей своей технической изобретательности в течение многих месяцев не догадывался, в чем дело. Возможно, он так до конца своих дней и не понял бы этого, если бы как-то они все не выдержали и не расхохотались.

Досталось и Авнеру. Он однажды неосторожно упомянул в разговоре, что в детстве его называли „шовав" — проказник. Стив тут же придумал ему прозвище „мать-баловница", в котором нашли отражение и его непрестанные заботы о чистоте и рациональном питании для всех членов группы и его функции руководителя.

На следующее утро после встречи с Луи Авнер покинул отель и позвонил Андреасу и Ивонне, у которых были в Париже собственные дела. В тот же день он вылетел во Франкфурт. Вечером он уже рассказывал друзьям о встрече с Луи.

— Ну как? — спросил Ганс, взглянув в сторону Карла.

Карл закурил трубку.

— Звучит неплохо. Не так ли? — обратился он к Роберту и Стиву.

Оба согласно кивнули.

Хотя все они были разными и мало походили и друг на друга и на своего руководителя, однако у них было и общее: отсутствие

излишней нервозности, суетливости, любви к пустой, ненужной болтовне.

Они могли часами тщательно планировать операцию. Но без хныканья по поводу всех возможных „про" и „контра", которые всегда приходят на ум людям с развитым воображением, особенно в тех случаях, когда осторожность граничит с трусостью. Никто из них таким не был. Они были способны оценить все обстоятельства сразу. Если оценивали их положительно, реакция была однозначной — они переходили к делу.

Подобные характеры, возможно, не соответствовали представлениям евреев диаспоры о „еврействе", но это были те самые характеры, те люди, благодаря которым родился Израиль.

Итак, следующий — Махмуд Хамшари. Он значился под номером три в списке Эфраима.

МАХМУД ХАМШАРИ

Если бы Организация освобождения Палестины имела статус самостоятельного государства, Махмуд Хамшари — доктор Хамшари, как его иногда называли, поскольку у него была ученая степень по экономике, полученная в университете в Алжире, — имел бы статус посла. Вместо этого он значился официальным представителем ПОО в Париже. Он имел приемные часы в офисах Арабской Лиги, издавал газетку новостей „Фах Информасьон" и поддерживал во французской столице связи с делегатами ЮНЕСКО из арабских стран. Случайные знакомые отзывались о нем как о культурном, хорошо воспитанном человеке, который по манере одеваться и поведению ничем не отличался от других дипломатов в Париже. Махмуд Хамшари в некотором смысле был в большей степени французом, чем сами французы. Он придерживался консервативных, даже буржуазных взглядов и вел жизнь скромного буржуа, снимавшего во вполне приличном районе вполне приличную квартиру для себя, своей жены француженки Мари-Клод и маленькой дочери Амины.

В списке Эфраима он шел с пометкой „легкий".

Его случайным знакомым не было известно то, что, по данным Мосада, он был одним из главных организаторов терроризма в Европе. Оперируя под прикрытием своего дипломатического статуса, пресс-секретаря Палестинской организации, он принимал участие в координации таких крупных террористических акций, как покушение на Бен-Гуриона в Копенгагене, уничтожение в воздухе швейцарского самолета и в убийстве олимпийских спортсменов в Мюнхене.

По сведениям, полученным группой Авнера, доктор Хамшари не собирался прекращать своей террористической деятельности. Наоборот, в сотрудничестве с двумя другими деятелями, тоже включенными в список, он занимался организацией террористической сети с участием большого числа анархистов-французов и других лиц неарабского происхождения. Эта организация уже приобретала известность под названием „Фатах-Франс".[1] Ходили слухи, что Хамшари был одним из лидеров организации „Черный

сентябрь", с которой Ясир Арафат и его группа „Аль-Фатах" отрицали всякую связь. „Аль-Фатах" в начале семидесятых годов официально заявлял, что он против террористических действий за пределами оккупированных Израилем территорий. Однако в неофициальном порядке „Черный сентябрь", безусловно, представлял собой „карающую руку" „Аль-Фатаха". „Черный сентябрь" осуществлял свои экстремистские, беспорядочные и жестокие операции как на всей территории Ближнего Востока, так и в Европе. Такое разделение функций давным-давно практиковалось революционными движениями анархистско-нигилистического типа, корни которых уходили в Россию девятнадцатого века. Когда-то в России существовало Общество ишутинистов (название образовано от фамилии его идеолога), которое структурно делилось на две группы. Одна — официальная, благопристойная, известная под названием „Организация", членами которой были уважаемые в обществе теоретики, активисты и апологеты его идей. Вторая, скрытая от глаз, — состояла из убийц и называлась „Ад".[2]

— Что скажете насчет руки, которая высовывается из душевой кабины и убивает кого следует убить? — спрашивал Авнер своих товарищей, ничего не знавший об Ишутине и его последователях, но проявлявший живой интерес к душевым кабинам.

Все пожимали плечами, но никто при этом не смеялся. Авнер вовсе не шутил. Они все согласились с тем, что Хамшари должен быть ликвидирован не так, как Звайтер, а каким-нибудь более драматическим способом.

Сроки на этот раз не подпирали так, как это было в Риме. Хамшари может возвратиться в Париж и через несколько недель. К тому времени они разработают план, из которого будет ясно, что убийство Хамшари классифицировать как случайное нельзя. Его смерть должна была знаменовать не только возмездие, но и предупреждение другим террористам.

„У евреев — длинные руки!" Так это было сформулировано Эфраимом. Нужно создать впечатление, что никакое прикрытие и никакой самый респектабельный фасад, не обеспечат террористам личную безопасность. В то же время возмездие должно было постигнуть только одного Хамшари. Ни его жена, ни маленькая дочь, ни люди, находящиеся в его доме, офисе или машине не должны были пострадать. Даже если это будет какой-нибудь последователь Хамшари или террорист. Не говоря уже о невинных и посторонних свидетелях. Акт мести должен быть совершен только над теми одиннадцатью, которые были в списке Эфраима.

Такой подход казался Авнеру нереалистичным, прежде всего, потому что, с его точки зрения, он исключал возможность использования взрывчатки.

— Я не могу понять, почему вы все продолжаете на этом наста-

ивать, — с некоторым раздражением в голосе заметил Роберт. — Взрывы прекрасно поддаются контролю. Их действие может быть так же фокусировано и лимитировано, как и полет пули. Если хорошо подумать, то можно сконструировать приспособление, которое поразит только намеченную цель и больше ничего.

— Хорошо, — сказал Авнер. — Мы тебя слушаем.

— Я еще ничего не придумал, — ответил Роберт, — но я просто не хочу, чтобы вы с самого начала не принимали меня в расчет.

— О, мы никогда этого не сделаем, — сказал Стив. — Что если подложить бомбу в унитаз? Надо думать, что в туалете Хамшари будет в одиночестве.

— Давай без пошлостей! — Ганс сморщился, явно недовольный.

В двадцатых числах ноября, когда группа еще не имела никакого конкретного плана, Луи сообщил Авнеру, что Хамшари, по его сведениям, в Париже. Но, продолжал он, „Ле Груп" имеет и другие сведения, которые могут оказаться Авнеру интересными. Луи сказал, что через несколько дней в Женеве должна, по-видимому, состояться встреча троих деятелей, связанных с палестинским движением. Хочет ли Авнер знать имена участников этой встречи?

— Да, хочу, — ответил Авнер.

Луи многозначительно кашлянул.

— Я полагаю, — начал он, — наш разговор ведется на деловой основе?

— Разумеется, — ответил Авнер, ожидая, что Луи назовет цифру.

Этого, однако, не произошло. Очевидно, он был удовлетворен ответом Авнера и собирался, как это делают адвокаты, врачи и другие профессионалы, представить свой счет позднее.

— Слышали ли вы о Фахри аль-Умари?

Авнер пробормотал что-то нечленораздельное. На самом деле это имя ему было незнакомо.[3]

— Насколько я знаю, он встретится с Али Хасаном Саламэ и Абу Даудом, — сказал Луи.

Сердце Авнера на какой-то миг остановилось. „Трудные". Номера первый и второй в их списке. Те, что принимали участие в организации мюнхенского убийства. В особенности Саламэ. Самые кровожадные, самые страшные головы дракона, с которым Эфраим сравнивал терроризм.

— В Женеве? — переспросил он, стараясь не выдать своего волнения.

— Так я понял, — ответил Луи.

— Мы интересуемся Женевой. — Авнер сделал над собой усилие, чтобы быстро сообразить, как могут развиваться события. — Парижем тоже. Можете ли вы держать нас в курсе? На деловой основе, конечно. Я позвоню вам завтра в это же время.

— Отлично, — сказал Луи.

На следующий день Авнер в сопровождении Карла и Стива полетел в Женеву. Ганс и Роберт присоединились к ним двумя днями позднее. Они решили поселиться подальше от центра и сняли комнаты в отеле, расположенном на Рут де Ромеле, недалеко от Дворца Наций. Работать в Женеве было всегда трудно, особенно агентам Мосада. И надежную квартиру найти было нелегко, а отели — вообще место крайне неудобное для агентов. Швейцарская секретная полиция, выражаясь мягко, дружественно настроена не была. Она приветствовала иностранцев, пока те дискутировали, занимались банковскими операциями и покупками, вели себя скромно и, не слишком задерживаясь, уезжали. Она терпела их, даже если это были дельцы с незавидной репутацией. Но нарушать порядок в пределах своих границ не разрешала.

Однако речь шла об Али Хасане Саламэ и Абу Дауде,[4] и надо было идти на любой риск. Если бы им удалось покончить с этими двумя, они могли бы считать свою миссию удавшейся. Поэтому было решено, что если они узнают что-либо определенное о местопребывании Саламэ, заняться только им. Мосад считал Саламэ главным виновником трагедии в Мюнхене.

Но их постигло разочарование. Сообщение о встрече Саламэ с Абу Даудом оказалось очередной уткой.[5] Двумя днями позднее в телефонном разговоре с Авнером Луи употребил другое, английское, выражение. „Мне очень жаль, — сказал он, — что по моей вине вы отправились на охоту за дикими гусями".

25 ноября, когда Авнер вновь звонил из Женевы в Париж, Луи представил ему отчет об образе жизни Хамшари, который вернулся во французскую столицу. Он сделал это совершенно так же, как в свое время сделал это Тони, наблюдавший за Звайтером. И так же, как тогда, в Риме, вопрос о том, для чего нужны эти сведения, не поднимался. Луи, вероятно, с самого начала догадывался о намерениях Авнера, но говорить на эту тему считалось серьезным нарушением этики. Более того, могло привести к отказу Луи от участия в операции. Труднообъяснимое лицемерие, не правда ли? Но дело обстояло именно так. Авнер был убежден, что, попроси он Луи снабдить его пистолетом и через час приготовить вырытую могилу, тот бы согласился. Но попроси он об оказании помощи в убийстве, Луи откажется. Он продавал информацию и услуги. Только это. Все дальнейшее, а именно, как покупатель всем этим распорядится, выходило за рамки интересов „Ле Груп".

— Попросту Луи страдает комплексом Понтия Пилата, — сказал не лишенный эрудиции Ганс.

План придумал Роберт. Причем такой, который, во всяком случае на первый взгляд, отвечал всем требованиям — обеспечивал безопасность окружающих и привлекал внимание своей нео-

бычностью. Идея возникла в результате обсуждения деятельности Хамшари по вербовке террористов.

— Он, вероятно, много времени проводит у телефона, — сказал Роберт. — Его дом — все равно что диспетчерская. Звонит, звонит — связывается с многочисленными пунктами во всех странах Европы и Ближнего Востока. Вот пусть и умрет у своего телефона.

На следующий день Авнер, Карл и Стив улетели в Париж. Ганс направился во Франкфурт в свою лабораторию, чтобы изготовить еще кое-какие документы. Роберт полетел в Брюссель.

В Бельгии, маленькой и сравнительно миролюбивой стране, с конца прошлого века и вплоть до второй мировой войны наблюдалось небывалое развитие оружейной промышленности. Сосредоточена она была главным образом в районе, расположенном к северо-востоку от Льежа, на возвышенности Арв. Револьверы, автоматы и взрывчатка производились не только на оружейных заводах, но нередко и в небольших мастерских в деревнях и на частных фермах. Тайны оружейного ремесла передавались от отца к сыну, из поколения в поколение. Бельгийские ремесленники да еще, пожалуй, испанские стали признанными во всем мире производителями портативных средств убийства. Фашизм и приход к власти нацистов положил конец кустарному производству оружия в Испании и Бельгии. Победоносные армии Гитлера и Франко, естественно, пожелали взять под контроль все его производство. К концу второй мировой войны в Бельгии частные оружейные мастерские были почти полностью уничтожены. В Испании генералиссимусом Франко было разрешено производство пистолетов только на трех заводах, а револьверов — только на одном.[6]

В Бельгии в глухих районах и после войны сохранились мастерские, где тайно производилось оружие. Но, конечно, эти мастерские не могли обеспечить европейский черный рынок полностью. Некоторые из их изделий считались самыми совершенными в мире, и Роберт знал эти мастерские и рассчитывал на них.

Махмуд Хамшари как представитель ООП часто встречался с газетчиками. Так что ничего подозрительного в том, что в начале декабря 1972 года в его квартире на рю Д'Алезия раздался звонок итальянского журналиста не было. Итальянец просил Хамшари дать ему интервью. Встретившись на следующий день с этим журналистом в маленьком кафе неподалеку от своего дома, он, правда, был удивлен полной неосведомленностью представителя прессы о делах палестинцев. Итальянец был смущен, без конца возился со своей трубкой и наконец попросил у Хамшари разрешения встретиться с ним еще раз, после того как ознакомится с печатными материалами, которые Хамшари ему принес. Они договорились, что Хамшари будет ждать его звонка дня через два-три.

Карл считал, что роль итальянского журналиста он сыграл,

если не безупречно, то достаточно хорошо и подозрений на свой счет у Хамшари не вызвал. Кроме того, он теперь мог с легкостью узнать голос палестинца.

За это время Авнер и Стив детально изучили шумный, оживленный, с массой иностранцев на улицах, но вполне респектабельный район парижского четырнадцатого арандисмана, где жил Хамшари. В течение двух дней они изучали разные пути к его дому. В маленьком „рено", которым их снабдил Луи, они проехали от церкви Сент-Пьер де Монтруж до Виктор-Баш — площади, которая находилась примерно посередине рю Д'Алезиа и в четырех кварталах от дома № 175, где жил Хамшари.

Они изучили движение транспорта по утрам на всем отрезке пути от Люксембургского сада до госпиталя Сент-Жозеф и от станции метро Монпарнасс до госпиталя Кошен и решили, что для них самым удобным будет маршрут по рю Версен-Жетори к бульвару Лефевр, мимо Дворца Спорта, через мост Гарильяно, затем по бульвару Экземанс к квартире, расположенной на Правом берегу, где они смогут укрыться. Способ, который они избрали для проведения операции, позволял им пользоваться только одной машиной.

Луи к этому времени снабдил их исчерпывающей информацией об образе жизни Хамшари — достаточно размеренном и, следовательно, вполне предсказуемом. Хамшари проводил много времени в обществе арабов, среди которых вполне возможно, были и принадлежащие к организации „Вооруженная борьба", но телохранителей у него не было.[7] Эти сведения, правда, противоречили полученным ранее.

День семьи Хамшари начинался с того, что в начале девятого его жена уводила их маленькую дочку в детский сад. Отведя девочку, она в течение всего остального дня занималась своими собственными делами и, как правило, возвращалась домой только к вечеру, когда забирала дочку из детского сада.

До девяти утра Хамшари оставался один в квартире. В девять ему обычно звонила женщина по имени Нанетт, вероятно, его любовница. Она жила в более элегантном, семнадцатом, районе Правого берега, около авеню Ньель, недалеко от одной из тайных квартир группы Авнера. Нанетт всегда звонила из почтового отделения на углу рю Д'Алезиа и рю де Плант, всего в нескольких кварталах от дома № 175. По-видимому, она каждый раз хотела удостовериться, что Хамшари свободен и его жена и дочь ушли. Убедившись в этом, она садилась в свой „рено" и ехала к его дому. Хамшари уже ждал ее у подъезда. Найти место для стоянки в районе рю Д'Алезиа, было непросто. На этой улице одно из зданий занимала пожарная команда, а несколько домов представляли собой крытые рыночные прилавки. Поэтому улица была всегда забита машинами.

Авнер и Карл считали, что самым удобным временем для операции будет промежуток между восьмью и девятью часами утра, после ухода жены и дочери Хамшари и перед появлением Нанетт. Хамшари в это время обычно находился в квартире один и, кроме того, скорее всего будет подходить к телефону на все звонки в ожидании звонка Нанетт. Точную дату операции можно будет назначить, когда Роберт спроектирует, изготовит и тайно доставит во Францию прибор, который они собирались вмонтировать в телефон Хамшари.

Изготовление бомб в тех случаях, когда соображения безопасности не имеют значения, было сравнительно простым делом. Сама по себе взрывчатка может быть сравнительно устойчива. Динамиту или пластику, когда это необходимо, придается маленький капсюль (детонатор) с крохотным количеством очень неустойчивого взрывчатого соединения из группы химических производных азотной или серной кислоты. Взрыв может произойти при различном воздействии на детонатор — от простого удара по капсюлю до подачи на него слабого электрического тока. Его можно активировать, например, с помощью будильника, приборчика, регулирующего время варки яиц или даже беспроволочного сигнала от радиопередатчика или переключателя дистанционного управления телевизора.

Затруднения, которые возникают при применении механических детонаторов, связаны с тем, что активировать их может любой человек. Кроме того, предотвратить взрыв, если, например, окажется, что жертву сопровождают посторонние люди, невозможно. Приборы, запрограммированные на определенное время, работают, как правило, точно.

Для террористов все это значения не имеет, так как они, бывает, и не имеют в виду определенного человека.

Авнеру и его товарищам автоматические детонаторы совершенно не годились. Им были нужны только те детонаторы, которыми они могли сами управлять. В городских условиях, однако, было очень опасно прокладывать провод от места, где подложена бомба до укрытия, в котором ждет свою жертву охотник. Проще было действовать с помощью радиосигналов. Но в этом случае возникала новая проблема: любой человек, работающий на тех же частотах где-то поблизости от места предполагаемого взрыва, может вызвать его в любой момент.

Широкое распространение получили в настоящее время мощные портативные радиоприемники с передатчиками и другие приборы с дистанционным управлением. В связи с этим опасность случайного активирования детонатора возросла настолько, что осторожные и квалифицированные эксперты по взрывчатым веществам, каким, например, был Роберт, никогда не соглашаются устанавливать радиоприемник до тех пор, пока бомба не будет обезвреже-

на с помощью специального регулятора. Без этой предосторожности она может взорваться в руках. Таким образом, в задачу Роберта входило сконструировать этот единственный регулятор, который приведет бомбу в действие. Этим регулятором может оперировать, ничего не подозревая, и тот, для кого предназначена бомба. И тогда — только тогда — она взорвется, приведенная в действие радиосигналом, поданным наблюдателем.

Роберт объяснил, что бомба должна быть вделана в основание телефона Хамшари. Она безопасна до тех пор, пока Хамшари не снимет с рычага трубку. После снятия трубки бомба будет находиться в состоянии боевой готовности. Посланный в этот момент радиосигнал ее взорвет. Авнеру эта схема казалась почти безупречной. Но только почти. Вмонтировать бомбу в телефон им придется по меньшей мере за полдня до намеченной акции. А что если мадам Хамшари решит поболтать вечером с кем-либо из своих друзей? А вдруг какой-нибудь радиолюбитель по соседству решит начать передачу на частотах, совпадающих с частотами, на которых работает приемник, соединенный с бомбой? Что тогда?

Роберт только пожал плечами. Что произойдет, понятно. Нулевого риска, как они все знали, не существует. То, что он предлагает, делает риск минимальным. Но если Авнер считает, что риск все же велик, он будет пытаться придумать что-нибудь другое, потому что в основании телефонного аппарата нет места для двух приемных устройств на разных частотах — одного, соединенного с бомбой, второго — взрывного.

Поколебавшись, Авнер сказал:

— Хорошо, Роберт, но постарайся все же, чтобы эта бомба не уничтожила все живое в этом проклятом доме.

— Меня волнует совсем другое, — сказал Роберт. — Как сделать бомбу такой силы, чтобы человек, взявший трубку, был убит. В телефонном аппарате не так уж много места.

В среду, 6 декабря бомба была доставлена из Бельгии во Францию. Она была совсем крохотной. Авнер положил ее на ладонь и удивился, как мало она весила. Казалось странным, что эта штука может убить человека. Правда, Авнер помнил, какие беды могут натворить всего лишь полторы унции пластика, заложенные в письмо — любимый способ действий террористов. Подобный случай произошел через несколько дней после трагедии в Мюнхене. Тогда именно так был убит израильский дипломат в Лондоне.[8]

— Будем надеяться, что это сработает, — сказал Авнер, возвращая ящичек с бомбой Роберту.

В этот же день они переехали в новые квартиры, найденные для них Луи. Квартира, в которой до этого они жили все вместе, тоже была снята по совету Луи.

Утром 7 декабря, возникли неожиданные осложнения. Планом было предусмотрено дождаться ухода Мари-Клод с Аминой из

дома и отъезда самого Хамшари в машине Нанетт. Далее предполагалось, что Роберт и Ганс, одетые в форму рабочих телефонной станции, предоставленную все тем же Луи, войдут в квартиру и вмонтируют бомбу в телефон. Роберт полагал, что на эту операцию уйдет от двадцати до тридцати минут, а может, и меньше. Авнер, Стив и Карл должны были ждать их на улице, — Карл в качестве журналиста, подальше, чтобы успеть предупредить Роберта и Ганса, если кто-нибудь из семейства Хамшари неожиданно вернется. На этот случай Луи нанял двух молодых французов, в обязанности которых входило задержать мадам Хамшари, завязав с ней разговор. Авнер и Стив за это время успеют вывести Роберта и Ганса из здания.

Однако в этот четверг, как нарочно, все шло не по обычно заведенному порядку. Нанетт не позвонила Хамшари ни около девяти, ни позднее, и даже его жена вернулась домой раньше обычного. Сам же Хамшари в этот день вообще не выходил из дома.

Авнер, Карл, Ганс и Роберт уехали ни с чем. Не было смысла стоять часами перед домом № 175 по рю Д'Алезиа, когда стало ясно, что обычный распорядок дня в семье Хамшари по каким-то причинам нарушен. Это могло даже оказаться опасным. По соседству с домом остались только Стив и французская пара. В начале седьмого Стив позвонил и сообщил, что Хамшари вышел из дома, и он, Стив, идет за ним следом. Они немедленно поехали обратно в четырнадцатый арандисман. Можно было надеяться, что Мари-Клод уйдет забирать Амину из детского сада. Если, конечно, сам Хамшари не вышел из дому именно для этого.

Роберт и Ганс, все еще в форме, подъехали в своем „вэне" к ближайшей стоянке напротив дома № 175. Авнер зашел в то самое почтовое отделение на углу рю Д'Алезиа и рю де Плант, из которого всегда звонила Нанетт, и стал ждать. Карла нигде не было видно.

Очень скоро Стив сообщил, что Хамшари направился к зданию, похожему на помещение Арабской лиги на бульваре Хаусмана. Стив знал французский не лучше Авнера, так что не мог четко объяснить, что это было за здание.

Если бы мадам Хамшари тоже ушла, в их распоряжении было бы по меньшей мере три четверти часа до того, как кто-либо из хозяев квартиры сможет вернуться.

В тот момент, когда Авнер, пройдя три квартала от почтового отделения, приблизился к „вэну" Роберта напротив дома № 175 по рю Д'Алезиа, из его хорошо освещенного, нарядного главного подъезда как раз вышла Мари-Клод. Она наверняка направлялась в детский сад. Так что у них появился какой-то шанс успеть сделать все, что им было нужно. Может быть, и поздновато для ремонтных работ, но разве телефонная компания PTT не могла прислать рабочих по экстренному вызову? Кроме того, Авнер

по опыту знал, что жители больших городов весьма безразлично относятся к тому, что происходит вокруг. Консьержки давно утратили прежнюю бдительность, а соседи вряд ли станут задавать вопросы.

Впрочем, у них все равно не было выбора — бомба ведь сама собой в телефонный аппарат не попадет.

Роберт и Ганс с чемоданчиками для инструментов в руках вошли в подъезд.

Пятнадцать минут Авнер стоял один около „вэна" на рю Д'Алезиа. Ожидание было мучительным, и он пожалел, что у него нет с собой жевательной резинки. В какой-то момент ему показалось, что Карл пересекает улицу приблизительно в одном квартале от него, но становилось темно и уверенности в этом у него не было. Авнер стал опасаться, что не сможет разглядеть Хамшари или его жену и вовремя предупредить Роберта и Ганса.

И вдруг он увидел их. Роберт и Ганс переходили дорогу. Они отсутствовали так недолго, что, казалось, едва могли за это время успеть открыть замок квартиры.

— Вы шутите?! — воскликнул Авнер. — Неужели вы все успели?

— Не знаю, — ответил Роберт. — Думаю, что завтра утром мы это выясним поточнее.

В пятницу 8 декабря, около восьми часов утра каждый занял свой пост напротив дома, где жил Хамшари. Роберт, Авнер и Карл в „вэне", запаркованном примерно в двухстах метрах от дома; Стив и Ганс в машине поближе к главному входу. Они наблюдали за тем, чтобы мадам Хамшари и девочка, уйдя из дома, вдруг не вернулись. Людям Луи в это утро делать здесь было нечего.

Примерно в 8.30 жена Хамшари и Амина вышли из дома. Они торопились к автобусной остановке. Нанетт могла позвонить в любой момент, так что надо было действовать без промедления.

Карл вышел из „вэна" и направился в бистро, примерно в пятидесяти метрах от машины. По дороге он оглянулся, чтобы убедиться, что Авнер без труда сможет рассмотреть его в окне. Затем он снял трубку телефона-автомата и начал набирать номер.

Авнер взглянул на Роберта, который сидел рядом. Голова Роберта тоже была повернута в сторону Карла. В руках он держал маленький ящичек.

Карл все еще стоял у телефона. Губы его, казалось, шевелились, но на расстоянии невозможно было не только его услышать, но и быть уверенным, что он разговаривает. Карл, как обычно, посасывал свою трубку. Но Авнер и не смотрел на его рот. Он наблюдал за его правой рукой. Медленно, спокойно, движением, которое казалось чуть-чуть неестественным, Карл поднял правую руку, прикоснулся к макушке и пошевелил пальцами. Это был сигнал. Авнер почувствовал, как напряглось в этот момент тело Роберта. Он тоже увидел сигнал, поданный Карлом, но ждал команды Авнера.

— Давай! — почти крикнул Авнер и непроизвольным движением вскинул голову кверху, всматриваясь в фасад дома № 175 на рю Д'Алезиа.

Он не услышал, как щелкнул выключатель рядом с ним. Не услышал он и взрыва. Но он увидел, как вдруг появилось в воздухе вдоль фронтальной стены какое-то мерцание. Казалось, что здание затрясло в лихорадке. В одном из больших окон образовались от удара воздушной волны крестообразные трещины. Прохожие стали останавливаться и смотреть вверх. Кто-то на втором этаже вышел на балкон, посмотрел вниз, на улицу, потом, задрав голову, наверх, стараясь рассмотреть окна выше этажом.

Карл уверенно шагал по направлению к „вэну".

Они *это* сделали.

Они сделали *это* еще раз!

Сидя вечером у телевизора и просматривая вечерние газеты в одной из своих новых квартир, они, однако, не были в этом уверены. Хамшари был еще жив. Он был ранен, без сомнения тяжело, но из газет невозможно было понять, выживет ли он. Хамшари находился в госпитале Кошен на рю де Фабур Сент-Жак. Еще один госпиталь — Сент-Жозеф — был расположен поближе к его дому, но машина скорой помощи направилась в другую сторону.

Хамшари, видимо, уже сообщил полиции, что ему звонил итальянский журналист как раз перед взрывом. Голос Хамшари, по словам Карла, звучал по телефону хрипловато, точно он только что проснулся. Карл даже слегка усомнился в том, Хамшари ли это. Объяснив, что он и есть тот самый итальянский журналист, который хочет взять у него интервью, Карл спросил, действительно ли это доктор Хамшари у телефона. И лишь услышав в ответ: „Да, это я", — подал знак.

Больше всех был расстроен Роберт. Он даже стал агрессивен. Он ведь мог сделать заряд более мощным. Но все они так усиленно втолковывали ему, что никто, кроме Хамшари, не должен пострадать, что ему пришлось удвоить предосторожности, чтобы взрыв не повредил ничего за пределами комнаты. Из передачи новостей они узнали, что официальные лица все еще находились в недоумении и не могли определить источник взрыва. Слово „террористы" было упомянуто в качестве одного из предположений.

Авнер был не слишком обеспокоен. Даже в том случае, если Хамшари выживет, он надолго, а может быть и навсегда, выйдет из строя. То, что он может рассказать полиции об итальянском журналисте, особого значения не имело. В конце концов, следствие сможет связать звонок журналиста со взрывом и догадаться, что бомба была вделана в телефон. Но Карла к этому времени уже не будет в Париже. А больше к этому способу они прибегать не собирались.

Еще две ночи группа провела в Париже в своих квартирах. Они вернули Луи „вэн" и другую машину, а также несколько пистолетов, уплатив все, что оставались ему должны. Из суммы примерно в двести тысяч долларов сто пятьдесят тысяч были уже выплачены ранее. 10 декабря, в воскресенье они порознь вылетели во Франкфурт, имея при себе другие паспорта, не те, по которым они въезжали во Францию. В Париже во всех аэропортах было полно полиции, но на них никто не обратил внимания. Насколько им было известно, Хамшари был еще жив.[9]

Авнер, однако, полетел не во Франкфурт, а в Нью-Йорк.

Официальным предлогом для поездки послужил дошедший до них слух, что Али Хасан Саламэ или кто-то еще из высокопоставленных чинов ООП собирается в Нью-Йорк. ООП стремилась связаться с организацией „Черные пантеры" в связи с предполагаемым нападением на самолет „Эль-Ала" в аэропорту Кеннеди. Сведения эти сообщил Ганс, получив их от своего старого парижского осведомителя, и они нуждались в проверке. Авнер, правда, сомневался в том, что Саламэ, в своем роде аристократ, станет связываться с „Черными пантерами".

Однако прежде всего Авнер руководствовался в своей поездке личными мотивами. Он хотел найти квартиру для Шошаны. Оснований для этого было более чем достаточно. Во-первых, он соскучился. Ему недоставало ее больше, чем он этого ожидал. Пока не будет исчерпан список Эфраима, — а на это могут уйти годы, — поездки в Израиль для него исключены. Разве что возникнет какая-нибудь ужасная необходимость. Но если это случится, то продолжать свою миссию он не сможет. У всех остальных за исключением Стива, который не был женат, семьи находились вне Израиля, и они уже один-два раза виделись с ними.

Во-вторых, у него возникло смутное ощущение, предчувствие, что и после окончания операции он в Израиль не возвратится. Могут возникнуть обстоятельства — деловые или личные, — которые помешают его возвращению.

Но в таком случае — почему ему не выбрать Нью-Йорк? В конце концов, ему всегда хотелось жить в Америке (хотелось *быть* американцем, сказала бы его мать). После того как он несколько раз побывал в Нью-Йорке, он лишь укрепился в этой мысли. Что до Шошаны, то, переехав в Нью-Йорк, скажем, временно, пока он работает в Европе, она, может быть, и полюбит его. Но так или иначе, а пока что они смогут время от времени встречаться — и, как знать? — может, она и не станет настаивать на том, чтобы они возвратились в Израиль.

Был и третий мотив. Шошана была ему нужна. Ему было двадцать пять лет, и начиная с сентября он не знал женщин. Он, разумеется, поглядывал на женщин, но ничего не предпринимал. Возможно, ему хотелось сохранить верность жене. Может быть, ска-

зывалось постоянное напряжение. Все остальные, кроме Стива, ничем своего интереса к женщинам не выдавали. Разумеется, они могли иногда встречаться со своими женами, но не исключено, что физиологической потребности в этом не испытывали. Во всяком случае, подобных разговоров они не вели.

Но Авнер эту потребность испытывал.

Прилетев в Нью-Йорк, он снял двухкомнатную квартиру в Бруклине, в доме, где не возбранялось держать животных, так что Шошана сможет привезти с собой Чарли. Оставив задаток за апрель — к этому времени их ребенку должно было уже исполниться три месяца, он вылетел во Франкфурт.

20 декабря — Авнер эту дату запомнил навсегда — он позвонил Шошане. В это трудно было поверить, но он услышал слова, которые, по его представлениям, мог бы сказать кто угодно, кроме Шошаны.

— Я должна родить двадцать пятого числа, и я хочу, чтобы ты был здесь.

Какую-то долю секунды Авнер не знал, что ответить. Затем произнес:

— Я приеду.

— Нет, ты не можешь, — опомнилась Шошана, явно обескураженная и своей смелостью, и его ответов. — Не делай глупостей. Я не подумала. Я ни в чем не нуждаюсь. Я лягу в больницу двадцать пятого. Все предусмотрено. Я пошутила. Тебе не о чем беспокоиться.

— Я приеду, — повторил Авнер и прибавил: — Ничего и никому не говори.

Двумя днями позднее, с фальшивым немецким паспортом, ничего не сказав своим товарищам по группе, нарушив все полученные ранее инструкции, Авнер тайком прибыл в Тель-Авив. Он знал, что оправдания его поступку нет. Что если кто-нибудь в Израиле, даже из своих, опознает его, Бог знает, чем это кончится. Лучшее из того, что могло с ним произойти, — был вечный позор, которым он покрыл бы себя и всю свою семью. А если бы его выследили чужие, то была бы загублена вся операция, его собственная жизнь и жизнь его товарищей.

Никогда в жизни, пересекая нелегально границу, он не дрожал так от страха. Отчасти, потому что знал, чем это ему грозит, отчасти, потому что, как и большинство его соотечественников, преувеличивал вездесущность израильской разведки. Для такого преувеличения имелось достаточно оснований — израильская контрразведка действительно была одной из лучших в мире, но все же не такой, какой она представлялась Авнеру. Однако надо было быть на грани безумия, чтобы при таком представлении о разведке решиться тайно прилететь в Тель-Авив. Но он и был на этой грани.

В Тель-Авиве Авнер провел четыре дня. Виделся только с матерью и с Шошаной. Он не осмелился ни навестить отца, ни проводить Шошану в больницу. И все же, когда кончились роды и он узнал, что у него родилась девочка, поздно ночью, выдав себя за дядю Шошаны, он упросил дежурную сестру принести ему ребенка. Девочка показалась ему невероятно уродливой.

А Шошана удивила его еще раз. Авнер готовился к пререканиям, к спорам и протестам с ее стороны. Но оказалось, что Шошана сама хочет ехать в Соединенные Штаты.

— Я не беспокоюсь о том, что там буду большей частью одна, — сказала она. — Я даже не беспокоюсь о том, что мы будем встречаться всего лишь два раза в год. Но я не хочу, чтобы дедушки и бабушки воспитывали нашу дочь. Я хочу ее воспитать сама.

Они условились встретиться в Нью-Йорке в апреле.

АБАД АЛЬ-ШИР

Хусейн Абад аль-Шир, один из организаторов террористов, жил большей частью в Дамаске, вне сферы действия группы Авнера. Именно поэтому Авнер и Карл причислили его к категории „трудных". Из доступной им информации становилось ясным, что у аль-Шира не было ни телохранителей, ни оружия. По профессии он был учителем и специализировался на преподавании восточных языков. В „вооруженной борьбе" аль-Шир на Кипре выполнял функции связного между ООП и КГБ. В списке Эфраима он стоял на десятом месте.

Авнер заинтересовался им после одного из разговоров с Луи. Кто-то из людей, обслуживающих „Ле Груп" на Кипре, сообщил, что палестинцы планируют террористическую операцию: сев на греческое судно, которое на пути в Хайфу останавливается в кипрском порту Кирения (недалеко от Никозии), пронести в Кирении на борт судна оружие и, возможно, взрывчатку и, прибыв в Хайфу, захватить судно и сделать все возможное, чтобы создать обстановку кошмара и хаоса, подобную той, которую вызвала атака в аэропорту Лод.

— Это, — сказал Луи, — между нами.

— Нет ли у вас более подробных сведений? — спросил Авнер. — На деловой основе.

— Я могу попытаться узнать что-нибудь еще, — ответил Луи. — Участники операции будут иметь при себе афганские паспорта. Это пока все, что мне известно. Имя человека, который всем этим заправляет на Кипре, как будто аль-Шир.

Этот разговор происходил за несколько дней до убийства Хамшари. Авнер обсудил создавшееся положение со своей группой. Аль-Шир, похоже, скоро прибудет в Никозию. Территория Кипра входила в сферу действий группы Авнера.

Перед отъездом в Израиль Авнер дал Карлу номер телефона Луи, предупредив его, что Карл будет ежедневно ему звонить. Если поступят новые сведения об аль-Шире, Карл после 27 декабря позвонит Авнеру в Афины. (До этого момента только Авнер поддерживал с Луи непосредственный контакт.)

В этот день, распрощавшись с Шошаной, Авнер вылетел из Тель-Авива в столицу Греции.

В Афинах Авнер ориентировался хорошо. Правда, прежние его впечатления о колыбели западной цивилизации не были приятными. Именно в Афинах, еще будучи стажером Мосада, он впервые столкнулся с теми скрытыми от глаз и таинственными особенностями своей работы, на которые намекал ему отец. Именно в Афинах он понял также, что всякому агенту приходится выполнять и роль служащего определенной бюрократической системы, в которой, как и во всякой подобной системе, немалую роль играют личные симпатии и антипатии, интриги и мелочные соображения.

Само по себе происшествие было незначительным. Один из старших агентов Мосада, который был в то время резидентом в Афинах, однажды вечером слишком много выпил. Произошло это в общественном месте, в ресторане, в присутствии его очень молодой жены, Авнера и еще одного агента. Само собой разумеется, что никто из окружающих не знал, чем этот человек на самом деле занимался. Он выдавал себя за афинского бизнесмена, так что в его поведении, казалось, ничего особенного не было. Однако пьяным он начал дебоширить, залез на стол и стал расстегивать брюки. Если бы Авнеру и его спутнику не удалось помешать ему, он выполнил бы свое намерение помочиться на всех сидящих в зале. Его жена, по-видимому хорошо знакомая с вульгарными и агрессивными выходками своего мужа, встала из-за стола и ушла, оставив молодых людей наедине с пьяным начальником.

Им удалось урезонить пьяного босса, но на Авнера все это произвело тяжелое впечатление. Он был еще новичком в Мосаде, не изжил своих романтических иллюзий и, естественно, полагал, что его начальником всегда будет человек, заслуживающий уважения. Он знал, конечно, что среди евреев, как и среди людей других национальностей, есть люди порочные, но пьянство и распущенность евреям, по его представлениям, свойственны не были. Авнер, во всяком случае, не мог припомнить ничего подобного. Распущенный человек, с его точки зрения, не мог быть резидентом Мосада.

Обсудив происшедшее с другим агентом, он решил написать рапорт. Его коллега заверил Авнера, что и он упомянет в своем докладе об инциденте. В конце концов, это было прямой их обязанностью. Может быть, их начальник нуждался в консультации врача?

Авнеру пришло даже в голову, что, возможно, все это — тест, специально для него подготовленный. Начальство хотело выяснить, станет ли он в такой ситуации скрывать происшедшее из чувства ложной солидарности или из страха. Но на этом они его не подловят, решил он.

Когда через месяц он вернулся в Тель-Авив, ему, к величайшему его изумлению, предложили явиться в отдел, ведающий личными делами агентов. Там его ждали трое мужчин. Вид у них был недовольный. Типичные галицийцы, — подумал Авнер.

— В этой вашей бумажке содержатся очень серьезные, но необоснованные обвинения, — сказал один из них, передавая Авнеру через стол его рапорт. — Мы советуем вам взять свои слова назад.

Авнер был потрясен.

— О чем вы говорите? Это же в действительности произошло. Загляните в доклад второго агента.

— Мы уже заглянули, — уверенно сказал галициец. — Там не содержится никаких указаний на инцидент, описанный вами. Может быть, это просто плод вашего воображения?

— Даже если это и не так, — сказал второй, — посмотрите на случившееся с другой точки зрения. Человек, о котором вы писали, сделал для Израиля очень много. Вы еще лежали в мокрых пеленках, когда он уже имел право называться героем. Сейчас до ухода на пенсию ему остался год. Ваше заявление может иметь неприятные для него последствия. А вы сами, кстати... Ведь и вы не совершенство! Мы можем показать вам его донесение, касающееся вас.

— Я думаю, — сказал третий, — в этом нет надобности. Допустим, вы просто не сошлись характерами. Давайте предадим забвению и его доклад, и ваш. Я думаю, это всех устроит.

В разговоре с Авнером они выбрали неправильный тон. Все это живо напомнило ему порядки в кибуце. Галицийцы горой стоят за галицийцев. Он встал.

— Мой доклад у вас, — сказал Авнер. — Меня не интересует, какие еще у вас имеются материалы. А о чем вы хотите забыть и что помнить, — это ваше дело. У вас есть ко мне еще какие-нибудь вопросы?

Ответа не последовало, и Авнер ушел, сжимая от злости кулаки. Никто и никогда об этом инциденте больше не упоминал, но неприятный осадок остался надолго.

Через восемь месяцев, когда он вновь приехал по заданию в Афины, к его радости, резидентом Мосада был уже другой человек.

Теперь, спустя два года, Авнер несколько иначе видел так возмутившее его тогда происшествие. Сейчас он приехал в Афины после своего незаконного пребывания в Израиле. Это дало ему кое-какой новый опыт, и он понимал, что сегодня отнесся бы с большей терпимостью к поведению резидента. Вполне вероятно даже, что он не написал бы свой рапорт.

Карл позвонил сразу. И позвонил не из Франкфурта, а из Никозии. Он и Ганс прибыли туда днем раньше и вели наблюдение за аль-Широм.

Луи сообщил, что аль-Шир появился на Кипре почти сразу после того, как Авнер уехал в Израиль. Карл вместе с Гансом в отсутствие Авнера решил присоединиться к наблюдателям Луи, а Роберт отправился в Бельгию на встречу со своим другом, столь успешно конструировавшим бомбы. Роберт так или иначе хотел побывать в Бельгии, он был очень недоволен собой после опыта с телефоном Хамшари. Стив в это время был в Испании, пытаясь проверить кое-какие сведения о террористах.

Через несколько часов Авнер уже был в Никозии, в квартире, где жили Ганс и Карл. Они с удовольствием доложили Авнеру, что аль-Шир встречался с человеком, который, по всем данным, был резидентом КГБ на Кипре.

Решив отпраздновать приезд Авнера, они отправились в ресторан, оставив организатора террора аль-Шира на попечение наблюдателей из группы Луи. К несчастью, к тому времени, когда они закончили обед, аль-Шир покинул отель и отбыл в неизвестном направлении.

Им оставалось одно — вернуться во Франкфурт. На Кипре делать было нечего. В конце концов аль-Шир непременно опять прибудет на этот маленький остров в Средиземном море — опорную точку Советского Союза, откуда он собирался начать переделывать весь мир. Географическое положение острова чрезвычайно подходило для этого. Отсюда можно было раздувать пламя пожаров на Ближнем Востоке, не говоря уже о конфликтах между турками и греками.[1]

Авнер не любил Кипр. Он мог прекрасно обойтись без всех этих красот средиземноморья и потому с удовольствием предоставил людям Луи выслеживать аль-Шира в Никозии.

Поездка Стива в Испанию оказалась неудачной, и он тоже возвратился во Франкфурт. Приехал и Роберт. Как только они встретились, Роберт сказал Авнеру:

— Разреши мне попробовать еще раз, если у нас на Кипре что-нибудь получится. Мы, я и мой друг, разработали новую систему.

— Догадываюсь, — неуважительно отозвался Стив. — Невидимая бомба, которая вызывает заболевание печени и сокращает длительность жизни человека на десять лет. А почему, собственно, нельзя просто застрелить этого негодяя?

— Стив, ты завидуешь Роберту, — сказал Карл. — Завидуешь, потому что он не разрешает тебе поиграть со своей резиновой уточкой.

Все, в том числе и Стив, рассмеялись.

Роберт, правда, к этому времени уже перестал пускать резиновых уток в ванной, но квартира, в которой они жили со Стивом,

была битком набита разными удивительными игрушками, и Роберт не разрешал Стиву их трогать. Это создавало между ними трения, не слишком, правда, серьезные.

Как-то, вернувшись домой раньше обычного, Роберт обнаружил, что Стив испытывает машину с дистанционным управлением. Роберт вспылил. Стив отомстил ему, пустив в ход свою фальшивую монетку, и Роберт, естественно, проиграл. В этот раз они спорили о том, кому из них проколоть мочку уха. Серьга в ухе была необходима, чтобы сыграть роль панка, который должен был проникнуть в арабскую среду и вступить в контакт с арабом-осведомителем.

— Успокойся, Роберт, — сказал Авнер. — Само собой разумеется, все будет зависеть от обстоятельств и поведения цели. До сих пор аль-Шир обычно останавливался в Никозии в Олимпийском отеле. Если он не изменит своей привычке и на этот раз, что бы ты предложил?

— Шесть маленьких бомб, — тотчас же ответил Роберт, — которые никого больше не заденут.

— Почему именно шесть?

— Для полной уверенности, — ответил Роберт. — И никто больше не пострадает.

Это была больная мозоль, и Роберт снова на нее наступил. Постоянный страх, что в процессе операции, они могут причинить вред кому-то еще не давала им покоя. Кроме того, несмотря на то что Авнер безоговорочно признавал компетентность Роберта и его бельгийского коллеги и считал, что бомба в телефоне была спроектирована блестяще, у него оставалось какое-то сомнение. Ведь Хамшари не был убит, во всяком случае не был убит сразу.

Луи в последнем телефонном разговоре тактично намекнул, что сможет за соответствующее вознаграждение рекомендовать специалиста по взрывчатым веществам, если он Авнеру потребуется. Когда Авнер об этом рассказал, Роберт решительно запротестовал. Ни к одному прибору он и не прикоснется, если не принимал участия в его создании.

— Но если тебе так уж нравится Луи, — сказал Роберт, — я знаю, что он может для нас сделать, — он может переправить наши бомбы из Бельгии на Кипр.

Это было разумное предложение. В процессе выполнения любой операции переправка оружия или взрывчатых веществ через границы была в своем роде самым трудным делом. Многие террористы, если пакеты были не слишком объемистыми, пользовались дипломатической почтой арабских или восточно-европейских стран, которую вез курьер, чей багаж не подлежал таможенному досмотру.

Для команды Авнера этот путь был закрыт. Не приходилось сомневаться в том, что в деле контрабанды „Ле Груп" была опытнее, чем они.

В течение следующих двух недель никаких сведений об аль-Шире или других террористах не поступило.

Ганс использовал это время для разработки собственного малого проекта — создания во Франкфурте магазина, торгующего антикварной мебелью. Ганс любил старинные вещи и знал в них толк. Кроме того, в отличие от Авнера и Стива у него было прекрасное деловое чутье. Сама процедура продажи-покупки доставляла ему истинное удовольствие.

Карл — Осторожный Карл, как они его называли, — это начинание Ганса полностью одобрил. Он считал, что такой магазин может служить всей их команде хорошим прикрытием. Торговая деятельность объяснит их частые разъезды и нерегламентированный распорядок дня. К тому же наличие такого магазина могло при случае помочь им переправлять крупные грузы через границы. Авнер тоже положительно отнесся к идее Ганса, хотя сам в качестве прикрытия выбрал себе роль игрока в немецкую лотерею и в английский футбол. Это позволило бы ему при необходимости объяснить, почему в его квартире везде были разбросаны бумажки, испещренные разными цифрами. Будучи не в силах запомнить огромное количество необходимых ему имен, он записывал их с помощью цифр.

Поскольку неотложных дел у них в данный момент не было, Авнер съездил в Женеву и оставил в банковском сейфе два послания для Эфраима. В первом он извещал его о предполагаемом нападении в Хайфе, второе носило личный характер. Он просил Эфраима содействовать Шошане в ее поездке в апреле в Нью-Йорк. С самого начала между ними существовала договоренность, что Эфраим поможет Авнеру в организации встреч с женой за границей. Авнер не счел нужным поставить Эфраима в известность, что Шошана в Израиль не вернется.

В Женеве он также поинтересовался своим банковским счетом, на который ему ежемесячно переводили жалованье. Сумма, пока еще не слишком внушительная, медленно, но верно росла. Ему показалось забавным, что уже сейчас у него в швейцарском банке лежит вклад, превышающий все, что он когда-либо имел.

В понедельник 22 января позвонил Луи. Через день-два, сказал он, Абад аль-Шир прибывает на Кипр. Сколько времени он рассчитывает там пробыть, Луи не знал.

Той же ночью группа Авнера приземлилась в Никозии. Авнер и Роберт поселились в частной квартире. Карл, Ганс и Стив — в Олимпийском отеле. Идея принадлежала Карлу. Им надо было остановиться в одном отеле с Аль-Широм. Во-первых, они смогут его хорошенько разглядеть и таким образом исключить возможность какой бы то ни было ошибки, а во-вторых, изучат план расположения комнат в отеле. Кроме того, они собирались покинуть отель вскоре после появления там аль-Шира и вернуться

несколько позднее, так что их присутствие там впоследствии не вызовет подозрений у служащих или охраны. Их примут за постояльцев, которые уже раньше жили в отеле.

Во вторник днем агенты Луи доставили Роберту пакет из Бельгии. В тот же день Абад аль-Шир под именем Хусейна Башира, гражданина Сирии, появился в Олимпийском отеле.

Стив и Карл, посмеиваясь, сообщили, что номер аль-Шира находится по соседству с номером молодой пары из Израиля, которая прилетела на Кипр, чтобы пожениться. Дело в том, что невеста не была еврейкой, а религиозный свадебный обряд не разрешался в Израиле в случае смешанного брака. Такие пары, как правило, прилетали на Кипр, чтобы здесь совершить свадебную церемонию.

Сообщение Стива всех встревожило. К тому же Стив не на шутку перепугал Ганса брошенным как бы невзначай замечанием:

— Похоже на то, что в обоих номерах будет довольно шумно.

— Ни в коем случае, — твердо ответил Роберт и уже с меньшей уверенностью добавил: — Я, конечно, письменную гарантию дать не могу. Так что, если ты настаиваешь на письменной гарантии, отменяй все.

— А может, их предупредить? — спросил Ганс и сам тут же отрицательно помотал головой. В процессе проведения подобных операций предупреждать никого нельзя.

Они либо должны пойти на риск, либо отменить операцию. Решить это должен был Авнер.

— Мы рискнем, — сказал Авнер.

— Ты хочешь сказать, заставим рискнуть новобрачных, — неожиданно высказался Ганс. — Как бы тебе это понравилось, — находится рядом с номером, в котором взорвутся шесть маленьких бомбочек Роберта?

Это выступление Ганса прозвучало необычно для члена группы, начальник которой уже высказал свое мнение. Но озабоченность Ганса была естественной, и все это почувствовали. Наступило молчание, затем Роберт сказал:

— Бог с вами. Я дам вам письменную гарантию.

На этот раз адская машина Роберта приходила в рабочее состояние под действием тяжести.

Она состояла из шести небольших коробочек, содержащих взрывчатое вещество. Коробочки были вставлены в две рамы. Рамы друг с другом не соприкасались. Это достигалось с помощью четырех сильных пружин. В каждую из пружин посередине был вставлен металлический болт. Бомбу можно было подложить под сиденье в машине или под матрас. Пружины предупреждали соприкосновение четырех контактов верхней рамы с четырьмя контактами нижней. Однако давления, соответствующего весу человеческого тела, было достаточно, чтобы пружины сжимались

настолько, что рамы соприкасались. В этот момент и должен был произойти взрыв.

В этой конструкции еще не было ничего особенного, но Роберт предусмотрел, что давление тела лишь приведет бомбы в рабочее состояние. А взрыв произойдет только после того, как он пошлет соответствующий радиосигнал. Нет сигнала — нет и взрыва. С другой стороны, до тех пор, пока жертва своей тяжестью не сдавит пружины, никакой случайный сигнал не сможет преждевременно взорвать бомбы.

Предосторожности эти были необходимы для того, чтобы бомбы взорвались только после того, как группа удостоверится, что именно аль-Шир собственной персоной разлегся в кровати.

В понедельник, 24 января, около восьми часов утра человек под номером десять в списке Эфраима покинул отель. Его поджидала машина, в которой находились два человека. Один — резидент КГБ и второй, тоже похожий на русского. Впрочем, с уверенностью можно было сказать одно — человек этот не походил ни на араба, ни на киприота. За ними в нескольких машинах следовали шестеро наблюдателей Луи, которые должны были позвонить Карлу, когда выяснится, что русские собираются привезти аль-Шира обратно в отель. Аль-Шир провел весь день в здании, арендованном русскими в Никозии.

Сразу после полудня, когда в отеле закончилась уборка помещений, Роберт и Ганс вошли в номер с помощью опять же одного из осведомителей Луи. Они уложили конструкцию из шести маленьких бомб под матрас на металлическую сетку кровати. Кроме того, они выключили весь свет в номере, оставив только настольную лампу. Когда она погаснет, у них не будет сомнений в том, что аль-Шир лег спать.

Русские привезли аль-Шира в Олимпийский отель в начале одиннадцатого, проводив его до главного входа. Прощаясь, они вручили ему конверт.[2] Помощник Луи вошел вместе с аль-Широм в лифт, желая убедиться, что в свой номер он войдет один. Так оно и было. Примерно через двадцать минут свет в окне погас. В окне израильских новобрачных света не было целый вечер.

Авнер и Роберт сидели в машине. В другой машине были Ганс и Стив. Карла, как обычно, не было видно. После того как в номере аль-Шира погас свет, Авнер решил выждать две минуты на случай, если араб выключил свет раньше, чем лег в постель. Через две минуты Авнер дал команду. Роберт нажал кнопку дистанционного управления. Взрыва не было. Аль-Шир, видимо, еще раздевался. Сосчитав до десяти, Роберт вновь нажал кнопку, причем с такой силой, что коробка дистанционного управления чуть не развалилась у него в руках. Но никакие усилия не помогли бы Роберту, если бы аль-Шир не лег.

Взрыв был грандиозный. На улицу вырвался огромный язык

пламени и посыпались обломки стекла и кирпича. Было очевидно, что на этот раз Роберт сделал все, чтобы не произошло осечки, как в случае с Хамшари. Судьба, постигшая аль-Шира была ясна всем.

Когда они уезжали с места происшествия, все окна в отеле и во всех зданиях на улице были уже распахнуты. Греки, живущие на этом злосчастном острове, наверняка подумали, что их атакуют турки. И, наоборот, турки решили, что их атакуют греки.

БАЗИЛЬ АЛЬ-КУБАИСИ

17 марта 1973 года Карл и Авнер принимали в номере женевского отеля „дю Миди" гостя. Гость расположился в кресле напротив них, вытянув ноги на кровать. Имя гостя было — Эфраим. Его неожиданный визит явился следствием внутренних организационных осложнений — вполне в стиле работы разведывательных служб.

После убийства аль-Шира все пятеро съехались опять во Франкфурте. Кипр они покидали порознь, разными маршрутами. Авнер полетел через Нью-Йорк, чтобы удостовериться, что с жильем для Шошаны все в порядке. Карл, как всегда, уехал последним. Он вошел в отель сразу после взрыва, чтобы убедиться, что никто из посторонних не пострадал. Действительно, никто, кроме аль-Шира не был даже задет, в том числе и молодожены из Израиля, хотя в соседнем с ними номере человека, легшего на кровать, разорвало на куски.

Они уже три недели жили во Франкфурте, но никаких новых сведений о своих „подопечных" не получали. 25 февраля, однако, Луи сообщил Авнеру, что хотел бы с ним встретиться в аэропорту во Франкфурте, где он пробудет только час.

Луи дал ему точную информацию о четверых из списка Эфраима. (После убийства Звайтера и Хамшари Авнер не видел смысла в том, чтобы придерживаться версии о своей связи с организацией Баадер-Майнхоф, которая в свое время была преподнесена Тони. Поэтому еще перед уничтожением аль-Шира он сказал Луи, что его задача — сбор сведений о лидерах палестинского террористического движения. Имен он не называл. В его обязанности входило собирать информацию, а не выдавать ее. О своей связи с Мосадом он, естественно, не упоминал. Француз, как обычно, выслушал все молча и никаких вопросов не задал.)

Сейчас, в аэропорту, Луи сообщил, что один из лидеров террористов прибудет в Париж в первых числах марта. Что касается еще троих, то он мог сообщить их адрес в Бейруте.

Имя того, кто ожидался в Париже, шло под номером пять в списке Эфраима. Это был Базиль аль-Кубаиси — „легкий", как

они его обозначили. В Бейруте, напротив, находились трое „трудных" — палестинские лидеры, никогда не показывающиеся в Европе под своими настоящими именами: Камаль Насер (официальный пресс-секретарь ООП), Кемаль Адван (деятель „Аль-Фатаха", ответственный за террористические акции на оккупированных Израилем территориях) и Махмуд Юсуф Наджир, известный также как Абу Юсуф (официальный представитель палестинского движения). В списке они фигурировали под номерами шесть, семь и восемь.

Информация была важной. Но Авнер не мог знать, известен ли Мосаду адрес в Бейруте. Он понимал, что ему надлежит сообщить об этом Эфраиму и получить от него разрешение на поездку в Бейрут для ликвидации „трудных". Без особого разрешения они не были вправе действовать на территориях враждебных Израилю стран.

Карл решительно высказался против того, чтобы передавать Эфраиму полученную ими информацию о бейрутских лидерах. Авнер был этим удивлен.

Осторожный Карл, имевший немалый опыт общения с людьми из Мосада, понимал, что там найдется немало агентов, которые ухватятся за эту работу. Карл утверждал, что их группа независима. В их обязанности не входит поставлять информацию Тель-Авиву. Ведь они подписали бумаги, где было сказано, что никакого отношения к Мосаду не имеют. Кроме того, уверял Карл, Мосад никогда не разрешит им действовать в Бейруте, а использует их информацию для того, чтобы организовать типичную для него операцию и присвоить все заслуги себе. Так что их группе передача добытых ими сведений пользы не принесет. Да и надобности в этом нет. Деятельность группы развивается успешно. Если они ликвидируют лидеров терроризма в Европе, то те, что скрываются в Бейруте, будут вынуждены выступить открыто. Террор требует организации. Без Звайтера, Хамшари, аль-Шира и, возможно, еще двоих-троих рано или поздно, но и Адван, и Наджир, и Насер будут вынуждены приехать в Европу.

Авнер был потрясен. Он не вступил в спор с Карлом, но указал ему, что он предлагает действовать теми же методами, в которых подозревает Тель-Авив, то есть на первое место выдвигаются политические игры, захват первенства. „Но кому нужна слава? Кому так уж важно быть первым?" — спрашивал он. Они не чиновники, которые стараются взобраться повыше по ступенькам бюрократической лестницы. Они — прежде всего солдаты, участвующие в войне не на жизнь, а на смерть. Как они могут не передать Мосаду те сведения, которыми располагают?

Карл пожал плечами. Всегда лучше попридержать несколько козырей. Особенно, когда имеешь дело с множеством людей, стремящихся потеплее устроиться там, в Тель-Авиве, и отхватить лучший кусок пирога для себя.

Эти слова несколько смутили Авнера, может быть, потому что напомнили ему слова отца. Вероятно, в них содержалось зерно истины. Кроме того, не Авнеру же было наставлять Карла в вопросах патриотизма. И сможет ли он, не моргнув, утверждать, что равнодушен к славе?[1]

Но все-таки в то время полностью разделить мнение Карла Авнер не мог, хотя позднее оказалось, что Карл был прав. Во всяком случае — на девяносто пять процентов.

Авнер полетел в Женеву, оставил для Эфраима послание и через десять дней вернулся за ответом. Эфраим писал: „Ничего не предпринимайте. Держитесь! 17 марта буду в Женеве".

И вот теперь в отеле „Дю Миди" они в течение первых нескольких минут обменивались поздравлениями и любезностями, хотя Авнеру сразу показалось, что их руководитель особого восторга по поводу проделанной ими работы не выражает. Все это очень хорошо, сказал Эфраим, но времени уходит слишком много. А денег и того больше.

В Израиле, само собой разумеется, настроение приподнятое, потому что теперь террористы не могут, как прежде, свободно орудовать в мире, безнаказанно убивая пасажиров, детей и спортсменов. Им приходится быть начеку. Они знают, что в любой момент их может ждать возмездие. Это очень хорошо. Однако пока трудно определить, способствовала ли деятельность группы ослаблению терроризма в целом, как этого они все ожидали. Если судить по некоторым событиям последнего времени, то может создаться впечатление, что не только не способствовала, а даже наоборот, в какой-то степени даже активизировала ее.[2]

— Впрочем, — продолжал Эфраим, — сейчас не в этом дело. Мы все еще на все сто процентов поддерживаем эту операцию, но и у нас возникают сложности. Вы не отдаете себе отчета в том, что ваше существование — факт, интригующий всех. Не только врагов — пусть это для них навсегда останется тайной, но и народ в целом. Тех, кто знает о вас, можно по пальцам пересчитать. Так что на нас начинают оказывать изнутри нешуточное давление. Нам говорят: „И это называется гласностью? Террористов убивают почти во всех странах Европы, а мы ничего не знаем?" Говорят так и начальники отделов на своих собраниях по четвергам.[3] Мы, мол, поставлены в такое положение, что обо всем узнаем только из газет. Значит ли это, что нам больше не доверяют?

— Оставьте, Эфраим, — резко сказал Карл. — Я убежден, что вы можете со всем этим справиться.

— Да, мы справляемся. Вам беспокоиться нечего, — ответил Эфраим. — Но мы просто пытаемся заглянуть в будущее. Я уже упоминал о том, что на нас оказывают давление. О методах борьбы с терроризмом думаем не только мы. Могут появиться и новые идеи, которые будут заслуживать внимания. Мы же не можем

постоянно кричать: „Подождите! Воздержитесь!" Не можем мы и постоянно твердить: „В Европе у нас звезды, которым нужно дать время".

— И все же, — сказал Авнер, — к чему вы клоните?

— А вот к чему, — ответил Эфраим. — Та информация, которую вы нам передали о Бейруте, у нас уже есть. И давно. И планы у нас уже разработаны. Не только в Мосаде, но и в армии. Будет, очевидно, принято решение выступить совместно, в большом масштабе. Вам понятно? Так что этих троих мерзавцев можете из своего списка вычеркнуть. Для них вы нам более не нужны.

Авнер и Карл переглянулись и одновременно пожали плечами.

— Очень хорошо, — сказал Авнер. — Мы вам не нужны. И не надо.

Эфраим продолжал:

— Теперь расскажите мне все, что вы знаете. Не только адрес. Он нам уже известен. Изложите мне ваш план операции.

Авнер почувствовал глухое раздражение. Он опять взглянул на Карла, но тот только усмехнулся и махнул рукой, точно хотел сказать — это и есть то, о чем я тебя предупреждал. Так что теперь действуй по своему усмотрению. Он повернулся к Эфраиму.

— О каком плане вы говорите? По-вашему, мы должны выяснить все относящееся к передвижению этих троих, к их образу жизни и прочее, использовав все наши возможности. А выполнение работы будет поручено не нам?

— Работу эту сделаем мы. Понятно? — сказал Эфраим. — Вы, мальчики, не работаете больше у нас. Вы об этом не забыли?

— Прекрасно. Раз, по вашим же собственным словам, мы на вас не работаем, — ответил Авнер, — тогда и информацию собирайте сами.

Он удивился сам себе, когда произнес эти слова. Удивился, видимо, и Эфраим, но тут же спохватился и, рассмеявшись, сказал:

— Это что такое? Детский сад? Я ушам своим не верю. Независимо от того, на кого вы работаете, вы остаетесь офицерами запаса, гражданами Израиля. Я прошу вас дать мне кое-какие сведения. А вы... Вы что забыли, о чем вообще идет речь?

Подобные споры возбуждали в Авнере потребность в упрямом сопротивлении. Может быть, именно эта особенность его характера лежала в основе того упорства, с которым он в свое время успешно преодолел учебный маршрут с пятьюдесятью фунтами груза на спине, тогда как рядом с ним молодые, атлетического сложения люди падали в изнеможении.

— Мы не забыли, — сказал он. — Может быть, вы кое о чем забыли, толкуя здесь о том давлении, которое, мол, на вас оказывают, и о людях, которые выдвигают новые идеи? И все-таки, у

вас что — мало работы? И вы должны непременно расширить круг своих забот? Если вы считаете нашу информацию ценной, почему не дать нам возможность сделать и всю работу?

— Послушайте, может быть, вы переутомились? — улыбнулся Эфраим, делая попытку не усугублять разногласий. — Может, вам нужен отдых? Однако на ваш вопрос я отвечу. Почему вы не можете сделать эту работу? Да потому, что мы так решили. Вы хотите, чтобы в будущем все наши решения утверждались вами? Чтобы вы оценивали, что целесообразно, а что нет? — Помолчав секунду он продолжал: — Что касается этой конкретной информации... Неужели вы думаете, что осведомители дают ее из любви к вам? Вы получаете эти сведения, потому что платите за них огромные деньги. Может быть, напомнить вам, чьи это деньги?

Определенный смысл в этих словах был. Но сказанные так, в лоб, они вызвали в Авнере еще большее желание спорить.

— О, извините, я действительно забыл, — сказал он. — Это были ваши деньги. На счету в банке их еще очень много. Почему бы вам не воспользоваться ими? Увидите, как вам удастся получить эту информацию.

Тут вмешался Карл, и это сняло напряжение.

— Послушайте, Эфраим, вы не можете не понимать, что все это значит. В этих делах многое зависит от личных взаимоотношений. Наши осведомители не знают, кто мы такие. А может быть, и не хотят знать, чтобы не рисковать заработком. Или по другим причинам. Они нам не задают вопросов. Если мы вдруг скажем им — работайте на Мосад, отправляйтесь в Ливан и действуйте там совместно с парашютистами, скорее всего они этого делать не станут. Ни за какие деньги.

— Более того, — прибавил Авнер, — они могут задуматься всерьез над тем, кто мы такие. Я не хочу и не буду рисковать.

Он хотел к этому еще добавить: я и сам не стал бы рекомендовать им связываться с вами, потому что доверять вам нельзя, но вовремя спохватился и замолчал. Некоторое время молчал и Эфраим. Он встал, подошел к окну и поглядел на мрачные здания по другую сторону Роны. Затем вновь сел в кресло.

— Занимайтесь сейчас Женевой, — сказал он. — Через несколько дней я свяжусь с вами и мы поговорим еще.

Карл и Авнер не стали дожидаться возвращения Эфраима. Они улетели в Париж, где в это время Роберт, Ганс и Стив организовывали слежку за аль-Кубаиси. По вопросу о Бейруте они быстро пришли к соглашению. С какими бы предложениями ни явился к ним Эфраим, они не будут связывать Мосад с „Ле Груп".

Много позже Авнер понял, что в этом решении присутствовал элемент детского упрямства и мелочной обиды. Они обиделись, потому что их отодвинули в сторону.

Но все же главным в этом решении были опасения за собст-

венную судьбу и за безопасность людей, связанных с Луи в Бейруте. Авнер и его партнеры не могли гарантировать, что в операции, планируемой не ими, не произойдет ошибок, что в ее тайну не окажутся посвященными посторонние или двойные агенты. Риск был слишком велик и непредсказуем.

Эфраим приехал в Женеву 23 марта. Он привез с собой компромиссное решение. Группа отправляется в Бейрут и все самостоятельно организует, используя свои контакты и ресурсы. Никто не станет ни опекать их, ни навязывать им свои решения. Когда все будет подготовлено, в дело вступят специальные подразделения коммандос. Это будет операция, выполняемая совместно Мосадом и израильской армией. Масштабы ее выйдут далеко за пределы ликвидации троих лидеров террористов.

После того как Эфраим изложил все детали плана, и Авнер, и Карл согласились с тем, что подобная операция не по плечу группе из пяти человек, даже поддерживаемой французскими добровольцами. Слишком широко была она задумана.

О дате начала операции Эфраим обещал сообщить им, как только она будет утверждена. Но тянуть время тоже было нельзя, потому что никто не знал, как долго пробудут в Бейруте три лидера федаинов. Предполагалось, что все произойдет около середины апреля. В связи с этим возникло еще одно затруднение. Похоже, что как раз на эти числа приходилась операция по ликвидации аль-Кубаиси в Париже.

Авнер нашел решение.

— Когда мы будем точно знать дату начала операции в Бейруте, Стив и Карл отправятся туда, — сказал он, — а Роберт, Ганс и я займемся аль-Кубаиси в Париже. Закончив свое дело, мы присоединимся к остальным в Бейруте. Так что эти несколько недель в апреле обещают быть горячими, не так ли?

Он и представления не имел в этот момент, какими трудными окажутся эти недели.

1 апреля Эфраим сообщил, что операция назначена на 9-ое. Карл и Стив стали готовиться к встречам с членами „Ле Груп" в столице Ливана.

В этот же день Луи сообщил Авнеру новость. Человек, назначенный организацией „Черный сентябрь" новым связным с КГБ, прибудет в Афины в апреле, числа одиннадцатого. Место покойного аль-Шира теперь будет занимать палестинец Заид Мухасси, фигурирующий и под другим именем — Абу Заид. Они мало что о нем знали, но все же было известно, что он — один из организаторов террористов и до недавнего времени жил в Ливии. Карл вспомнил, что человек по имени Абу Заид стал жертвой письма-бомбы в октябре 1972 года в Триполи. Может быть, это он и есть. Ведь он мог оправиться от шока и вылечиться от ран. Но тот ли это Абу Заид, или нет, существенного значения не имело. Сушест-

венным было то, что он выполнял роль связного между федаинами и Советами. Это обнаружила „Ле Груп", державшая под наблюдением лиц из КГБ, поддерживавших контакты с аль-Широм.

Мухасси, само собой, в списке Эфраима не было. Карл считал, что вопрос решается однозначно.

— Его нет в списке, значит, мы им не занимаемся, — сказал он. — Кто он и что делает, — все это для нас имеет только чисто академический интерес. Да и вообще, что можно успеть между Кубаиси и Бейрутом? У нас и так дел полно.

Авнер думал иначе.

— Его нет в списке. Это так, — сказал он Карлу. — Поверь мне, я вовсе не из тех, кто высматривает, кого бы еще выловить, только ради того, чтобы обеспечить всех нас работой. Это было бы чистым безумием.

— И кроме того, вообще неправильно, — вставил Ганс.

— Я согласен, — сказал Авнер. — Но подумайте вот о чем: почему аль-Шир в списке был? Может быть, Эфраиму не нравился цвет его глаз? Он был внесен в этот список только по одной причине. Аль-Шир играл роль в пьесе, разыгрываемой Советским Союзом на главной своей сценической площадке, то есть на Кипре. Так ведь? Сейчас появился новый посредник — Мухасси. Как мы на это реагируем? Выходит — если аль-Шир организовывает диверсию в Хайфе, мы это пресекаем. Если это делает Мухасси — не тронь его пальцем. Так? Аль-Ширу мы этого делать не позволим, а Мухасси — пожалуйста! Этот наш список не более чем лист бумаги. Какие-то имена были внесены в него по вполне определенным причинам. Чем же мы будем руководствоваться — бумагой или здравым смыслом? Сами подумайте.

Авнер был прав. Его рассуждения находились в полном согласии с израильской традицией. Везде — в кибуце, в армии, в Мосаде — действовал один и тот же ведущий принцип — каждый должен думать самостоятельно. Не следовать слепо правилам. Не бояться проявить инициативу. Думать! Это не давало права не подчиняться приказам или небрежно относиться к своим обязанностям. Это означало лишь одно. Предписываемые правила — это еще не все. Они продиктованы определенными соображениями. Вдумайтесь — что это были за соображения? Если вы обнаружите противоречие между буквой закона и его смыслом, действуйте в соответствии со смыслом! Вы — мыслящий человек, а не машина.

В жизни, однако, все это было не так просто.

— Перед тем как ты примешь решение, — сказал Карл Авнеру, — подумай еще вот о чем — если с делом Мухасси ты справишься, — ты герой. Если ты вовсе не будешь им заниматься — ты все еще герой. А вот если тебя постигнет неудача — ты просто неуч.

— Два к одному в пользу того, что героем можно быть и ничего не делая, — прибавил Ганс.

Это замечание сильно подействовало на Стива. Он тут же поддержал Авнера.

— То, что вы оба говорите, — обратился он к Гансу и Карлу, — кажется мне отвратительным. Это случается со всеми, кому исполняется сорок? Вы думаете только о том, как бы себя обезопасить.

На Карла и Ганса этот аргумент оказал действие. Они сняли свои возражения. На самом деле им этого как раз и хотелось. Карл пытался внести еще одно предложение: они должны поставить в известность Эфраима, так как основным элементом нарушения дисциплины оставался тот факт, что Мухасси не было в предложенном им списке. Но и от этого пришлось отказаться за недостатком времени. Две поездки в Женеву к заветному сейфу, где они оставляли друг другу почту, заняли бы пять-шесть дней.

— Мы сделаем так, — решил Авнер. — Карл и Стив завтра же отправляются в Бейрут. Ганс, Роберт и я постараемся покончить с аль-Кубаиси до шестого числа. Я сразу же после этого присоединяюсь к Карлу и Стиву, а Роберт и Ганс летят в Афины, чтобы выследить Мухасси. Им потребуется на это, я думаю, не больше одного дня. После этого они присоединятся к нам в Бейруте. Девятого, после операции в Бейруте мы отправляемся в Афины. Те из нас, кто нужен будет для выполнения задания.

Много позднее, оглядываясь назад и вспоминая все, что происходило в апреле 1973 года, Авнер не мог не признаться, что существовали и некоторые мотивы второстепенного значения, которые заставили его провести три крупные операции в трех разных городах на протяжении всего нескольких дней.

Реакция Эфраима в Женеве на их деятельность обескуражила его. Эфраим не сказал напрямую: „Почему вы работаете, друзья, так медленно?" Он не сказал и чего-нибудь вроде: „не думаете ли вы, что отправились на увеселительную прогулку?" Но Эфраим тем не менее не выразил никакого восторга, даже энтузиазма не выказал. Они, разумеется, и не ожидали, что их руководитель станет превозносить их героизм, только потому что они выполнили опасное задание. Половина людей в стране выполняют опасные задания. В конце концов, опасно было даже просто быть израильским гражданином. И все же поведение Эфраима испугало Авнера. Он подумал, что оно могло свидетельствовать о перемене настроений в Тель-Авиве. Кто-то там, в бюрократических кругах — Мосада ли, кабинета ли министров, — кто знает, где именно? — стал задавать вопросы. Почему мы это делаем? Зачем мы послали пять человек на шесть месяцев в путешествие вокруг света и истратили на это кучу денег? Для того, чтобы убрать трех террористов? Но ведь это попросту глупо.

А раз так, никогда „екке" Авнеру не стать героем. Наоборот.

Его имя будут всегда ассоциировать с неудавшейся миссией, которую пришлось отменить, потому что она оказалась бессмысленной. Люди смогут говорить о нем и так: „Вы имеете в виду этого парня, который устроил охоту на диких гусей, а ее пришлось прекратить, потому что стало ясно, что отряд коммандос то же самое проделает в Бейруте часов за пять. А стоить это будет вдвое дешевле. И без особой суеты".

Может быть, Эфраим именно это хотел дать ему понять в Женеве. „Наддай! Шевелись живее! Если не можешь, мы вынуждены будем отказаться от этого предприятия".

Карл догадывался о том, что происходит в душе Авнера. После того, как они приняли решение взяться за все три операции, он, когда они остались вдвоем, сказал:

— Вероятно ты прав, и мы это сделаем, но запомни — никогда не поддавайся давлению. В случае неудачи, никто никогда не признается, что оказывал на тебя давление. Скажут примерно так: „Да что вы? Мы и слова ему не сказали".

На этот раз группой, которую назначил Луи для наблюдения, руководила молодая женщина, ровесница Авнера. В первый раз он видел женщину в такой роли. Обычно женщины выполняли более простые обязанности — наблюдателей, экономок или соблазнительниц. Ему было известно, что женщины очень много делали на всех этапах сбора разведывательных данных. Не только в Израиле, но и среди террористов. Некоторые из них были широко известны. Например, Лейла Халед, Рима Аисса Тэннос и Тереза Халеш.[4] Но до настоящего времени Авнеру не приходилось работать с женщинами, занимающими более высокое положение.

Кэти великолепно справлялась со своими обязанностями. Стройная, с темными глазами и короткими темными волосами, она могла бы быть и внешне привлекательной, если бы не прикладывала столько усилий, чтобы выглядеть безвкусно и дурно одетой. Она явно получила хорошее образование, прекрасно владела французским и английским языками. Такое образование было обычным для женщин среднего класса в Квебеке. Авнер догадывался, что она была родом оттуда. По-видимому, Кэти, как и большинство ее сверстников по франко-канадскому университету, в шестидесятых годах примыкала к ФОКу — Фронту Освобождения Квебека. Может быть, сначала она была просто сочувствующей. Но постепенно, как Тони и Луи, отошла от политических дискуссий и дебатов.

Авнера занимал вопрос, были ли у Кэти какие-нибудь политические симпатии, или она действительно с этим покончила?

Почему Кэти занималась таким делом? Относительно мужчин у Авнера подобный вопрос бы не возник. Мужчины должны были

зарабатывать на жизнь и вообще что-то делать. Это подчас и приводило к тому, что на свете появлялись самые странные профессии. Ведь и сам он стал агентом в общем по случайному стечению обстоятельств. Но женщина на подобной работе — это могло означать одно: сознательный выбор. Почему? У Авнера не было возможности разгадать эту загадку.

Кэти работала быстро, была надежным и вежливым помощником, часто смеялась, была на дружеской ноге с людьми из подполья. У нее была странная манера отвешивать поклон при рукопожатии, короткий и неловкий. Этим она напоминала какого-нибудь прусского офицера старой школы. Кэти разделяла смутную неприязнь, которую „папа" испытывал к англичанам. Это выражалось в коротких репликах и случайных замечаниях. Трудно было не заметить насмешливого выражения ее лица, когда речь заходила о Джоффри Джексоне, британском после в Уругвае, которого местная террористическая группа „Тупаранос" держала заложником в течение восьми месяцев в так называемой народной тюрьме.

Похоже было на то, что Кэти испытывала некоторую симпатию ко всем патриотам вообще, то есть к людям, которые вели освободительную борьбу. Даже если они были по разные стороны баррикад, как, например, палестинцы и израильтяне. Ко всем прочим представителям человечества она ничего, кроме презрения не испытывала и называла их обычно ослами. Больше Авнеру ничего о ней узнать не удалось.

— За ним следить не трудно, — говорила Кэти Авнеру об аль-Кубаиси. — Он всегда около десяти часов проходит по рю Ройяль. В это время „ослов" там бывает очень немного.

Доктор Базиль аль-Кубаиси и в самом деле отличался постоянством в своих привычках. Профессор юриспруденции из Ирака, в свое время прочитавший курс лекций в Американском университете в Бейруте и, по данным Мосада, ставший с весны 1973 года энергичным организатором снабжения оружием Народного Фронта,[5] он сам очень облегчил работу „Ле Груп". Прилетев впервые в Париж 9 марта, он затеял разговор с хорошенькой служащей аэропорта.

— Вы понимаете, я не принадлежу к числу богатых арабов, — сказал аль-Кубаиси девушке. — Я — обыкновенный турист, и мне нужен недорогой отель.

А девушка, между прочим, к своему скромному ежемесячному доходу прибавляла еще кое-какие суммы, получаемые от „папа". Она рекомендовала аль-Кубаиси несколько недорогих отелей в центре Парижа (не имея представления о том, кто он такой) и, как обычно, сообщила о происшествии связному „Ле Груп". Простая проверка этих отелей позволила установить местопребывание аль-Кубаиси. Бригада Кэти могла начать за ним следить.

Отель, в котором поселился аль-Кубаиси, находился на рю де л'Аркад, узкой улице восемнадцатого арандисмана. Рю де л'Аркад связывает бульвар Малешерб с бульваром Османн и находится менее чем в одной минуте ходьбы от начала рю Ройяль, где стоит одна из самых замечательных церквей Парижа — Мадлен. В этом месте сходятся несколько улиц, образуя букву „Y": рю Ройяль (нижний отросток буквы) ведет к площади Конкорд, бульвар Малешерб (левое ответвление буквы) — к церкви св.Августина, не уступающей по красоте церкви Мадлен, и правое ответвление — бульвар Мадлен — доходит до здания Парижской оперы.

Аль-Кубаиси все свое время проводил либо в бистро, либо в уличных кафе на Левом или Правом берегах. Со своими осведомителями он встречался обычно утром на бульваре Сент-Жермен или прилегающих к нему улицах. По вечерам его излюбленным местом встреч была рю дю Фобур на Монмартре или Елисейские Поля. После вечерних свиданий на Монмартре он возвращался домой по Итальянскому бульвару и бульвару Капуцинов, мимо Оперы. (Этот маршрут почти точно проходил мимо парадных дверей дома, в котором в то время жили Роберт, Авнер и Ганс.) Если последнее из его свиданий было назначено на Елисейских Полях, он шел к своему отелю либо по авеню де Мариньи мимо Елисейского дворца и направо по рю дю Фобур Сент-Оноре или по авеню Габриэль. При этом его путь проходил мимо американского посольства и элегантного отеля „Криллон" к площади Конкорд.

Так или иначе, но в конечном счете он попадал на рю Ройяль недалеко от знаменитого на весь мир ресторана „Максим". Оттуда, миновав величественную церковь Мадлен, он через пять минут попадал в свой отель.

Вечером, 6 апреля доктор Базиль аль-Кубаиси выбрал второй маршрут.

Как человек осторожный, а может быть, и почуявший опасность, аль-Кубаиси время от времени оглядывался по сторонам, точно подозревая, что за ним следят. Вряд ли, однако, он обратил внимание в потоке парижского транспорта на две машины, которые все время курсировали мимо него туда и обратно, пока он шел по Елисейским Полям. На авеню Габриэль наблюдатели из группы Кэти закончили свою работу. Дальнейший маршрут аль-Кубаиси был им уже знаком.

Авнер, Роберт и Ганс дожидались телефонного звонка в своей квартире — неподалеку от бульвара Капуцинов, как раз у начала правого ответвления улиц, образующих букву „Y". Они ждали момента, когда аль-Кубаиси начнет приближаться к рю Ройяль. По плану они собирались встретить его у церкви Мадлен, в месте, где сходились все улицы и следовать за ним пешком по бульвару Малешерб к отелю.

Телефонный звонок раздался в самом начале одиннадцатого.

В этот момент аль-Кубаиси под непосредственным наблюдением не находился. Он шел по тихой авеню Габриэль и единственно, кто мог его видеть, это парижские полицейские, охраняющие американское посольство. Именно поэтому, вероятно, он и выбирал этот путь. Кто мог осмелиться напасть на него на виду у хорошо вооруженных полицейских? Да и после этого места он чувствовал себя уверенно в густой толпе прохожих. И только здесь, на коротком участке своего пути вниз по рю Ройяль до отеля, он шел в одиночестве.

Первая из машин Кэти, объехав обелиск на площади Конкорд, обнаружила, что аль-Кубаиси уже шагает вверх по рю Ройяль. Эта машина не остановилась и даже не замедлила ход. Доехав до начала широкой и элегантной торговой улицы, она свернула направо на бульвар Мадлен, один только раз сверкнув фарами, чтобы подать сигнал Авнеру и его партнерам, которые быстрым шагом двигались в противоположном направлении.

Вторая машина, в которой рядом с водителем сидела сама Кэти, следовала за аль-Кубаиси и догнала его в тот момент, когда он вплотную приблизился к началу рю Ройяль. Эта машина направо не свернула. Она объехала церковь Мадлен и остановилась с невыключенным мотором и погашенными фарами поодаль, у бокой ее стены, на углу небольшой улицы Шово-Лагард перед зданием с вывеской „Гаражи и стоянки машин в Париже".

Авнер и Ганс пересекали рю Ройяль у ее начала, от правого отростка буквы „Y" до левого, как раз в тот момент, когда аль-Кубаиси проходил через бульвар Малешерб, примерно в ста метрах от них.

Роберт следовал за Авнером на расстоянии в пятьдесят-шестьдесят шагов. Аль-Кубаиси шел быстро, и догнать его можно было лишь пробежав один-два квартала. Если же он успеет пройти эти один-два квартала, то преследовать его дальше будет нельзя — между третьим и четвертым кварталами отсюда находился его отель.

В это время на широком бульваре Малешерб почти не было ни прохожих, ни машин. По взгляду, который аль-Кубаиси кинул через плечо, когда перешел дорогу, стало казаться, что он по настоящему боится. Если он бросится бежать, они могут и не догнать его. Еще один короткий квартал до рю де л'Аркад — и он повернет направо; затем еще более короткий кусок пути к Пассажу Мадлен, а оттуда ему останется всего полтора квартала до отеля. Так что, если аль-Кубаиси перейдет дорогу у светофора около улицы Шово-Лагард, он, по всей вероятности, от них ускользнет. Авнер и Ганс пробовали сначала ускорить шаг. Но сделать это, не выдавая своих намерений, было трудно. Если аль-Кубаиси не побежит до того момента, как расстояние между ними сократится

вдвое, он пропал. Но в этот момент руководитель Народного Фронта уже понял, что его преследуют. Он ускорил шаг и начал оглядываться на Авнера и Ганса. Вся надежда Авнера была на то, что аль-Кубаиси окажется человеком мужественным и с крепкими нервами.

К несчастью для себя, аль-Кубаиси именно таким и был. Он не бросился бежать, пока не повернул на рю де л'Аркад. Все еще спокойно, он прошел мимо цветочного магазина, элегантного ларька с сигарами „Лотос" и небольшого отеля Пейфера на углу Пассаж Мадлен, и только тут, оглянувшись еще раз, он все же ускорил шаг, а Авнер и Ганс, уже не заботясь о том, как это выглядит, почти бежали за ним, сократив расстояние между собой и преследуемым примерно до тридцати метров. Роберт шел несколько медленнее по другой стороне узкой улицы. Так что Авнер и Ганс могли сосредоточиться только на аль-Кубаиси, понимая, что Роберт прикрывает их.

И все-таки они упустили бы его, если бы он не остановился на красный свет на углу рю Шово-Лагард. Это было странным для человека, который спасается от преследователей. К тому же и движения не было. Однако аль-Кубаиси стоял, не двигаясь, у большой аптеки „Фармаси де ла Мадлен" и смотрел на красный сигнал светофора. Авнер и Ганс обошли его с двух сторон и ступили на мостовую. Они хотели быть уверенными на сто процентов в том, что человек, которого они преследовали, был именно тем, кто им нужен. Кроме того, им обоим претило стрелять в спину.[6]

Авнер посмотрел наверх, желая убедиться, что из окон никто за ними не наблюдает, и с удовлетворением отметил, что над ними находились какие-то навесы, загораживающие верхние окна. Оставались, правда, еще окна в домах на противоположной стороне улицы, но все же шансы не быть узнанными удвоились.

Как всегда, риск нулевым не был. Не могло существовать нулевого риска, если вы собираетесь застрелить человека на улице.

— Пора, — сказал на иврите Ганс.

Секунду спустя оба повернулись лицом к аль-Кубаиси. Правая рука откидывает назад полу куртки, левая изгибается дугой, готовая оттянуть назад затвор „беретты". Аль-Кубаиси смотрел на них расширенными от ужаса глазами и твердил: „Ла! Ла! Ла!", повторив затем арабское слово по-английски: „Нет! Нет! Нет!"

Когда Авнер и Ганс его обходили, он, видимо, уже шагнул на проезжую часть улицы. Теперь, пятясь назад, он неожиданно для себя уперся каблуками о край тротуара и, потеряв равновесие, стал падать на спину, размахивая руками. У Авнера тут же мелькнула мысль, что, промахнувшись, они разобьют стекло в витрине аптеки. Поэтому он быстро скорректировал угол наклона пистолета и угол падения аль-Кубаиси. Первые две обоймы он

выпустил еще до того, как террорист упал. Затем опять дважды нажал курок. И еще раз дважды. Он почти не сознавал, что Ганс стреляет в одном с ним ритме, но краем глаза заметил, что Роберт стоит у машины на другой стороне улицы и ждет их.

Аль-Кубаиси упал так, что тело его оказалось лежащим на тротуаре, а ноги свисали на проезжую часть. Голова почти касалась столба, на котором был укреплен светофор. Он не издал ни одного звука, только плечи его судорожно вздрагивали. Вдруг, точно собираясь встать, он подтянул колени к груди и перевернулся на бок. Авнер хотел выстрелить еще раз, но тут аль-Кубаиси издал несколько коротких, прерывистых, резких звуков как будто собирался откашляться. Через секунду его тело обмякло. Человек, которого на следующий день парижская пресса называла странствующим представителем доктора Жоржа Хабаша, был мертв.[7]

Первое, что бросилось в глаза Авнеру, был огонек сигареты в темноте парадной в доме напротив. Там кто-то стоял — то ли один, то ли двое мужчин и девушка. Свидетели!

Не произнеся ни слова, Авнер двинулся по улице Шово-Лагард по направлению к площади Мадлен. Роберт тоже завернул за угол. Авнер знал, что он пойдет теперь по направлению к Мадлен тем же путем, каким пришел сюда, но не мимо трупа аль-Кубаиси. Ганс шел следом за ним. Оставалось только надеяться, что свидетели догонять их не будут.[8] Кэти на своей машине всех троих подобрала на площади Мадлен перед входом в элегантный ресторан „Каспийская икра" и отвезла домой. Оттуда, собрав вещи, они поехали в аэропорт. На следующий день Ганс и Роберт были в Афинах, а Авнер в Бейруте.

События развивались с такой быстротой, что думать было некогда. Позднее, осмысливая все происшедшее, Авнер рассудил, что в этом промежутке времени между 1-ым и 15 апреля 1973 года, будь у него возможность все как следует обдумать, он многого бы не стал делать. Или во всяком случае сделал бы по-другому. Он был бы более осторожным. Прежде всего он не пошел бы на организацию акции в центре Парижа посреди улицы силами троих человек, имеющих в своем распоряжении всего лишь несколько машин, запаркованных в одном квартале от места происшествия. И он, разумеется, никому бы не разрешил покинуть Париж в ту же ночь. Явиться тотчас после убийства в аэропорт, наводненный полицейскими, было беспредельной наглостью.

С другой стороны — как знать? — их могли задержать и после того как все меры предосторожности были приняты. Возможно, секрет успеха в том и состоял, чтобы делать свое дело, не слишком раздумывая. Если тебе при этом сопутствует успех, все выглядит замечательно и вполне профессионально.

БЕЙРУТ И АФИНЫ

Рейд на Бейрут считается блестящей операцией, проведенной на высоком профессиональном уровне. Так во всяком случае ее расценивали впоследствии. В воскресенье, 8 апреля 1973 года такого единодушия на этот счет не существовало.

Карл и Стив приехали в Бейрут за два дня до Авнера. Карл жил в отеле „Атланта", имея паспорт на имя англичанина Эндрю Мэси. К счастью, Авнеру удалось это имя запомнить, иначе ему пришлось бы сидеть в холле „Сэндс-отеля" полдня, дожидаясь Стива. Имя, которое теперь носил Стив, полностью вылетело у него из головы. Несмотря на то что Ганс старался изо всех сил и даже зарифмовал его: Джильберт Римберт, бельгиец. Его африкаанский акцент мог сойти за фламандский, во всяком случае в Ливане.

Свое собственное имя Авнер запомнил без труда — Гельмут Дейстрих, немецкий бизнесмен. Он не заезжал в отель, а прямо направился на квартиру, приготовленную Луи.

Роберт и Ганс прибыли из Афин через Рим днем позднее. Роберт тоже выдавал себя за бельгийца — Шарля Буссара. Ганс предпочитал немецкое имя — Дитер фон Альтнодер. Оба они присоединились к Стиву в „Сэндс-отеле".[1]

В 1973 году Бейрут еще не был тем разоренным, сожженным, раздираемым на части городом, каким он стал два года спустя, когда началась ливанская гражданская война между мусульманами и христианами. В апреле 1973 года в Бейруте были многоэтажные жилые дома, казино и ночные клубы, элегантные магазины и красивые, хорошо одетые женщины. Бейрут в то время был единственным средиземноморским городом, который нравился Авнеру. Он с удовольствием вспоминал великолепные пляжи или „Аден-Рок Клаб" в западном Бейруте, куда можно было легко попасть, имея при себе американскую кредитную банковскую карточку „американ экспресс". Скромные развлечения Авнер мог себе позволить. Он не пил и не играл. Ему нравилось сидеть на пляже в жезлонге под солнечными лучами, наблюдать за девушками и прихлебывать из высокого бокала кока-колу со льдом.

Вместо всего этого Авнер и его партнеры использовали свои кредитные карточки для того, чтобы взять напрокат три белых „бьюика", „стэйшн вэгон плимут", „вальянт" и „рено-16". Посадив за руль местных сотрудников „Ле Груп", они обследовали в воскресенье и частично в понедельник шесть интересовавших их районов города. Два — в самом Бейруте, три — на окраинах и один в пятидесяти километрах к югу от Бейрута, недалеко от прибрежного городка под названием Сидон. Здесь, а также в трех районах в непосредственной близости от Бейрута находились лагеря партизан и базы снабжения со складами оружия, гаражами, помещениями для лодок. Здесь же хранилась их документация и отчеты. В одном из двух районов в самом Бейруте находился штаб ООП. Во втором — в четырехэтажном доме жили Камаль Насер, Махмуд Юсуф Наджер и Кемаль Адван.

Кое-что по планированию, подготовке и слежке было уже проделано местными агентами Мосада. Предполагалось, что они останутся в Бейруте и после операции. На долю Авнера и его партнеров пришлась та часть работы, которую агенты Мосада по соображениям безопасности выполнить не могли, то есть им надлежало обеспечить необходимое количество машин, которые после рейда будут брошены, и отработать маршруты для всех, кто будет участвовать в операции.

Предполагалось также использовать и некоторых членов „Ле Груп", хотя Луи согласился на это с большим трудом. Это было с его стороны уступкой, очень, правда, хорошо оплаченной. Авнер заверил его, что сотрудники „Ле Груп" не будут иметь непосредственных контактов ни с Мосадом, ни с отрядом коммандос. Единственное, что от них требовалось, — это в определенных частях города увеличить поток движения, следуя в частных машинах за машинами израильтян, а это практически ничем не угрожало „Ле Груп".[2]

После полуночи восемь машин были запаркованы у пляжа в Рамлет-эль-Бейда. Это было пустынное место, но несколько машин американских марок не могло вызвать никаких подозрений. Жители Бейрута, как и везде на Ближнем Востоке, ложились спать рано. Но все они привыкли к тому, что туристы гуляют допоздна.

Ночь была безлунной, и море казалось совсем черным. В час ночи Стив заметил светящуюся в темноте точку. Это был сигнал, и Стив несколько раз включил и выключил фары своей машины. Световой сигнал пропал. Через несколько минут из черной тьмы волн показалась группа подводников. Они бесшумно вышли на берег. Оружие и гражданскую одежду они несли с собой в водонепроницаемых мешках.

Сорок человек из отряда коммандос втиснулись в восемь машин. Стив впоследствии говорил, что именно это было технически самым трудным делом. Затем, разделившись на две группы,

они направились к центру Бейрута. Карл и Роберт сопровождали группу, которая направлялась к штабу ООП. Авнер, Стив и Ганс провожали свою группу к жилому комплексу, где находились лидеры террористов. Наступление на остальные четыре района велось из других исходных пунктов.

Трое вооруженных, но ничего не подозревающих палестинских часовых у здания на улице Эль-Хартум были убиты мгновенно, как только машины остановились. Израильтяне пустили в ход ножи и пистолеты, чтобы не разбудить обитателей соседних домов. Коммандос устремились вверх по лестницам. Авнер, Ганс и Стив остались у машин. На этой стадии операции они могли только помешать.

Камаль Насер, палестинец-христианин сорока четырех лет жил в квартире на четвертом этаже один — он был холост. Интеллектуал, он получил степень доктора политических наук в Бейрутском университете. В 1969 году Насер стал главой отдела общественных отношений „Аль-Фатаха", годом позднее — официальным пресс-секретарем ООП. Насер сохранил свое положение, несмотря на разногласия с Арафатом, который считал его позицию слишком агрессивной. Когда коммандос ворвались в его квартиру, он сидел за обеденным столом около пишущей машинки. В ту же секунду фосфоресцирующие пули изрешетили его тело и подожгли кушетку за его спиной.

Кемаль Адван, живущий на втором этаже, тоже сидел за письменным столом в момент, когда в его квартиру ворвались коммандос. Адван был хорошим организатором и способствовал открытию отделения „Аль-Фатаха" в Кувейте. Инженер по образованию, в 1973 году он руководил всеми диверсиями на оккупированных Израилем территориях. Возможно, что именно успешность этих диверсий стимулировала решение Израиля об организации рейда на Бейрут. У Адвана была жена и двое маленьких детей. В отличие от Насера он был вооружен. Рядом с ним лежал автомат Калашникова, из которого ему удалось даже выстрелить, прежде чем он был убит.

Махмуд Юсуф Наджир, известный под именем Абу Юсуф, представлял в „Аль-Фатахе" „Черный сентябрь". В качестве главы военно-политического отдела ООП он в то время был третьим человеком в палестинской организации.[3] В верхах этой организации шла непрерывная борьба за власть.

Абу Юсуф жил на четвертом этаже с женой и пятнадцатилетним сыном. Впоследствии коммандос уверяли Авнера, что мальчик ранен не был. Правда, по некоторым другим данным, он был убит. О жене и говорить нечего. Она пыталась заслонить мужа своим телом и погибла, так же как и он, под градом пуль.

Какая-то женщина из соседней квартиры имела неосторожность приоткрыть дверь на лестницу — и немедленно за это поплатилась

жизнью. Она была лишь случайным свидетелем налета отряда коммандос на палестинских главарей. Никаких оснований предполагать, что она имела к ним хоть какое-нибудь отношение, не было.

В штабе ООП и четырех других пунктах вспыхнули короткие бои между палестинцами и израильтянами. Несмотря на численное превосходство, палестинцы не могли противостоять отрядам коммандос. Они были застигнуты врасплох. Кроме того, израильтяне были гораздо лучше обучены. Оба эти фактора всегда оказываются решающими в короткой внезапной схватке и теряют свое значение только в процессе затянувшейся войны. Во всех четырех пунктах столкновения закончились полной победой израильтян. Более сотни палестинцев погибли в течение двух часов.[4] Потери израильтян были равны одному убитому и двум-трем раненым. Их подобрал прибывший вскоре геликоптер.

Ливанские власти были прекрасно осведомлены о том, что в городе идут бои. Как только началась операция, израильтяне позвонили из уличных телефонов-автоматов в разных частях города и сообщили, что в нескольких районах Бейрута началась перестрелка между враждующими группировками палестинцев. Полиция Бейрута, естественно, и не пыталась вмешаться в это дело. На это израильтяне и рассчитывали.[5]

Все было кончено к половине четвертого ночи. Взятые напрокат машины были аккуратно поставлены на прежнее место на берегу. По свидетельству Стива, ни одна из них не пострадала. Разве что где-нибудь можно было обнаружить вмятину.

И отряды коммандос, и Авнер со своей группой покинули Бейрут морем. Но ни Авнер и его партнеры, ни двое помощников из группы Луи не высадились на израильском берегу. Их доставили лодкой на рыбачью шхуну, стоявшую на якоре в 400-500 метрах от берега. Шхуна была зафрахтована „Ле Груп" и на рассвете прибыла на Кипр.

На Кипре было неспокойно. По случайному совпадению федаины на это же число (9 апреля) запланировали свой рейд — нападение на резиденцию израильского посла и одновременно на самолет авиакомпании „Эль-Ал" в Никозии. Рейд оказался неудачным. Трое палестинцев ранили полицейского-киприота в доме посла. В аэропорту израильский охранник застрелил одного из нападавших и ранил двух других. Убитый принадлежал к Национальной Арабской организации молодежи, так называемой „Группе раскольников", руководимой Абу Нидалом. Террористы пытались захватить лайнер „Эль-Ала", выехав на двух машинах („ленд-ровер" и японской „компакт") на летную полосу. Никто — ни пассажиры, ни самолет — не пострадали. Как шутя заметил Карл, не по их вине.

Что касается израильского посла Рахамима Тимора, то он со всей своей семьей покинул посольство за несколько минут до атаки федаинов. Ранив полицейского-киприота, федаины заложили в нижнем (цокольном) этаже здания взрывчатку. Взрыв был такой силы, что все стекла в окнах домов по улице Флорини в центре Никозии на расстоянии пятисот метров от дома посла были выбиты.[6] Если бы Тимор и его семья находились в доме, на первом этаже, на что палестинцы и рассчитывали, они бы наверняка погибли.

Все эти события только укрепили решимость Авнера поторопиться с планом по ликвидации Заида Мухасси в Афинах, независимо от того, есть он в списке или нет.

Однако, эта их операция чуть было не закончилась катастрофой.

В ретроспективе Авнеру представилось, что основной его ошибкой было то, что опять, как тогда в Париже, он разделил свою группу. В Париже, правда, они прекрасно втроем справились с аль-Кубаиси. И Авнеру казалось, что он, Роберт и Ганс так же сумеют справиться и с Мухасси в Афинах. Стив попытается за это время разузнать что-нибудь новое, может быть, даже об Али Хасане Саламэ, который значился в списке Эфраима под номером один.

Карл тем временем должен был заняться запасными квартирами и банковскими счетами. Это обеспечило бы всем им возможность в короткий срок перебазироваться в любую европейскую страну, если, скажем, кто-либо из тех, за кем они охотились, к этому времени там окажется. Теперь они взяли такой темп, что — как знать, может быть, и в самом деле им удастся добраться до всех террористов в их списке?

Следовало признать, что осведомители из „Ле Груп" действовали безукоризненно. Везде — в Риме, Никозии, Бейруте и дважды в Париже. Информация, которую поставлял Луи, всегда была точной. Он ошибся только один раз. Никто из обычных осведомителей Мосада не мог похвастаться таким впечатляющим перечнем переданных сведений. Наблюдатели Луи действовали профессионально, квартиры, которые они находили, были надежны, однако документам, предложенным Луи, Ганс предпочитал свои. Что касается доставки оружия и взрывчатки, а также изъятия пистолетов, которыми они пользовались во время акций, то здесь все было сделано так, что комар носа не подточит. Они уже дважды обращались к Луи с подобными просьбами.

Различные террористические группы в течение последних трехчетырех лет успешно действовали в Европе именно потому, что пользовались услугами такой превосходной организации. Можно было только удивляться, что они не достигли большего.

В Афинах команде Авнера пришлось рассчитывать на поддерж-

ку Луи чуть больше, чем обычно. Роберт не успел на этот раз побывать в Бельгии и им пришлось прибегнуть к помощи человека, рекомендованного Луи. Роберт считал, что элемент риска в этом был. Террористы пугающе часто гибли во время своих же взрывов, но не редко им все же и удавались их акции. Так или иначе, но делать все равно было нечего, и Авнер решил рискнуть.

Луи информировал Авнера, что рекомендованный им человек в Афинах несколько раз снабжал взрывчаткой террористов из банды Баадер-Майнхоф.

В Афины группа прибыла в среду, 11 апреля и, как это уже ими практиковалось, воспользовалась квартирами и услугами наблюдателей Луи.

Свою первую ночь они провели в доме, уже занятом арабскими террористами, которые приняли Авнера и его товарищей за террористов из немецкой подпольной группы „Красная армия". Арабы, не смущаясь их присутствием, свободно обсуждали свои дела. Причин для такой свободы было две. Во-первых, они предполагали, что рядом с ними их идеологические единомышленники. И во-вторых, не подозревали, что эти „немецкие террористы" понимают арабскую речь. Арабы обсуждали рейд Израиля на Бейрут, казались встревоженными и собирались на время укрыться в Каире или Багдаде. Сомнений в необходимости контртеррора у Авнера, как известно, не было. Но то, что он здесь услышал, укрепило его уверенность в том, что они — он и его группа — борются за правое дело. Террористы бегут. И этому в немалой мере способствовал он и его партнеры.

На следующий день они переехали в другую квартиру, которую обслуживала девушка гречанка, знавшая по-английски всего несколько слов. Девушка оказалась хорошей кулинаркой и приготовила Авнеру и Гансу прекрасный обед. Роберт в это время был у своего коллеги — местного специалиста по взрывчатым веществам. Они еще не покончили с обедом, как позвонил человек Луи, дежуривший у отеля „Аристид" на улице Сократа.

Было примерно начало седьмого. Заид Мухасси только что покинул отель: его увез черный „мерседес", принадлежащий резиденту КГБ.[7] В это время появился еще один из служащих Луи и привез им „беретты", которые они просили. Авнер и Ганс быстро выбрали два револьвера для себя и один для Роберта. Затем они сели в зеленый „шевроле" своей хозяйки, и она повезла их на свидание с Робертом. Ехать пришлось долго. От улицы Имитон, где они жили, до угла Триус Сентембриу и Омониа им пришлось пересечь чуть ли не весь город. Посадив Роберта с его сумкой в машину, они поехали на вторую квартиру, расположенную неподалеку от кладбища. У Ганса это соседство вызывало шуточки типа: „Хорошо, по крайней мере, далеко идти не придется". На углу улицы Омониа гречанка вышла из машины и вернулась

домой на метро. За руль сел Авнер и попытался выбраться из пробки на площади Омониа — афинской Пикадилли.

Пожилой грек — сотрудник „Ле Груп", который вез Роберта в своей машине, — поменялся местами с Гансом и сел рядом с Авнером. За несколько минут грек и Авнер в одной машине, Ганс и Роберт — в другой доехали до улицы Сократа, где находился отель „Аристид". Обе машины остановились у отеля в начале девятого. Служаший „Ле Груп", Роберт и Ганс вошли в холл. Авнер остался на улице.

В машине Роберт переложил часть содержимого своей сумки в маленький чемоданчик. Сделать это в присутствии постороннего он не мог. Они всегда твердо придерживались правила: не посвящать никого в свои дела. Во-первых, это служило некоторой гарантией личной безопасности, а во-вторых, в случае неудачи ограждало их помощников от обвинений в соучастии в убийстве.

За исключением человека, который в Афинах снабдил Роберта взрывчаткой, все остальные участники операции предполагали, что они помогают Авнеру и его партнерам кого-то выслеживать. Впрочем, ничего удивительного в этом не было — практически их работа свободилась к изучению маршрута указанного им человека и помощи в установке скрытых микрофонов в комнате или квартире.

Служащий „Ле Груп", ехавший с Авнером, за вполне скромное вознаграждение нанял в отеле „Аристид" носильщика, который должен был, пользуясь служебной тележкой, доставить на пятый этаж, где жил Мухасси, маленький чемодан, а затем открыть своим ключом дверь его номера. Чей номер он открывал, грек не знал. Чем будут заниматься там эти двое иностранцев, его не касалось. И кто такие Ганс и Роберт, ему и в голову не приходило.

Войдя в номер Мухасси и пройдя в комнату, Роберт и Ганс оставили там восемь самовоспламеняющихся бомб.

Роберту эти бомбы не нравились. Они были начинены горючим веществом типа магния. Большой мощностью они не обладали, но, взрываясь, сразу же поглощади весь кислород в помещении. Человек, находящий в комнате, где взорвались эти бомбы, погибал от удушья, наступающего мгновенно.

С точки зрения возникновения пожара такие бомбы были практически безопасны. Они вспыхивали, но через несколько секунд гасли. Пользоваться ими можно было как ручными гранатами. Но именно этого Роберт терпеть не мог. Однако ничего лучшего в тот момент они достать не смогли.

Никаких предохранителей бомбы не имели. Они взрывались мгновенно, активированные радиосигналом на соответствующей частоте, однако не исключен был и случайный взрыв. Роберт, правда, был обеспокоен другим. Его тревожил горючий материал — устаревший, неустойчивый и плохо регулируемый. Он

опасался, что бомбы взорвутся самопроизвольно или не взорвутся вообще. Купив у грека двенадцать бомб, Роберт выбрал из них только восемь, к которым и присоединил радиоприемнички. Остальные четыре остались лежать в его багажной сумке. Он полагал, что если бомбы сработают, то и восьми хватит.

В начале десятого Роберт и Ганс покинули отель. Эти бомбочки „домашнего изготовления" было трудно спрятать. Они в этом смысле ни в какое сравнение не шли с теми хитроумными адскими машинами, с которыми они имели дело в Париже и на Кипре.

На этот раз они могли не торопиться. Времени было достаточно. В КГБ обычно работу кончали поздно. От наблюдателей они знали, что в предыдущие дни черный „мерседес" привозил Мухасси в отель не ранее полуночи. Все это, однако, большого значения не имело. Запаркованные машины не могли вызвать подозрений. К тому же Афины — город, никогда не засыпавший. В некоторых районах жизнь только начиналась вечером, а в знаменитой „Плаке", в афинском Сохо, обеды начинали подавать не раньше десяти вечера.

Тем не менее час проходил за часом, а Мухасси все не было. Около трех часов ночи Авнер встретился на улице со своей группой, чтобы обсудить ситуацию. Еще несколько часов — и станет светать. Служащий отеля, работающий на Луи, тот самый, который впустил их в комнату Мухасси, несомненно, сменится. А именно он должен был подняться вместе с Мухасси в лифте, затем спуститься вниз и просигналить им, что Мухасси в номере один. (В отеле жили и другие арабы, но казалось маловероятным, что Мухасси зайдет к кому-нибудь из них или пригласит к себе ночью, однако рисковать Авнер не желал.)

Время шло и надо было принимать решение, — ждать им дальше или отказаться от операции. Но как отказаться, когда бомбы уже находились в комнате Мухасси?

Оставить их там было нельзя. Войти в номер с тем, чтобы унести их, было опасно. Мухасси, застав в своем номере постороннего, мог поднять тревогу. Но главное — бомбы могли взорваться и погубить их всех. Оставалось одно — взорвать бомбы в пустой комнате.

Авнеру это было совсем не по душе. Такая неудача, да еще в операции, которая не была предусмотрена начальством... Одно дело — успешно выполнить то, что было утверждено руководством, и совсем другое — завалить начатое по собственной инициативе.

Можно подумать, что они какие-нибудь палестинцы — взрывают пустую комнату из-за нечеткой организации работы.

Конечно, это могло выглядеть как предупреждение Мухасси. Но они знали, что ни террористы, ни в данном случае КГБ предупреждений не боятся. Тут можно было воздействовать только

силой, поскольку мирное решение вопроса достигалось лишь в одном случае — когда мир был для террористов выгоден.

Израильтяне это хорошо понимали, и их опыт это подтверждал.

Взрыв в пустой комнате Мухасси и его хозяева будут рассматривать как свою победу и осмелеют, радуясь, что им удалось обмануть евреев.

Ганс и Роберт согласились с такой точкой зрения. Они решили ждать еще час, а затем — придется действовать. В четыре часа, то есть через час, который они сами себе назначили, было решено подождать еще полчаса. Это был уже крайний срок. Если в 4.30 Мухасси не вернется, им придется что-то предпринимать.

Черный „мерседес" подъехал к отелю в 4.25. На этот раз, проехав главный вход, он остановился примерно в тридцати метрах от него. Авнеру не удалось расслышать, выключен ли мотор, но фары, он видел, погасли.

Еще с минуту ничего не происходило. Было слишком темно, чтобы разглядеть, кто сидит в машине. Даже не различить — сколько их там — двое или больше. Но когда дверца машины наконец открылась, внутри на мгновение вспыхнул свет. Сомнений не было — из машины выходил Заид Мухасси. Второй человек остался в машине на заднем сиденье. У третьего, который сидел за рулем, на голове была шоферская фуражка. Свет погас, когда Мухасси захлопнул дверцу, но фары не зажглись. Они не зажглись и после того, как Мухасси прошел через главный вход в холл.

Русские явно чего-то ждали. Почему? Может быть, Мухасси должен был вернуться? Может, он пошел к себе с тем, чтобы что-то взять и передать своему русскому покровителю? А может, он пошел за вещами и собирается уехать из отеля? Русские, возможно, повезут его на какую-нибудь тайную квартиру или в аэропорт с тем, чтобы он мог улететь первым рейсом.

Через несколько секунд осведомитель Луи должен выйти и подать им условный знак. Тогда Роберт взорвет бомбы. Авнер знал, что на этот раз Роберт не будет ждать его команды. Если бы Авнер хотел приостановить операцию, он должен был это сделать до того момента, как грек вышел из отеля.

Авнер взялся за ручку дверцы машины. Должен ли он остановить Роберта? Русские, ожидающие Мухасси, создали неожиданные осложнения. Но так ли уж это важно? Если он остановит сейчас Роберта, что делать с бомбами в номере Мухасси? Убрать их они не смогут. Оставить — опасно. Взорвавшись, они могут убить ни в чем не повинных людей. Если бомбы обнаружат, то власти получат реальную возможность выяснить их происхождение — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Человек, который их продал, видел Роберта. Его могут арестовать.

Выбора у Авнера уже не было.

Но именно в этот момент грек — служащий отеля — вышел через главный вход на улицу, потянулся зевая, снял шляпу и почесал затылок. Затем повернулся и скрылся в дверях.

Авнер непроизвольным движением поднял голову и посмотрел на окна пятого этажа. (Мухасси, как и многие арабы, считал цифру пять счастливой.) Авнер не знал точно, какие именно окна он должен искать, но вспышку прозевать было невозможно. На этот раз не было необходимости в той точности, на которой Роберт так настаивал на Кипре.

Но вспышки не было. Несмотря на то что после сигнала, поданного греком, прошло не менее минуты.

Авнер смотрел и смотрел на окна пятого этажа, но все было тихо.

Он пытался разглядеть, что происходит в машине Роберта и Ганса, но ничего увидеть не смог. Может быть, Роберт не понял сигнала? Они ждут его команды? Вряд ли.

„Мерседес" с русскими с места не сдвинулся. Его зловещая тень чернела в сорока метрах от них.

И вдруг — дверца машины Роберта открылась и Роберт, — нет, не Роберт, а Ганс, — вышел из нее с дорожной сумкой, в которой находились оставшиеся четыре бомбы. К величайшему изумлению Авнера, Ганс направился к главному входу отеля. Вот так вот, с сумкой в руках. С какой целью? Авнеру даже показалось, что Ганс сошел с ума. И шел Ганс странной походкой. Обычно он двигался вяло, как старый человек. Сейчас он шел решительно, шагая крупно, и походка его была почти летящей, а голова высоко поднята. Авнер был до такой степени всем этим ошарашен, что в течение нескольких секунд не знал, что ему делать. Ганс даже не взглянул в его сторону. Было ясно, что он никаких действий от Авнера не ожидает, но в сложившихся обстоятельствах Авнер не мог оставаться пассивным.

— Включите мотор, — сказал он греку, который беспокойно взглянул на него. — Вы поняли? Ничего не надо делать, только включите мотор. — Сказав это, он выскользнул из „шевроле" и направился в главному входу в отель.

В холле отеля все было спокойно. За регистрационной стойкой никого не было. Ни Ганса, ни грека — их помощника. Взглянув в сторону табло движения лифтов, Авнер увидел, что стрелка показывает пятый этаж. Еще одну-две секунды он осматривался кругом, пытаясь вспомнить расположение помещений. Он искал дверь, ведущую в служебную комнату. И вторую — на лестничную клетку, запасной выход. Раз лифт на пятом этаже, значит, Ганс там. Если так, то спустить лифт вниз опасно. Авнер кинулся к лестнице.

В этот момент он услышал взрыв. Звук был не слишком громкий, но отчетливый. Пол под его ногами мелко задрожал.

Лифт шел вниз. Авнеру была видна стрелка на табло. Он прижался к стене, рука — к бедру. Дверь лифта открылась. Из него шагнул Ганс, бледный, со сжатыми зубами. За ним грек — в состоянии близком к невменяемости. Он угрожающе размахивал руками и что-то бормотал по-гречески. В руках у него была дорожная сумка.

— К чертовой матери Роберта и его чертово дистанционное управление! Мне пришлось все взять на себя, — сказал Ганс.

— Пошли! — Авнер указал на дверь, ведущую к служебному выходу. — Туда! — Он схватил грека за плечо и толкнул его вперед, вслед за Гансом.

Они пошли к служебному выходу — через полуподвал, полэтажа вниз по ступенькам, по плохо освещенному коридору, который выводил на улицу. Ганс шел впереди, грек за ним, продолжая жестикулировать и что-то бормотать. Авнер замыкал шествие. Перед дверью на улицу было несколько ступенек вверх. Как только Ганс открыл ее, Авнер снизу увидел мостовую. И кое-что еще. Черный „мерседес" — как раз напротив выхода. Они выходили из отеля точнехонько в том месте, где русские поджидали Мухасси. Догадаться об этом Авнер не мог. А ведь они могли выйти через главный вход, там, откуда вошли. Но надо же было продемонстрировать свою выучку: если вошел в одну дверь, выходи всегда через другую...

Ганс тоже заметил машину русских и остановился. Человек из КГБ, который сидел на заднем сиденье, уже приоткрыл наполовину дверцу машины и собирался выйти. Он наверняка слышал взрыв, видел вспышку и теперь хотел выяснить, что случилось. В этот момент он вдруг увидел каких-то мужчин, выскакивающих из боковой двери, как раз напротив его машины — всего через несколько секунд после взрыва. Догадаться, кто эти люди, особого труда не составляло. И он догадался. Его правая рука рванулась к левой стороне груди. Человек из КГБ хватался за оружие.

Позднее, вспоминая все это, Авнер стал предполагать, что, может быть, он ошибся. Ведь русский, по-видимому тоже агент, должен был заботиться о своем инкогнито. Возможно, он и не собирался стрелять. Ведь он еще ни в чем замешан не был. Зачем ему было влипать в эту историю? Даже если он догадывался, что то, что произошло в отеле, имело какое-то отношение к нему. Знать наверняка он этого не мог. Останавливать троих незнакомцев, бегущих мимо, у него не было оснований. Он схватился за оружие чисто рефлекторно. Русский был обучен, так же как Ганс или Авнер, реагировать мгновенно. Разумеется, сидя в машине, он находился в напряженном ожидании и этим отличался от ни в чем не повинных прохожих, от ничего не подозревающих случайных свидетелей. Это напряжение было, возможно,

одним из недостатков профессиональной тренировки. Человек становится чуть-чуть более настороженным, чем обычные люди. Реагирует слишком быстро. А времени на ответную реакцию ему отпущено чуть меньше, чем нужно. Он теряет нормальную человеческую способность застыть от неожиданности, поколебаться, ничего не предпринимать. А именно это было тем небольшим преимуществом, которое, как это ни странно, могло обеспечить ему в нормальной жизни несколько большую безопасность.

Ганс выстрелил первым. Сделал это так, как его учили. Дважды. Тогда выстрелил и Авнер, тоже дважды. Русский придерживал дверь левой рукой, а правой все еще нащупывал кобуру. Авнер стрелял снизу, под углом, стараясь попасть в щель открытого окна. Он знал, что стальные дверцы „мерседеса" непроницаемы для пуль, вылетающих из дула пистолета с невысокой скоростью. Он видел отметины, которые оставляли пули Ганса, но не свои собственные. Ему показалось даже, что он промахнулся. Как бы то ни было, но русский тяжело повалился на сиденье. Второй, сидевший за рулем, схватил его за плечо и старался втащить поглубже в машину. Он был, видимо, очень силен, потому что сумел одной рукой втащить раненного в машину. Хлопнула дверца. колеса завертелись, машина КГБ снялась с места и помчалась по улице.

Авнер спрятал пистолет, все еще придерживая свободной рукой за воротник грека — служащего отеля, который к этому времени уже был в шоковом состоянии.

Они услышали как взревела машина Роберта, который буквально через секунду, сделав u-образный поворот, остановился перед ними. Авнер затолкал грека в машину Роберта вслед за Гансом и отнял у него дорожную сумку, которую тот продолжал судорожно сжимать в руках. Затем перебежал на другую сторону улицы к зеленому „шевроле" в тот момент, когда пожилой шофер-грек уже включил фары.

— Поехали, — сказал Авнер. — Но не слишком быстро. Понятно? Не слишком быстро.

Грек утвердительно кивнул головой. В отличие от своего соотечественника — служащего отеля — он был совершенно спокоен. Но ведь ему не пришлось наблюдать, как взрываются прямо перед ним бомбы. Впрочем, стрельбу он мог видеть.

Вернувшись в свою квартиру, они начали выяснять отношения. При этом каждый должен был делать над собой огромное усилие, чтобы сохранить самообладание. Прежде всего надо было успокоить служащего отеля, который говорил только по-гречески. Он выглядел совершенно потрясенным: садился, вставал, глядел куда-то в пространство, все время бормоча „бомба, бомба", но вдруг вскакивал и начинал грозить Гансу пальцем, выкрикивая какие-то, по всей вероятности, ужасные греческие ругательства.

Авнер отвел его и шофера в сторону и начал совать ему стодолларовые бумажки. Это подействовало, точно струи воды на огонь. После пятой или шестой купюры несчастный совершенно успокоился. Авнер повернулся к шоферу и дал ему такую же сумму. Греки ушли.

— Я понимаю, что вы чувствуете, — сказал Роберт. — Представляете — каково мне? Поверьте, я проверил передатчик, — он работал. Больше сделать я ничего не мог. Просто эта устаревшая дрянь, которую они нам продали, никуда не годилась.

Роберту лучше было бы помолчать, потому что его слова вызвали бурю. Так горячо они спорили впервые.

Ганс был непреклонен. Он утверждал, что Роберт должен был посоветовать Авнеру отложить выполнение задания, если у него были сомнения насчет бомб. Вот если бы после этого они пренебрегли его мнением, он был бы чист. А сейчас он виноват! Что с того, что он бормотал что-то невнятное типа: „Я не думаю, что это хорошие бомбы". Это не звучало как серьезное предупреждение, тем более, добавил Ганс, что Роберт во всех случаях произносил что-нибудь подобное.

Ганс был прав. Но у Авнера и к нему были серьезные претензии. Где они — отношения, построенные на элементарной дисциплине? И, помимо этого, — здравый смысл, который должен был подсказать Гансу, что он обязан был посоветоваться с ними обоими, прежде чем действовать по непредусмотренному плану. А это было именно то, что он сделал, когда схватил дорожную сумку с четырьмя бомбами, на которых еще сохранились контактные взрыватели, и ринулся наверх к номеру Мухасси. Ганс заставил ничего не подозревавшего грека подняться с ним наверх в лифте, постучать в номер Мухасси и попросить его открыть дверь. Затем, отослав грека, Ганс, пока Мухасси возился с замком, вытащил из сумки одну из бомб. Как только Мухасси приоткрыл дверь, Ганс с силой толкнул ее и бросил в комнату бомбу, как кидают ручную гранату. Он должен был сказать Роберту и Авнеру о том, что собирается делать.

— Если бы я сказал, — оправдывался Ганс, — вы оба поначалу сказали бы „нет". Но другого выхода у нас все равно не было, так что вам пришлось бы согласиться. А время между тем ушло бы. Я и решил выбрать кратчайший путь.

— Почему бомба — единственное решение? — спросил Роберт. — Раз тебе удалось с помощью грека вызвать Мухасси из комнаты, ты мог застрелить его.

— Застрелить? — возмутился Ганс и обернулся к Авнеру: — Ты видишь! Он просто отказывается думать!

Авнеру пришлось согласиться с Гансом. Простое убийство Мухасси не разрешило бы вопроса о невзорвавшихся бомбах у него в номере. Раз дистанционное управление отказало, единственным

решением было то, которое принял Ганс. Оставалось одно возражение: почему он их не предупредил и стал действовать на свой страх и риск.

— Что если бы тебя ранило при взрыве? — спросил Авнер. — Что бы мы делали, по-твоему? Бросили тебя на произвол судьбы? Или в попытке что-нибудь узнать, сами попались бы? Твой поступок был безответственным. А зачем ты стрелял в русского?

— Потому что он начал вытаскивать оружие, — возмутился Ганс. — Что я, должен был ждать, пока он меня застрелит? А зачем, кстати, стрелял ты? Ты стрелял по той же причине.

— Я стрелял потому, что ты стрелял, — не очень уверенно ответил Авнер.

Перепалка между ними стала приобретать характер ребячьей ссоры.

— К тому же я, кажется, не попал в него.

Он действительно надеялся, что это так. Ему очень не хотелось связываться с КГБ или оказаться замешанным в сложные взаимоотношения с Эфраимом и остальными галицийцами по поводу убийства советского агента. И все же, что оставалось им делать, если русский собирался стрелять?

Но поведением Ганса Авнер был потрясен. Ганс — в очках, похожий на карандаш, спокойный и методичный Ганс, который, казалось, всегда был готов уступить свою очередь другому, этот Ганс поразил его. Ничего не было бы удивительного, если бы на месте Ганса был Стив или Роберт, или, наконец, он сам. Но Ганс? Схватить мешок с бомбами и броситься в отель? Ломиться в дверь номера Мухасси? Стрелять в русских? Вот тебе и карандаш.

Поведение людей действительно непредсказуемо. Каким бы безумным ни казался поступок Ганса, Авнер не был уверен, что при сложившихся обстоятельствах он не был единственно правильным. И Ганс понял это первым и принял решение. Если эти дурацкие игрушки, эти бомбы невозможно было ни взорвать, ни убрать, что оставалось еще делать? Разумеется — одно: забросить в комнату Мухасси еще одну такую бомбу, как бросают ручную гранату. И делать это надо было, пока Мухасси был в номере.

Задержка, неизбежная, если бы они стали по этому поводу совещаться, привела бы к тому, что они упустили бы и эту возможность.

— Хорошо, — сказал в конце концов Авнер. Не будем больше все это обсуждать. Мы уже все на грани истерики. Во Франкфурте мы предоставим Карлу возможность разобраться во всем этом.

Все согласились с Авнером. Хотя руководителем был он, но Карл с самого начала стал для них чем-то вроде царя Соломона, раввина и учителя, на чью мудрость они все полагались. И это не только потому, что он был старше их и опытнее, но прежде всего в силу особенностей своего характера. В этой последней операции

он к тому же не принимал участия, так что мог оставаться объективным и судить со всей беспристрастностью. Если им следовало поступить иначе, Карл им это скажет.

Они прожили еще неделю в Афинах, затем вылетели, один за другим во Франкфурт. Из газет они знали, что взрыв в отеле оценивается как своего рода фейерверк 4 июля в День Независимости Пожар вспыхнул, но единственным пострадавшим был Мухасси. В некоторых сообщениях было упоминание о немецком туристе, который был легко ранен. О перестрелке с русскими в газетах не было ни слова.[8]

Во Франкфурте они все рассказали Карлу. Он долго молчал, попыхивая трубкой. Хмурил брови, смотрел в потолок. Реакция Стива была совсем другой. Он очень удивился, что они недовольны и расстроены.

— В чем дело? — сказал Стив Авнеру. — С ним вы покончили. С этим... русским — тоже. Чем вы, собственно, так обескуражены?

— Оставь, Стив, — сказал наконец Карл. — Меня там не было. Я судить не могу. Самое главное — вы все целы и находитесь здесь. Так что давайте думать о будущем.

Действительно, надо было думать о будущем. Но Авнеру было не по себе. Он не отдавал себе ясного отчета в своем состоянии. До сих пор все сходило им с рук. За гибель одиннадцати спортсменов жизнью поплатились Звайтер, Хамшари, аль-Шир и аль-Кубаиси, а также Наджир, Насер и Адван в Бейруте. Погиб и Мухасси, связной КГБ.

Подводя итоги, можно было сказать, что это им досталось довольно легко. Слишком, пожалуй, легко. И в первый раз с начала операции по отмщению Авнер почувствовал, как сжалось у него сердце.

Впервые с того дня в конце сентября в Женеве в отеле „Дю Миди", когда все это началось, а может быть, и впервые в жизни, Авнер испытывал страх. Он не мог припомнить, чтобы испытывал что-то подобное прежде. Ни в армии, ни во время Шестидневной войны, ни во время тренировок, ни в бытность свою рядовым агентом, ни даже тогда, когда он и его группа приступили к своей миссии, — никогда, вплоть до середины апреля этого года. Само собой разумеется, ему приходилось находиться в состоянии величайшего напряжения, чего-то бояться. Случалось, что от неожиданности дух захватывало. Но то, что он испытывал сейчас, начиная с апреля, было совсем другим. Не просто короткий подскок уровня адреналина в крови, мимолетное ощущение — сердце забилось и толчки в горле... Ощущение, которое пропадает, как только исчезает вызвавшая его причина. Это новое чувство не оставляло его по временам несколько дней подряд независимо от того, чем он занимался. То была скрытая, унылая, изматывающая тоска. Она накатывала на него в ресторане, когда он ел свое жаркое из баранины, или в кино во время демонстрации фильма с участием Луи де Финеса, его любимого французского киноактера, все фильмы с участием которого он пересмотрел. Иногда это была тупая боль, иногда — твердый ком в горле. Так физически он ощущал страх.

Вначале Авнер предположил, что причина такого самочувствия — простое несварение желудка. И лишь спустя некоторое время он осознал, что это — страх. Он испытывал стыд и отвращение к самому себе. И даже испугался, что остальные — Карл, Стив, Ганс или Роберт — могут заметить, что с ним происходит. Это было бы для него самым неприятным. Он поймал себя на том, что для маскировки по самым различным поводам повторяет: „Друзья, я боюсь" или „Друзья, я беспокоюсь". Это был хорошо ему известный по армии прием утверждать свое мужество, непрерывно провозглашая противное. По-видимому, он все-таки перестарался... Однажды, когда они остались вдвоем, Карл сказал ему:

— Я понимаю тебя. Я и сам очень беспокоюсь.

Это было сказано таким тоном, что Авнер отбросил всякое притворство.

— Черт возьми! Ты тоже? Но почему?

Вместо ответа Карл только покачал головой. Больше они к этой теме не возвращались.

И вдруг Авнер понял. Он возвращался из Нью-Йорка после свидания с Шошаной, где они вместе провели неделю. В какой-то мере его открытие было связано с ней.

Свидание не было безоблачным. Шошана жила с начала апреля в квартире в Бруклине, которую нашел для нее Авнер. Она приехала сюда с их дочерью Геулой и собакой Чарли, когда Авнер еще был в Бейруте. В Нью-Йорке Шошана была бесконечно одинока. К тому же до этого она никогда не покидала Израиль, и жизнь вне дома была ей непривычна. Об Авнере она ничего не знала — ни где он, ни когда сможет приехать. Когда он наконец появился, она стиснула его с такой силой, что ему стало больно. Если Авнеру и могло казаться, что Шошане не так уж важно его видеть, то одно это должно было убедить его в обратном.

Первые два дня они провели в постели. На третий день утром Авнер проснулся с ощущением, что за ним наблюдают. Он открыл глаза и увидел, что Шошана сидит рядом и смотрит на него.

— Ты что? — спросил Авнер сонным голосом.

— Я не знаю, — ответила она озабоченно. — Я что-то не пойму... Волосы у тебя не поседели и вообще ничего такого как будто нет, но... я не знаю, в чем дело, но ты выглядишь постаревшим лет на десять.

Услышав эти слова, он почувствовал, как вновь его одолевает страх, почти пропавший за эти два дня. Он ничего не ответил, но, бреясь, стал внимательно изучать себя в зеркале. Шошана была права. За эти последние семь месяцев он состарился на много лет. Он выглядел тридцатипятилетним. А ведь ему было всего двадцать шесть.

— Да, — сказал он вслух, обращаясь к своему собственному отражению в зеркале (у него раньше не было привычки разговаривать с самим собой), — похоже на то, что психику легче обмануть, чем физиологию.

— О чем ты? — спросила Шошана из комнаты.

— Так, ничего.

В оставшиеся дни Авнер ездил с Шошаной по Нью-Йорку в машине, взятой напрокат. Он хотел хоть немного показать ей город, чтобы он перестал быть для нее таким чужим. До его приезда она выходила из дома только за покупками в магазин на углу.

В этот свой приезд Авнер познакомил Шошану кое с кем из своих нью-йоркских знакомых. У Шошаны никого в Нью-Йорке не было, а с новыми людьми она сходилась с трудом. Тем не менее она, как обычно, ни на что не жаловалась. И все-таки, на-

блюдая как-то за тем, как Шошана возится с ребенком, Авнер отчетливо ощутил, что она здесь очень одинока и беззащитна. Его охватило чувство вины и жалости.

— Я уеду ненадолго, — сказал он. — Я обещаю.

Шошана взглянула на него с улыбкой. И эта улыбка еще как-то острее задела его.

Но сделать он ничего не мог. „Хорошо, что Геула доставляет ей, по-видимому, много радости", — подумал он. По мнение Авнера, девочка все еще была уродиной.

На обратном пути в Европу, в самолете его осенило. Он понял, откуда этот страх. Страх, который преследует, возможно, их всех — и Карла, и остальных. Почему он возник именно теперь, спустя семь месяцев после начала их миссии, после пяти удавшихся актов отмщения, даже не считая операции в Бейруте? Причина была проста и понятна.

Они убедились на своем же опыте, что, наметив жертву, отыскать и уничтожить ее оказалось довольно просто, особенно если есть деньги. И при этом остаться безнаказанным. Удивительно, с какой легкостью любая группа террористов может осуществить задуманное. Разумеется, не всегда, но на каком-то отрезке времени — безусловно. И этого отрезка вполне достаточно, для того, чтобы уничтожить четверых или пятерых. С такой же легкостью, с какой они проделывали это сами.

Они покупали информацию о террористах. Следовательно, и террористы могут купить информацию о них. Тем более что денег в их распоряжении больше, а угрызений совести — меньше. Следы неизбежно оставляют все. Любой из людей, с которыми они вступают в контакт, может оказаться осведомителем. А этого более чем достаточно. Каждый из группы Авнера в любой момент может увидеть дуло пистолета, нацеленное на него из-за угла. Или взлететь вместе со своей кроватью, как взлетел аль-Шир.

Нет больше сомнений в том, что уже сейчас кто-то выслеживает их с целью уничтожить. Так что основания для страха у них были вполне реальные.

За последнее время три инцидента, сами по себе незначительные, выбили их из колеи еще больше.

Однажды вечером, во Франкфурте, они решили пообедать в ресторане. (Обычно они питались у себя дома, делая покупки и готовя по очереди.) Возвращаясь домой, они решили сократить путь и для этого поехали через какой-то строительный участок. Вдруг их ослепили прожекторы и кто-то громко приказал им остановиться. Тут же они были окружены полицейскими. Как потом выяснилось, полиция охотилась за торговцами наркотиками. По ее сведениям, какие-то поставщики назначили на этом месте встречу, и полиция устроила засаду. В эту-то засаду и угодила команда Авнера. Через несколько минут их отпустили, принеся

извинения. Документы у них были в порядке. Никто из них не был пьян и ничего компрометирующего их в машине не было. Но то, что произошло в течение этих нескольких минут, произвело на них гнетущее впечатление. Они стояли, повернувшись лицом к машине и раскинув по ней руки, стояли под дулами пистолетов. В эти минуты они считали себя уже погибшими и нисколько не сомневались в том, что немецкая разведка их выследила. Это был первый случай, когда они столкнулись с представителями властей — ни до, ни после этого никогда не было.

Еще два случая произошли уже только с Авнером и Карлом. И оба — в воскресенье. Два воскресенья подряд в десять часов утра в их франкфуртской квартире происходило нечто не слишком им понятное. Возможно, это была случайность, но нервы их были на пределе, и потому сами по себе незначительные происшествия оставили глубокий след в их душе.

Они еще сидели за завтраком, когда раздался стук в дверь. Это было странно, так как посетители обычно звонили снизу, из вестибюля. Авнер прокрался к глазку в двери и увидел двух хорошо одетых незнакомых ему людей. Он повернул ключ в замке, слегка придерживая коленом дверь, а Карл в это время прикрывал его, стоя с пистолетом в руках в дверях спальни. Незнакомцы оказались почтовыми инспекторами и пришли выяснить, довольны ли господа тем, как работает почта. Вероятно, консьержка впустила их потому, что они ходили с этим вопросом из одной квартиры в другую, опрашивая всех живущих в доме.

— Какая опасная, однако, у них работа, — сказал, усмехаясь, Карл и спрятал пистолет.

В следующее воскресенье происшествие не понравилось им еще больше. Кроме того, они оба испугались не на шутку.

На этот раз они кончили завтрак и занялись чтением утренних газет. В этот момент раздался оглушительный треск бьющегося стекла и какой-то предмет влетел в комнату. В то же мгновение оба бросились на пол, прикрывая головы руками и ожидая взрыва гранаты. Через несколько секунд осторожно поднявшись, они увидели, что пол усеян осколками стекла, но предмета, который был брошен в комнату, нигде не было видно.

Авнер подполз к стене, встал к ней спиной и осторожно выглянул в разбитое окно. Внизу он увидел маленького чернокожего мальчика, явно из жилого американского комплекса, расположенного на другой стороне улицы. Мальчик терпеливо ждал, когда же кто-нибудь выглянет в окно. В руке он держал бейсбольную биту.

— Простите, сэр, — закричал он по-английски, как только заметил Авнера. — Я не нарочно. Отдайте мой мячик, пожалуйста.

Две ночи после этого Авнер засыпал с трудом.

В то же время в силу особенностей своего характера он упорст-

вовал там, где другие люди просто отстранились бы. Так, страх, трудности, отсутствие поддержки — все это только подстегивало его. Он этого в себе не сознавал, никогда не пытался анализировать, но все же принадлежал к тому ничтожному меньшинству людей, которые становились наиболее активными, когда встречались с враждебным противодействием.

По какому-то капризу природы последовательность реакций у него была не такой, как у всех. Он был похож на машину, в которой нахальный шутник поменял местами акселератор и тормоз.

Получалось так, что чувство страха не подавляло его активность, а, напротив, стимулировало ее. Его партнеры, во многом отличавшиеся от него и друг от друга, в этом все были похожи.

Вполне возможно, что психологи из Мосада дело свое знали. Они составили эту пятерку из людей, которые, столкнувшись с опасностью, не обратятся в бегство, а пойдут в атаку. Такому научить нельзя. От природы это свойственно немногим. Большинству же — чуждо.

В мае из одиннадцати человек в их списке оставалось четверо. Установить местонахождение Али Хасана Саламэ им не удавалось. Абу Дауд, значившийся под номером два, находился временно в тюрьме в Иордании. Номер одиннадцать, доктор Вади Хадад, военный руководитель Народного фронта освобождения Палестины, был, по-видимому, очень осторожным человеком и не выезжал за пределы стран Ближнего Востока. Оставался Мохаммед Будиа, номер пять. Красивый алжирец был хорошо известен французской полиции, так как сидел в тюрьме в 1959 году за диверсии на складах с горючим, которые совершал в поддержку Фронта освобождения Алжира. В определенном смысле Будиа был „легким", так как не щеголял своими связями с палестинскими террористами, а жил под официальным прикрытием актера и директора театра.

В 1973 году Мосад и еще одна-две разведывательные службы догадывались, что за его организацией „Паризьен Ориенталь" в действительности скрывался Народный фронт. После того как Алжир стал независимым государством, Будиа получил пост директора Алжирского национального театра. Он был хорошо известен в театральных кругах и в среде левонастроенных представителей парижского светского общества. Поставленные им пьесы с политическим подтекстом собирали довольно большую публику в театре „Луест Паризьен" в Булонь-Билланкур. Некоторые из этих пьес имели серьезный успех. Однако лишь малому кругу людей была известна роль Будиа в террористических акциях. И уж совсем немногие действовали совместно с ним. К последним принадлежали несколько женщин. Красавец Будиа пользовался у дам большим успехом. В то же время он в отличие от своего

предшественника и, по некоторым данным, подчиненного, доктора Хамшари, не полагался на свою театральную жизнь как на надежное прикрытие. Будиа, опять же в отличие от Хамшари, не придерживался никакого расписания в своей жизни и почти никогда не бывал дважды в одном и том же месте в одно и то же время. Ночи он проводил у любовниц, как правило, разных. По мнению Стива, эта его привычка, правда, не имела отношения к заботе о безопасности, а была его природной склонностью. В общественных местах Будиа обычно появлялся в сопровождении телохранителя.

Он много путешествовал, поэтому трудно было засечь момент его появления и выяснить длительность пребывания в Париже. По некоторым данным, он был в Бейруте в штабе ООП во время рейда израильских коммандос. Одно из двух — либо эта информация была неверной, либо ему каким-то невероятным образом удалось скрыться.

Существовало мнение, что в январе 1973 года Будиа был в Мадриде в день убийства Баруха Когена. [1] Среди тех, кто несколько более рьяно, чем это полагалось, с точки зрения самого Будиа, интересовался его деятельностью, был сирийский журналист Хани Куда, трагически погибший. Работал ли Хани Куда на Мосад, так и осталось неизвестным.

В течение целого месяца, в мае, Авнер и его товарищи пытались выследить Будиа. И все безуспешно. „Ле Груп" в Париже ничего сообщить не могла. Авнер решил попытать счастья в Риме через Тони. (Одной из операций Будиа была диверсия в Триесте в компании „Трансальпино Ойл Пайплайн", во время которой восемнадцать человек были ранены, а убытки исчислялись миллионами долларов. Рассказывали, что это нападение Будиа осуществил сам. Помогали ему две женщины — француженка и уроженка Родезии. По словам Луи, Будиа снабжал взрывчаткой тот же грек, который продал Роберту бомбы в Афинах.) Во всяком случае, Авнер считал, что Будиа имеет связи с Италией и можно надеяться, что у Тони в Риме сведения о нем окажутся скорее, чем у Луи в Париже.

Но и Тони ничем помочь им не мог. Через несколько дней Авнер позвонил из Рима Луи.

— Есть новости? — спросил он француза, которого считал уже своим другом.

— Нет, — ответил Луи. — Но почему бы вам не приехать... Я знаю человека, который хочет познакомиться с вами.

— Когда именно? — спросил Авнер.

— На выходные, — ответил Луи. — Если вы этого хотите, конечно.

Это было в среду, и Авнер решил поехать в Париж на машине, которую взял напрокат. Летать он любил, но и от поездок на ма-

шине получал удовольствие. Кроме того, менять свои привычки стало для него делом обычным. Он рассчитывал, что за несколько дней пути отдохнет. Дорога, особенно в мае, вдоль итальянской и французской Ривьеры, была очень живописной. Он сможет остановиться в Женеве и заглянуть в банк, чтобы убедиться в том, что сумма денег на его персональном счету за это время выросла. Деньги как таковые не имели большого значения для Авнера. Но в последние месяцы он начал о них подумывать, особенно в связи с Шошаной. Он мечтал о том, что сможет ей купить, мечтал, подобно тому, как это делают все мужья, которых мучает совесть.

В Париже, например, он целые часы проводил у витрин „Бутик Даноаз" у авеню Гох, где были выставлены современные кухни. Они были очень хороши — эти высокие холодильники с морозилками, эти духовки, которые сами собой очищаются...

Даже в Америке такая кухня будет выглядеть вполне современной и Шошане краснеть за нее не придется.

Во время этой долгой поездки Авнер старался не сосредоточиваться на задачах своей миссии. Он стал обдумывать все, что довелось ему повидать за последние несколько лет. Одно сравнение итальянских дорог с французскими давало пищу для размышлений об особенностях характеров итальянцев и французов. Французы предпочитали опоясывать горы тонкой сетью дорог. Итальянцы — пробивали в них тоннели. На автостраде от Генуи до французской границы Авнер насчитал около пятидесяти таких тоннелей. Он думал о том, что не всегда жители городов вписываются в свой городской пейзаж, соответствуют окружающему их ландшафту и архитектуре. Для французов Париж действительно был городом французов. Об итальянцах, например, он этого сказать не мог. Они казались ему чужими в Риме. Это не значило, что Авнер не любил итальянцев. Совсем наоборот. Но в Италии ему бросался в глаза резкий контраст между величественной архитектурой и людьми, ночевавшими на улицах. Он вспомнил книгу об Индии, прочитанную в детстве. Там, в частности, рассказывалось о руинах великолепного города, построенного в джунглях много тысячелетий назад. Город по каким-то причинам был оставлен жителями, постепенно разрушался и в конце концов стал обиталищем обезьян. Однако, подумал Авнер не без сарказма, обезьяны не ездили на мотороллерах.

А евреи? Это был серьезный вопрос. С самого раннего детства он никогда не скрывал от себя, что не ощущает Ближний Восток своим домом. В его пейзажи он не вписывался. Но это, разумеется, не имело никакого отношения к его привязанности к Израилю или к его патриотизму. Он был патриотом Израиля, независимо от того, вписывался он в его ландшафт или нет. Впрочем, ему казалось, что и вообще все евреи — „екки" ли, галицийцы — все они не вписывались в ближневосточную культуру как таковую.

Исключение составляли только те, кто прибыл в Израиль из арабских стран, Марокко или Йемена. Так во всяком случае казалось Авнеру. Эти его впечатления не были связаны ни с древней историей, ни с тем, что создали и построили в Израиле выходцы из европейских стран. То, что они сделали, было, по мнению Авнера, грандиозно, и у арабов не было никакого права „сбрасывать евреев в море". Он готов был отдать жизнь за Израиль. И тем не менее считал, что Ближний Восток евреям чужд. Впрочем, это было всего лишь его частное мнение, и как сабра — уроженец Израиля — он имел на него право. С другой стороны, не имело большого значения, где именно нашлось убежище для евреев, поскольку из Европы казаки, нацисты и прочие антисемиты их выгнали. В Европе им было бы лучше. Однако в Европе евреев, на протяжении многих веков пытались уничтожить. В последний раз, когда это случилось, они вообще могли быть стерты с лица земли. Так что европейцам, которые нынче недовольны, что их великолепные города стали частично полем сражения между арабами и израильтянами, следовало обо всем этом подумать раньше.

Погруженный в подобные размышления, Авнер поймал себя на том, что с неудовольствием смотрит на французского чиновника, проверяющего его паспорт при переезде границы.

В Париже он позвонил Луи.

— Я заеду за вами завтра утром, в девять, — сказал Луи. — Оденьтесь для загородной прогулки. Мы поедем в гости к „папа".

Авнера эта новость не слишком удивила. Но все же он был взволнован. Если учесть, сколько денег они потратили на „Ле Груп" за последние шесть месяцев, то не стоило удивляться тому, что сам старик захотел с ним познакомиться. Несмотря на то что его прочие клиенты, в том числе различные лево- и правонастроенные террористы и другие тайные организации, несомненно, бедными не были, видимо, суммы, выплачиваемые Авнером, вызвали у старого маки, а теперь капера особый к нему интерес. Что касается самого Авнера, то и ему это было любопытно.

Загородный дом „папа" находился где-то к югу от Парижа. Они потратили на поездку два часа, хотя место это было на расстоянии часа езды от Парижа. Когда „ситроен" выехал на шоссе, Луи предложил Авнеру очки, которые носят слепые.

— Вы не возражаете? — спросил он.

Темные очки скрыли от Авнера все окружающее. Осторожный Карл, наверное бы, отказался их надевать, но Авнер понимал, что один на один в машине с Луи, он все равно в опасности, если тот задумал что-нибудь сделать против него. Однако „шестое чувство", которому Авнер привык доверять безоговорочно, подсказывало ему, что он находится в безопасности.

Как только легкий „ситроен" замедлил ход и начал покачивать-

ся на проселочной дороге, Луи предложил Авнеру снять очки. В окружающей местности — спокойные, точно дымкой подернутые деревенские пейзажи, окаймленные вдали синеватыми гребнями гор, — ничего специфического не было. Они подъехали к большому, по-деревенски неряшливо построенному зданию. Косматая добродушная овчарка, подпрыгнув, лизнула Луи в лицо, а потом так же дружески лизнула Авнера. Никакой охраны у ворот перед въездом не было.

„Папа" приветствовал их стоя на крыльце. Он был в тапочках, в темно-синем свитере поверх рубашки без воротника. (Позднее, в Париже, Авнер видел его в старомодном черном костюме-тройке.)

Человек лет шестидесяти-шестидесяти трех, седой, с большим носом, протянул Авнеру крупную в веснушках руку. Что-то в нем напомнило Авнеру не только его собственного отца, но и Дэйва, американского моряка, инструктора по оружию, хотя внешне все они не были похожи друг на друга. Возможно, их роднила уверенность в себе и в своей способности действовать, причем успешно, а если понадобится, то и схитрить. Авнер это почувствовал. Но, может быть, ассоциация с Дэйвом возникла и в связи с манерой „папа" разговаривать. Его английский был таким же несовершенным, как иврит Дэйва. Авнер по-французски не говорил и, извинившись, предложил немецкий, но „папа" это предложение отклонил.

— Нет, месье, нет. Я говорю по-английски. Почему бы нет? Я должен иметь практику. Скоро ведь весь мир будет говорить только по-английски. Не так ли?

Ах вот что, подумал Авнер. По крайней мере, он не скрывает, что именно его беспокоит.

Отвращение ко всему английскому, однако, было не единственным, что определяло мировоззрение „папа". Авнер так и не смог понять ни в этот раз, ни во время своего следующего визита, что же это было. „Папа" к отдельным людям, если они не были политическими деятелями, неприязни не обнаруживал. Когда речь заходила о том или ином человеке, он обычно одобрительно кивал головой и произносил: „Я его знаю. Он хороший человек". Но стоило заговорить об организациях или правительствах, — нет! Все они — дерьмо. Это было его любимое словечко.

„Папа" представил Авнера своей жене, по-видимому, матери Луи. Особой симпатии между супругами Авнер, правда, не уловил. Жена „папа" выглядела старше его, хотя в действительности была на несколько лет моложе. Участия в разговоре она не принимала, а лишь накрыла на стол и подала закуску.

В комнате, кроме самого „папа", Авнера и Луи, находился еще один человек — брат „папа". Он редко что-нибудь произносил и говорил только по-французски. Вскоре, однако, выяснилось, что

„папа" и Луи используют его в качестве живого компьютера. Это было поразительно. Какой бы вопрос они ему ни задали, он отвечал своим монотонным голосом без малейшего промедления и называл все даты и цифры, которые их интересовали. Желая испытать его, Авнер спросил, а Луи перевел его вопрос, сколько денег они должны своему осведомителю-греку за работу по наблюдению. Дядя, без колебаний назвал сумму, которая, по представлениям Авнера, была совершенно верной.

Само собой разумеется, такой метод ведения дел был куда более безопасным, чем письменная документация. Демонстрация была убедительной. Но Авнеру тут же пришло в голову, что „Ле Груп" окажется в затруднительном положении, когда дядя умрет. Ему явно было больше семидесяти.

Прямой вопрос Авнеру „папа" за все время их беседы задал один раз.

— Вы работаете на Израиль, не так ли?

Авнер в ответ повторил то, что уже неоднократно говорил Луи. Он собирает информацию о палестинских террористах.

— Я когда-то работал на Мосад, — сказал он. — Но теперь работаю на другую организацию. — Собственно говоря, формально оно так и было. — В настоящее время и я, и мои партнеры работаем на одну частную еврейскую организацию в Америке.

Это была ложь, но звучала она правдоподобно. Кроме того, она соответствовала представлениям „папа" о том, что творилось в мире. Насколько Авнеру удалось понять, „папа" предполагал, что только частный бизнес мог обеспечивать в международном масштабе эффективную диверсионную деятельность и сбор разведывательной информации. Один Бог знает, какими путями пришел „папа" к этим выводам. Возможно, он предполагал, что все кругом берут пример с него.

Кстати, его взгляды совпадали — и во многом — с теми, которые высказывала Кэти, родившаяся в Квебеке и помогавшая им уничтожить аль-Кубаиси.

Авнер этих взглядов не разделял. Разумеется, существовали отдельные сильные личности, богатые шейхи из нефтяных стран, состоятельные неонацисты или романтически-революционно настроенные прожигатели жизни, которые финансировали или организовывали какую-нибудь террористическую группу или отдельный террористический акт. Таким, в частности, был богатый итальянец, издатель и бизнесмен Джинджакомо Фельтринелли, погибший при взрыве весной 1972 года в момент, когда он пытался, надев на себя куртку „Кастро", устроить диверсию на каком-то промышленном предприятии.

Но эти экстравагантные личности составляли, несомненно, крошечное меньшинство в мире международного террора и контртеррора. Их можно было приравнять к психически неустойчи-

вым людям, которые по собственной инициативе покушаются на государственных деятелей. Бывали, конечно, и спонтанно возникавшие то там, то здесь группы студентов-революционеров или националистов, которых никто не поддерживал. Но в основном все значительные группы субсидируются или организуются каким-нибудь государством или группой государств. В большинстве случаев это государства коммунистического блока, связанные с Советским Союзом и реже — с Китаем. Даже отдельные личности типа Фельтринелли в конце концов попадают от них в зависимость, потому что нуждаются в тренировках, документах и оружии,[2] хотя в финансовом отношении они остаются независимыми.

„Папа" думал совершенно иначе. Авнеру казалось удивительным, что француз, выросший на улице, очень хорошо знакомый со всеми особенностями тайных организаций в Европе, может мыслить, как мыслят создатели комедий об убийцах и терроре. Режиссеры голливудских фильмов или сочинители популярных романов, естественно, никакого представления о подпольных движениях не имеют. Но как мог „папа" предполагать, что все, что происходит, задумано таинственными индивидуумами, дельцами или старыми аристократами, которые, запершись в своих замках в Швейцарии, разрабатывают планы завоевания мира? Это было невероятно. Если он, конечно, вообще во что-нибудь верил. Его презрительная улыбка могла означать то же, что пожатие плеч Кэти, считавшей, что все толкования, кроме ее собственных, предназначены для ослов. В этом смысле и сам Авнер, и его партнеры, оказывались в компании ослов.

„Папа", видно, пришлась по душе его ссылка на частную еврейскую организацию в Америке. И Авнер решил, что раз так, он и в дальнейшем будет придерживаться этой версии. Да и кто в конечном счете может сказать, кто ими руководит и на кого они работают? Авнер, во всяком случае, точного ответа дать бы не мог. Ведь они и в самом деле не работали на Мосад.

Так или иначе, но мировоззрение „папа" никакого интереса у Авнера не вызвало. Но в остальном старик ему очень понравился. Было совершенно ясно, что он свое дело знает. На все практические вопросы „папа" отвечал четко.

„Папа" производил на Авнера впечатление человека явно незаурядного, и он не хотел бы оказаться в стане его врагов. Расставаясь с „папа", он чувствовал, что он и его группа в безопасности до тех пор, пока этот старик на их стороне.

Это ощущение усилилось, когда, подойдя к машине, Авнер протянул руку к черным очкам, которые лежали за ветровым стеклом. „Папа" отнял их у него и отдал сыну, произнеся при этом: „Дерьмо!" Луи рассмеялся и сунул очки в карман. На обратном пути Луи заметил:

— Похоже, вы понравились моему старику.

Авнер улыбнулся и пробормотал что-то вроде того, что очень рад. Хотелось же ему сказать другое: „Это хорошо. Может быть, я смогу прожить подольше". Но проверять, есть ли у Луи чувство юмора, когда дело касается „Ле Груп", он не стал.

Связь с „Ле Груп" представлялась Авнеру чем-то вроде игры с тигром, которого он схватил за хвост. Отношения Авнера с „папа" и его сыновьями строились на основе принципа „доверие-страх", а не „любовь-ненависть". Так было до самого конца их миссии. Авнеру не удалось выяснить и во время своей второй встречи с „папа", была ли деятельность „Ле Груп" связана с политическими мотивами, — иначе говоря, оказывали ли они предпочтение какой-нибудь политической доктрине или, продавая информацию и услуги, руководствовались исключительно коммерческими соображениями. Авнер не мог знать, обслуживали ли они ООП, но понимал, что фракция „Красная армия" организации Баадер-Майнхоф была в числе их клиентов, так как Андреас знал Луи. Возможно, что в большинстве своем их политическими клиентами были заговорщики, противники де Голля и другие деятели „черного", то есть правого террора. В связи с этим можно было понять веру „папа" в то, что богатые частные дельцы и семьи старых аристократов играют важную роль в международных осложнениях: личный опыт „папа" это подтверждал.

С этой позиции можно было понять и его враждебность по отношению к англичанам, которые подорвали установившийся в мире порядок, с преступной легкостью отказавшись от своей империи. При этом им удалось сохранить во всем мире англосаксонские институты и духовные ценности, сохранить благодаря вмешательству ненадежных, богатых американцев, поведение которых оставалось непредсказуемым. Если „папа" разделял некоторые из политических взглядов своих клиентов антиголлистов, он, несомненно, должен был думать именно так.

Как правило, однако, привязанности частных организаций типа „Ле Груп" определяются не идеологическими, а чисто финансовыми интересами. Иногда — личными. Вообще говоря, они могли спокойно выдать террориста контртеррористу, или палестинца израильтянам и с такой же легкостью, наоборот. С другой стороны, они могли покровительствовать человеку, независимо от того, к какому лагерю он принадлежит, потому только, что им нравилось вести с ним дела или он сам им нравился. „Шестое чувство" подсказывало Авнеру, что все у него будет в порядке до тех пор, пока „папа" симпатизирует и доверяет ему. Или до тех пор, пока его устраивают их деловые отношения.

Что касается работы „Ле Груп", то она была безупречной. Можно было с уверенностью сказать, что оценить по достоинству информацию, поставляемую ее сотрудниками, и услуги, ими оказываемые, было трудно. (Ганс утверждал, что именно этого

принципа „папа" и Луи в своих расчетах и придерживаются.) Сотрудники „Ле Груп" были много надежнее и толковее, чем любые агенты Мосада и арабские осведомители. Неизвестно, удалось бы Авнеру и его группе выследить кого-нибудь из террористов без помощи Луи.

И в самом деле, вплоть до 1973 года Мосад ничего о них не знал. Помимо операций с Насером, Адваном и Наджиром в Бейруте, разведывательные службы Израиля помогли им только в одном случае. В материалах Эфраима они нашли адрес Хамшари и указание на то, что Звайтер, возможно, находится в Риме. Все остальное предоставила в их распоряжение „Ле Груп".

Карл, любивший употреблять латинские выражения, прозвал Луи Deus ex machina. Запомнить это выражение Авнеру не удавалось, и он его переделал на еврейский лад. „Пойду позвоню Мойше-машине", — говорил он, собираясь звонить Луи.

Неделю спустя Луи сообщил, что Будиа в Париже.

Роберт немедленно вылетел в Брюссель, а Стив в тот же день, в 10.25 утра запарковал один из „вэнов" „папа" напротив кафе „Этуаль д'Ор" на углу рю Джюссье и рю де Фоссе Сент-Бернар на Левом берегу. Это было в четверг 28 июня.

Будиа совсем не походил на тех, с кем им приходилось иметь дело до сих пор. Засечь его было исключительно трудно. Ни где он будет ночевать, ни куда направится днем, ни когда вернется, — предсказать было нельзя. Оставалось одно — держать его под неусыпным наблюдением и уничтожить сразу, как только представится возможность, днем или ночью — при условии, если он будет один, если время, место и прочие обстоятельства покажутся благоприятными и если осторожный и опытный алжирец не обнаружит, что за ним следят, и не сумеет ускользнуть.

Чтобы свести этот риск к минимуму, Авнер договорился с Луи, что наблюдение будет вестись в широком масштабе с использованием как можно большего числа разных людей. При прочих равных условиях наиболее перспективным в слежке за Будиа казалось добиться того, чтобы один и тот же человек или машина не попадались ему на глаза дважды. За деньги все это можно было устроить. В определенных пределах, конечно. В Париже „Ле Груп" имела в своем распряжении более двенадцати хорошо обученных осведомителей.

Будиа часто ездил на машине. Поэтому было решено для его ликвидации использовать бомбу, не исключая, однако, и другие средства. Всегда в запасе оставалась возможность просто застрелить его. Это не требовало тщательной предварительной подготовки, но было самым опасным способом для них самих. Кроме того, такой акт возмездия был лишен „художественного" начала, о котором в свое время толковал с ними Эфраим. Впечатление от

акции в этом случае было бы менее устрашающим. Кроме того, была еще одна причина, почему Авнер не любил прибегать к револьверу. Убийство Звайтера и аль-Кубаиси оставили в их душе неизгладимо тяжкий след. Они этого вопроса никогда не обсуждали, но это было ясно и без обсуждений.

Попросту говоря, нажать кнопку дистанционного управления было легче, чем встретиться лицом к лицу с конкретным человеком, пусть даже террористом, и с расстояния меньше чем метр несколько раз в него выстрелить.

Бомба, которую изготовили в Бельгии Роберт и его помощник, была в принципе такой же, как те, которые они использовали при ликвидации аль-Шира. Только на этот раз вместо шести маленьких бомб была одна. Активирование происходило так же. Помещенная под сиденье машины, бомба приводилась в состояние боевой готовности при давлении — в данном случае человеческого тела, и взрывалась по радиосигналу. Управление по радио служило гарантией безопасности постороннего человека, случайно оказавшегося рядом с машиной Будиа в момент взрыва или его спутника, который мог сесть в машину вместе с ним. С другой стороны, если бы радиосигнал был единственным активатором, бомба могла бы взорваться в процессе подготовки акции.

Все эти предосторожности вызывали подчас раздражение у Стива. Как-то, когда они сидели над разработкой своих планов, он сказал:

— Мы — идиоты. То, что происходит, это война, не так ли? Почему я сижу и ломаю себе голову над тем, как получше организовать отступление? Почему Роберт возится с этими радиосигналами? Знаете, как поступил бы Будиа, приди ему в голову кого-нибудь из нас прикончить? В восемь часов вечера он подсоединил бы бомбу к нашему зажиганию или поручил бы это сделать одной из своих любовниц, а в одиннадцать пил бы спокойно чай в Алжире. Он не стал бы беспокоиться о том, кто вместе с нами взорвется на следующее утро, когда мы будем заводить этот чертов мотор. Он сказал бы — это война! А мы что делаем? Стараемся запарковать „вэн" так, чтобы ни в коем случае не потерять Будиа из вида. И чтобы мы находились не более чем в тридцати метрах от него! Мы — болваны. В конечном счете именно поэтому выиграют они, а не мы.

Все молчали.

— Ты высказался? — спросил Карл. — До конца? Тогда займись, пожалуйста, своей работой.

В это время новой любовницей Будиа была стенографистка, живущая на рю Буано в восемнадцатом арандисмане. В среду, двадцать седьмого числа, машина алжирца в течение всей ночи стояла у ее подъезда. Авнер, однако, не рискнул подкладывать бомбу в машину, так как опасался, что утром Будиа захочет подвезти девушку на работу. Однако утром девушка вышла из

дома одна, через полтора часа после ухода Будиа, который покинул ее в шесть часов. Фирма, где она работала, находилась в пятом арандисмане на Левом берегу. Будиа поехал именно туда. Это было длительное путешествие — от рю Буано до рю де Фоссе Сент-Бернар у бульвара Сент-Жермен. Будиа ехал сорок пять минут, несмотря на то что выехал рано, до утренних транспортных пробок. В 6.45 он запарковал машину на угловой стоянке — как раз перед современным зданием Парижского университета, известным под названием „Пьер и Мари Кюри".

Выйдя из машины, Будиа запер ее и направился, видимо, куда-то неподалеку. Один из людей Луи последовал за ним пешком. Другой поехал на машине. Было похоже, что Будиа собирался посетить еще одну из своих любовниц, живущую в одном квартале от стоянки машины.

Через полчаса Стив и Роберт подъехали в „вэне", который они поставили так, что он заслонил машину Будиа. И Роберт, и Стив были в рабочих комбинезонах.

Хотя на противоположной стороне рю де Фоссе Сент-Бернар находилось несколько магазинов, улица в этот час еще была безлюдной. Тем не менее из предосторожности они все-таки предпочли заслонить от прохожих машину Будиа своим „вэном". Никто не знал, когда Будиа вернется, но осведомитель „папа", который следовал за ним по пятам, должен был их предупредить о его появлении. У Стива и Роберта времени было достаточно, для того чтобы скрыться.

Бомбу упрятать под сиденье в машине можно было мгновенно. На этот раз она представляла собой небольшой пакет — и никаких проводов, никаких таймеров.

За тридцать секунд Стив открыл дверцу „рено", меньше минуты потребовалось Роберту. Еще несколько секунд — и Стив запер дверцу машины. Бомба лежала под сиденьем.

Было около восьми утра. Стив и Роберт сели в „вэн" и отъехали на угол рю Джюссье и рю Фоссе Сент-Бернар. Авнер и Ганс, маневрируя на своей машине, изловчились занять два места вместо одного. „Вэн" со Стивом и Робертом подъехал к ним и встал на припасенное для него место.

Карл находился где-то неподалеку, предоставленный сам себе. Прошло уже почти три часа. Было 10.45. Ни осведомитель, ни сам Будиа не появлялись.

Вдруг большой грузовик встал перед машиной алжирца, на том самом месте, где недавно стоял „вэн" Стива и Роберта, и заслонил от них „рено" Будиа. Ничего поделать они не могли. Авнер даже хотел под каким-нибудь предлогом попросить водителя грузовика продвинуться вперед. Он опасался, что они не заметят, как Будиа сядет в машину, и потом вынуждены будут следовать за ним и производить взрыв в каком-нибудь другом месте. А это

грозило всякими осложнениями. Авнер молил Бога, чтобы грузовик отъехал. Возможно, его молитва была услышана — грузовик уехал через несколько минут. Но тут же двое — молодой человек и девушка, — видимо, студенты, остановились у машины Будиа. Девушка даже облокотилась на нее. Разумеется, когда появится хозяин машины, они отойдут в сторону. Но на достаточное ли расстояние? Авнер, который только что молил о скорейшем возвращении Будиа, теперь стал молить о том, чтобы он задержался, пока молодые люди не закончат свой разговор. Он даже попытался прибегнуть к телепатии, повторяя про себя: „Ну же, крошка, скажи ему „да", о чем бы он тебя ни просил. Скажи ему „да" и уходи". Кажется, он действительно обнаружил в себе некие телепатические возможности — они ушли.

В одиннадцать часов человек „папа" появился в конце улицы. Авнер взглянул на Роберта, сидевшего в „вэне" рядом со Стивом. Роберт кивнул. Авнер включил зажигание. Стив должен был последовать его примеру.

Будиа открыл машину, сел на шоферское место и захлопнул дверцу. Авнер подумал, что он вряд ли успеет вставить ключ в зажигание, но „рено" двинулся с места. Секунду спустя взрывом сорвало дверцу машины и покорежило ее крышку.

Эта бомба была самым совершенным изделием Роберта. Радиус ее действия был настолько ограничен, что кто-нибудь, находящийся даже в трех метрах от машины, вряд ли мог пострадать. А эффект был полный. У Будиа не было шансов остаться в живых.

По слухам, подружка алжирца, работавшая в офисе неподалеку от места взрыва, слышала грохот, хотя, конечно, понятия не имела, что он означал.

Алжирец, которому был сорок один год, погиб мгновенно. На следующий день в парижских газетах высказывались предположения, что Будиа мог стать жертвой несчастного случая в связи с взрывчатыми веществами, которые он, возможно, получил в одной из химических лабораторий от левонастроенных студентов. Основанием для этих предположений послужило то, что машина Будиа стояла у здания „Пьер и Мари Кюри", а также ставшие известными его связи с подпольем.

Полиция поначалу тоже придерживалась этой версии, так как не обнаружила в машине никаких проводов.[3]

Авнер и его коллеги покинули Париж в первых числах мая. Как всегда, по очереди. Хотя Авнер и не перестал мучиться приступами страха, но на этот раз он чувствовал полное удовлетворение.

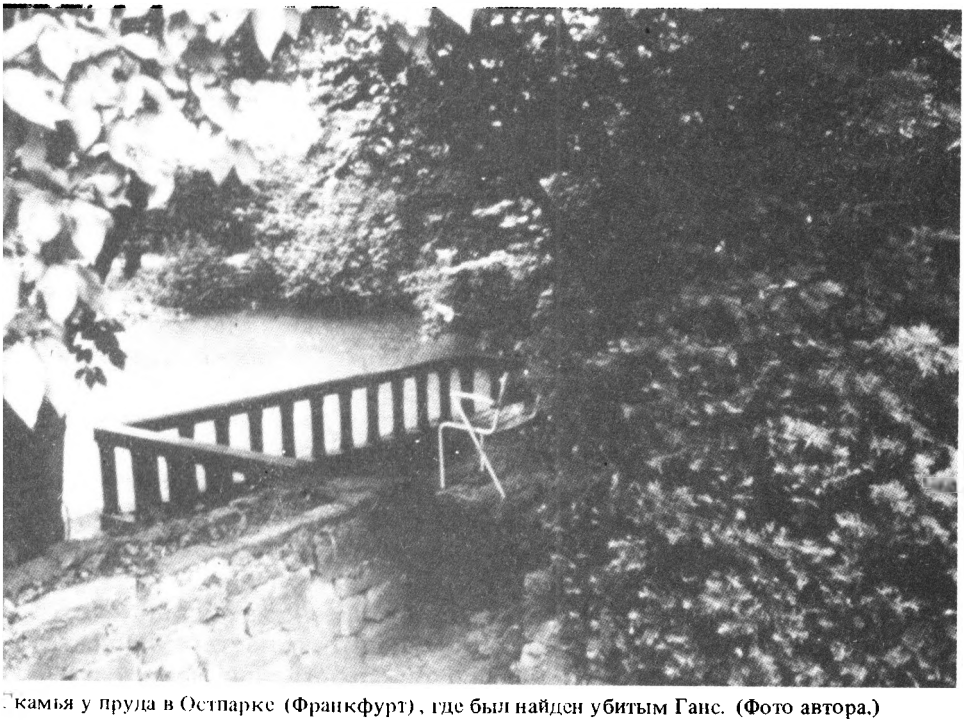
Даже Карл, прозванный ими Осторожным, и не склонный к излишним восторгам, признавал, что их деятельность развивается успешно. В своей роли мстителей они выступили девять раз в течение девяти месяцев. И все девять раз удачно. В списке Эфра-

Рю Фоссе Сент-Бернар в Париже. Снимок сделан с места наблюдения Группы Авнера. Справа здание „Пьер и Мари Кюри", напротив которого была запаркована машина Будиа. (Фото автор

Французская полиция у машины с телом М.Будиа
28 июня 1973 г. (Wide World Photos)

Паспортная фотографияБудиа
(Wide World Photos)

Дом № 175 по рю Д'Алезиа в Париже, где жил М.Хамшари. (Фото автора.)



Камья у пруда в Остпарке (Франкфурт), где был найден убитым Ганс. (Фото автора.)

има оставались теперь трое. Если им удастся ликвидировать еще хотя бы двоих, они сравняют счет. Одиннадцать террористов за одиннадцать израильских спортсменов в Мюнхене. Око за око.

Ни Авнер, ни Карл, ни Роберт, так гордившийся своими техническими достижениями, — никто из них не мог знать, что с исчезновением Мохаммеда Будиа в верхах палестинской организации в Европе появилось вакантное место, которое должен был вскоре занять самый знаменитый в этом десятилетии террорист. Через несколько недель на месте убитого алжирца появился человек, который переименовал организацию „Паризьен Ориенталь" в „Будиа-Коммандос".

Речь идет о приземистом венесуэльце, которому при рождении дали имя Ильич Рамирес Санчес.

Вскоре, однако, он стал хорошо известен во всем мире под именем Карлос Шакал.

6 октября, днем Авнер летел на самолете компании „Ти-дабл-ю эй" из Франкфурта в Нью-Йорк. В этот день, в два часа по тель-авивскому времени началась война с Египтом и Сирией.

За двенадцать месяцев, в течение которых Авнер и его группа пытались найти и ликвидировать одиннадцать ведущих террористов, живущих в Европе, на Ближнем Востоке произошли серьезные перемены дипломатического и военного характера. Эти перемены уменьшили значение их миссии.

В Судный день, самый торжественный у евреев праздник, днем, арабы напали на Израиль на двух фронтах. С юга наступали Вторая и Третья египетские армии, в состав которых входило пять дивизий. Они предприняли атаку на оккупированную территорию Синая через Суэцкий канал. С севера двинулись пять дивизий сирийской армии, наступая на линию прекращения огня, установленную после Шестидневной войны. В наступлении участвовали, по приблизительному подсчету, силы, эквивалентные силам НАТО в Европе. С самого начала было ясно, что победа арабов означала бы конец Израиля и, возможно, массовое истребление еврейского населения в масштабах, вполне сравнимых с геноцидом времен второй мировой войны. Воспрепятствовать этому могло лишь быстрое вмешательство великих держав.

Авнер не видел более смысла в пребывании во Франкфурте или в Женеве. И в охоте за Саламэ и доктором Хададом тоже. Это было для него в психологическом отношении немыслимо. Война застала их врасплох, почти так же как и все население Израиля. Почти — потому что с самого начала 1973 года они получали сведения о передвижении египетских войск и о подготовке Египта к войне. Получали эту информацию и другие агенты Мосада. В первых числах мая Авнер сообщил об этом Эфраиму. И Авнер, и Карл сочли необходимым это сделать, хотя, строго говоря, это в их обязанности не входило. После войны выяснилось, что подобная информация поступала в Иерусалим в течение целого года и из источников более осведомленных, чем группа Авнера.

В день 6 октября 1973 года все это уже никакого значения не имело.

Не оставалось времени и на то, чтобы сидеть в Женеве и ожидать инструкций. Надо было принимать решение. И Авнер его принял.

— Я отправляюсь в Израиль в свою часть, — сказал он. — Я бы хотел, чтобы Карл и Ганс оставались в Европе и занимались магазином. Стив и Роберт могут поступать как хотят. Есть вопросы?

Как и следовало ожидать, возражал только Ганс. Он утверждал, что Карл справится и один. Но Авнер был непреклонен. Он не хотел оставлять Карла одного, опасаясь, что это могло означать конец их миссии. А они к этому готовы не были. Его аргументация была настолько убедительной, что к дисциплинарным мерам прибегать не пришлось. Из соображений безопасности Стив и Роберт решили лететь в Израиль через Южную Африку. Авнер выбрал Нью-Йорк.

В нынешних обстоятельствах Авнер и его партнеры прекратили бы охоту за двумя лидерами террористов, даже если бы уже шли за ними, что называется, по горячему следу. Но с момента убийства Будиа они ни на шаг не продвинулись к своей цели. Об Али Хасане Саламэ до них доходили только слухи. Вади Хадад, похоже, навсегда окопался в Адене в Южном Йемене.

Но это было еще не все.

После июня не только Авнер, но как будто и Карл стал сомневаться в целесообразности их миссии вообще. И не только миссии как таковой, но и всей системы взглядов, которая лежала в основе этого начинания. Они эти вопросы не обсуждали, но не задумываться над ними Авнер не мог. „Шестое чувство" подсказывало, что и у остальных — у всех, пожалуй, кроме Стива, — возникли сомнения. Авнер отдавал себе отчет в том, что подобные мысли — ересь. И при этом опасная. Люди, одолеваемые сомнениями, не должны принимать участие в подобных операциях. Тем не менее сомнения одолевали его со все возрастающей силой. Дело было не в том, что он раскаивался в совершенном. Если это слово и было уместно, то не в обычном своем смысле. Авнер не сожалел о физическом уничтожении террористов. Не сожалели об этом, как он понимал, и остальные. Убивать Авнер не любил. Но террористов, каждого из них в отдельности, он убил бы вновь, если бы это потребовалось. Так что дело было в другом.

В ощущении бесперспективности всей этой затеи.

В известном смысле, разумеется, убийства лидеров федаинов были актом возмездия. Одна бомба — за Иосифа Готфрейнда, вторая — за Моше Вайнбергера... Дюжина пуль — за оторванную ногу Ханны Марон.

Голда Меир на заседании Кнессета сформулировала это так: правительство не может гарантировать, что покончит с терроризмом вообще, но обещает каждый раз отрубать ту руку, которая наносит удар.[1] Впервые за многие тысячелетия было заяв-

лено, что за убийство евреев — мужчин, женщин и детей — придется дорого расплачиваться. Авнер ничего дурного в этой концепции не видел. Когда потребуется, он готов играть роль карающего меча.

Предполагалось, что миссия, с которой они были посланы в Европу, в конечном счете должна была ослабить позиции террористов и повлечь за собой уменьшение числа террористических актов против Израиля во всем мире. Их деятельность не могла прекратить выступления террористов полностью, но, казалось, могла бы их снизить. Они отрубали головы чудовищу, о котором говорил Эфраим. Но вопрос состоял в том, что это давало? Как чувствовали себя лишенные лидеров террористы? Как отражалось это на терроризме как функционирующем движении?

Складывалось впечатление, что Эфраим ошибался в своих оптимистических прогнозах. Чудовище вырастало, точно отсечение одной головы стимулировало рост новых.

В Мадриде был убит Барух Коген. Террористы отправили большое число писем со взрывчаткой, и некоторые из адресатов погибли. Израильское посольство в Бангкоке было захвачено федаинами. В марте на Кипре был убит израильский бизнесмен, в апреле итальянец — служащий авиакомпании „Эль-Ал" в Риме. В тот самый день, когда происходил рейд на Бейрут, палестинцы чуть не убили израильского посла и его семью на Кипре и взорвали бы лайнер „Эль-Ала", если бы им вовремя не помешали. В отместку за смерть Будиа, как объяснило радио „Голос Палестины", террористы убили Иосифа Алона, израильского военного атташе в Вашингтоне. Примерно через три недели после этого объединенная группа террористов из Народного фронта и японской группы „Красной армии" захватила японский Боинг-747, который направлялся в Амстердам. Руководитель террористов (женщина) погибла от разрыва ручной гранаты. Тем не менее самолет летал над странами Ближнего Востока в течение четырех дней. В конце концов террористы посадили его в Бенгази, пассажиров отпустили, а сам самолет взорвали. 5 августа двое убийц из Национальной организации „Молодежь за освобождение Палестины" атаковала в Афинах только что прибывший из Тель-Авива самолет. В результате пятеро пассажиров были убиты и пятьдесят пять ранены. Месяц спустя в Риме пятеро террористов из организации „Черный сентябрь" пытались выпустить две советские ракеты САМ-7 „земля-воздух" с тепловым наведением по летящему самолету „Эль-Ала". За неделю до этого, 28 сентября, двое федаинов из организации „Сайка", террористической фракции, поддерживаемой Сирией, захватили в Австрии поезд с эмигрантами из Советского Союза и вынудили австрийского канцлера Бруно Крайского закрыть эмиграционный лагерь в Шенау в обмен на освобождение заложников. Авнер был убежден,

что эта акция была инспирирована Сирией с целью отвлечь внимание израильского правительства от операции по подготовке нападения арабов на Израиль. В какой-то мере Сирии это, безусловно, удалось.

Голда Меир, разгневанная беспомощным поведением Крайского, вылетела в Вену, несмотря на протесты некоторых членов израильского кабинета министров, и безуспешно пыталась повлиять на австрийского канцлера. Все это происходило уже непосредственно перед началом войны. Террористы правильно рассчитали, что Крайский, будучи социалистом и к тому же евреем, пойдет на уступки скорее, чем кто-либо другой из европейских лидеров.

Все это составляло лишь надводную часть айсберга. Террористических акций меньшего масштаба или менее успешных было в этом году много, а главное — никто не знал, что скрывает этот айсберг под водой.

Установить, в какой степени деятельность группы Авнера повлияла на активность террористов, было невозможно. Можно было только гадать, насколько активнее были бы террористы, не будь уничтожены их девять лидеров. Объективность требовала признать, что и без этих девяти арабские террористы свои функции выполняли не так уж плохо и в сущности на их жизнеспособность это не повлияло.

Чудовищный дракон терроризма был жив и чувствовал себя уверенно. Одна за другой вырастали у него новые головы, иногда более страшные, чем те, которые они отсекли, — как в случае с Карлосом.[2]

И еще одно обстоятельство усилило разочарование, которое испытывал Авнер. События, разыгравшиеся в июне 1973 года, подтвердили его и Карла опасения, что их группа не была единственной. Карл спрашивал об этом Эфраима еще в день первой с ним встречи.

В июне 1973 года бомбой, подложенной в машину, были убиты двое арабских террористов в Риме.[3] Авнер и его друзья не знали об этом до тех пор, пока не получили сведений от Тони, который предполагал, что это была их работа и недоумевал, почему на этот раз они не прибегли к его услугам. Чем он им не угодил? Так что даже многоопытный и хорошо информированный Тони на этот раз ошибся. Конечно, два террориста-араба могли быть убиты членами какой-нибудь враждовавшей с ними группировки, но ни Карл, ни Авнер в это не верили. Они только молча переглянулись — Авнер пожал плечами, а Карл нахмурился.

21 июля произошло трагическое событие, превратившее их подозрения в уверенность. В этот день в маленьком норвежском курортном городке Лиллехаммер израильские агенты стреляли в араба, предполагая, что это Али Хасан Саламэ. Араб был убит. Несколько человек из этой группы были сразу же арестованы нор-

вежской полицией. Это было и само по себе скверно, но к тому же впоследствии выяснилось, что вместо Саламэ был убит марокканец по имени Ахмед Бучика, официант. Его буквально изрешетили пулями, когда он мирно прогуливался со своей беременной женой норвежкой. Бучика, который, по всей вероятности, никакого отношения к терроризму не имел, оказался тем самым совершенно ни в чем не повинным посторонним человеком, чью жизнь щадить и беречь призывал их Эфраим.[4]

Авнера и его товарищей эти новости просто ошеломили. Их коллеги допустили ужасную ошибку и, кроме того, были задержаны и опознаны полицией, то есть одновременно они совершили два проступка, недопустимых в практике агентов. И то, и другое было серьезнейшим нарушением профессиональных норм поведения. Авнер и его товарищи именно этим и были удручены. Если бы эти ошибки совершили случайные люди, это было бы понятно, но их совершили их коллеги, прошедшие ту же школу, что и они сами.

То, что призошло в Лиллехаммере, заставило их впервые по-настоящему осознать, как легко что-нибудь упустить из вида. Газетные статьи, посвященные событиям в Норвегии, казались им похожими на предупреждение новичку-гонщику, который как бы наблюдает свою собственную первую аварию.

И с ними вполне могло произойти то же. Эти ребята прошли хорошую тренировку... В состав команды их включили после тщательной проверки. Драматизм ситуации состоял вовсе не в том, что им предстояло провести несколько лет в норвежских тюрьмах. Это, сравнительно со всем остальным, не такое уж большое зло. Главное — в течение каких-нибудь десяти минут они, по выражению Карла, превратились из героев — в ничто.

Это Авнера и его товарищей потрясло более всего.

Не нравилось им и существование других команд. Вероятно, они были несправедливы. Почему бы и нет? У них ведь не было монополии на уничтожение террористов. Никто им не обещал персональную лицензию на охоту за ними. И уж Эфраим тем более. Он просто сказал тогда Карлу, что на этот вопрос ответить не может. Это война. И генерал Цви Замир не гарантировал своим гостям особые привилегии — убивать столько монстров, сколько они пожелают.

В армии Авнер воевал бы плечом к плечу с бойцами других подразделений и ему бы и в голову не пришло возражать против того, что соседи стреляют по тем же целям. Совсем наоборот. Он был бы им за это только признателен.

Но в их теперешней деятельности было что-то особое, специфическое. И мысль о том, что кто-то делает то же самое, была невыносимой. Почему? Они не могли бы точно сформулировать ответ на этот вопрос. Может быть, они ошибались? Но после тра-

гедии в Лиллехаммере Авнер не раз возвращался к одной и той же мысли — сколько же человек посетили Голду Меир на ее квартире? Скольких еще она обнимала за плечи? Кто еще с этого момента становился „делателем" еврейской истории? Сколько еще таких „екке-поцев" болтается по всему свету, все время вспоминая ее рукопожатие, ее голос... И рискуют жизнью в уверенности, что делают что-то необыкновенное, что они единственные. А на самом деле? На самом деле — они не более чем солдаты, как и все остальные, как любой рядовой, потеющий в танке где-нибудь на Голанских высотах.

Но ведь они и в самом деле солдаты. Разве не стыдно беспокоиться о таких вещах? Ганс высказал общее мнение, когда после небольшой паузы произнес:

— Ребята, я думаю, нам надо запомнить, что мы не киногерои.

Так-то оно, так. Но все же...

Почему, почему галицийцы включили в список, выданный команде в Норвегии, те же имена, что и в список для них? Разве все террористы наперечет? Зачем было посылать их охотиться за Саламэ? Неужели всем командам был выдан один и тот же список? И возможно ли, — при этой мысли у Авнера даже сердце сжалось, — что там, в Тель-Авиве, даже не знают, какая именно группа уничтожила того или иного лидера террористов? „Я узнаю из газет", — сказал когда-то Эфраим. Может ли быть, что их заслуги в Риме, Париже и Никозии приписывали другим?

Нет, этого быть не могло. Они встречались с Эфраимом в Женеве перед рейдом на Бейрут и рассказали ему тогда о своих делах. Однако ему это, по всей вероятности, было безразлично. Но именно это безразличие и было оскорбительно для них. С другой стороны, — а почему, собственно, Эфраиму должно было быть важным, кто непосредственно уничтожил того или иного террориста? Не было ли это чувство оскорбленного достоинства вообще ошибкой? Вместо того, чтобы ощущать себя простым солдатом, Авнер сам ставил перед собой эти вопросы, вероятно, только для того, чтобы оправдать владевший им страх. В этом и состоит истинная причина его настроения, решил он.

Все эти размышления о бессмысленности усилий, о безразличии к их героизму, о том, что они не оценены по заслугам, наконец, о необходимости делить славу с кем-то, может быть, подсказаны этим ощущением страха? Не мог же он признаться самому себе, что боится. И все-таки его настроение имеет только одно объяснение — он просто трус, который старается найти своей трусости оправдание.

Авнер содрогнулся при этой мысли. Но — кто знает? — может, так оно и есть? Самое лучшее — вернуться в действующую армию. Просто отправиться в свою часть. И все сразу станет ясным. Он — солдат, как и все вокруг. Тем более в момент, когда страна

нуждается в простых солдатах больше, чем в героях. Битва лицом к лицу. Первым захватить высоту. Первым забросить гранату в бункер противника. Действовать — и доказать самому себе, что он не трус. Это излечит его от болезни, которая вызывает судороги в желудке.

Нью-Йорк был в тревоге. Слухи о неблагоприятном для Израиля повороте событий заставили тысячи людей — иммигрантов из Израиля, американских евреев и неевреев — устремиться в аэропорты с тем, чтобы лететь на помощь еврейскому государству. Это создало дополнительные сложности. Люди, в военном отношении неопытные, пусть с самыми лучшими намерениями, не могли заменить настоящих солдат. Официальные лица в аэропорту пытались навести порядок, но натолкнулись при этом на сопротивление. Сообщения о том, что египетские армии переправляются через Суэцкий канал и строят там укрепления, а на некоторых участках продвинулись к „Лексикону" — главной дороге, идущей по израильскому берегу вдоль канала, — свидетельствовали о серьезности положения.

Авнер решил ехать в Израиль по своему настоящему израильскому паспорту. В качестве майора-резервиста части особого назначения он сможет получить билет на ближайший рейс самолета израильской авиакомпании „Эль-Ал". Что касается последствий, то о них он будет думать когда-нибудь потом. Он, правда, ничего страшного не ждал. Нынешняя ситуация ни в какое сравнение не шла с ситуацией, когда он самовольно прилетел в Тель-Авив перед рождением Геулы. Теперь, в крайне опасной обстановке, никто не стал бы укорять его за то, что он возвратился в Израиль, не имея на это специального разрешения. Израиль был так мал, граница между победой и поражением настолько зыбкой, особенно при современных способах ведения войны, — что и без специальных разрешений было ясно, что именно надлежит делать каждому израильтянину во время войны. Даже если в будущем ему грозит наказание за самовольство, Авнер мог рассчитывать на снисхождение.

Из аэропорта он позвонил Шошане и попросил ее приехать.

Шошана приехала и привезла с собой Геулу. Десятимесячная девочка показалась Авнеру очень симпатичной. Он впервые взглянул на нее не просто с любопытством — он вдруг почувствовал, что это его дочь. Авнер поцеловал их обеих — ее и Шошану. Шошане он оставил номер телефона одного из своих друзей, с тем, чтобы она попросила его встретить Авнера в аэропорту Тель-Авива на машине. Телефонный разговор с Израилем практически получить было невозможно. Штаб части Авнера располагался южнее Хайфы, в одном часе езды от аэропорта Лод. Как и многие в Израиле, Авнер счел нужным приехать в часть в частной машине. И попал в историю.

Самолет прибыл в Лод без приключений. Друг Авнера ждал его с машиной. Они обнялись. Авнер взял ключи, бросил свой чемодан на заднее сиденье и через несколько минут уже ехал по дороге на Хайфу. Он успел проехать не более километра, как его остановила красивая, но строгая девушка в полицейской форме.

— Что случилось? — удивленно спросил Авнер. Он даже не превысил скорость.

— Вы что, не знаете, какой сегодня день? — возмутилась девушка.

Еще секунду Авнер смотрел на нее в недоумении. Потом вспомнил. И он, и его друг впопыхах совсем забыли, что из-за нехватки бензина в Израиле были введены ограничения на пользование машинами, и, для того чтобы иметь право ездить, необходимы были специальные талоны, разные для каждого дня.

Было воскресенье, а талон на машине Авнера не соответствовал воскресному дню.

В Израиле во время войны это считалось серьезным нарушением порядка. Протестовать было бесполезно. Девушка-полицейский препроводила его в помещение транспортного суда.

За столом, во всем своем официальном великолепии сидел пожилой галициец с аккуратно подстриженными седыми усами.

Авнер пытался, как мог, оправдать свое поведение. Он объяснил, что только что прибыл из-за границы, что он офицер запаса, что он торопится присоединиться к своей части и участвовать в войне. Он понимает, что нарушил порядок, но все дело в том, что он уже давно не был в Израиле, забыл об этом, что...

— Если только можно, пожалуйста, разрешите мне продолжать путь, — закончил он свои длинные объяснения.

— Конечно, можно. Но сначала уплатите штраф. — И галициец назвал сумму в двести израильских фунтов.

Сумма была невелика, но у Авнера не было израильских денег.

— Можно мне заплатить позднее? — спросил он.

Во взгляде галицийца была ирония человека, которого так просто не проведешь.

— Сначала разреши вам ехать, — сказал он. — Теперь дай вам отсрочку с уплатой штрафа. А что если вас убьют? Кто тогда будет за вас платить этот штраф?

— О Боже! — только и сказал Авнер, глубоко вздохнув.

И все же как хорошо было дома.

Трагический для Израиля день был днем ликования для арабских патриотов во всем мире. В течение двадцати пяти лет, со дня основания Израиля, арабы не выиграли не только ни одной войны с Израилем, но и ни одного сражения. Переброска египетской армии через Суэцкий канал 6-7 октября 1973 года расценивалась прежде всего не как военное достижение, а как восстановление

поруганной чести. Мужского начала. Это ощущение было неподдельным и глубоким. Например, сирийский бард Низар Кабани, в поэме, написанной в эти дни и посвященной победам египетских армий, непосредственной темой своих стихов избрал не военные действия, а любовный акт, который он описывал в следующих выражениях:

Заметила ли ты тот момент,
Как я вышел из своих берегов,
Как покрыл тебя водами всех рек?..
Заметила ли ты, как я отдался тебе, —
Так, точно видел тебя в первый раз?
Заметила ли ты, как мы воедино слились,
Как задыхались, как покрывались потом?
И как превратились в пепел... Как воскресли вновь,
Точно в первый раз мы любили друг друга...

В нашем столетии поэзия занимает в арабской культуре значительно большее место, чем в культуре Запада. Она стала инструментом и ведущей силой, формирующей политическое мировоззрение и политическую активность. Она отражала и в известной степени создавала чувства и настроения воинствующего национализма, охватившие весь арабский мир.

Но едва обретенная Низаром Кабани мощь, между тем, быстро исчерпала себя. К 14 октября израильские силы остановили наступление, а к 16-му сами перешли в наступление, сводя на нет эффект от египетской атаки на Синай. Но, как ни странно, дивизии генерал-майора Ариеля Шарона, перешедшие Суэцкий канал, не изменили настроений, выраженных в поэме Кабани.

Меч Израиля, рассекший надвое силы атакующих, разъединив Вторую египетскую армию с Третьей, не поразил дух арабского сопротивления.

Почву для таких настроений создавали не только успехи, но в не меньшей степени и неудачи. В Израиле это хорошо понимали. На протяжении первых трагических дней Войны Судного дня, например, ходили слухи, что нежелание американцев настаивать на прекращении огня связано с тем, что, по мысли государственного секретаря Генри Киссинджера, арабы нуждались хотя бы в какой-то победе, которая помогла бы им восстановить национальное самоуважение. В этом случае, считал Киссинджер, они сядут за стол переговоров в более миролюбивом настроении.

Интересно и другое.

Чувства арабов были сходны с чувством побежденного Давидом Голиафа. Нечто подобное пришлось в нашем веке испытать китайцам или русским после побед, одержанных над ними Японией.

О страданиях слабого от сильного писалось неоднократно. Но мало кто обращал внимание на то, как велика психологическая травма сильного, вынужденного уступить слабому. Между тем известно, что эти уступки сопровождаются обычно взрывом ярости незаурядной силы. По словам Кабани, патриот в этих условиях легко превращается в воина.

...От поэта, воспевающего любовь и тоску,
К тому, кто начинает писать ножом...

Многие из интеллектуалов от призывов к вооруженной борьбе переходили к участию в ней. Поэта Тауфика Зайяда, например, не грызли сомнения, когда в своих стихах он называл тех, кого считал для себя примером.

Мои друзья — в плодородных полях сахарного тростника.
Мои друзья — в очистительных нефтяных заводах гордой
Кубы,
Из моей обители, моего любимого дома,
Я посылаю вам привет.
Мои друзья — те, которые наполнили мир благоуханьем
своей борьбы,
Продолжайте бороться с империализмом.
Не уступайте. — Крылья орла сильнее,
Чем ураганы.
Империалисты не понимают
Языка слез обиженных и униженных.
Они понимают только язык силы.[5]

В конце шестидесятых годов многие из интеллектуалов палестинского сопротивления решили связать свои судьбы с международным коммунистическим движением. Некоторые были искренни в этих побуждениях. Другие делали это из корыстных соображений.

Нет никаких сомнений в том, что Советский Союз стремился использовать арабский национализм в своих собственных целях. Среди палестинцев было немало таких, которые в свою очередь тоже были готовы использовать Советский Союз для осуществления собственных национальных целей, но не стремились при этом всерьез перенимать коммунистические идеалы. Среди них, кроме того, не было никого, кто готов был бы защищать интересы Советского Союза в международной политике. Главными для них оставались задачи освобождения Палестины. К началу 1968 года и союз с самим дьяволом не показался бы большинству федаинов слишком высокой ценой за освобождение.

В этом смысле „союз с дьяволом" означал нечто большее, чем

солидарность с интересами Советского Союза. На пути от национального сопротивления до международного терроризма некоторые палестинцы, так же как и многие другие, включая и такие фракции сионистов, как в свое время „Иргун", пришли к выводу, что цель неизменно оправдывает средства. Все действия, направленные на создание национального государства палестинцев, с моральной точки зрения не могут вызывать осуждения — будь это акты беспорядочного насилия по отношению к гражданскому населению Израиля или даже к гражданам других стран, невовлеченных в конфликт. В этом смысле федаины перешли грань между борьбой за национальную независимость и бандитизмом.

Не причины, породившие сопротивление палестинцев и даже не конечная цель, которую они ставили, уничтожили нравственные основы в их борьбе. Их уничтожили избранные ими методы. Однако внимание мировой общественности к себе им привлечь удалось.

Но в связи с исходом войны Судного дня борьба палестинцев осложнилась. Тем не менее военная победа Израиля впервые обнаружила и уязвимость Израиля. Это арабов удивило в большей степени, чем самих израильтян. Во всяком случае, в палестинском лагере в связи с этим возникли новые идеологические и тактические проблемы.

В расхождениях, существующих между двумя основными фракциями палестинского движения — „Аль-Фатахом" с Ясиром Арафатом во главе и Народным фронтом, возглавляемым Жоржем Хабашем, ничего нового не было. Но они углубились.

Обе фракции считали конечной целью своей борьбы уничтожение Израиля и установление на всем Ближнем Востоке социалистического строя в его арабском варианте. Но Арафат и Хабаш никогда не могли прийти к соглашению ни в вопросах тактики, ни в оценке важности тех или иных задач.

Доктор Хабаш был в первую очередь марксистом-ленинцев и лишь во вторую — арабским националистом. Он рассматривал палестинское движение как составную часть общей борьбы за установление пан-арабского марксистского правительства, направленного против империализма. Арафат же прежде всего был палестинским патриотом и видел главную задачу в освобождении Палестины. Позднее, после освобождения Палестины, считал он, наступит период так называемого освобождения человека. Многочисленные небольшие фракции в составе ООП самостоятельно определили свое отношение к группе „Аль-Фатах" и к Фронту освобождения. Однако общее руководство „Аль-Фатахом" оставалось в руках Арафата.

В Израиле отношение к Арафату было двойственным. Официально ООП в Израиле не признают даже как наиболее умеренную организацию, так же как ООП не признает Израиль. Некоторые

политические деятели в Израиле предполагали, что с палестинским лидером типа Арафата все-таки какое-то соглашение может оказаться возможным. Другие считали, что Арафат не более умеренный, чем самые воинственно настроенные террористы.

Авнер и его партнеры, вообще редко обсуждавшие политические проблемы, этот вопрос обсуждали не раз, их взгляды разделились. Стив, Роберт и Ганс категорически не доверяли Арафату. Карл их пессимизм не разделял. Авнер занимал промежуточную позицию. Уверен он был в одном — Саламэ, стратег арафатовской группы „Черный сентябрь", — должен быть ликвидирован.

В палестинской организации Саламэ был известен под именем Абу Хасан. Он был состоятельным человеком. Образование получил в Сорбонне. Будучи дальним родственником Арафата, он в отличие от него был, по слухам, очень хорош собой и пользовался большим успехом у женщин. Саламэ принадлежал к палестинской аристократии. Его отец, шейх Саламэ, был активным борцом арабского сопротивления задолго до создания Израиля. Старший Саламэ участвовал в рейдах на еврейские поселения в Палестине еще до того, как Али Хасан родился. В 1948 году он погиб от взрыва бомбы Хаганы.[6]

Саламэ, воспитанный отцом в соответствующем духе, естественно, принял участие в вооруженной борьбе. Но в силу своего происхождения он меньше, чем другие лидеры террористов, симпатизировал марксистским фракциям в палестинской организации. Это не означало, что он с ними не сотрудничал, когда дело касалось интересов палестинского движения. В Париже одним из его ближайших сообщников был марксист Мохаммед Будиа, который, как предполагали, с пятидесятых годов был коммунистом. Саламэ сотрудничал и с людьми самого правого толка, например, с организатором неонацистов в Швейцарии, который вел в Европе финансовые дела палестинцев, точно так же как во время войны делал это для нацистов.[7]

Авнеру и его друзьям вопрос о поимке Саламэ казался более важным, чем все, что они делали до сих пор. Во-первых, он шел в их списке под номером один. Кроме того, в Израиле считали, что именно он был ответственен за убийство спортсменов в Мюнхене. Уверенности в том, что эту идею выдвинул Саламэ, быть не могло, но у Мосада было достаточно данных, свидетельствующих о том, что план операции и координация действий участников принадлежали ему. Таким образом, само понятие „террорист" ассоциировалось с именем Саламэ. В акциях, совершенных контртеррористами, так же как и в акциях террористов, военные соображения часто уступали место чисто символическим представлениям: в таком контексте убийство Саламэ приобретало особый смысл, становясь как бы актом захвата знамени противника.

Вероятно, неудача Мосада в Лиллехаммере была связана имен-

но с этим. Только одержимостью, как пеленой застившей глаза агентов, можно было объяснить те ошибки, которые они совершили. Не будь эта операция направлена против Саламэ, невозможно было бы себе представить, что опытные агенты допустили бы столько нарушений элементарных правил работы разведки. Даже многочисленность группы, отправившейся в крошечный отдаленный курортный городок — уже вызывала подозрения. Спрятаться там было негде. Уехать — можно только по двум контролируемым автострадам. Так что заранее можно было сказать, что поимка агентов была неизбежной. В любом случае — даже если бы не произошло роковой ошибки. Тем не менее эта операция как серьезная ошибка Мосадом не рассматривалась. И объяснялось это только тем, что Мосад, как и его агенты, был одержим идеей во что бы то ни стало, любой ценой уничтожить человека, олицетворявшего собой международный терроризм.

Однако посторонним наблюдателям ошибки этой операции казались прямо-таки невероятными. Например, двое агентов были арестованы в аэропорту в Осло в тот момент, когда возвращали взятую напрокат машину, желая сэкономить деньги за день проката. (Авнера это, правда, не удивило. Он хорошо помнил свою встречу с прародителем всех галицийцев, требующим отчетности за каждый истраченный грош.)

Нельзя сказать, что и Авнер не был одержим идеей уничтожить Саламэ. Но он дал себе слово, что никогда не допустит небрежности, подобной той, что допустили его коллеги в Норвегии. Его группа ни за что не повторит ошибок *той* команды.

События, однако, развивались так, что его группа повторила эти ошибки.

Почти повторила.

Мосад, занятый более неотложными делами, обнаружил непредусмотренное правилами присутствие Авнера, Стива и Роберта в Израиле только после 22 октября. Каждый из них присоединился к своей части как офицер запаса, прибывший в Израиль из-за границы. Их командиры не имели ни малейшего представления о том, чем они занимались после демобилизации из армии. Пока длилась война, никто ими не интересовался. В подразделении Авнера даже повара были отправлены на фронт. Он сразу получил свое оперативное задание и воевал на северном фронте с сирийцами и в Синае — с египтянами Третьей Армии. Ему посчастливилось уцелеть. Стив и Роберт тоже не пострадали. На севере была отбита у сирийцев гора Хермон, а дивизия генерала Шарона уже окружила египетскую армию на юге. В один из этих дней появился на западном берегу Суэцкого канала офицер в джипе, который вручил Авнеру приказ немедленно явиться в штаб Мосада в Тель-Авиве и которому было поручено посадить его в геликоптер.

По дороге Авнер раздумывал о том, застанет ли он в штабе Стива и Роберта. Но их там не оказалось. Зато там оказался Эфраим.

— Вы что, с ума все посходили? — закричал он, едва Авнер вошел в его кабинет. — Вы что, полагаете, что вы такие герои, что нам без вас войны не выиграть? По существу я должен отдать вас под суд.

Тон был строгий, но Авнер почувствовал, что серьезных последствий, как он и ожидал, не будет.

— Я хочу, чтобы вы сегодня же покинули Израиль, — продолжал Эфраим. — Возвращайтесь в Европу и заканчивайте там свою работу. Если вы понадобитесь, мы вас вызовем. Я не хочу никого из вас здесь видеть, если на то не будет специального разрешения. Ясно?

Авнер отдавал себе отчет в том, что Эфраим имеет право разговаривать с ним в таком тоне. Тем не менее его покоробило. Они вернулись в Израиль, потому что стране угрожала смертельная опасность. Точно так же, как тысячи других израильтян и евреев

вообще. Конечно, дисциплину они нарушили. Но, к черту дисциплину! Выходило, что как только он подвергал свою жизнь опасности ради Израиля, как только делал что-нибудь, что не было предусмотрено его прямыми обязанностями, всегда находился какой-нибудь галициец, чтобы унижать его, отчитывать или штрафовать. И конца этому не видно.

Чувство возмущения овладело Авнером настолько, что он не смог сдержаться.

— Эфраим, разрешите вам возразить. Я ведь на вас не работаю. Припоминаете? Вы мною не распоряжаетесь.

В ответ на эту выходку Эфраим только рассмеялся.

— Уходите, — сказал он. — Уходите, пока я в вас чем-нибудь не запустил. Да, подождите минутку. Я кое-что вспомнил. Подпишите, пожалуйста, вот это.

Авнер взял лист бумаги с мелко напечатанным текстом.

— Что это? — спросил он.

— Прочтите, — сказал Эфраим. — Читать умеете, не так ли?

Авнер вновь взглянул на бумагу, но в тот момент не мог заставить себя вникнуть в текст и, вытащив ручку, поставил свою подпись. „Какой-нибудь очередной медицинский план, от которого я должен отказаться", — подумал он.

В Тель-Авиве Авнер решил перед отъездом повидать родителей. Сначала мать, потом отца. Ничего хорошего из этого не получилось.

Мать встретила его вполне формальными приветствиями. „Слава Богу, ты вернулся. Слава Богу, ты жив". И сразу перешла к другим делам — Израиль и предатели во всем мире, которые несут ответственность за эту войну. И вновь показалось Авнеру, что мать куда больше озабочена судьбой Израиля, чем его собственной. Трудности, переживаемые страной, затрагивают ее глубже, чем все то, что может произойти с ее сыном, который эту страну защищает. Все время Израиль. Израиль — так. Израиль — этак. Потом она заговорила о том, что надеется, что младшему брату Авнера, Беру, через несколько лет, когда он вырастет, не придется воевать.

Авнер подумал, что мать, как всегда, беспокоилась о мире из-за Бера и, похоже, не очень тревожилась о том, что он, Авнер, может погибнуть. Возможно, он был несправедлив по отношению к ней. И все же ничего касающееся Авнера ее не интересовало. Он, разумеется, не мог сказать ей, что он делает в Европе. Но то, что она его и не спрашивала, его задело. Конечно, она предполагала, что он „что-то делает для правительства". Но — ни одного вопроса, даже в самой общей форме. О Геуле и Шошане она, правда, спросила, но тоже мельком. А в основном говорила все время о Бере и об Израиле. Ему показалось, что ничего не изменилось с тех пор, как она отправила его в кибуц.

Встреча с отцом была неудачной по другим причинам. Отец постарел, выглядел больным и опустошенным. И все же — они так бесконечно были друг на друга похожи. Не внешне. Но по складу ума и характера. У Авнера появилось ощущение, что он смотрит в зеркало и видит себя таким, каким он будет через двадцать или тридцать лет. Ему стало страшно. И отец, видно, это почувствовал, потому что заговорил вновь о том же.

— Погоди немного, еще несколько лет, и ты будешь сидеть вот тут и ждать *от них* звонка. Они уже все из тебя выжали, а рубины спрятали. И давно уже. А ты все будешь сидеть и ждать. Ждать, несмотря на то что многое уже поймешь. Ты мне не верил, но увидишь, что именно так оно и будет.

К сожалению, Авнер начинал ему верить.

С трудом дождавшись часа, когда надо было ехать в аэропорт, он улетел в Европу, даже не встретившись со Стивом и Робертом.

Прошел ноябрь, наступил декабрь. Но ничего не происходило. Хотя они все это время были активны. Карл справедливо заметил, что никогда еще за все время их работы в Европе они не тратили столько сил и так безрезультатно. Почти ежедневно кто-нибудь из них получал новые сведения о террористах. В особенности о Саламэ. Сегодня он — в Париже, назавтра — в Испании. Затем — в Скандинавии. Были сведения и об Абу Дауде, который в их списке стоял под номером два. Тот самый Абу Дауд, который в течение всего года, с февраля по сентябрь, не давал о себе знать.

Абу Дауд провел семь месяцев в тюрьме в Иордании после неудачной попытки похитить члена кабинета короля Хусейна. Он был захвачен 13 февраля и в телевизионном интервью во всем признался, в первый раз сказав публично о существовании связи между группой „Аль-Фатах" и организацией „Черный сентябрь".

Для Мосада это не было открытием.

Двумя днями позднее Абу Дауд вместе с другими членами организации „Черный сентябрь" был приговорен к смертной казни. Король Хусейн отменил смертные приговоры, и в сентябре 1973 года, менее чем за три недели до нападения арабов на Синай и Голанские высоты, Абу Дауд и с ним не менее тысячи федаинов, которые сидели в иорданских тюрьмах, были отпущены на свободу. С тех пор, если верить осведомителям, он побывал во всех столицах Европы.

Неудачи портили им жизнь. Авнер это чувствовал по себе. Все они еще были полны сил. Но с каждым днем все острее ощущали тщетность своих попыток. Уже более года длилась их миссия. И это давало себя знать. На войне было значительно легче. Авнер этого и ожидал. Вернувшись в Европу, он снова почувствовал судороги страха в желудке. И с каждым днем ему становилось все хуже.

Что касается всех остальных, то, независимо от того, признавались они в этом или нет, Авнер понимал, что им трудно. Ганс все больше времени уделял магазину антикварной мебели, точно собирался убедить себя в том, что ради этого только и живет во Франкфурте. Стив на этот счет высказался довольно резко. Но дело стало даже приносить прибыль. Роберт, запершись в своей спальне, работал над созданием какой-то грандиозной игрушки. Он посвящал этому занятию каждую свободную минуту вот уже несколько недель. Авнеру удалось однажды увидеть это произведение — огромных размеров карусель, изготовленную целиком из зубочисток.

Самым странным казалось поведение Карла. Он держался так, как будто все было в полном порядке. Сидел на своей кушетке, читал, посасывая остывшую трубку, — все, как обычно. Время от времени, оторвавшись от книги, он задавал очень странные вопросы. Однажды он спросил Авнера.

— Ты веришь в переселение душ?

— То есть? — переспросил пораженный этим вопросом Авнер.

Но Карл вопроса не повторил. Он покачал головой и вновь углубился в книгу. Авнер запомнил этот случай, потому что он совпал с днем, когда наступила очередь Карла готовить обед. Даже в самые лучшие времена эта обязанность его тяготила. Кулинарить он не умел, хотя в других отношениях был очень способным человеком. Авнер, как заботливая мамаша, всегда старался, чтобы все они хорошо питались. Он неоднократно предлагал Карлу снять с него эти обязанности и сохранить это в секрете, но Карл и слышать об этом не хотел.

— Моя очередь — значит, моя очередь, — говорил он. — Что плохого в моем блюде из курицы?

На этот раз, однако, увлеченный проблемами переселения душ, он позабыл включить духовку и подал им свое блюдо из курицы совершенно сырым.

2 января 1974 года они наконец получили очень важные сведения, показавшиеся им вполне заслуживающими внимания. Информация исходила от „папа" и касалась Али Хасана Саламэ и Абу Дауда. Оба должны были встретиться в маленьком швейцарском городке Зарганс, у границы с княжеством Лихтенштейн. Встреча предполагалась в католической церкви.

— Черт подери! — сказал Карл, рассматривая карту. — Маленький городок, середина зимы и три дороги в Альпах. Это похоже на Лиллехаммер, но, по-моему, еще хуже.

— Вряд ли, — сказал Авнер. — Город пограничный, так что после акции все будут думать, что мы кинулись через границу в Лихтенштейн, а затем в Австрию. В этой церкви соберется целый „конклав". Обратно мы сможем уехать в Цюрих. А еще лучше — поставить машины на лыжи и спуститься прямиком в Санкт-

Мориц. Или в Давос-Плац, который поближе. Смешаемся с толпой лыжников. Давайте зарезервируем прямо сейчас номера в Давос-Плаце для пятерых немецких бизнесменов.

— И все-таки всего лишь три дороги, — заметил опять, покачивая головой Карл.

В дальнейшем оказалось, что дорог еще меньше. Авнер и Карл съездили в Зарганс вдвоем. Они помнили об ошибках своих коллег в Лиллехаммере и старались не привлекать к себе внимание в этом маленьком швейцарском городке.

На следующий день, однако, позвонил Луи. Небольшая поправка. Лидеры террористов действительно встретятся в церкви, недалеко от маленького швейцарского городка, но не в Заргансе, а по другую сторону Альпийского озера, несколькими километрами ближе к Цюриху. Городок чуть побольше Зарганса по населению, но еще более отдаленный от дорожных магистралей. Название города Гларус. Одно шоссе А-17 пересекает его с севера на юг. К северу — Цюрих. В южном направлении шоссе постепенно сворачивает на запад и проходит через Альтдорф мимо великолепного озера Фирвальдштетер к Люцерне.

Гларус находится в самом центре Швейцарии. Его точные координаты 47^{o} широты и 9^{o} долготы. Город окружен смешанными лесами. Количество выпадаемых осадков — от ста до ста пятидесяти сантиметров в год. Это значит, что в январе здесь много снега.

Саламэ и Абу Дауд должны были встретиться в церкви в субботу 12 января. Авнер, Стив и Ганс в двух машинах объездили в пятницу одиннадцатого числа весь город. Роберта и Карла они оставили в Цюрихе.

Роберт был болен. У него оказалась тяжелая форма желудочного гриппа. Авнер собирался отстранить его от участия в операции, но Роберт и слышать об этом не хотел. Пришлось пойти на компромисс. Роберт вместо Стива поведет машину, на которой они будут уходить от преследования, а Стив и Ганс — помогать Авнеру во время основной операции. Конечно, как водителя Роберта нельзя было и сравнить со Стивом. Да и дороги в этом районе были более опасными, чем обычно. Так что распределение функций на этот раз не было оптимальным. Но иначе ничего не получалось.

В пятницу было ясно и холодно. Церковь находилась на краю города. Главный фасад церкви выходил на маленькую площадь, посередине которой был устроен небольшой фонтан. Позади церкви было кладбище. К центральному входу, который был на запоре, вели несколько ступенек. В другом крыле здания оказалась еще одна дверь, вероятно, никогда не запиравшаяся. Внутри церкви длинный узкий проход вел прямо к алтарю.

Авнер ничего не знал ни о церквях как молельных домах, ни о синагогах. В архитектуре церквей тоже не разбирался. Так что в христианский храм ему предстояло войти впервые в жизни. Цвет-

ные витражи в окнах и свет, струящийся сквозь них, ему понравились.

Направо от главного входа была дверь, которая вела в очень просторную комнату — библиотеку и одновременно приемную. Большой деревянный стол посередине комнаты был завален книгами и старинными рукописями. По стенам — стеллажи с книгами. Вторая дверь от входа выходила на лестницу, по которой, идя наверх, можно было попасть на галерею и к органу. Внизу , в полуподвале церкви, находилось еще несколько комнат.

По мнению Ганса, только здесь и могла состояться встреча. Священный алтарь в глубине церкви был местом недостаточно безопасным. Других зданий вокруг не было видно, за исключением нескольких сараев. Патер, видимо, жил где-нибудь по соседству или в какой-нибудь квартире в цокольном этаже церкви. Ганс считал поэтому нецелесообразным заходить во все комнаты, расположенные у подножия лестницы. Они смогут, если понадобится, ворваться туда на следующий день. Внезапно. За несколько секунд. Кто-то один из них будет стоять на страже наверху лестницы. Террористы окажутся в ловушке. Бежать им будет некуда.

Потом, в ретроспективе, все они придут к выводу, что этот план был не лучшим. Но в дерзости ему отказать было нельзя. Преимуществом его была полная неожиданность нападения. Впрочем, выбора у них все равно не было. Они охотились за Саламэ уже больше года. Как знать, сколько еще потребуется времени, чтобы такая возможность представилась вновь.

Провести ночь в городе они не могли. В Гларусе было всего несколько маленьких отелей, и пятеро мужчин, остановившихся на ночь и покинувших отель на следующий день после убийства, — наверняка привлекут к себе самое пристальное внимание. Пяти свободных номеров может и вообще не оказаться. До Цюриха было шестьдесят пять километров. До Люцерны — почти вдвое больше. От Люцерны до Цюриха еще около шестидесяти. И все же Авнер решил попробовать этот путь в качестве запасного. Возможно, им придется даже разделиться — с тем, чтобы одна машина пошла к Люцерне, а вторая — на Цюрих. Вечером он позвонил Луи и попросил организовать еще одну квартиру в Люцерне. На всякий случай.

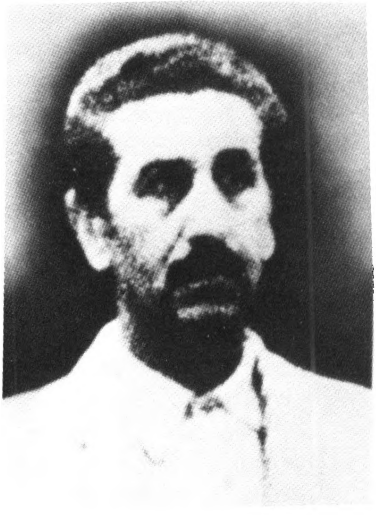
Наутро, в субботу, двенадцатого числа, потеплело. По небу плыли облака и время от времени шел снег.

В одной машине ехали Авнер, Стив, Роберт и Ганс. Карл следовал за ними в другой. У каждого была „беретта" из партии оружия, закупленной Авнером еще в самом начале их деятельности у швейцарца Лензлингера, с которым его свел Андреас. Тогда Авнер и оружие, и паспорта оставил в Швейцарии, и теперь Ганс предложил ими воспользоваться.

Авнер и Стив, кроме того, захватили по дымовой бомбе. Они

Али Хасан Саламэ. (Wide World Photos)

Жилой дом на площади Аннибальяно в Риме, где жил В.Звайцер. (Фото автора.)



Абу Юсуф (слева) и Кемаль Адван, убитые во время налета израильских коммандос в Бейруте. (UPI)

Перекресток рю л'Аркад и рю Шово-Логард в Париже, где был убит аль-Кубаиси. (Фото автора.)

с трудом запихнули их в карманы курток — бомбы были довольно большими. Но для атаки в закрытом помещении они вполне годились. Если возможности бежать, выпрыгнув, скажем, из окна, не было, то через каких-нибудь тридцать секунд после взрыва такой бомбы человек становился совершенно беспомощным. Сами они не собирались оставаться в помещении. Воспользовавшись суматохой, они выйдут один за другим. При поспешном отступлении дымовая бомба была прекрасной защитой. Пока обнаружится, что именно произошло в церкви, они будут уже на полпути к Люцерне.

— Может быть... Но Ллойд не выдал бы страховку на эту операцию, — сказал Роберт.

Сомнения были и у Авнера, но ни он сам, ни Карл ничего лучшего, чем нападение в церкви, придумать не могли.

Саламэ и Абу Дауд вряд ли прибудут на тайное совещание в маленький швейцарский городок в сопровождении целой армии телохранителей. В лучшем случае с ними будут двое или трое. Напасть на пятерых ничего не подозревающих людей внутри помещения было значительно легче, чем сделать это в открытой местности. В последнем случае Авнеру пришлось бы разбить свою группу на две, чтобы поставить кого-то наблюдать за обоими путями выезда из Гларуса. Так что непосредственная задача по уничтожению Саламэ и Абу Дауда легла бы в этом случае только на двоих. Кроме того, после акции им, возможно, пришлось бы пользоваться поврежденной в столкновении машиной, что было верной гарантией того, что через каких-нибудь десять минут они были бы пойманы. На шоссе из Гларуса машины попадались не так уж редко. К тому же, если они решат захватить Саламэ на дороге, а он останется ночевать в городе, что тогда они будут делать? Мерзнуть всю ночь на этом шоссе? Нет, план, предусматривающий захват террористов в церкви, явно был лучше.

О происшествии в церкви, независимо от того, чем оно закончится, швейцарские власти могут и не узнать. Служители церквей в течение уже многих лет использовались и левыми, и правыми экстремистами, получая поддержку в своей борьбе за „справедливое" дело. Часто это происходило без ведома и одобрения высшего духовенства. Однако и в этой среде находились люди, принимавшие непосредственное участие в тайной войне. Так, например, один из епископов был вскоре после событий в Гларусе арестован за контрабандный провоз оружия для ООП из Ливана в Иерусалим. В большинстве случаев эта помощь оказывалась не из меркатильных соображений, а носила вполне выраженный идеологический характер, то есть делалась из моральных побуждений. Некоторые религиозные деятели по малопонятным психологическим соображениям были очень чувствительны к пропаганде экстремистских идей националистического, фашистского и марксистского толка.[1]

Возможно, что Саламэ пользуется услугами одного из них. Тогда можно рассчитывать на то, что патер не будет заинтересован в разглашении того, что произошло в его церкви. Если ликвидация террористов не состоится, то они, естественно, и сами будут стараться о том, чтобы не привлекать к этому делу полицию. Во всяком случае до того момента, пока благополучно не покинут страну.

Машины остановились по обе стороны от площади. Уже темнело. Авнер, Стив и Ганс вышли, Роберт проскользнул на переднее сиденье. Он должен был ждать с включенным мотором. Карл, тоже с включенным мотором, ждал в другой машине примерно в ста метрах от них.

В церковь вошел только Ганс. Авнер и Стив остались снаружи, изображая туристов, которые торопятся успеть сделать последние снимки. Судя по расписанию, вывешенному на дверях главного входа, последние из прихожан должны были вскоре покинуть церковь, но маленькая боковая дверь тем не менее останется незапертой. В церкви никого, кроме террористов, не будет. Таково во всяком случае было их предположение. Пока что все шло по плану. Через минут двадцать смешанная группа посетителей, прихожан и туристов, около тридцати человек, стала покидать церковь. Последним вышел Ганс. Он приветливо кивнул служке, который запирал дверь.

— Видел двоих арабов, — коротко сообщил он. — Молодых, в черных свитерах. По всей вероятности, телохранителей, но невооруженных, насколько я мог судить. Они шли по проходу, а затем свернули в комнату направо. Один из них нес поднос, покрытый белой салфеткой.

— Ты уверен, что это были арабы? — спросил Авнер, хотя понимал, что Ганс вряд ли может в этом ошибиться.

Ганс пожал плечами.

— Они говорили между собой по-арабски, — сказал он. — Достаточно громко. Так, точно были у себя дома.

— Пошли! — сказал Авнер, протягивая фотокамеру через открытое окно машины Роберту.

Он быстро взбежал по ступенькам главного входа. Стив шел за ним следом. Ганс — чуть отстав. В плане было предусмотрено, что Авнер и Стив атакуют, а Ганс остается у главного входа внутри церкви, чтобы никто посторонний не мог в нее войти. Кроме того, в случае необходимости он прикроет их отступление, но стрелять будет лишь в крайнем случае.

В церкви было темно. Пройти по каменному полу бесшумно Авнер даже и не пытался. До библиотеки или приемной было не более десяти шагов. Через четыре секунды с пистолетами в руках они уже были у ее дверей. Толкнули дверь — с пистолетами наготове.

Трое, а не двое арабов сидели за большим столом и ели. Замеченный ранее Гансом поднос с сыром, молоком, булочками и фруктами стоял на столе.

Книги и рукописи были отодвинуты в сторону и на освободившемся месте лежал автомат Калашникова. Из-под белой салфетки перед арабом, сидящим ближе всех к двери, высовывалась рукоять пистолета. По торчавшему ушку можно было сказать, что это модель Токарева, по-видимому Токаджигит-9, очень популярный в арабских странах. И следующее, что заметил Авнер, — была рука молодого араба, хватающая пистолет.

Стив открыл огонь, выстрелив дважды. И еще раз дважды. Пистолет Авнера был нацелен на другого араба, сидящего напротив. Долей секунды позже он выстрелил. Но Авнер не видел его, потому что смотрел на первого араба. Однако не стрелять было невозможно. Упусти он момент, и могло оказаться слишком поздно. Рисковать было нельзя. Авнер выстрелил дважды. Второй араб упал между столом и стулом. Возможно, что стрелять в третьего и не стоило. Но у них не было времени на размышления. Этот третий находился рядом с автоматом Калашникова. Он вскочил с места, когда Авнер и Стив показались в дверях, но не схватил автомат, а поднял руки над головой. Оба — и Авнер, и Стив — это заметили. Именно поэтому они прежде всего занялись двумя другими арабами.

Третий араб, увидев, что его товарищи убиты, решил, что наступил его черед. Может быть, он растерялся или пришел в бешенство, или подумал, что у Авнера и Стива кончились заряды. Но так или иначе, а он вдруг опустил руки и кинулся к автомату. Авнер и Стив выстрелили. Четыре пули попали в живот арабу, и, корчась от боли, он со стонами свалился на пол. Первые двое были безгласны.

Прошло всего десять секунд с того момента, как Авнер и Стив вошли в комнату.

Они убили или тяжело ранили троих арабов, имен которых в их списке не было. Эта мысль мелькнула у Авнера, но задерживаться на ней он не стал. Забив новую обойму в „беретту" и знаком показав Стиву, чтобы он его прикрыл, Авнер кинулся к двери, ведущей на лестницу. Она была открыта. Взглянув наверх, он, как и ожидал, никого там не обнаружил и сбежал вниз. Стив оставался наверху, прикрывая Авнера и все еще наблюдая за тремя неподвижно лежащими на полу арабами. Каждый из них получил по меньшей мере две пули, но нельзя было быть уверенным, что они убиты и не могут оказать сопротивление.

Авнер толкнул чуть приоткрытую дверь у лестницы. Здесь, в этой комнате он ожидал увидеть Саламэ, а может быть, и Абу Дауда — двух людей, чьи лица были хорошо запечатлены в его памяти.

Но к тому, что он увидел, Авнер готов не был.

Три патера.

Три обыкновенных патера сидели за столом. Три патера в своих высоких воротниках. Три патера, которые в изумлении смотрели на Авнера, ворвавшегося в дверь с пистолетом в руке.

Не Саламэ или Абу Дауд, переодетые патерами, а трое швейцарцев: двое — помоложе и один — пожилой с седыми волосами и красноватым лицом — смотрели на него как на сумасшедшего. И от страха, казалось, сами готовы были сойти с ума.

Авнер не сомневался в том, что они слышали выстрелы наверху и стук, сопровождающий падение тел. Конечно же, лидеры террористов могли находиться в одной из двух других комнат в этом коридоре. Вполне возможно. Но что ему делать с этими тремя? Убить их было немыслимо. Позвать Стива и оставить его сторожить их? Невозможно. Достаточно того, что они рассмотрели его самого. Кроме того, ему придется действовать тогда в одиночку. Он должен был что-то решить. Он не может идти на встречу с двумя террористами один. И все-таки, если он оставит Стива сторожить патеров, а Ганса бездействующим у ворот? Что тогда? Впрочем, ни Стив, ни он сам не сможет задержать швейцарцев, если они захотят выйти из комнаты, не применяя оружия. Но стрелять в этом случае невозможно. Ни при каких обстоятельствах.

„Израильские агенты стреляют в священников в швейцарской церкви", — представил он заголовки газет. За одну минуту они нанесут Израилю ущерб, больший, чем все террористы за пять лет.

Авнер начал отступать, выразительно описав дугу в воздухе дулом своего пистолета.

Он принял решение. Операция отменяется. Он видел, что патеры, пораженные и напуганные, еще несколько секунд не тронутся с места. А может быть, и дольше. Так что он и его группа успеют скрыться.

Авнер вышел, пятясь, захлопнув левой рукой за собой дверь. Побежал к лестнице, окликая Стива, чтобы тот по ошибке не начал стрелять. Затем кинулся по лестнице вверх. Недоумевающий Стив побежал за ним, не задавая никаких вопросов.

Трое арабов лежали в комнате в луже из молока и крови. Один из них стонал. О двух других ничего сказать было нельзя. Ганс стоял, притаившись за колонной, сжимая в руке пистолет.

— Что случилось?

— Ничего, — ответил Авнер, пряча пистолет. — Никого, кроме троих „галут" там нет. — Почему он сказал это на идише? Никогда прежде он на идише не разговаривал.

— Давайте поскорее убираться отсюда.

Через несколько секунд они были у машин. Еще не совсем стемнело. В церкви они провели не более семи-восьми минут.

— К Люцерне, — сказал Авнер Роберту, показывая на запад.

„Шестое чувство" подсказало Авнеру, что в Цюрих возвращаться им не следует. Он открыл дверцу для Ганса и Стива и дождался Карла, который подъехал на второй машине.

Они ехали на средней скорости по снежной дороге в горах. Авнер хотел было выбросить все пистолеты и дымовые бомбы из машин, но передумал. Если в течение ближайших сорока минут они попадут в засаду, это будет значить, что священники предупредили полицию и так или иначе опознают его. Самое лучшее было бы оставить все оружие в своей машине и отправить всех остальных во второй с Карлом. Им бы тогда ничего не угрожало. Не было смысла всем вместе попадать в полицию. Они остановились у обочины, чтобы поменяться машинами.

— Что же это? И у нас получился Лиллехаммер? — спросил Роберт.

— При чем тут Лиллехаммер? — обиженно отозвался Стив. — Мы не стреляли в официантов. Мы стреляли в трех террористов, вооруженных автоматами Калашникова. Ты что думаешь, они посещают церкви в Швейцарии ради обеда?

— Ладно, — отозвался Карл. — Сейчас нам необходимо одно — двигаться вперед.

Авнер решил, что если его остановят, он будет говорить, что возвращается с озера Комо, которое находится по ту сторону итальянской границы. Он был достаточно хорошо знаком с местностью, чтобы описать ее, а его немецкий паспорт не обязательно было на этой границе штамповать. Если обыска в его машине не будет, то рассказ об озере Комо может оказаться кстати.

Но на шоссе, ведущем в Люцерну, никаких застав не было.

В Люцерне они поселились в квартире, снятой заранее. Из ближайшей телефонной будки Авнер позвонил по местному телефону человеку, который должен был забрать у него все оружие. Затем он соединился с осведомителем „папа" в Цюрихе.

— Их там не оказалось, — сказал он.

— Нет, они там были, — ответили ему.

На этом разговор и закончился.

Возражать было нечего. Кто мог с уверенностью сказать, были Саламэ и Абу Дауд в Гларусе или нет? Ясно одно: если они там и были, то после того, что произошло в церкви, они пробыли там недолго. Стив был безусловно прав — трое вооруженных арабов в черных свитерах не ради ленча появились в этой церкви.

— Есть еще одно обстоятельство, которое отличает нашу операцию от операции в Лиллехаммере, — сказал Авнер Роберту, когда они приехали в Люцерну.

— Какое?

— Нас не поймали. Не так ли?[2]

ЛОНДОН

В мае 1974 года Авнер, Карл и Ганс прилетели в Лондон. Это был второй визит Авнера в британскую столицу.

В первый раз он провел в Лондоне несколько месяцев еще будучи стажером. Осведомители, поставлявшие ему сведения, находились главным образом в Германии. За исключением, конечно, людей „папа". В Риме обслуживали Карла. Ганс имел своих информаторов в Париже. Роберт и Стив — в Лондоне и Амстердаме. Все они делились полученной информацией. Если всплывало что-нибудь интересное, любой из них мог отправиться по следу — ведь их было всего пять человек. Осведомители, особенно арабы, как правило, предпочитали иметь дело с постоянными клиентами, но не отказывались продавать свою информацию и другим, если были уверены в безопасности.

Последние сведения о террористах пришли из Лондона. Роберт в это время как раз был в Бельгии, а Стив находился в отпуске в Южной Африке у родителей. Пришлось Авнеру, Карлу и Гансу поехать в Лондон с тем, чтобы проверить дошедшие до них слухи, что Али Хасан Саламэ, страдающий каким-то заболеванием глаз, в конце мая прибудет в Лондон на консультацию к офтальмологу.

В четверг, 9 мая, Ганс поселился в Лондоне на квартире, Авнер и Карл — в отеле „Европа" на углу Дьюк стрит и площади Гросвенор. Новую операцию они еще не планировали, предполагая сначала поговорить с осведомителем и изучить обстановку. Где Саламэ будет жить? Где находится кабинет его врача? Правда ли, что Саламэ встретится со своими осведомителями в центре Лондона в магазине? Где находится этот магазин?

Авнер хотел во всем лично убедиться. Он не забыл о том, что им пришлось пережить в Гларусе.

Операция в Гларусе, возможно, и отличалась от операции в Лиллехаммере, тем не менее вряд ли можно было назвать ее успешной. Это была первая их неудача. Саламэ и Абу Дауд от них ускользнули, если они вообще там были. Положение осложнялось тем, что они ранили, а может быть, и убили трех человек. Пусть даже и не ни в чем не повинных свидетелей в точном смыс-

ле этого слова, но все же людей, которых в их списке не было. Правда, израильские коммандос, как правило, не испытывали угрызений совести, когда стреляли в арабов, вооруженных автоматами Калашникова или Токарева. И все же — они совершили ошибку, к тому же грубую. Из тех, которые они обязались никогда не делать.

Многие высказывали сомнения в целесообразности контртеррора вообще. То, что случилось в Лиллехаммере или в Гларусе, в большей или меньшей степени, но подтверждало их точку зрения. Правы оказались те, кто утверждал, что в подобных операциях неизбежны ошибки. Это, кстати, была и позиция Голды Меир. „Как можно быть уверенным, что не пострадают ни в чем не повинные люди?" — говорила она всякий раз, когда заходила речь о контртерроре.[1] Так оно и было. Гарантий никто дать не мог.

С другой стороны, из всех действий с применением силы операции контртеррора сопровождались несравненно меньшими жертвами гражданского населения. Это в конце концов должна была признать и премьер-министр Израиля.

— Мы ликвидировали девять человек, — не раз говорил Стив, когда они вновь начинали обсуждать операцию в Гларусе. — Девять лидеров. Вы только представьте себе, сколько бы пострадало гражданских, если бы эта задача была возложена на авиацию.

Это было правдой.

Существовал, однако, в этом деле еще один, психологический, аспект, который вкупе с политическими соображениями, играл немалую роль при контртерроре, так же, собственно, как и при террористических операциях.

Инцидент в Гларусе прошел незамеченным. Но надо было все время помнить, что гибель одного-единственного ни в чем не повинного свидетеля в одном из городов Запада вызвала бы отрицательное отношение к Израилю в большей степени, чем десятикратный обстрел ракетами „воздух-земля" во время вооруженных столкновений на Ближнем Востоке. А между тем десятки гражданских лиц гибнут при этом.

— Пилоты бомбардировщиков имеют право быть неразборчивыми, когда бомбят, — сказал Карл. — Артиллерия так же может быть неразборчивой. Им разрешается допускать ошибки. А мы на это права не имеем.

Авнеру и Гансу такая точка зрения была ясна. Но Стив и Роберт отчаянно протестовали.

— Бога ради, — возражал Роберт, — когда террористы подрывают автобус с еврейскими детьми в нем, они ликуют. Когда стреляют в беременную женщину-еврейку и убивают ее, они гордятся своим поступком. Они делают все это не по ошибке: они специально охотятся за женщинами и детьми. Понимаете ли вы это? Спе-ци-аль-но. К чему же вся эта болтовня?

Все это было справедливо. Так, например, 17 декабря 1973 года за несколько дней до того, как они уехали в Гларус, группа палестинских террористов бомбила лайнер авиакомпании „Пан Ам" в Риме: тридцать два человека сгорели заживо, сорок — были ранены. 11 апреля 1974 года на севере Израиля в городе Кирьят Шмоне федаины напали на жилой дом. Убили восемнадцать человек и ранили шестнадцать. Среди пострадавших было много женщин и детей. В мае 1974 года террористы Народного фронта захватили в качестве заложников детей — двадцать два человека. Это произошло в городе Маалот в Северной Галилее.

Убийства гражданских лиц не было просчетом террористов. В большинстве случаев — это была основная цель их операций.

— И что же? — отвечал на это Карл. — Разумеется, эти различия существуют. А вас, что, беспокоит, что мы отличаемся от террористов? Меня это, напротив, радует.

Ошибка в Гларусе мучила Карла больше, чем всех остальных. Не то чтобы он впал в хандру или бездействие, но он просто чаще стал погружаться в задумчивость. И трубку свою посасывал теперь еще дольше, прежде чем высказаться по поводу очередного плана. Осторожный Карл удвоил осторожность начиная с того самого дня, когда призошли события в Гларусе.

Авнер соглашался с Карлом. Он не был склонен к абстрактным рассуждениям, но чувствовал, что Карл прав. Заканчивая очередную дискуссию, он обычно говорил:

— Друзья, прекратим философствовать по этому поводу. Хорошо? Будь мы и в самом деле философами, мы бы преподавали в Иерусалимском университете и зарабатывали бы вдвое больше. Давайте обсудим нашу операцию. В конце концов именно это и есть наша работа.

В Лондоне времени на разговоры не оставалось. Авнеру хотелось за эти три-четыре дня успеть как можно больше. Затем вернуться во Франкфурт для встречи с Робертом и Стивом. Если окажется, что Саламэ действительно в конце мая приедет в Лондон и обстоятельства позволят использовать взрывчатку, то Роберту придется вновь ехать в Бельгию для подготовки операции. Времени оставалось немного.

Встреча с осведомителем была назначена в холле отеля „Гросвенор". на Парк Лейн. Время встречи не было оговорено. Они посменно будут сидеть в холле по часу или по два. Тот из них, кто увидит осведомителя, позвонит остальным по телефону и направится в Гайд Парк к входу „Брук Гейт". Осведомитель, независимо от них, придет туда же. Для безопасности двое из них будут наблюдать за встречей издали. Во-первых, они смогут быть уверенными в том, что никто за ними не следует, а во-вторых, если обнаружат опасность, у них будет возможность предотвратить ее или предупредить о ней. Эта процедура была общеприня-

той. Авнер в свое время слышал, что в Мадриде Барух Коген погиб во время встречи с одним из своих информаторов именно потому, что по какой-то причине эти правила не были соблюдены.

Они ждали осведомителя в любой из трех дней — девятого, десятого или одиннадцатого числа, в промежутке от десяти до четырех часов дня. Такая неопределенность была в общем тоже узаконена правилами, но вызывала досаду. Когда-то в самом начале своей деятельности Авнер любил сидеть часами в холле какого-нибудь отеля и наблюдать за происходящим. Тогда ему казалось это увлекательным и интересным. Теперь это стало раздражать. Может быть, сказывалось напряжение? Может быть, он просто постарел?

В первый день они никого не дождались.

На следующий день, в пятницу, после того как его сменил Ганс, Авнер собирался вернуться к себе в отель и вдруг почувствовал, что за ним кто-то следит. Тогда вместо того чтобы выйти через главный вход, он вышел из отеля через заднюю дверь, пошел прямо на Ривс Мьюс, свернул налево на Саус Одли стрит и собирался наиболее коротким путем добраться до американского посольства. В тот момент, когда он хотел пересечь по диагонали площадь Гросвенор, он ощутил позади себя чье-то присутствие. Ничего необычного для Лондона, тем более днем, в этом не было. Но Авнер чувствовал чей-то взгляд на своем затылке. Ощущение было настолько острым физически, что, еще не отдавая себе отчета, в чем дело, он машинально провел рукой по своему затылку. Опустив руку, он осознал, что именно его беспокоит.

Авнер всегда относился к сигналам своего „шестого чувства" крайне серьезно. И, как правило, не ошибался. Если сигнал подан, это может означать одно — опасность.

Однажды, в те времена, когда он был еще простым агентом, ему случилось срочно покинуть дом, где он жил. Это было в Мюнхене. Видимых причин для этого не было. Однако, несмотря на то, что была уже глубокая ночь, он это сделал.

Он вернулся тогда домой с твердым намерением сразу же лечь спать. И вдруг его „шестое чувство", его инстинкт самосохранения подсказал ему, что надо немедленно упаковать чемодан и уходить. Не размышляя, он быстро собрался и вышел из дома. Завернув за угол, он увидел, что машины немецкой полиции подъезжают к дому, где он жил. Полиция ехала с обыском.

Авнеру никогда и в голову не приходило, что его „шестое чувство" имеет какое-нибудь таинственное происхождение. Он просто считал, что у него необычайно развита восприимчивость к самым разным сигналам об опасности, даже если они и выражены очень слабо. Он регистрировал эти сигналы в общем-то бессознательно, и только после этого уже мог их вполне сознательно расшифровать.

Тогда, в Мюнхене, возможно, его насторожило выражение лица хозяйки, когда он вошел. Может быть, она знала о предстоящем обыске и это отразилось как-то в ее взгляде. А через несколько секунд он ощутил тревогу, хотя и не отдавал себе отчета, почему именно.

Сейчас, шагая по улицам Лондона, Авнер не стал оглядываться. Вместо того чтобы пересечь парк и через пять минут выйти к отелю „Европа", он продолжал идти вдоль Норд Одли стрит. Он знал, что преследователь идет за ним и пытался его рассмотреть, ловя его отражение в витринах магазинов и в стеклах проезжавших машин. Но ничего из этого не вышло. Он не думал, что на него нападут вот так, среди бела дня. И уж во всяком случае не на углу Норд Одли и Оксфорд стрит это может произойти. Но, как знать? Авнер сожалел, что не вооружен и надеялся лишь на то, что его преследователь об этом не догадывается.

А может быть, за ним следит британская контрразведка? Это было возможно.

Если их информатор и сегодня не появится, им следует немедленно, следующим утром убираться из Англии. Роберт, вернувшись из Бельгии, сможет воссстановить связь в Лондоне.

Авнер повернул направо на Оксфорд стрит и пошел по направлению к Оксфорд Серкас. Если преследователь не отстанет от него до тех пор, пока он не доберется до станции метро Бонд стрит, он нырнет в метро и доедет до Финсбери Парк. У них была когда-то надежная квартира в районе Кроуч Энд. Так или иначе, а он отделается от своего преследователя.

Но вдруг острое ощущение преследования пропало — еще до того, как он дошел до Дьюк стрит. Пропало, так же внезапно как появилось. Из предосторожности он все же не пошел сразу в свой отель, а зашел в ресторан и сел у окна. Заказав стакан чаю, он в течение часа наблюдал за вереницей покупателей на Оксфорд стрит. Никого, кто бы его насторожил, не было.

Это казалось странным. Он ведь ничего не успел предпринять, чтобы отделаться от своего преследователя. Тем не менее тот ушел. Может быть, Авнер с самого начала ошибся? Нет, этого не могло быть. Он встревожился не зря, и ситуация ему не нравилась.

В этот день их осведомитель опять не появился. Они — Авнер, Ганс и Карл пошли в маленький индийский ресторанчик „Азад", обнаруженный Карлом на Марилбон Лэйн. Авнер не был любителем пряностей, но Карл с недавних пор стал увлекаться индийской и пакистанской кухней. Возможно, что это было как-то связано с так волновавшей его проблемой переселения душ.

О переселении душ они за обедом не разговаривали, но некоторые сюжеты мистического характера все же возникли. Карл был в странном настроении, и даже на Ганса это подействовало. Авнер рассказал о том, что с ним только что произошло. После этого

разговор зашел об ощущениях вообще. И приобрел даже легкомысленный оттенок. Ганс и Карл, обсудив практическое значение происшествия, стали обсуждать эту проблему более широко, чуть ли не в трансцендентальном плане.

— Ощущения могут быть невероятно интенсивными, — сказал Карл. — Например, ощущения при полете. Вы думаете, я не смогу летать, если буду концентрировать на этом все свое внимание?

— Понятия не имею, Карл, — ответил Авнер с некоторым нетерпением в голосе. — Ты можешь как-нибудь попробовать. Доставишь нам удовольствие. Что если заняться этим после окончания нашей миссии?

Карл рассмеялся, а Ганс сказал:

— Может быть, сегодня днем за тобой следовал Карлос. Он мог заскочить в Лондон, чтобы повидаться со своей мамашей.

Это предположение имело некоторый смысл, поскольку миссис Санчес, по слухам, была владелицей магазинчика, расположенного неподалеку от отеля, на одной из элегантных торговых улиц Лондона. Но все же на данной стадии своей биографии Карлос вряд ли рискнет побывать у своей матери. Однако в самом Лондоне за четыре месяца до этого он побывал. В результате — в декабре было совершено покушение на жизнь сэра Эдварда Сифа, президента фирмы „Маркс и Спенсер" и лидера британских сионистов. А в январе — нападение на израильский лондонский банк „Хапоалим". При этом взорвавшейся бомбой была ранена одна женщина.

— Послушайте, — сказал Авнер. — Карлос или не Карлос, но мне все это не нравится. Мы уже два дня болтаемся около отеля, а этот парень не показывается. Естественно, что кто-то мог нас обнаружить. Я предлагаю — завтра рано утром уехать. Через несколько дней Роберт и Стив сделают еще одну попытку.

Авнер был прав. Если их выследили, упорствовать глупо. Они могут и своему осведомителю все испортить. Разумнее будет выйти на встречу с ним уже не им, а кому-нибудь другому и не сейчас, а спустя несколько дней.

Карл и Ганс не возражали. Однако Ганс сказал:

— Послушайте меня. Я живу в надежном месте. За мной никто не следит. Было условлено, что мы встретимся с этим парнем в один из трех дней — девятого, десятого или одиннадцатого числа. Завтра — одиннадцатое. Почему бы тебе с Карлом не уехать утром? А я останусь.

— Один? — Авнер отрицательно покачал головой. — Это слишком опасно.

— Доверься мне, — сказал Ганс. — Я буду осторожен. У нас слишком мало времени.

Авнер согласился, хотя сомнения на этот счет у него оставались.

В отеле „Европа" Карл и Авнер жили в угловом номере, имевшем две отдельные комнаты. Из коридора гостиницы двойная дверь открывалась в прихожую номера. Прямо из прихожей была другая дверь, которая вела в комнату Авнера, а налево еще одна — в комнату Карла. Комнаты между собой не сообщались и каждая имела свой ключ.

В 1974 году в отеле „Европа" еще существовал знаменитый „Бар этрусков". Перестройка произошла позже. Диваны и кресла были обтянуты тонким, темным материалом, имитирующим кожу. На стене висело большое полотно с изображением „Похищения Европы". Карл, человек хоть и не пьющий, по вечерам любил спокойно посидеть за стаканчиком пива. Иногда перед сном минут на пятнадцать-двадцать он заходил в бар.

В этот вечер Авнер, расставшись с Карлом и Гансом, отправился поискать какие-нибудь сувениры для Шошаны. Около десяти часов он вернулся в отель. Перед тем как подняться в номер, он зашел в бар посмотреть, нет ли там Карла. После индийских блюд Авнер и сам бы не прочь выпить пива. Карла в баре не было. Почти все места были заняты и только несколько стульев рядом с какой-то стройной блондинкой — молодой женщиной лет тридцати с небольшим, с прямыми до плеч волосами и спокойными голубыми глазами — оставались свободными. Женщина была необыкновенно хороша, — того типа, который так нравился Авнеру. Он уселся на стул рядом с ней и заказал пиво. От него не ускользнуло, что она сразу же переложила свою сумку по другую от себя сторону и тут же полезла за сигаретами, которые в ней лежали. Ничего подозрительного в этом не было, но Авнеру запомнилось. Он также обратил внимание на ее духи. Запах был странный, с мускусом, довольно приятный, но необычный.

Завязался легкий, ни к чему не обязывающий разговор двух незнакомых людей, сидящих за стойкой бара. Его начал Авнер, сказав что-то шутливое о бокале, в котором ему подали пиво. Блондинка слегка улыбнулась и, ответив тоже какой-то шуткой, предложила ему сигарету. Авнер поблагодарил и отказался. Блондинка держалась не навязчиво, но казалась заинтересованной. Они немного поговорили о женских модах. Авнера моды интересовали мало, но он сделал недавно открытие, что эта тема интересует большинство женщин.

А ему продолжать с ней разговор хотелось. Кожа у нее была светлая с намеком на веснушки у крыльев носа. Зеленая шелковая блузка была расстегнута на две верхние пуговки, но вырез при этом не был слишком глубок. Однако, когда она двигалась, можно было заметить, что грудь у нее упругая и хорошей формы. В общем, она была красивая женщина. Никто не стал бы этого отрицать. Авнеру очень хотелось с ней переспать. Шошана была далеко, и ему было нетрудно убедить себя в том, что он страдает от одиночества.

Вероятно, он бы и пригласил ее к себе, если бы она его не опередила.

— С вами так приятно поговорить, — сказал она. — Может быть, мы поднимемся к вам и еще что-нибудь выпьем?

Авнер был совершенно убежден, что проституткой она не была. Он распознавал их за сто метров, даже тех, кто принадлежал к самой высокооплачиваемой категории, и никогда ими не интересовался. Он начал разговор с блондинкой только потому, что видел, что она не принадлежит к продажным женщинам. Она, разумеется, могла быть одной из тех эмансипированных скандинавских женщин, о которых он чаще слышал, чем встречал. Однако мало ли что еще могло за всем этим скрываться? Авнер все еще чувствовал себя не в своей тарелке после сегодняшнего преследования.

— Это было бы прекрасно, — сказал он ей. — Но, увы, я не могу этого себе позволить. Завтра мне нужно очень рано вставать. Поверьте, я очень огорочен.

Он и в самом деле был огорчен. Он чувствовал себя неловко, когда поднялся с места и стал расплачиваться. Блондинка не пыталась его удержать, только пожала плечами и улыбнулась.

Запах ее духов Авнер слышал все время, пока шел к лифту. Только он собрался нажать кнопку, как дверь открылась и Карл вышел из лифта.

— Уже? — спросил Карл.

— Я только что заходил в бар выпить пива. Мы еще сегодня увидимся, — сказал Авнер, придерживая дверь. — Я хочу написать несколько открыток. — Он вошел в лифт.

Авнер потратил около получаса на то, чтобы написать Шошане, затем сложил вещи в чемодан, как всегда заранее, чтобы не возиться с этим поутру. Включил на несколько минут телевизор, но сосредоточиться ни на чем не мог и решил спуститься вниз, чтобы бросить в почтовый ящик написанную открытку. Спешности в этом никакой не было, но, возможно, ему хотелось загладить свою маленькую вину — интерес к блондинке в баре. Кроме того, ему всегда доставляло удовольствие отправлять Шошане открытки из всех городов, в которых он бывал. До сих пор он продолжал гордиться тем, что так много уже повидал — он бедный кибуцник, который стриг курам когти где-то в недрах Израиля.

Авнер пересек улицу и опустил открытку в ящик. Ночь была теплая, и он немного постоял, вглядываясь в темные силуэты деревьев на площади, потом глубоко вздохнул и вернулся в отель. Проходя через вестибюль, он неожиданно для себя повернул к бару, взбежал по ступенькам и заглянул в зал. Он искал Карла, но его там не было — ни около стойки, ни за столиками. Блондинки тоже не было.

Войдя в лифт, он сразу почувствовал знакомый аромат муску-

са. Так вот оно что! Она поднялась к себе. Видимо, тоже жила в отеле. Может быть, даже на том же этаже, потому что запах ее духов сопровождал его до самой двери номера. Когда Авнер открыл дверь в маленькую прихожую, этот запах буквально ударил ему в нос. Здесь он оказался куда сильнее, чем в лифте.

Это могло значить только одно: Карл привел девушку с собой. Всего несколько минут назад, когда Авнер выходил опустить открытку. Он постоял в прихожей, прислушиваясь. Уходя, он не выключил телевизор, который продолжал тихонько гудеть. Был момент, когда ему показалось, что из комнаты Карла доносится женский смех. Но уверенности не было. И какая разница? Карл привел к себе девушку — это его дело. По мнению Авнера, он имел на это право. А он, Авнер, вмешиваться права не имел.

Он открыл дверь в свою комнату. Подумать только — Карл пригласил к себе эту блондинку! Карл, осторожный Карл, образцовый муж, который для жены и маленькой дочери покупал больше сувениров, чем Авнер для Шошаны. Карл, которому было больше сорока и который, казалось, и знимания на женщин не обращал, а все свое свободное время тратил на чтение книг и на трубку. Невероятно. Если бы на месте Карла был Стив или, скажем, Роберт, или даже сам Авнер, это не казалось бы чем-то из ряда вон выходящим. Есть мужчины, которые без женщин обойтись не могут. Но Карл?

А блондинка? Не проститутка, однако предлагала Авнеру себя меньше, чем за час до того, как пошла с Карлом. А Карл как раз в этот день был в странном, возбужденном состоянии. Правда, и у него „шестое чувство" работало не хуже, чем у Авнера. Но и ему обычная сдержанность могла изменить. Авнер стал думать, не следует ли ему вмешаться. Руководитель — он. И сделать это было не трудно. Поднять трубку и набрать номер телефона Карла. „Карл? Выставь ее, пожалуйста. Мы уезжаем завтра рано утром. Сожалею, но это приказ". Вот и все.

Но делать этого Авнер не стал. Не мог заставить себя. Карл бы выполнил его распоряжение, но с неудовольствием. Он мог подумать, что Авнер ревнует или находится в нервном раздражении. Твердых правил, касающихся женщин и секса, в Мосаде не было. Существовала общая рекомендация — воздерживаться. Все знали, что следовать этим рекомендациям всегда невозможно. Существуют естественные потребности. В руководстве некоторые даже считали, что полный запрет на секс может привести к нежелательным последствиям. Нельзя полностью подавлять темперамент.

И вообще, что тут плохого?

Авнер разделся, посидел немного у телевизора. За соседней стеной было тихо. Он выключил телевизор. В номере не было слышно ни звука. Погасив свет, он скоро заснул. Спал, как обычно, крепко. Проснулся в 7.30. Пора. Чемодан был готов. Оставалось

только сунуть туда зубную щетку и бритвенный прибор. Завтракать он предпочитал в ресторане, а не у себя в номере. Перед уходом Авнер постучал Карлу. Ответа не было. В прихожей все еще держался слабый мускусный запах духов блондинки. После завтрака он поднялся в номер. Он не торопился со своим утренним кофе, надеясь, что Карл к нему присоединится. Карл не появлялся. Было уже поздно. Карлу следовало пошевеливаться независимо от того, находится кто-нибудь в его комнате, или нет. Авнер настойчиво постучал в дверь. Ответа не последовало. Авнер испугался. Карл никогда не залеживался в постели и ни при каких обстоятельствах не стал бы опаздывать на самолет. Авнер набрал в легкие воздух и закрыл двойные двери между прихожей и коридором. Наклонившись, он вставил кредитную карточку между косяком двери и язычком замка. Дверь открылась. Она не была заперта изнутри.

Карл лежал на спине под одеялом. Глаза его были закрыты. Отдернув одеяло, Авнер сразу увидел маленький, в форме звездочки след от пули, который остается на коже при выстреле с близкого расстояния. Вокруг раны на обожженной коже виднелся черный кружок пороха и немного засохшей крови. Карл был убит выстрелом в грудь. Он был мертв.

Еще несколько секунд Авнер смотрел на мертвого Карла. Затем накрыл его тело одеялом. Действовал автоматически. Осмотрел весь их небольшой номер, не рассчитывая, впрочем, что-нибудь или кого-нибудь обнаружить. Шторы были задернуты. Он вынул из ящика комода ключ от комнаты Карла. Снял с двери табличку „Прошу не беспокоить" и повесил ее на двери номера со стороны коридора.

Еще только девять. На несколько часов эта табличка задержит появление горничных.

Покинув отель через багажное отделение, не проходя мимо портье в холле, он из ближайшей будки позвонил по двум телефонам.

— Весьма сожалею, — сказал Авнер, как только Ганс подошел к телефону. — Но фильм на сегодня отменен. Мы поговорим позднее. — И немедленно повесил трубку.

Это была заранее согласованная формула, которая обозначала чрезвычайное положение. После такого сообщения Ганс немедленно покинет Англию и вернется во Франкфурт.

Затем он позвонил в Париж Луи. К счастью, он застал его дома.

— У меня есть мелочь только на трехминутный разговор, — сказал Авнер. — Не могли бы вы позвонить мне? Один из моих партнеров умер.

Он дал Луи номер телефона-автомата и стал ждать. Через пятнадцать минут позвонил сам „папа".

Выслушав Авнера, „папа" сказал:

— Вернитесь в свой номер и ждите. Упакуйте все вещи — и его, и свои. Ждите. Придет мой человек, постучит три раза в дверь. Не предпринимайте ничего. Понятно?

— Я понял, — сказал Авнер. — Спасибо.

Вернувшись в отель, он проскользнул опять через багажное отделение и вошел в номер. Табличку с просьбой не беспокоить он оставил висеть на двери. Затем, оглядевшись, чтобы убедиться, что в его отсутствие никто не заходил в номер, он медленно, методично, отогнав от себя все мысли, принялся упаковывать вещи

Карла. Он перенес его сумки в свою комнату и поставил рядом со своими чемоданами. Вернулся в комнату Карла, запер дверь изнутри и сел рядом с кроватью. Несколько минут он смотрел на своего мертвого друга. Внезапно, повинуясь какому-то импульсу, Авнер вновь отбросил одеяло и заставил себя еще раз осмотреть обнаженное тело. Карл был красив. Хотя ему перевалило за сорок, но он был в хорошей форме, подобранный, нигде ни грамма жира. Иногда он казался чуть-чуть сутулым, но сейчас это не было заметно.

Что же все-таки произошло? Был ли Карл убит после полового акта? Авнер не смог себя заставить осмотреть повнимательнее его половой орган, да и не уверен был, что это что-нибудь даст. Он осмотрел его руки, ногти. Оружия у Карла не было, но нет сомнения в том, что он оказал бы бешеное сопротивление, если бы догадался, что ему угрожает опасность. Реакция у него была мгновенная, а приемы рукопашной борьбы он знал прекрасно. Все это, разумеется, не имело ни малейшего значения, если он был захвачен врасплох или убит во сне. Никаких следов на руках Авнер не обнаружил — ни ран, ни царапин. На пальцах не было ни волос, ни обрывков ткани.

Почему его убили? И кто? Блондинка? В том, что она была в комнате Карла, у Авнера не было ни малейшего сомнения: даже сейчас в воздухе еще чувствовался аромат мускуса. Карл, правда, мог быть убит кем-нибудь уже после того, как она ушла.

Зачем она пришла к нему? С намерением убить или только подготовить убийство? Или вообще только для того, чтобы переспать? Карл был человеком осторожным и наблюдательным. Может быть, он обнаружил что-нибудь такое, что ее компрометировало? Могло же так случиться, что он заглянул в ее сумку, когда она ушла в ванную. А она это заметила. Если Карл нашел в ее сумке что-нибудь необычное, например, пистолет или лишний паспорт, он, естественно, попытался это скрыть. А она, достаточно в таких делах опытная, сделала вид, что ни о чем не догадывается. И после этого — выстрелила. В момент, когда он уже лежал в постели и свет был выключен. Какой-нибудь доли секунды на это вполне бы хватило.

А что если бы не Карл, а сам Авнер пригласил ее к себе? Лежал бы он сейчас в кровати, как Карл, с дыркой в груди. Вполне возможный вариант.

Но почему, почему именно Карл попался на это? Осторожный Карл, Карл-радар. Именно так прозвал его Стив. Случалось, поднимет неожиданно глаза от книги: „Ребята, кто-то приближается... Сейчас будет звонок". И действительно, через минуту — звонок. Карл, который взял себе за правило никого не приглашать ни в свою квартиру, ни в свой номер в отеле, пока они на задании.

Однажды во Франкфурте Роберт повстречал на улице своего

старого друга и пригласил к себе. Карл, узнав об этом, пришел в такую ярость, что в течение целой недели с Робертом не разговаривал. Авнер в этом споре был на стороне Роберта и утверждал, что не пригласить к себе старого близкого друга было бы более подозрительным.

Но Карл был на этот счет неумолим. И, видимо, был прав. А теперь тот же Карл стал жертвой старой, как мир истории... Может быть, он был с этой блондинкой знаком раньше? Знакомых у Карла было множество — больше, чем у любого из них, так как он работал в Мосаде очень давно. Может быть, он эту блондинку знал и доверял ей?

Много ли он, Авнер, вообще знал о Карле? Он смотрел на его лицо, такое, казалось, знакомое, а сейчас уже замкнутое, чужое лицо только что умершего человека. Пожалуй, о Карле он знал все же больше, чем об остальных. Они жили вместе, их связывала ответственность за организацию и руководство операциями.

Авнер стал вспоминать: Карл родился в Гамбурге в конце тридцатых годов. Ему было шесть или семь лет, когда родители отправили его в Израиль. Воспитывался он у дяди и тети В Нахарии. Посещая сельскохозяйственную школу. Потом — армия. После службы остался там в качестве инструктора. Затем был приглашен на работу в Мосад. Любил музыку, играл на скрипке. Очень много читал. Развелся с женой немкой. Нацистов ненавидел и после войны уехал в Израиль. От всего пережитого он заболел и лежал в госпитале. Выйдя из госпиталя, вновь женился, на этот раз на чешской еврейке, у которой был ребенок от первого брака. Авнер знал, что свою приемную дочь Карл обожал. В свободное время он писал ей письма-сказки и рисовал к ним картинки. Авнер видел эти рисунки — длинные извилистые линии. Карл отправлял очередную сказку в Рим не реже раза в месяц.

Вот все, пожалуй, что Авнеру было известно о Карле. Не слишком-то много. И еще то, что Карл лежал в кровати в номере лондонского отеля мертвый.

Авнер не на шутку на него рассердился. Вдруг. На какую-нибудь секунду. Ему захотелось заорать на него, встряхнуть как следует, даже ударить. Чертов Карл! Бедняга. Прямодушный, осторожный и мужественный Карл. Карл-радар. Доверчивый Карл. Карл, который мечтал о том, чтобы научиться летать.

После убийства Звайтера уже в своем доме в Латине, они радостно похлопывали друг друга по спинам и были очень довольны собой. Еще бы — убийство Звайтера было первой акцией по отмщению, акцией, которая им удалась. Лишь Карл не разделял всеобщей радости.

— Я не стал бы ликовать на вашем месте, — сказал он. — Мы только что убили человека. Это не повод для торжества.

Никто из них до этого сам не дошел. Да и никто из них и внимания не обратил бы на эти слова, если бы их произнес не Карл. Он один имел право так с ними разговаривать. И не только об этом. И вот теперь Карл — мертв. Но миссия продолжается. И тот, кто убил Карла, за это поплатится.

Люди „папа", их было трое, прибыли через полчаса. Они трижды постучали в дверь, и Авнер впустил их. С Авнером они говорили по-английски, между собой — по-итальянски. Они принесли с собой большую багажную тележку и темный пластиковый мешок.

— Вы можете уйти, — сказал ему главный. — Дайте мне ключи от обеих комнат. Ни о чем не беспокойтесь. — Он дал Авнеру какой-то адрес в Лондоне. — Ждите нас там. Мы оформим ваш выезд отсюда и вечером доставим ваши чемоданы.

Самый старший из итальянцев, одетый в темный костюм, разговаривал в мрачноватом тоне, как это и подобало представителю похоронного бюро. Может быть, похоронное дело и было его настоящей профессией? Авнер припомнил, как говорил ему „папа": „Зачем вам самому копать могилу? Я пришлю вам могильщика. За небольшую плату. Не так ли?"

Никто не будет знать, где похоронят Карла. Но другого выхода нет. Нельзя было допустить, чтобы в это дело вмешались британские власти. Это означало бы конец миссии. И, более того, скомпрометировало бы Израиль.

— Здесь может быть пистон где-нибудь и кровь на постельном белье.

— Не беспокойтесь, — сказал человек „папа". — Мы позаботимся обо всем.

Авнер не сомневался в том, что так и будет. Подкупом или с помощью тайных ухищрений они своего добьются. Деньги и здесь, в Лондоне, играли свою роль. Нет сомнения в том, что в отеле можно найти служащих, которые согласятся помалкивать. Назавтра угловой номер будет чисто убран и готов к приему новых постояльцев. Карла, однако, никто уже не воскресит.

Через три дня Авнер встретился с друзьями во Франкфурте. Он был убежден, что они будут обвинять его в гибели Карла. Он и сам чувствовал себя виноватым. Заметил же он в тот день, что Карл был не в себе. И насчет блондинки сомнения у него были. Если бы не это — он бы и сам пригласил ее. Разве не должен он был предупредить Карла, не беспокоясь о том, понравится это ему или нет. В конкурсе на популярность у публики ему участвовать было не нужно. Если ты лидер, научись спокойно переносить неудовольствие окружающих. Это требует известного мужества. Не того, которое позволяет выстоять под огнем, — другого. Этого мужества ему явно не хватало. Так что в смерти Карла виноват он.

Однако никто больше так не думал, хотя чувство ужаса и горя, которое они испытывали, было неподдельным. У каждого оно выражалось по-своему. Ганс, впав в патетику, бормотал:

— Поднявший меч, от меча и погибнет.

Стив набросился на него:

— Я слышать не могу эту ханжескую белиберду, — заорал он. — Какой такой меч поднимали дети из Кирьят-Шемона? Террористы убивали в большинстве случаев тех, кто никогда не держал оружия. И ты это прекрасно знаешь. — Несколько успокоившись, он продолжал: — Бедняге Карлу следовало более легкомысленно себя вести. Тогда он не стал бы жертвой первой же шлюхи, которая попалась ему на глаза.

— Ты уверен, что именно она его застрелила? Или она только подготовила убийство? — спросил Роберт Авнера.

— Да, я думаю, что это она, — ответил Авнер. — Но уверенности у меня нет. Я должен сначала узнать, кто она и чем занимается.

— Что мы теперь должны делать? — спросил Ганс. — Приостановить операцию?

Вопрос был существенным. После некоторого размышления Авнер сказал:

— Нет, в той мере, в какой это от меня зависит. Мы сообщим, разумеется, о смерти Карла. Если они захотят нас отозвать, мы об этом узнаем. Но вопроса задавать сами не будем. До тех пор, пока не поступят специальные инструкции, будем продолжать. Пока что я попытаюсь выяснить, кто эта девица. Согласны?

Всем без слов было понятно, что о блондинке сообщать в Тель-Авив они не будут. В определенном смысле это было их частным делом и в задачи миссии не входило. На следующий день все четверо вылетели в Женеву. Авнер оставил в сейфе записку Эфраиму. Кроме того, он впервые снял со своего личного счета десять тысяч долларов. То же сделали и остальные. Снимать деньги со счета Карла они, естественно, не могли. Рассчитывали на то, что Эфраим позаботится о том, чтобы эти деньги были переданы вдове Карла. Независимо от этого, они решили передать ей сорок тысяч долларов из собственных денег, а также вещи Карла. Ганс и Стив в этот же вечер вылетели в Рим. Авнер думал, что, может быть, ему как руководителю следует это взять на себя, но, поразмыслив, решил, что Ганс с этой задачей справится лучше, и вылетел в Париж.

Он встретился с Луи и рассчитался с ним за услуги в Лондоне. Затем рассказал все, что мог о блондинке. Менее чем через неделю Луи сообщил, что может показать ему фотографии четырех женщин. Это были обыкновенные черно-белые снимки, из которых один был явно снят с ведома человека, которого фотографировали, а остальные три — скрытой камерой. Одну из фотографий Авнер тут же отложил в сторону. Было совершенно оче-

видно, что на ней была не та женщина, которую он искал. Затем он стал рассматривать остальные снимки. Женщины на них по всем характеристикам соответствовали описанию, которое дал Авнер. Не имело никакого значения то, что фотографии не были цветными. Цвет волос женщины с легкостью меняли. Почти то же можно было сказать и о цвете глаз. Контактные линзы были всем доступны. Авнер сожалел лишь о том, что снимки не сохраняли запаха. Уж запах мускуса он бы распознал мгновенно. Он потратил несколько минут на изучение фотографий и остановился на одной из них. На фотографии была изображена женщина, выходящая из аптеки. Снимок был сделан в Париже.

— Эта, — показал Авнер. — Кто она?

— Я доволен, что вы остановились на ней, — сказал Луи, не отвечая на прямой вопрос Авнера.

— Почему?

— Одна из этих женщин уже шесть месяцев находится в швейцарской тюрьме, — сказал Луи. — А третья умерла. Ту, что вы выбрали, зовут Жаннет. Она из Голландии.

— Что она собой представляет? Чем занимается?

— Хм... Она убивает людей, — ответил Луи. — Если ей за это хорошо платят.

Ничего удивительного в этой информации не было. Среди террористов-убийц были десятки женщин, хотя основную массу составляли все же мужчины. Многие женщины принимали участие в террористических акциях или в преступлениях бытового характера на вспомогательных ролях. Некоторые, как уже говорилось, приобрели широкую известность — Лейла Халед, Рима Аисса Тэннос, Тереза Халеш, немки Ульрика Майнхоф и Габриэль Крочер Тидеманн, или американки Бернадин Дорн и Кэти Будин. Они не только находили конспиративные квартиры, работали осведомителями и занимались транспортом, но и закладывали взрывчатку, владели оружием, захватывали самолеты или даже выступали как организаторы и руководители террористических акций международного масштаба. Некоторые из них действовали по убеждению. Другие, — стремясь таким способом доказать, что они не хуже мужчин. Они не отдавали себе отчета в том, что в данном случае „не хуже" означало быть жестоким и безответственным.

Авнеру, разумеется, все это было известно и до случая с Карлом. В Мосаде знали, что женщины могут превосходить мужчин по своим организаторским и дипломатическим способностям, по фанатичной преданности идее, жестокости и узости взглядов, уступая мужчинам лишь в умении пользоваться техникой и в стойкости под огнем. Женщины чаще промахивались, стреляя, чаще гибли от взрыва своих же собственных гранат и чаще сдавались, попадая в безвыходные ситуации. Последнее свидетельствовало, скорее, о более нормально развитом, чем у мужчин,

чувстве самосохранения. В определенных ситуациях, однако, именно это делало их значительно более опасными.[1]

— Кому она служит? — спросил Авнер.

Луи только пожал плечами.

— Я полагаю тем, кому ее услуги по карману, — сказал он. — По моим сведениям, она много работала в Южной Америке.

— Где она находится сейчас? Можете ли вы разыскать ее?

— В промежутках между своими операциями она живет в маленьком прибрежном городке в Голландии, — ответил Луи. — Название города Хорн. Он находится приблизительно в тридцати километрах от Амстердама.

Авнер кивнул. Он знал Хорн.

— Живет она в собственном доме или снимает квартиру? — спросил он.

— Хотите — верьте, хотите — нет, — засмеялся Луи, — но она живет на барже, вместе с подругой. Не знаю, лесбиянка ли она, но это так. Сейчас, однако, ее там нет.

— Луи, сможете ли вы сообщить, когда она вернется? На деловой основе, конечно.

— Я попытаюсь, — ответил Луи. — Расходы — расходами. Но все остальное — между нами.

— Разумеется. Я жду вашего звонка, как только что-нибудь выяснится.

Вернувшись во Франкфурт, он застал всех остальных уже на месте. И Ганс, и Стив тяжело переживали встречу с вдовой Карла. В ответ на расспросы Авнера, Ганс только плечами пожал:

— Что она сказала? Как реагировала? Как, ты предполагаешь, она должна была реагировать?

— Важнее другое, — сказал Стив. — Когда нам удастся найти и прикончить эту шлюху?

— Спокойно, Стив. Мы поговорим об этом несколько позднее, — сказал Авнер и изложил им все, что узнал от Луи. — Теперь давайте рассудим... Допустим, что я не ошибся, опознав ее по фотографии.

— А ты допускаешь, что мог ошибиться? — спросил Ганс.

— Нет, — не колеблясь ответил Авнер. — Но из вас никто в этом уверен быть не может. Мы знаем, что эта женщина была в комнате Карла. Предположим, что информация Луи верна. Значит, она на службе у ООП. Они нас обнаружили около отеля „Гросвенор Хауз" в Лондоне и вызвали ее, чтобы она ликвидировала одного из нас. Она это сделала. Теперь мы знаем, что она живет в Хорне. Как мы поступим?

— Убьем ее, — быстро отреагировал Стив. — Какие могут быть в этом сомнения?!

— Я понимаю, что имеет в виду Авнер, — сказал Роберт. — Во-первых, мог ли он ошибиться, и, во-вторых, может ли ошибаться

Луи. Обстоятельства для нас необычные. Мы не имеем возможности получить дополнительную информацию к тому, что уже знаем. Что если эта женщина — проститутка, которая застрелила Карла просто потому, что он отказался ей заплатить?

— Чепуха! — воскликнул Стив. — Не забывай, *о ком* мы говорим. Неужели ты допускаешь, что Карл станет ссориться с проституткой и рисковать нашим положением? Да он заплатил бы ей и в три раза больше. Сколько угодно — лишь бы она ушла. Это никакой критики не выдерживает.

Стив был прав.

— Скажи другое, — продолжал Стив. — Что если она, будучи проституткой, застрелила Карла, чтобы добыть его бумажник?

— Теоретически это возможно, — ответил Авнер. — Но у него ничего не пропало. Его бумажник остался в боковом кармане куртки. А в бумажнике было более ста фунтов.

— Ну вот видишь, — сказал Стив. — И вообще, какая разница? Неужели, если она убила его ради бумажника, мы должны ей это простить?

— Разница все же есть, — сказал Роберт. — Мы на задании. И в наши обязанности не входит охота за проститутками. Все дело в том, что она не проститутка. Если бы она охотилась за деньгами, она бы Карла ограбила. Так что Авнер прав. Но что если ей просто был нужен мужчина? Допустим, она переспала с ним, попрощалась и ушла. А Карла застрелил кто-то другой. Что если это было так?

— По-твоему кто-то застрелил Карла — голого, лежащего в постели. Карл никогда не спал голым. Вы можете мне поверить — я с ним жил. И не слишком ли много удивительных совпадений? Карл убит кем-то неизвестным после того, как у него побывала женщина, для которой, по данным Луи, убийство — было профессией. Женщина, которая пыталась перед этим подцепить меня. И это после того, как за мной в Лондоне явно кто-то следил. Нет, я не могу согласиться с такой версией. Если она даже и не сама его застрелила, то в любом случае, это она привела убийцу.

— Правильно, — сказал Роберт. — Правда, мы вновь возвращаемся к исходной точке — верна ли информация Луи? Я почти в этом не сомневаюсь. Карла убила она — одна или с сообщником — это решающего значения не имеет. Если Луи прав и, разумеется, если у Авнера нет сомнений в том, что на фотографии — она, то...

Ганс взглянул на Авнера.

— Ты уверен? Я спрашиваю о фотографии.

— Да.

— Уверен ли ты в том, что информация Луи точна?

— Я склоняюсь к тому, чтобы ей верить, — ответил Авнер. — А вы?

Они переглянулись. До сих пор все сведения, которые они по-

лучали от Луи, всегда были верны. Даже о Гларусе. Они не видели Саламэ и Абу Дауда там, но троих вооруженных арабов в церкви они видели.

Советоваться с Эфраимом не имело смысла. Мосад ни при каких обстоятельствах не разрешил бы им убивать кого-нибудь в Голландии. Кто бы это ни был.

Поставив Эфраима в известность о своих планах, они попадут в трудное положение. Им придется нарушить прямой приказ.

Стив встал с места.

— Ребята, — сказал он, — чего мы ждем?

Они ждали одного — сообщения Луи о том, что блондинка возвращается в Голландию.

Она вернулась на свою баржу не так скоро, как им бы того хотелось. Все это время они не бездействовали. В течение лета до них несколько раз доходили слухи и о ней, и о Саламэ или Абу Дауде. Но наконец в середине августа Луи сообщил им, что Жаннет через семь-восемь дней будет в Хорне.

В этот же вечер Роберт выехал вновь в Бельгию. На этот раз он не собирался проектировать бомбу. Соображений для этого было несколько. Одним из них было их личное отношение к этому делу. Просто подложить бомбу в баржу, было недостаточно для отмщения. Они хотели бы собственными глазами видеть, как она умрет.

Дело было в том, что каждый из них испытывал к этой женщине личную ненависть, имеющую мало общего с куда более абстрактной ненавистью по отношению к их прежним жертвам, включая и Али Хасана Саламэ. Авнер не пытался все это четко сформулировать, но ощущал различие очень четко. По отношению к террористам они не испытывали личной ненависти. Их убивали в наказание за их собственные преступления. Это было в чистом виде возмездие и, в особенности, возмездие за убийство одиннадцати спортсменов в Мюнхене. Тем не менее действия террористов, которые были перечислены в их списке, они могли хоть как-то понять. Возможно, даже в известном смысле отдавать им должное — их уму, храбрости, настойчивости. Нечто подобное испытывают охотники, восхищаясь ловкостью и хитростью зверя.

Но к блондинке ничего подобного они не испытывали.

Она убила их друга и брата, их товарища по оружию. Она не была абстрактным врагом, воюющим с их страной. Но и это было еще не все.

Авнер сомневался в том, что они бы с такой силой ненавидели обыкновенного палестинского террориста, если бы тот застрелил Карла на улице. Поведение блондинки было предательским. Женщина, использующая свою привлекательность, чтобы заманить в ловушку мужчину в момент его слабости, его одиночества и лишить его жизни, — отвратительна. Так что Карл погиб не от руки достойного противника.

Поступок Жаннет совершенно изменил их привычные представления о женщинах. Они уже не боялись ее обидеть. Совсем наоборот. Убить ее им было морально куда легче, чем мужчину. Они были в таком настроении, что, казалось, с восторгом растерзали бы ее.

План Роберта на этот раз состоял в том, чтобы превратить в огнестрельное оружие одноразового действия часть трубки, составляющей велосипедную раму.

Было лето, притом жаркое. Голландский прибрежный городок был полон велосипедистов, молодых людей, мужчин и женщин. Им не придется заботиться о провозе оружия через границу. Друг Роберта в Бельгии взялся изготовить это оружие (на застежке „молния") за малую долю той цены, которую пришлось бы заплатить представителям „папа" в Голландии за четыре „береттьі". Они смогут подъехать к барже на велосипедах в майках и шортах, не вызывая ни у кого ни малейших подозрений. После акции они поставят свои трубки на место в велосипеды и подъедут к „вэну", запаркованному примерно в шестистах-семистах метрах от баржи. При них не будет никакого оружия. Кому придет в голову осматривать их велосипедные рамы? План был безупречен.

— Можно ли будет, пользуясь этой трубкой, попасть в цель? — спросил Авнер.

— С расстояния в один-два метра? Ручаюсь, — ответил Роберт.

— Это не имеет значения, — прибавил Стив. — Подпустите меня к ней, и я сверну ей шею собственными руками.

В среду, 21 августа день был теплый. На дощатой набережной толпились толпы студентов — и на велосипедах и без них. Авнер и его товарищи наблюдали за баржей в течение двух дней. Жаннет появилась на третий. Она приехала на такси, остановив его на некотором расстоянии от баржи.

Авнер узнал ее сразу.

— Вот она, — сказал он Стиву. — Увидишь, она сейчас пойдет к барже.

Так оно и было. В светлом костюме с небольшим чемоданчиком в руках, Жаннет выглядела необыкновенно привлекательной.

Затруднение состояло в том, что на барже находилась ее подруга — девушка, ходившая в синих джинсах и с красным рюкзаком за плечами. Ей было лет двадцать, этой белокожей шатенке с коротко подстриженными волосами. В течение двух дней они много раз видели, как она приходила и уходила с баржи. Они надеялись, что в конце концов девушка отправится за чем-нибудь в город и будет отсутствовать довольно долго.

Было три часа пополудни. Они решили ждать.

Около девяти вечера девушка сошла с баржи. Солнце уже садилось, но было еще светло. Авнер решил действовать немедлен-

но. Они не могли знать, как долго ее не будет, ушла ли она на каких-нибудь двадцать минут или на всю ночь? За два дня наблюдений они сделали вывод, что она вела довольно беспорядочный образ жизни.

Девушка села на велосипед. Это означало, что в их распоряжении есть по меньшей мере двадцать минут. Вполне достаточно.

Роберт поджидал их в „вэне" примерно в полукилометре от причала. Двое голландцев, служащих „Ле Груп", находились в другом „вэне", приблизительно в шестидесяти метрах от баржи. Они должны были убрать труп и все следы их пребывания на барже. Авнер не желал, чтобы ее труп был обнаружен. Если учесть, что Жаннет часто подолгу отсутствовала, ее исчезновение могло оставаться незамеченным в течение недель, а то и месяцев. За это время, если повезет, они закончат свою миссию. Будет лучше, если Мосад или, скажем, Эфраим, ничего обо всем этом не будут знать. Если Эфраим обнаружит, чем они занимались в Хорне, он может отреагировать на это самым неприятным образом, может посчитать даже, что команда вышла из-под контроля, и ликвидировать миссию.

Если все же с Эфраимом придется объясняться, то Авнер скажет: „Мы должны были поступить так. Она видела нас с Карлом в Лондоне. Может быть, и Ганса. Она могла нас выдать. Это и на самом деле было правдой, хотя и не всей.

С коротким, снабженным грубо сделанным курком обрубком металлической трубки в руке Авнер двинулся по мостику, ведущему на баржу. Было самое начало десятого. За ним, так же вооруженный, следовал Стив. Ганс оставался на мостике, стоял, облокотившись на перила. Они договорились, что он не будет входить в каюту, если Авнеру и Стиву не понадобится помощь.

Кошка, оказавшаяся на борту, стала отчаянно мяукать, как только увидела Авнера, приближающегося к каюте. Стив попытался приласкать животное, но это не помогло.

В полуоткрытую дверь они увидели блондинку в голубом домашнем платье. Она сидела за небольшим письменным столом спиной к двери. Авнер был убежден, что ее встревожит ужасное мяуканье кошки, но, по-видимому, она к этому привыкла. Авнер открыл дверь. Тот же знакомый запах. Если у него и оставались какие-нибудь сомнения насчет того, та ли это женщина, то теперь он был уверен в том, что это она. Именно она была тогда в комнате Карла.

Жаннет повернула голову и, увидев Авнера, нисколько не испугалась. Во всяком случае, внешне это никак не проявилось. Он стоял в дверях, освещенный сзади закатным солнцем. Ей было трудно рассмотреть его, но Авнер увидел, как ее правая рука потянулась к ящику в столе.

— На вашем месте я бы этого не стал делать, — сказал Авнер по-

английски, подходя к ней. Стив тоже вошел в каюту, сопровождаемый кошкой, которая прыгнула на стол, не переставая громко мяукать. Звуки она издавала столь жуткие, что нервы не выдерживали.

— Кто вы такие? — спросила Жаннет, переводя взгляд с одного на другого.

Авнер увидел, что ее рука продолжает незаметно продвигаться к ящику стола, а левой она распахнула у ворота свое голубое платье, обнажив при этом грудь. Сделала ли она это сознательно, или жест был непроизвольным, сказать было трудно. Но в данной ситуации это движение было ошибкой. И Авнер, и Стив его заметили, и у обоих он вызвал приступ омерзения и ярости.

— Следи за ней. У нее оружие, — сказал Стив на иврите.

Авнер кивнул, не спуская глаз с ее правой руки.

— Я знаю, — ответил он. Затем, уже по-английски, обратился к Жаннет:

— Вы помните Лондон?

Он увидел, что она смотрит на трубку от велосипедной рамы в его руке. Она, разумеется, не понимала, что это такое и думала, что они собираются ударить ее этим предметом. Ее губы искривились в вызывающей, презрительной усмешке. Она решительным движением открыла ящик стола.

Авнер спустил курок. То же сделал Стив. Кошка высоко подпрыгнула. Жаннет все еще сидела на стуле, затем стала медленно падать вниз лицом. Она задыхалась. Тем не менее у нее все-таки хватило сил приподнять голову, и они увидели, как стекала кровь из угла ее рта. Оружие Авнера и Стива было рассчитано на одну пулю. Авнер сунул руку в карман за второй. Жаннет сползла на пол еще до того, как он успел ее вставить. Дверь позади них распахнулась и Ганс ворвался в каюту, шагая точно так же, как когда-то в Афинах, когда он забросил бомбы в комнату Мухасси.

— И от меня пусть свое получит, подлюга, — сказал он, отодвигая в сторону Авнера и Стива. Он нагнулся и выстрелил ей в затылок. Жаннет была мертва.

— Пошли, Ганс, — и Авнер сделал знак Стиву.

Они увели Ганса, который, казалось, был готов разорвать это тело на части, но последовал за Авнером и Стивом, продолжая шепотом осыпать умершую проклятиями.

Было уже темно. Авнер подозвал служащих „папа". Теперь они могли подогнать свой „вэн" к мостику и заняться трупом. Авнер взглянул на часы. Они провели на барже ровно три минуты и тридцать секунд. Девушка с красным рюкзаком должна была вернуться не раньше чем через пятнадцать минут. Они вставили велосипедные трубки на место, сели на велосипеды и поехали к „вэну", в котором их ждал Роберт.

— Мы покончили с этой шлюхой, — сказал Ганс Роберту.

Авнер понимал чувства Ганса. Дело было не только в самом факте мести за убийство Карла. Авнер дважды уже убивал вот так, в упор, и мог с уверенностью сказать, что это убийство было для него куда менее трудным, чем те два. В тот крохотный промежуток времени, когда он и Звайтер или он и аль-Кубаиси оказывались лицом к лицу, оба они инстинктивно молили о том, чтобы им сохранили жизнь. Они повторяли: „Нет, нет..." на обоих языках — арабском и английском. Стреляя в них, Авнер все же не ощущал к ним острой ненависти. Они оставались для него людьми, доведенными обстоятельствами до крайности, до последнего и мучительного момента в своей жизни.

Эта женщина вела себя по другому. Она ни о чем не просила. Она смотрела на него глазами, полными холодной ненависти. Ничего, кроме презрения и вызова, не было в ее лице.

Если бы она даже этого хотела, вряд ли ей бы в большей степени удалось облегчить Авнеру его задачу.

Через три недели после смерти Жаннет, 14 сентября погиб Роберт. Это произошло в окрестностях маленького бельгийского городка Бетис, в поле. Он подорвался, экспериментируя с одной из своих собственных бомб. Таким образом, с ним произошло то же, что с удивительным постоянством, по словам того же Роберта, случалось с террористами.

Мало что стало известно об этом событии. На следующий день после возвращения из Хорна Роберт отправился на машине в Бельгию, чтобы вернуть велосипеды. Он предполагал там задержаться, намереваясь помочь своему другу, который проектировал в это время какой-то новый тип оружия. О чем именно шла речь Авнер и представления не имел. В тот момент бомбы его мало интересовали. Стиву, которого новые изобретения всегда занимали, Роберт кое-что рассказывал. На этот раз Роберт собирался испытать какое-то новое химическое соединение. Похоже, оно оказалось более эффективным, чем он ожидал.

Роберт давал о себе знать во Франкфурт ежедневно. Так что в случае необходимости его всегда можно было вызвать. Они условились, что он будет звонить между шестью и семью часами, по вечерам. И повторно, если разговор не состоится, между десятью и одиннадцатью. Остальные в это время развивали бешеную деятельность в погоне за тремя террористами, которые все еще оставались в их списке. После событий в Хорне они решили поторопиться с завершением миссии.

Из Тель-Авива новых инструкций не поступало. Донесение о смерти Карла они послали. В ответ в женевском сейфе была оставлена лаконичная записка: „Письмо получено". Тем не менее и Авнер, и его партнеры не сомневались в том, что Мосад их группу ликвидирует, если до конца года им не удастся добиться новых успехов.

С момента убийства Мохаммеда Будиа 28 июня 1973 года, то есть более года назад, ни одной успешной контртеррористической операции не было. Тяжелое поражение в Лиллехаммере, фиаско в Гларусе и трагическая потеря Карла. Мосад, надо думать, прикро-

ет эту операцию, если им не удастся в самое ближайшее время выследить Али Хасана Саламэ, Абу Дауда или доктора Хадада.

Их отзовут, так и не дав довести до конца начатое ими дело. Они воспринимали это как провал. Пусть даже никаких обвинений против них и не выдвинуто. Все равно — это банкротство. И без слов понятно. Они вынуждены будут уйти, оставив работу незаконченной. Особенно остро они воспринимали то, что им так и не удалось найти Саламэ. Если б они погибли, не закончив своей миссии, — это было бы другое дело. Если б не подчинились приказу, — тоже было бы легче. Им казалось, что неповиновение осмысленнее, чем отступление. С другой стороны, неповиновение могло привести к тому, что Мосад наложит запрет на счета в банке. (Когда они обсуждали этот вопрос, Ганс предложил, если Мосад закроет для них свои фонды, использовать их личные деньги.) Авнер впоследствии признавал, что они в этот период были настроены не менее фанатично, чем сами террористы.

Это внутреннее ощущение, что надо торопиться, что у них нет времени, в частности, повлияло на решение Роберта испытать новые химические соединения. Остальные члены группы в это время лихорадочно собирали сведения, разъезжая по городам Европы. Штаб в лице Авнера оставался во Франкфурте.

Последний раз Авнер разговаривал с Робертом 13 сентября, как обычно, в условленное время.

— Через два-три дня я закончу работу, — сказал тогда Роберт.

— Хорошо, — ответил Авнер. У нас пока ничего нового.

На следующий день между шестью и семью часами Роберт не позвонил. Авнера это не обеспокоило. Следовало просто ждать звонка между десятью и одиннадцатью. Телефон зазвонил в пять минут одиннадцатого. Это был Луи.

— Очень сожалею, — сказал француз, — но у меня плохие новости.

— Что-нибудь с Робертом? — спросил Авнер.

Луи знал о связях Роберта с Бельгией с тех пор, как группа Авнера начала использовать курьеров „папа" для вывоза оружия из Бельгии в связи с акцией на Кипре.

— Несчастный случай, — сказал Луи. — Никто в этом не виноват. И ничего уже не поделаешь.

У Авнера пересохло горло.

— Я понимаю, — сказал он.

— Если хотите, мы все заботы об этом деле возьмем на себя. Как тогда, в Лондоне. Это, видимо, проще всего.

— Да, — ответил Авнер. Говорить ему было трудно. — Да, вы правы — это проще всего. Действуйте. И вот еще что — спасибо, что позвонили.

— Послушайте, — сказал Луи. — Что делать? Все мы смертны.

— О, конечно, — произнес почти автоматически Авнер.

После непродолжительного молчания Луи добавил:

— Позвоните мне, если вам что-нибудь понадобится.

Говорить больше было не о чем. Авнер положил трубку и еще несколько секунд тупо смотрел на нее. Затем сел в машину и поехал к дому, в котором жили Роберт и Стив. Он открыл дверь запасным ключом и начал упаковывать в чемодан все вещи, принадлежавшие Роберту. В квартире был ужасающий беспорядок. Стив был человеком неаккуратным, а Роберт на порядок в доме и вообще внимания не обращал.

Авнер без труда отличал вещи Роберта от вещей Стива. Он подбирал их с пола, вытаскивал из-за дивана. Запомнить имена и числа ему всегда было трудно. Но память на вещи у него была превосходной. Носки Роберта, его галстуки, распознать было легко. И не возникал даже вопрос о том, кому могли принадлежать все игрушки и книжки. После того как все было упаковано, чемодан оставался незаполненным. По-видимому, Роберт, уезжая, забрал с собой почти всю одежду.

Он нашел письма жены Роберта и несколько фотографий, положил их в конверт и сунул под одежду в чемодане. Ему пришло в голову, что вряд ли когда-нибудь при жизни у Роберта был так аккуратно запакован чемодан. Он не знал, что делать с гигантской каруселью, сделанной Робертом из зубочисток. Это было последнее его творение, над которым он трудился в течение нескольких месяцев. Игрушка стояла в спальне Роберта на столе. Это было хрупкое, хотя и довольно большое сооружение (в поперечнике карусель достигала метра). Она действительно была чудом изобретательности и искусства. Авнер осторожно прикоснулся пальцем к колесу, и оно сразу же завертелось. Крохотные гондолы, их было шесть, закружились вокруг тонкой оси. Авнер бездумно подталкивал колесо. Оно вращалось все быстрее и быстрее — отдельные детали уже не было возможности разглядеть. Решив, что он разогнал карусель до предела, Авнер перестал подталкивать колесо и еще раз оглядел комнату, чтобы убедиться в том, что ничего не упустил. Как будто все. Смятые подушки и неубранная постель. Все здесь было так, как было в момент, когда Роберт покидал квартиру.

Внезапно Авнер услышал какой-то шелестящий звук, точно летали птицы. Он обернулся. Карусели не было. Лишь множество зубочисток валялись на столе и на полу.

Авнер вышел из квартиры с чемоданом и отвез его на автобусную станцию, заперев в камеру хранения.

На следующий день вернулись Ганс и Стив. Втроем они отправились на прогулку в большой городской парк, расположенный неподалеку от дома, в котором жил Ганс. Они ходили по парку в течение трех часов и пытались оценить создавшееся положение. Авнер, не испытывая уже к этому особого интереса, отметил, од-

нако, что мучившие его болезненные судороги в желудке пропали. В сердце же родились злость и непреклонная решимость выполнить задание до конца. Им нужен был Саламэ. Во что бы то ни стало. Чтобы не напрасной была смерть Карла и Роберта. Ганс и Стив с этим были согласны.

— Надо лететь в Женеву и оставить там сообщение о смерти Роберта, — сказал Авнер. И прибавил: — Ждать ответа мы не станем. Работу будем продолжать.

— Кто-нибудь должен сообщить жене Роберта, — сказал Ганс. — На этот раз мне не хотелось бы выступать в роли посланника „Хеврат Кадиша".

Это было название государственной похоронной компании в Израиле. Отправляясь в Рим на встречу с вдовой Карла, Ганс и Стив окрестили себя представителями „Хеврат Кадиша". Встреча эта произвела удручающее впечатление на Ганса, хотя жена Карла вела себя с большим достоинством. Но теперь им предстояло испытание более трудное. Жена Роберта — красивая еврейка французского происхождения, по прозвищу Пепе, — была женщиной очень темпераментной и к тому же избалованной. В то время как другие жены терпеливо ждали вестей от своих мужей, она этим не довольствовалась. И Роберт был вынужден дать Пепе адрес в Англии и ездить туда время от времени за ее письмами. Мало того, он должен был дать ей номера телефонов и указать время, когда она может ему звонить. Роберт и сам радовался возможности с ней поговорить, но организовывать это было и вообще нелегко, а во время операции практически невозможно. По всему было ясно, что Пепе — очаровательная женщина и любящая жена — мало подходила для роли подруги профессионального агента.[1] Она постоянно дергала Роберта, а через него и его партнеров.

Роберт и Пепе имели двоих детей. В самом начале миссии Роберт отправил свою семью из Израиля в Брюссель. Он понимал, что в Бельгии будет бывать часто. Они могли бы встречаться и проводить хотя бы по несколько часов вместе каждый раз, когда Роберт посещал Бельгию по своим делам. Все это казалось поначалу разумным. На практике, однако, получилось иначе. Эти короткие встречи и для Пепе, и для самого Роберта оказались трудным испытанием. Кончилось тем, что Роберт отправил семью в Вашингтон, где жил любимый дядя Пепе. Дядя был дипломатом, аккредитованным при каком-то европейском посольстве.

Авнер понимал Ганса, которого перспектива встречи с Пепе в нынешних обстоятельствах не привлекала.

— Прежде всего нам надо лететь в Женеву, — сказал Авнер. — А в Вашингтон потом. Полечу я. И Стив, если он захочет. Вернувшись, мы займемся террористами. Теперь, однако, никаких грандиозных планов, взрывчатки и тому подобное. Нас осталось трое. Мы будем теперь действовать по другому. И все будет в

порядке. Ганс в наше отсутствие свяжется с Луи и закажет три автомата „Узи".

— Правильно, старина, — сказал Стив.

И в самом деле, существовали ведь иные способы проведения акций, — несравненно более опасные, чем те тщательно подготовленные операции, которые они осуществляли до сих пор, граничащие с самоубийством.

Их решимость была продиктована отчаянием. И шансов уцелеть при этом оставалось немного. И все же можно.

Открытое нападение, рассчитанное на неожиданность и стрельбу в упор. Так они решили действовать в нынешних условиях, а не изучать поведение и образ жизни террориста, не разрабатывать надежные методы отступления и не пользоваться взрывчаткой, таким образом, избегая необходимости присутствовать на месте убийства. Вместо всего этого они будут действовать, выяснив всего лишь два фактора — где и когда. Время появления террориста и место, где с ним можно встретиться. Ничего больше.

Если бы, например, удалось выяснить местопребывание Саламэ, то трое решительно настроенных мужчин, вооруженных автоматами, в принципе, могут застрелить его. Само собой разумеется, что при этом уже не принимаются во внимание ни место действия, ни окружение, ни возможность ускользнуть от преследования. Вполне возможно, что и жизнь посторонних людей может оказаться в опасности. Может случиться, что их обнаружат. И то, что убийцы — израильские коммандос, станет достоянием общественности всех стран.

Таков был этот метод. Для его осуществления требуется одно — не принимать во внимание последствия своих же собственных действий. Или почти не принимать. Им нужно приблизиться на достаточно близкое к своей жертве расстояние — в шестьдесят-семьдесят метров. Команда из трех человек по существу только так, подобно камикадзе, и может осуществить свой план.

— Это не означает, что мы выбираем только этот путь, — сказал Авнер. — Нас, правда, всего трое, но мы пользуемся поддержкой Луи и его подручных. Может быть, нам еще повезет. Мы к тому же постараемся придумать что-нибудь особенное. Но я хочу сказать, что пренебрегать мы теперь ничем не можем. Любой шанс мы будем использовать. Планов, основанных на теории нулевого риска, больше не существует. Вы согласны?

— Да, — решительно ответил Стив и повернулся к Гансу.

— Если говорить откровенно, — начал Ганс, — это решение с заданием не согласуется. В точном смысле слова. Я не думаю, что мы имеем право так поступать, Авнер. По существу ты предлагаешь изменить задачи миссии или во всяком случае очередность этих задач. А на это нужно получить разрешение начальства. Однако, — продолжал Ганс, — я, несмотря на все это, согласен с то-

бой. Я просто хотел, чтобы мы отдавали себе ясный отчет в том, что мы делаем.

Ганс был прав. Они действительно меняли акцент. Ганс, так же как Авнер и Стив, был не из тех людей, которые сдают свои позиции. Это проявилось достаточно четко в его поведении в Афинах, в деле Мухасси. И Гансу, точно так же как остальным, отступление казалось немыслимым.

Следовало с самого начала ожидать, что при организации миссий такого рода рано или поздно может возникнуть подобная ситуация. Столь прямолинейно преданные своему делу люди, не способны остановиться и прекратить свою деятельность, когда этого потребует политическая целесообразность и здравый смысл. Такие люди неизбежно оказывают и психологическое давление друг на друга.

Позднее Авнер говорил Стиву:

— Меня не обеспокоила позиция Ганса. Я знал, что он не сможет нам противостоять.

Но Ганс между тем выдвинул новые соображения.

— Ты упомянул о том, что нас поддерживают Луи и его люди, — сказал он. — Об этом надо поговорить серьезно. Меня мучают подозрения с тех самых пор, как мы были в Лондоне. Кто, кроме Луи, мог знать, что мы собираемся в Лондон? Кто знал, что Роберт в Бельгии? Только Луи. Карл погиб. Нет и Роберта. Что, если „папа" предает нас? Он продает нам террористов. Почему бы ему не продать тем же террористам и нас? Подумал ли ты о том, что это возможно?

Авнер об этом думал. И не раз. Он думал об этом в течение всего лета. С одной стороны, почему бы людям типа „папа", Луи и Тони, не говоря уж об Андреасе, и не предавать их? Если в принципах работы „Ле Груп", изложенных в свое время Авнеру Луи, есть хоть зерно истины, то они должны были только радоваться, что их клиенты истребляют друг друга. Чем скорее это произойдет, тем лучше, то есть чем скорее старый мир исчезнет, тем скорее станет возможным построение чего-то нового.

К тому же и экономически весьма выгодно. Не исключено, что „папа" мог получить вознаграждение от террористов, выдав им Карла, а затем от Авнера — за похороны того же Карла; какую-то сумму — за услуги голландки, а затем за тайное похищение ее трупа и похороны. Можно было рассчитывать и на вознаграждение от арабов, если организовать убийство Роберта, инсценировав несчастный случай. А от Авнера — за похороны Роберта. И так далее...

Так могло быть. Умело маневрируя, „папа" мог даже сохранить дружеские отношения со всеми. Каждая сторона, таким образом, добровольно выдает ему информацию о себе. А он продает ее другой. Это был надежный и практически неисчерпаемый источник дохода.

Обдумав все эти возможности, Авнер отверг их. По той простой причине, что в это не верил.

— Папа мог нас выдать давно, — сказал он. — Когда мы все были в одном месте. Почему не на Кипре?

— Может быть, тогда не было покупателей, — возразил Ганс. — Или не было смысла убивать курицу, которая должна была вот-вот снести золотое яичко.

— Ты действительно в это веришь? — спросил Авнер.

— Я не знаю, чему верить, — ответил Ганс. — Я просто обеспокоен тем, что мы слишком безоговорочно им доверяем. Кто они в конце концов? Кучка корыстных дельцов. Без их помощи террористы не смогли бы действовать. Они не на нас работают. Они помогают доброй половине всех „Красных армий" в Европе. Насколько мы знаем, они и на мафию работают.

Все это было верно. Но Авнер тем не менее пожал плечами.

— Я не удивлюсь, если в один прекрасный день окажется, — продолжал Ганс, — что их организация создана и финансируется русскими. Об этом ты не подумал? КГБ создает специальную группу, которая поддерживает террористов. Не так уж это глупо. Возможно, что и члены „Ле Груп", за исключением разве самого „папа", сами не знают, кто стоит за их спиной. Что ты об этом скажешь?

Ганс так далеко пошел в своих предположениях, что даже стал немного походить на „папа". Внезапно Авнера осенило — он понял, что происходит с Гансом. Это симптомы паранойи — специфического заболевания агентов, которые слишком длительное время находятся в подполье. Везде им начинают мерещиться заговоры. Нормальное чувство страха и обоснованные подозрения просто невероятно преувеличиваются. Подозревать начинают и ни в чем не повинных людей. Вероятно, и сам „папа" в какой-то мере страдал этим заболеванием.[2]

— Конечно, не исключено, что сведения о нашей группе могли просочиться и от „папа", и от кого-нибудь из членов его „Ле Груп", но в не меньшей степени это могло исходить и от наших собственных информаторов, — сказал Авнер. — Чуть ли не в каждом городе среди наших осведомителей есть какой-нибудь Ахмед или Ясир, которым наше местопребывание известно. Кто-то из них, безусловно, знал, что мы в Лондоне в то время, когда был убит Карл. И „папа" мог нас выдать — чтобы заработать, чтобы всем угодить, чтобы обезопасить себя, наконец. Кто может знать? Но „папа" при всем том обеспечивает нас всем необходимым. Мы не задавались этими вопросами, пока он поставлял нам террористов — одного за другим. Допустим, что и это часть платы. И что же? Отказаться от его услуг? Я бы на это предложение ответил отрицательно. Мы должны использовать все, что он пожелает нам дать, но при этом соблюдать большую осторожность. Быть более

осмотрительными. Даже для того, чтобы иметь возможность нас продать, он вынужден будет нас обслужить. Это, и говорить нечего, сопряжено с риском. Но рисковать стоит. Разве не так?

Ганс задумался.

— Еще с каким риском! — наконец сказал он. — Ты это имеешь в виду?

— Нет, — решительно ответил Авнер. — Я в этом не уверен. Может быть, это безумие, но я доверяю „папа". Я доверяю Луи и Тони. Но доказать это не могу. Ты прав, что поднял этот вопрос. Надо быть бдительными. Но какой другой есть у нас выход? Отказаться от услуг „Ле Груп", потому что мы не можем полностью им доверять, это значит отказаться от лучшего из тех источников, которыми мы располагаем. Я имею в виду информацию, поддержку, да все вообще. Сколько террористов могли бы мы ликвидировать без их содействия? Пусть даже они нас предают... Что ж? Давайте удвоим осторожность, но использовать их все равно будем. Вводите их, по возможности, в заблуждение. Меняйте в последнюю минуту свои планы. Разве это не наилучший выход?

Ганс рассмеялся.

— Ты сошел с ума, — сказал он. — Тебе это известно? Я хочу сказать, что все мы безумцы, но нет среди нас безумца большего, чем ты.

— И тем не менее, он прав, — сказал Стив. — Действовать надо именно так.

Так и было решено. Прежде всего, потому что в глубине души Авнер продолжал доверять „папа". Если бы это было не так, он скорее всего порвал бы все контакты с Луи, независимо от того, что говорил в тот день Гансу. Так что это не было безумием, во всяком случае в том смысле, в котором говорил о нем Ганс. Авнер полагался на свое „шестое чувство".

И, может быть, напрасно.[3]

Встреча в Вашингтоне прошла даже более мучительно, чем Авнер представлял. С Пепе случилась истерика. Виноватым почему-то оказался Стив. Она била его кулаками и кричала, что это он убил Роберта. Стив отступал под ее натиском, пятился назад, не поднимая головы до тех пор, пока Авнер не схватил ее сзади за плечи. И тут она начала плакать. Слава Богу, что ее дядя догадался перед приходом Стива и Авнера увести детей.

Они вновь сняли деньги со своих счетов в банке, чтобы передать их Пепе, точно так же как сделали это для вдовы Карла. Но на этот раз по пять тысяч. Получилось всего пятнадцать тысяч долларов. Им было несколько не по себе, точно они скаредничали, не выдавая и Пепе сорока тысяч. Дело было, конечно, не в скаредности, а в том, что им приходилось уже думать и о своих собственных семьях. Вслух об этом ничего сказано не было, но если

так будет продолжаться и они будут один за другим выбывать, то в конце концов у того, кто останется последним, не окажется денег для своих жены и детей. Семьи погибших получают пенсию, но она не слишком-то велика.

Перед возвращением в Европу Авнер остановился в Нью-Йорке на несколько дней. Сейчас, через полтора года, Шошана начала привыкать к жизни в Америке. Выглядела она цветущей женщиной. Авнер ею гордился. Она освоилась, и при этом совершенно самостоятельно, в этом чуждом и пугающем ее городе, так мало похожем на города в Израиле, к которым она привыкла. А Геула превратилась из уродца в прелестного ребенка.

Его любимый пес Чарли пришел при виде хозяина в такой экстаз, что, высоко подпрыгнув, цапнул его за нос. Потом, пристыженный, он спрятался под кровать и очень долго не соглашался оттуда выходить.

Как было бы хорошо, покончив с операцией, забыть о террористах, Европе и даже об Израиле! Написать прошение об отставке, оставить его в сейфе и зажить в Бруклине с Шошаной, дочкой и собакой спокойной, а может быть, и зажиточной жизнью в Америке.

А почему бы и нет? Он воевал в двух войнах, участвовал с риском для жизни в ликвидации девятерых лидеров террористов. Что еще может страна требовать от своего гражданина? Даже его мать, вероятно, согласилась бы с тем, что долг по отношению к Израилю он выполнил.

На следующий день, однако, он уже был в аэропорту Кеннеди, чтобы лететь во Франкфурт. Провожать его в аэропорт он и на этот раз не позволил. „Я не могу этого обещать, — сказал он ей на прощанье, — но в следующий раз, возможно, приеду уже навсегда".

Это было в сентябре, точнее в последнюю неделю сентября, то есть как раз через два года после начала миссии в 1972 году. Авнер чувствовал себя так, точно из двадцатипятилетнего юноши за эти два года превратился в пожилого человека. Если не удастся с этим развязаться в ближайшем будущем, то через год, в свои двадцать восемь лет, он будет уже стариком. Это случалось с другими агентами, но раньше Авнер в это не верил.

С момента смерти Карла Авнер не мог уснуть в своей постели. Раньше он всегда прекрасно спал. Теперь же, находясь один в своей квартире во Франкфурте или в отелях других городов, он не мог спать. Спать, как все люди в кровати. Однако он нашел выход. Стал спать в стенном шкафу. Стлал на пол простыни и одеяла, укладывал подушки, закрывал дверь изнутри и засыпал. Так было спокойнее: в кровать может быть подложена взрывчатка... Ночные посетители направятся прежде всего к кровати, и Авнер, который спал очень чутко, услышит их и сможет подготовиться

к сопротивлению. Так он объяснял себе свое поведение. На самом деле оно было следствием нервного перенапряжения. Он понимал, что, расскажи он Гансу или Стиву об этом, они так бы это и расценили. Тем не менее он, когда оставался один, продолжал спать в шкафу, ничего об этом никому не говоря.

Когда Авнер и Стив вернулись во Франкфурт, Ганс сообщил им, что нашел в женевском сейфе записку от Эфраима. Эфраим писал, что известие о смерти Роберта получил. Была там и инструкция — „кончайте немедленно".

Деньги с их служебного счета сняты еще не были. Ганс это сразу проверил после того, как прочел записку. Эфраим, видимо, предполагал, что они будут осторожно сворачивать свою деятельность, расплачиваться с осведомителями и т.д.

Надо думать, что на этот банковский счет деньги больше переводиться не будут, если они об этом не попросят, приведя достаточно серьезные аргументы. В их распоряжении оставалась сумма примерно в четверть миллиона долларов. Из предосторожности Ганс перевел почти все эти деньги на другие счета, открытые в свое время Карлом в разных городах Европы.

— А где записка Эфраима? — спросил Авнер Ганса.

— Я оставил ее в сейфе, — ответил Ганс.

Это тоже было сделано из предосторожности. Пока записка в сейфе, Мосад может предполагать, что они ее не видели. Как часто они бывают в Женеве, никому не было известно. А другого канала связи с руководством не существовало. Эфраим, если бы захотел, мог легко проверить, открывали ли они сейф: на табличке внутри надо было каждый раз отмечать дату и ставить подпись. Но небольшой выигрыш во времени они все-таки получили.

Для них это было важно. Авнер, Стив и Ганс твердо решили не подчиняться распоряжениям Мосада и не прекращать своей деятельности. Во всяком случае — не прекращать сразу. Они во что бы то ни стало стремились продолжать охоту на террористов, по крайней мере до тех пор, пока не иссякнут их финансовые резервы. Они надеялись, что за это время у них появится шанс настигнуть тех, кто еще оставался в их списке.

Все трое и мысли не допускали, что это решение — прежде всего нарушение дисциплины и продиктовано тщеславием и фанатизмом. В конце 1973 года они наблюдали в лагере террористов разброд и растерянность и приписывали их ликвидации девятерых лидеров. С этим же, по их мнению, были связаны и сложности с получением информации от арабских осведомителей. Тем не менее, они считали, что оставшиеся в живых лидеры вынуждены будут покинуть свои укрытия в восточно-европейских странах и в странах Ближнего Востока и приехать в Европу для реорганизации всей системы терроризма.[4] В ближайшем будущем, через какие-нибудь недели или месяцы, Саламэ, Абу Дауд или доктор

Хадад появятся в Европе. Группе Авнера казалось, что здесь, на месте, они лучше ориентируются в расстановке сил, чем начальство в Тель-Авиве. В соответствии с израильской традицией командир не должен отказываться от атаки или прекращать операцию, если ему ясно, что противник слабеет. Он не обязан слепо подчиняться приказу сверху, если видит, что приказ не учитывает реально сложившуюся обстановку.

Эти рассуждения, сами по себе верные, возможно, к данному случаю были неприложимы. Тем не менее Авнеру и его друзьям не так уж сложно было убедить себя в противном.

Авнер сформулировал это следующим образом:

— Предположим, что у нас на сегодня, на вечер, назначена превосходно разработанная операция. Разве мы бы отменили ее, потому что Эфраим в своей записке этого требует?

Это звучало убедительно. Но никакой операции — ни плохой, ни хорошей — не предвиделось ни в эту ночь, ни в последующие.

В течение октября они гонялись за местными осведомителями в надежде получить информацию. Ходили упорные слухи, что предстоит встреча в верхах с участием Саламэ или Абу Дауда или даже обоих. Дважды — в Милане и в Западном Берлине — Авнер, Стив и Ганс дежурили около жилых домов в ожидании прибытия лидеров террористов. В обоих случаях в багажнике машины были спрятаны автоматы. Они готовы были к лобовой атаке. Они наблюдали, как арабы действительно входили в эти дома и выходили из них. Но, ни на минуту не забывая о своем опыте в Гларусе, ничего не предпринимали. Они ждали появления Саламэ, Абу Дауда или Хадада. Этого не произошло. Ни в Милане, ни в Западном Берлине.

В начале ноября Луи сообщил, что в маленьком испанском городе Тарифа ожидается приезд Саламэ. Как будто из Алжира.

8 ноября все трое прилетели в Мадрид. Проверив оружие, доставленное одним из сотрудников „папа" — три „беретты" и три автомата „Узи" (европейского типа с несколько удлиненным стволом и увеличенной магазинной коробкой, изготовленные по израильской лицензии), они направились на юг к побережью. Из осторожности они не взяли оружия, условившись, что человек „папа" привезет его в небольшом грузовике прямо в Тарифу.

Тарифа — маленький приморский городок на юге Испании, всего в двенадцати километрах от Марокко через Гибралтарский пролив. По географическому положению — это Европа. Однако она ничем не отличалась от арабских городов в Северной Африке. В архитектуре почти повсеместно преобладал мавританский стиль. В некоторых местах сохранились постройки, относящиеся еще к римскому периоду, но впоследствии тоже перестроенные в мавританском стиле.

Авнер и его партнеры остановились в отеле в предместье горо-

да. Они ждали приезда человека от „папа", который должен был привезти оружие и указать им ту виллу, которая была названа как место встречи арабских террористов. По описанию, это был большой дом, расположенный в пустынной местности на вершине одного из невысоких холмов, тянущихся вдоль побережья. Вилла принадлежала состоятельной испанской семье. Похоже было на то, что дом был сдан палестинцам стараниями дочери владельца — студентки, изучавшей политические науки в университете во Франции и якшавшейся с какими-то революционерами-марксистами.

На территорию виллы они собирались проникнуть тайком, предполагая, что дом будет охраняться не слишком строго. Во всяком случае они должны были это выяснить. Но главное — они должны были быть уверены в том, что Саламэ и Абу Дауд находятся в доме. Атаковать Авнер и Стив решили только в одном случае — если они воочию убедятся, что те, кто им был нужен, действительно здесь. Авнер понимал, что ему, возможно, придется обратиться через известные им аварийные каналы связи к Мосаду и просить помощи. Он сознавал свою ответственность. Они не камикадзе и никаких атак такого типа, даже в том случае, если Саламэ или Абу Дауд окажутся в доме, допустить не могут.

Действовать они собирались только в том случае, если шансы на успех будут серьезными.

Служащий „папа" прибыл десятого числа. Он проехал вместе с Авнером, Стивом и Гансом по проселочной полуторакилометровой, посыпанной гравием дороге, ведущей от прибрежного шоссе вверх по холмам к вилле. Вдоль этой дороги почти не было построек, лишь три большие усадьбы. Интересовавший их дом оказался самым последним. Дорога упиралась в железную решетку ворот. Ошибиться было невозможно.

На следующий день около десяти часов вечера Авнер, Стив и Ганс проехали до половины этой дороги, выбирая место, где в день нападения оставят машину.

В тот день, 11 ноября 1974 года, был сырой осенний вечер. С Гибралтара дул юго-восточный ветер. Сухие листья крутились в воздухе и метались по земле. В такую ночь услышать звуки шагов было невозможно. Полная луна скрывалась за облаками. По обе стороны дороги тянулись густые, темные, причудливой формы кусты. Все это создавало идеальные условия для внезапного нападения.

Стив остановил машину на повороте дороги, примерно в четырехстах-пятистах метрах от дома. Он развернул ее в обратном направлении, запарковав на обочине дороги в неглубокой канаве. Машина была наполовину скрыта от глаз придорожными кустами и изгибом дороги. Из предосторожности он отсоединил задние фары: если за ними погонятся, не было смысла давать знать

о себе световыми сигналами каждый раз, когда нажимаешь на тормоз.

Затем Стив двинулся сквозь кустарник следом за Авнером. Они направлялись к дому. Ганс оставался в машине, вооруженный автоматом. Свои автоматы Стив и Авнер оставили в багажнике. Они шли в разведку, а не в атаку.

Если они обнаружат в доме Саламэ или Абу Дауда и решат, что все же есть смысл нападать втроем, они всегда успеют вернуться за ними. План сводился к тому, что вооруженные только „беретами", Авнер и Стив должны были проникнуть на территорию виллы и, обогнув главные ворота, попасть к задней стене дома, которая была обращена к морю.

Они продирались сквозь густой кустарник с трудом, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Одеты они были в темные штаны и черные свитера — так, как чаще всего одеваются террористы. Через двадцать минут они достигли цели. Почти все окна дома были освещены, так что рассмотреть и сам дом, и окружающую его территорию не составляло труда. Часовых в саду не оказалось. Авнер и Стив не сомневались в том, что палестинцы не поставят часовых на значительном расстоянии от дома. Арабы, как и африканцы, боятся темноты. Воевать в темноте они не любят. Так что часовые, если они и есть, будут стоять поближе к освещенным окнам. Но, конечно, арабские террористы — выученики русских или кубинцев, умеют воевать и в темноте, как любые солдаты. Как, например, солдаты иорданских войск короля Хусейна, которых тренировали английские инструкторы.

Подойдя поближе, Авнер и Стив услышали голоса людей, разговаривающих по-арабски. Эти люди стояли в патио, под окнами дома. Дворик соединялся с бассейном, который был сух. На дне бассейна лежали сухие листья, а в самом глубоком месте оставалось немного солоноватой воды. Стоя прижавшись к стене, сразу за углом дома, Авнер и Стив не могли видеть разговаривающих, но кое-что из их разговора уловили.

— Почему не сказать ему, что нам нужны деньги? — сказал один. — Вы боитесь это ему сказать?

— Кроме фруктов, нам ничего не нужно, — ответил второй голос.

Люди в патио, несомненно, были арабами. Информация „папа" и на этот раз была в общем правильной, независимо от того, окажутся ли среди них те, кто им был нужен, или нет.

Авнер и Стив услышали стук — застекленная дверь в дом захлопнулась. Стало тихо. Авнер осторожно выглянул из-за угла. Так и есть. В патио больше никого не было. Не оглядываясь на Стива, он на цыпочках продвинулся к окнам.Из дома его было невозможно увидеть, и, наоборот, он хорошо мог разглядеть все, что происходило в доме. Заглянув в окно, Авнер увидел человек

семь-восемь арабов. Они разговаривали, стоя у стола, заваленного фруктами. Головы двоих украшали клетчатые кафы.

— Террористы, — прошептал Стив.

Авнер кивнул. Оружия не было видно, но, по всей вероятности, это и в самом деле были террористы.

С другой стороны, не только федаины носили такие головные уборы. Теоретически, все эти арабы могли быть вполне мирными посетителями Испании — туристами, студентами, бизнесменами. С уверенностью утверждать, что это террористы можно было бы, если бы среди них оказался кто-нибудь из лидеров: Саламэ, Абу Дауд или Хадад, наконец, Жорж Хабаш или Ахмед Джибрила. Кто-нибудь.

Но никого из них в комнате не было. Конечно, в доме было еще множество других комнат, в которых могли находиться не менее десяти человек. Кроме того, по сведениям, поступившим от осведомителей „папа", арабы не предполагали приезжать все сразу. Кого-то, может быть, ожидали только через несколько дней. Возможно, что совещание, если это действительно было совещание, еще и не начиналось. А арабы в комнате составляли всего лишь авангард — разведывательный отряд.

Авнер и Стив все еще заглядывали в окна, как вдруг позади них раздался шум раздвигаемых кустов — кто-то шел через кусты. Ничего не подозревающий человек, судя по тому, что он, не скрываясь, направлялся прямо к ним.

Авнер и Стив оглянулись.

Тот, кто к ним приближался, разглядеть их лиц не мог, но понять, что они здесь посторонние — вполне. Два израильских агента, окруженных толпой враждебно настроенных арабов в глухом саду в Испании. Этого допустить было нельзя. Мгновенно они согнули колени и заняли боевую позицию. Правая рука вытащила „беретту", левая описала в воздухе дугу и оттянула курок.

Из кустов вышел молодой араб в своей клетчатой кафе. Всего в трех метрах от них. Он оторопело смотрел на пистолеты. Если он и заметил их раньше, еще из кустов, то явно не предполагал, что это кто-то чужой. Правой рукой он придерживал штаны, точно еще не закончил их застегивать. В левой — держал автомат Калашникова. Секунду спустя он начал его поднимать.

Авнер и Стив выстрелили одновременно. Дважды. И еще раз дважды. Ноябрьский ветер гнал опавшие листья и заглушил шипящие звуки их выстрелов. Юноша пытался сохранить равновесие, затем согнулся и боком упал на землю, корчась от боли и задыхаясь. Автомат, однако, он не выпустил, сжимая его левой рукой и глядя на Авнера и Стива снизу вверх.

В доме никто ничего не слышал. Столпившись у стола, арабы ели фрукты, разговаривали, по обыкновению сильно жестикулируя, кто-то даже смеялся.

Не спрятав даже пистолета, Авнер повернулся и двинулся к выходу из сада, теперь уже по кратчайшей дороге, прямо к воротам. Стив — за ним. Они шли быстро, время от времени оглядываясь по сторонам. Но никто их не преследовал.

Выйдя за ворота, они бросились бежать. Вниз с холма, наперегонки с сырым ноябрьским ветром. Следом мчались только засохшие листья. А они бежали все быстрее и быстрее.

Этот бег Авнер будет помнить всегда. Они завершили свою грандиозную историческую миссию, убегая по петляющей, посыпанной гравием дороге на юге Испании. Завершили так, как будто были тяжело провинившимися школьниками, пытающимися уйти от наказания.

Тарифа, как и очень многие города Андалусии, имеет бурное историческое прошлое. Всего в нескольких метрах от того места, где лежал арабский юноша, находилась когда-то крепость. Чтобы не сдать врагам осажденную крепость, человек, вошедший в историю под именем Гузман Прекрасный, согласился пожертвовать своим девятилетним сыном. Руинами этой крепости интересуются в настоящее время только немногие туристы.

В ста пятнадцати милях на северо-запад, в дель Коста де ла Люз, арабские воины впервые в истории европейских войн применили порох. Все эти события относятся к тринадцатому веку. С тех пор характер военных конфликтов мало изменился.

Но ни Авнер, ни Стив об исторических аналогиях, естественно, и не помышляли, когда бежали, едва переводя дух, к месту, где их ждал Ганс.

Стив вел машину без огней на бешеной скорости, пока Авнер не остановил его резким окриком. Преследователей не было. Нелепо превращать прибрежное шоссе в гоночную трассу и привлекать к себе внимание окружающих. Несколько успокоившись, Стив включил фары и сбавил скорость. Ганс спрятал свой автомат в багажник. Однако со своими „береттами" они не расставались, пока не доехали до отеля.

Сидя в номере у Авнера, они пытались обрести спокойствие и оценить сложившуюся обстановку. В настоящий момент им ничего не угрожало. Обыкновенные арабские туристы или бизнесмены не путешествуют с автоматами в руках. Так что на вилле, несомненно, находились террористы. Они, разумеется, обращаться в полицию не будут. Не станут и обыскивать местность в поисках преступников, которых даже не видели. Единственный человек, который мог бы что-нибудь о них рассказать, — юноша-араб с автоматом, наверное, умер. Если даже допустить, что полиция будет предупреждена, не было никаких оснований подозревать в чем-нибудь Авнера и его партнеров. Они — туристы из Западной Германии, как тысячи других, с безупречными паспортами. Иден-

тифицировать их можно было лишь по пистолетам, из которых они стреляли, и по следам, оставленным их шинами на дороге, покрытой гравием.

Авнер позвонил сотруднику „папа" и попросил его приехать утром с тем, чтобы забрать оружие. Эту ночь, считал Авнер, они могут спокойно провести в отеле. На следующий день в Мадрид поедут уже без оружия и в новой машине. И им не придется больше думать о полиции и заставах на дорогах.

Ехали долго. Время от времени Авнер сменял Стива за рулем. Молчали. Авнер прекрасно понимал, что все они думают об одном и том же.

Правильно ли они действовали? Была ли возможность сделать все по другому, лучше? Может быть, они потеряли контроль над собой? Не могли ли они скрыться, не убивая этого арабского мальчика? Было ли это убийство на самом деле актом самозащиты?

Они, собственно, не знали, погиб ли этот юноша. Но он был уже четвертым безымянным палестинцем, в которого они стреляли. Эти четверо, хоть, строго говоря, и не принадлежали к категории ни в чем не повинных людей, как тот официант в Лиллехаммере, но все же в их списке не значились. Впрочем, не только они отсутствовали в этом списке. Там не было Мухасси. Не было и агента КГБ. Наконец, не было и Жаннет.

А Саламэ, Абу Дауд и доктор Хадад между тем живы. Как это расценить? Как неизбежные издержки при всех подобных миссиях? Или это их вина? Может быть, им не под силу больше заниматься этой работой? И вообще, подводя итоги, можно ли утверждать, что они свое задание не выполнили?

С момента ликвидации Будиа, почти полтора года назад, они не поймали ни одного из тех, кто еще значился в их списке. За это время они убили четверых рядовых арабских солдат и женщину-голландку. Потеряли Карла и Роберта — двух прекрасных агентов. При этом битвы с террористами они не выиграли. Они считали это провалом, поражением. Никак иначе эту ситуацию они определить не могли. Более того — в настоящее время они не подчиняются прямому приказу своего начальства. Никто не давал согласия на то, что они сейчас делают. Да и кто же даст согласие на то, чтобы они бегали по испанским дворам и расстреливали арабских мальчиков? Как дилетанты-любители.

Как террористы.

Именно это сказал Ганс как раз перед тем, как они свернули с Четвертой автострады в предместье Мадрида.

— Мы действовали в точности, как террористы.

Ни Авнер, ни Стив спорить с этим не стали.[1]

В течение следующей недели они, один за другим, покидали Мадрид, возвращаясь во Франкфурт.

Так же, как тогда, после Гларуса, в печати не появилось никаких упоминаний о случае в Тарифе. Может быть, об этом писали испанские или швейцарские газеты? Но было похоже, что и там об этих фактах решено было умолчать.[2]

Террористы тоже стараются не привлекать к себе внимания. Так что разоблачений опасаться не приходилось. Почти. По истечении нескольких дней после того, как они покинули Испанию, можно было и вовсе успокоиться.

Понятия „провал" или „бесчестье" были не совсем точными. Считали ли они себя виноватыми? Думать об этом не имело смысла.

Они считали, что их покинула удача. Как и большинство солдат, они были людьми суеверными. Кроме того, чувствовали себя уязвленными.

Люди, которым долгое время сопутствовала удача, тяжело переживают свои потери, будь то профессиональный успех, любовь женщин или воинские почести. У них возникает ощущение обиды и состояние подавленности. Под сомнением оказываются все прежние ценности и верования.

В таком состоянии Авнер был в течение довольно долгого времени, страдая после гибели Карла, потом после гибели Роберта, но в особенности после событий в Тарифе. То же, хоть и в меньшей степени, происходило со Стивом. И вот теперь настала очередь Ганса. Он был совершенно подавлен. Болтливым он никогда не был, но теперь бывали дни, когда Ганс вообще не произносил за весь день ни слова.

Авнера беспокоило его состояние. Работал Ганс так же методично и аккуратно, как прежде, но как бы по инерции, без интереса. У Авнера было впечатление, что Ганса грызли сомнения. Но стоило с ним заговорить на эту тему, как выяснялось, что он и слышать не хочет о том, чтобы отказаться от их миссии. Вопроса этого они, правда, всерьез больше не касались. Считалось, что он уже решен — они работают до тех пор, пока не истратят все деньги. Однажды, когда Авнер поинтересовался самочувствием Ганса, тот, сжав зубы, ответил:

— Послушай, говорить больше не о чем. Мы решили продолжать. Так что давай этим и заниматься.

У них оставалось еще несколько недель, и они старались успеть хоть что-нибудь сделать. Но все было безрезультатно. Никакой мало-мальски интересной информации. Ничего, на что стоило бы расходовать оставшиеся деньги.

При этом Ганс настаивал на экономии. Он боялся, что они останутся без денег как раз в тот момент, когда возникнет благоприятная для операции ситуация. Это было разумно. Как бы они выглядели, если бы им пришлось отказаться от поимки Саламэ только потому, что не хватило денег? Однако узнать что-нибудь о

Саламэ им не удавалось — ни через их собственных осведомителей, ни через Луи, ни через Тони, ни даже через „папа". Легче было бы взяться за других террористов.

В 1974 году активность террористов в Европе резко выросла. Акции их были успешны, в особенности организации „Национальная молодежная группа освобождения Палестины", которую поддерживал ливийский полковник Каддафи. Руководил этой организацией сначала Ахмед аль-Гафур, а позднее Абу Нидал. В ее состав входили террористы, считавшие, что „Черный сентябрь" и Народный фронт недостаточно активны в своей террористической деятельности. (Аль-Гафур был впоследствии захвачен группой Абу Иада из организации „Черный сентябрь" и, видимо, казнен.)

В 1974 году „Национальная молодежная группа" осуществила три успешных нападения на авиалайнеры. 8 октября они взорвали над Эгейским морем самолет авиакомпании Ти-дабл-ю-эй, летевший из Тель-Авива в Афины. Восемьдесят восемь человек погибли.[3] За три недели до этого, 15 сентября, террористы бросили ручную гранату в помещение „Ле Дрэгстор" на Елисейских Полях в Париже. Результат: двое убитых и двенадцать раненых. Это была совместная операция Народного фронта и японской „Красной армии". Руководил ею Карлос Шакал.

Тот самый Карлос, который заменил убитого группой Авнера Будиа. Поэтому за его действия они чувствовали себя в какой-то степени ответственными. Ничего не поделаешь. Его в списке не было. Абу Нидала тоже. Они не могли просить у Эфраима разрешения на новые операции после того, как их первоначальная миссия была аннулирована. Без разрешения действовать было нельзя. Им не найти оправданий. Единственное, что оставалось — выследить тех, кто был им поручен. В особенности Саламэ.

Если бы только им удалось его найти! Но не было никаких указаний на то, что Саламэ собирается в Европу.

Рождество и Новый год они провели во Франкфурте. Город был в праздничном настроении. Они — в прямо противоположном. Ганса обуревали противоречивые чувства. Он был подавлен и замкнут, в то же время становясь все более воинственным и подозрительным. Он стал всегда носить с собой пистолет. Прежде никто из них оружия не носил. Только во время операций. Авнер и Стив тоже стали, выходя из дома, брать с собой пистолеты. На всякий случай. А вдруг подозрения Ганса относительно „папа" справедливы и кто-нибудь их выслеживает. Ганс придерживался мнения, что их неудача в Тарифе была подстроена. Авнер, однако, считал, что Ганс ошибается. Их бы встретили огнем. И не один-единственный террорист, застегивающий на ходу штаны. Но после зловещей смерти Карла и Роберта, осторожность была просто необходима. Не исключено, конечно, что террористы в Тарифе были об их приезде осведомлены, но ждали их позднее. Авнер,

кстати, сказал осведомителю „папа" в Тарифе, что они пока не собираются ничего предпринимать и будут дожидаться приезда своих друзей.

Как бы то ни было, живя во Франкфурте, они стали носить оружие.

На нижней части входной двери у Ганса Авнер заметил темные отметины: очевидно, перед тем как открыть дверь, Ганс каждый раз упирался в нее коленом. Этому все агенты были обучены. Простой этот прием мог спасти человеку жизнь, если ему угрожало неожиданное нападение.

Но Ганс никогда раньше этого не делал. И не только Ганс. Все они полагали, что хорошо законспирированы, точно так же как в свое время террористы из категории „легких".

Однако, несмотря на эти предосторожности, Ганс совершал по вечерам длительные прогулки. Ходил часами по огромному парку недалеко от своего дома. Гулять он всегда любил. Но в прошлом это были нормальные прогулки в хорошую погоду. Теперь же он ходил по парку часами и в снег, не обращая внимания на пронизывающий декабрьский ветер. Бродил по пустынным дорожкам Остпарка, сидел на уединенной скамье около искусственного пруда по часу или больше. Это было его любимое место. Летом на этот пруд слеталось множество диких уток. Но сейчас, зимой, он был затянут льдом.

— Утки ведут себя разумнее, чем ты, — сказал однажды ему Стив, когда ему пришлось самому прогуляться к утиному пруду, чтобы найти Ганса.

— Не могу же я все время сидеть взаперти, — ответил на это Ганс.

Авнер его понимал. В том состоянии, в котором они сейчас находились, и Авнеру не хотелось жить одному. После смерти Роберта Стив переехал в квартиру Авнера. Выносить присутствие Стива с его холостяцкими привычками оказалось легче, чем одиночество. Авнер предложил и Гансу присоединиться к ним и снять для троих другую — бóльшую — квартиру. Но Ганс наотрез отказался. „Обо мне не беспокойся, — сказал он. — Я в полном порядке".

К сожалению, это было не так.

6 января 1975 года, вечером, Ганс вышел из дома после девяти часов вечера. В девять часов Авнер разговаривал с ним по телефону. Они поговорили совсем недолго и расстались, условившись созвониться еще раз попозже. Так было всегда. Ганс не позвонил. В двенадцать — не ответил на звонок Авнера. Не ответил и в час.

Это было уже странно. Ганс всегда к двенадцати ночи возвращался домой. Могло случиться, что ему позвонил неожиданно осведомитель и попросил о свидании. Но они всегда друг друга ставили в известность о своих неожиданных отлучках. В особеннос-

ти в последнее время. Ганс бы непременно позвонил. Он знал, что оба они — и Авнер, и Стив — дома. Авнер забеспокоился.

— Я хочу туда поехать, — сказал он Стиву. — Мне не нравится, что его все еще нет дома.

Стив пожал плечами.

— Скорее всего он сидит на скамье у этого проклятого утиного пруда, — сказал он. — Но, конечно, поедем.

Поездка от их дома, расположенного по соседству с Хюгельштрассе в районе Эшерсгейм, до квартиры Ганса, которая находилась вблизи Редербергвег, отняла у них меньше двадцати минут. Ганса дома не было. Авнер открыл дверь своим ключом. В квартире все было в порядке. Похоже на то, что Ганс ушел и до сих пор не вернулся домой.

Было два часа ночи. К тому же — очень холодно. В такую погоду даже Ганс в его нынешнем состоянии вряд ли стал бы гулять по парку или сидеть на своей скамье. Они встревожились оба, но все же Стив еще надеялся на лучшее.

— Если он у своего утиного пруда, — сказал он, — ему придется придумать хорошее объяснение, чтобы не получить по морде.

Они знали, по какой дороге Ганс ходил в парк. Он шел обычно по Редербергвег, затем по живописной ступенчатой тропе, которая носила имя подруги детства Гете Лили Шенеманн-Штайге, затем выходил на четырехрядное шоссе, которое шло по дну оврага. Чтобы попасть в Остпарк, оставалось пересечь Остпаркштрассе. В парк он входил по хорошо протоптанной тропе в нескольких сотнях метров от перекрестка. Еще два-три поворота — и змеевидная тропа выводила к утиному пруду.

Авнер и Стив надеялись, что повстречают Ганса по пути, но ни Ганса, ни вообще кого-либо они не встретили. Через пятнадцать минут они были у пруда. Вокруг ни души. Лед на искусственном пруду светился в темноте, и им удалось разглядеть фигуру человека, сидящего на скамье. Они подошли. Это был Ганс. Он был мертв.

Сначала Авнер подумал, что Ганс покончил с собой. Мысль об убийстве ему и в голову не пришла.

Кусты окаймляли пруд небольшим полукругом. Невысокие деревянные перила создавали нечто подобное набережной, где были расставлены скамейки. Ганс сидел на скамье в полусогнутом положении, как бы наклонившись к перилам. Голова повернута в сторону. Открытые глаза выделялись на безжизненном лице. Пальто расстегнуто не было. При первоначальном осмотре Авнер не увидел никаких ран — ни на голове, ни на теле.

Было слишком темно. А у них с собой не оказалось ни спичек, ни фонарика. „Берегись", — сказал Авнер Стиву шепотом. Несмотря на сильный мороз, тело Ганса еще не окоченело. Смерть наступила не более часа тому назад. Убийца мог находиться где-нибудь поблизости.

Ганс, несомненно, был убит. Авнер убедился в том, что его пистолет на месте, за поясом. Он не застрелился. И не умер естественной смертью. Авнер все еще не понимал, где рана, но шаря рукой по телу, наткнулся на что-то липкое. Это была, видимо, кровь из раны. Раны, нанесенной кем-то.

— Его убили, — сказал Авнер, протягивая Стиву пистолет Ганса.

Несколько секунд они молчали, потрясенные и испуганные. В огромном парке было тихо. Виднелись лишь обледенелые кусты и темные силуэты деревьев. Издали доносился монотонный гул большого города и время от времени было слышно лязганье металла в железнодорожном депо, когда переводили стрелки, чтобы перегнать товарные вагоны с одного пути на другой. Остпарк находился неподалеку от железнодорожной станции.

Стив оттянул затвор на пистолете Ганса.

— Проверь бумажник, — сказал он Авнеру, — а я посмотрю, что делается вокруг.

Это ведь мог быть просто грабитель. Франкфурт — огромный промышленный город, куда съезжаются рабочие из всех стран Южной Европы. Как и везде, здесь были свои злачные места, свои сутенеры, бандиты, наркоманы и проститутки. Остпарк, хотя и был расположен во вполне респектабельном районе, но по ночам любой парк в любом районе абсолютно безопасным считать нельзя. Франкфурт не относился к числу городов с высоким уровнем преступности, но десять-пятнадцать ограблений и убийств все же регистрировалось здесь ежегодно. Ганс — один в парке, пожилой уже человек, мог показаться вору легкой добычей. Ганс не стал бы сопротивляться и без длинных разговоров отдал бы бандиту и несколько немецких марок, и свой бумажник, и даже часы. Возбужденный грабитель мог все равно в него выстрелить. Однако это объяснение тут же отпало. Часы были на руке Ганса. Бумажник — в кармане. Может быть, Ганса предал кто-нибудь из его же осведомителей? Трудно себе представить, чтобы он назначил кому-нибудь свидание в таком месте. Поздним вечером парк был совершенно безлюден и мало подходил для встреч. Кроме того, парк был для Ганса его личным убежищем, куда он уходил, чтобы отдохнуть, поразмыслить, побыть наедине с самим собой.

Но Ганс не пошел бы ночью к утиному пруду, если бы кто-нибудь следовал за ним. Конечно, из машины, идущей по Остпаркштрассе, легко было увидеть, как Ганс входит в парк. И кто-нибудь, изучивший его привычки, легко мог догадаться, где его найти. Но о существовании утиного пруда никто, кроме Авнера и Стива, знать не мог.

Парк был велик. Ганс мог направиться куда угодно. Найти его в парке было немыслимо. Человек, посланный, скажем, террористами, чтобы его убить, мог окоченеть до того, как наткнулся

бы на Ганса в этом маленьком уединенном от мира уголке. Ганс не был ограблен. Кто же в таком случае, кроме террориста, мог его убить?

Авнер вынул из его кармана бумажник, в котором были немецкие водительские права и удостоверение личности. Никаких других документов не было. Авнер заметил, что более всего сгустков крови скопилось на груди Ганса. Он нащупал в этом месте и продолговатую дыру в свитере. Уверенности быть не могло, но, вероятнее всего, Ганс был убит ножом. Это было совсем непонятно. Как мог кто-нибудь подойти к Гансу настолько близко, чтобы ударить его ножом? Почему Ганс не вытащил пистолет? Значит ли это, что он ничего опасного для себя не заметил? Или нападающий навел сам на него дуло пистолета? Но в этом случае невозможно было себе представить, чтобы Ганс не шелохнулся и покорно ждал, чтобы его зарезали. При виде ножа он непременно должен был хотя бы рефлекторно поднять руки в протестующем жесте. Однако Авнер нигде — ни на перчатках, ни на рукавах, не смог обнаружить порезов или следов крови. Казалось, что Ганса зарезали во сне.

Невероятно.

Авнер тут же подумал о том, что мало что знает о сексуальной жизни Ганса. Ганс был женат, но это могло и ничего не значить. Никаких намеков на гомосексуальные склонности в поведении Ганса не было. Даже мысль об этом казалась в общем нелепой. Но ведь Авнер и в самом деле ничего о нем не знал. Остпарк зимой, в январе вряд ли был подходящим местом для свиданий гомосексуалистов. Но что если Ганс ошибся и попытался сделать кому-нибудь неподобающее предложение? Может быть, это было причиной его смерти?

Авнер не стал делиться со Стивом своими мыслями, поскольку они и ему самому казались абсурдными, а Стив за такие предположения мог и ударить.

— Я пойду звонить, — сказал он Стиву. — Жди меня у входа в парк.

Ближайший телефон-автомат на Остпаркштрассе находился всего в десяти минутах ходьбы от парка. Авнер позвонил Луи в Париж.

— Ситуация, подобная той, что сложилась в Лондоне, — сказал он. — Разрешите, я вам объясню, где я нахожусь.

Луи молча его выслушал. Авнер подробно объяснил ему, где они со Стивом будут поджидать людей „папа".

Француз ни о чем больше спрашивать не стал. Ничего объяснять не стал и Авнер. Луи только спросил:

— Могу я еще что-нибудь для вас сделать?

— Не сейчас во всяком случае, — ответил Авнер. — Спасибо.

Это был их последний разговор. Хотя тогда Авнер этого еще не знал.

Вдвоем со Стивом они стояли у главного входа в парк. Около полутора часов они ждали прихода людей, которые должны были забрать тело Ганса. Позднее Авнер вспоминал, что они даже не чувствовали холода. Оба молчали. Говорить как будто было не о чем. За все это время они обменялись лишь двумя репликами.

— Ты звонил „папа"? — спросил Стив. — Скажи, ты не думаешь, что они причастны к этому делу?

— Нет, не думаю, — ответил Авнер.

Это так и было. Но в любом случае в данной ситуации ни к кому другому обратиться было нельзя. Даже если он ошибался относительно „папа". Немецкая полиция, обнаружив тело Ганса, могла начать расследование. Допустить этого Авнер не мог. Пусть даже Ганс был убит при содействии „Ле Груп". И теперь ими же будет похоронен. Вреда ему причинить уже никто не сможет.

Через некоторое время Стив заговорил вновь:

— Было время, когда я думал, что мы просто молодцы. Может быть, это было всего лишь везением. А теперь счастье от нас отвернулось.

Авнер ничего не ответил. Что он мог сказать по этому поводу? Замечание Стива в эту ночь как нельзя лучше подытоживало их деятельность.

Люди „папа" прибыли в начале пятого в небольшом грузовичке, который мог въехать на территорию парка, не вызывая никаких подозрений. Авнер и Стив проводили их к утиному пруду. Тело Ганса положили в брезентовый мешок и отнесли в грузовичок. Рабочие были немцы. По всей вероятности, обслуживающие машины скорой помощи или похоронные бюро. На всю процедеру они затратили семь-восемь минут. Грузовичок выехал из парка задним ходом по той же узкой, неровной тропе.

Еще несколько минут Авнер видел все удаляющиеся задние огни грузовика между темными деревьями. Все было кончено. Ганса не стало. Так же, как не было уже на свете ни Карла, ни Роберта. Как будто никогда их и не было.

В течение следующих недель Авнер и Стив пытались решить, что делать дальше. Вернее — откладывали решение. Занялись устройством будничных дел. Они ликвидировали квартиру Ганса. Сменили свою на новую. По доверенности, оставленной в свое время Гансом, продали его магазин антикварной мебели. Полетели в Париж, расплатились с Кэти (Луи не было). Затем отправились к жене Ганса, которая жила в маленьком городке во Франции. Она была израильтянкой. Совсем не похожей на жену Роберта.

— Ганс с вами? — спросила она по телефону.

— Видите ли, его нет, — ответил Авнер.

— Я понимаю, — сказала она, немного помолчав.

Она поняла все сразу. И объяснять не пришлось. Когда они к ней приехали, она забрала чемодан с вещами Ганса и пригласила Авнера и Стива в гостиную. Предложила чаю. И только через несколько минут попросила рассказать все, что только они могут. Во всех деталях. Деталей было немного. Затем она захотела узнать, где похоронен Ганс.

Авнер взглянул на Стива.

— Мне очень жаль, — выговорил он наконец, но я ничего по этому поводу сказать не могу. Я... Никто не знает.

— Я понимаю, — опять повторила она, все еще сохраняя самообладание. — Извините, я сейчас. — И вышла в другую комнату. Минут через пятнадцать она вернулась. Глаза ее уже были сухи. Только слегка покраснели. — Простите меня, ради Бога, — сказала жена Ганса. — Я знаю, что должна держать себя в руках. Не хотите ли еще чаю?

Авнер попытался вручить ей конверт с деньгами. Она отказалась. Посидев еще несколько минут, Авнер и Стив поднялись. Оба были подавлены. В этом ничего удивительно не было. Новым было чувство стыда и какой-то вины. Казалось, что виноваты во всем они. Появилось и ранее неведомое им ощущение собственной безответственности. Будто они затеяли легкомысленную игру с жизнью — самым ценным, что есть на земле.

Возможно, что встреча с вдовой Ганса укрепила их в решении закончить все дела. Они этого вопроса больше не обсуждали, разве что в нескольких словах. Каждый в отдельности понимал, что решение уже принято. Они закрывали один за другим свои счета в банках Амстердама, Цюриха и Парижа. Их оставалось только двое. Продолжать что-либо было бессмысленно.

Через несколько дней Авнер и Стив вылетели в Женеву. Они вынули из сейфа записку Эфраима: „Заканчивайте немедленно". Эту записку видел Ганс после смерти Роберта. В сейфе была и еще одна записка: „Подтвердите как можно скорее". Авнер тут же составил текст сообщения: „Известие получили. Ганса потеряли" — больше он не смог ничего придумать.

Выйдя из банка, Авнер и Стив пошли через понт де ла Машин. Здесь в сентябре 1972 года, после их первой встречи в Женеве они разговаривали со Стивом.

— В одном ты был прав, — сказал Авнер. — Пока что мы оба живы.

Миссия была закончена.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

АГЕНТ, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛСЯ С ХОЛОДА

АМЕРИКА

Ганс умер в январе. После его смерти Авнер и Стив заканчивали дела. 21 марта 1975 года в Женеве — это был первый весенний день — они направились к отелю „Дю Миди". Кое-какие дела в Европе еще предстояло завершить: уплатить небольшие суммы осведомителям, ликвидировать последние конспиративные квартиры. И Авнер, и Стив не тронули свои личные счета в женевском банке. Оказалось, что после выплат вдовам друзей, у каждого из них оставалось по сто тысяч долларов. Хоть и с примесью горечи были эти ощущения, но удовлетворение они испытали и отметили его в себе с известным чувством боли и стыда.

И все-таки хорошо, что хоть это было в порядке.

Авнер за эти годы привык распоряжаться огромными суммами. Тем не менее личный капитал в сто тысяч долларов казался ему невероятным. Он вдруг осознал, что стал богатым человеком. Теперь он сможет с легкостью купить Шошане эту фантастическую скандинавскую мебель и кухню, которые он так долго разглядывал в витрине магазина на авеню Гох. Он смог бы и две такие кухни купить.

Решение закончить все дела далось им нелегко. Одновременно они испытывали и облегчение, и чувство подавленности.

„Черный сентябрь" к весне 1975 года как будто прекратил функционировать. Но организация „Будиа-Коммандос", возглавляемая Карлосом, продолжала свои террористические вылазки. В Париже ею был устроен обстрел ракетами лайнера „Эль-Ала" (правда, неудачный). Банда Баадер-Майнхоф, тоже нагло, но более успешно, продолжала свою деятельность. Члены этой организации похищали промышленников Германии и держали их заложниками до тех пор, пока услужливое правительство Федеративной республики не соглашалось на выкуп.

Читая газеты, Авнер и Стив начали сомневаться в том, что все, что они сделали и за что отдали свои жизни Карл, Роберт и Ганс, хоть сколько-нибудь помешало активности международных террористов. Многоголовый дракон Эфраима не умирал. Ослабление активности „Черного сентября" было, вероятно, следствием так-

тики фракции Арафата в ООП после Войны Судного дня. Похоже было на то, что некоторые из лидеров решили, что Организация Объединенных Наций и переговоры в Женеве скорее помогут им сбросить евреев в море, чем террористические акции или военные действия.

Все это тем не менее ничего не значило. Точка зрения Авнера и Стива оставалась прежней. По их мнению, то, что они сделали, было необходимо. Израиль не мог допустить, чтобы его сыновей и дочерей убивали безнаказанно. Весной 1975 года, в каком бы мрачном состоянии духа они ни находились, целесообразность своей миссии Авнер и Стив сомнению не подвергали.

Они поделили между собой выполнение последних дел, связанных с ликвидацией их группы, неловко обнялись. Волнение, охватившее их при этом, обоих смутило. Отныне каждый из них пойдет своим путем.

10 апреля Авнер прилетел в Нью-Йорк, будучи не в состоянии о чем-нибудь думать. Он был слишком измучен. Формально он с 1972 года служащим Мосада не числился. После окончания миссии, как ему казалось, он ничем и никому обязан не был. Но пока что он не чувствовал себя в состоянии с кем-либо обсуждать вопросы, связанные с его работой в Европе. Сейчас ему хотелось только одного — провести несколько недель с Шошаной.

Он пробыл в Нью-Йорке почти целый месяц, чувствуя себя школьником, удравшим с занятий. Особых оснований для этого не было, но ощущение это его не оставляло. Он спал с Шошаной по два-три раза в день. Они совершали вместе длительные прогулки, ходили в рестораны, в кино. Он играл с Геулой.

Примерно через три недели Шошана задала ему вопрос:

— На этот раз, — спросила она, — как надолго ты уедешь?

— Но ведь я еще не говорил о том, что уеду? — ответил Авнер.

— Но тем не менее — уедешь, — возразила Шошана. — Единственное, что хотелось бы мне знать, — надолго ли?

— Послушай меня, — сказал Авнер, — может быть, на этот раз я уеду всего на одну-две недели. Когда я вернусь, мы отправимся в путешествие. Вдвоем. Возьмем машину напрокат и поедем по Америке. Ты бы хотела?

Шошана засмеялась.

— А деньги? Где мы возьмем на это деньги?

— Я ничего тебе еще не говорил, — ответил Авнер. — Но немного денег у нас появится. Не беспокойся. Мы можем себе позволить эту поездку.

— В самом деле? Мы никогда еще вместе никуда не ездили.

— Я обещаю тебе, — сказал Авнер. — Ты увидишь. Мы поедем все — ты, Геула и я. И Чарли, конечно.

Через несколько дней Авнеру позвонил агент Мосада.

— Вот как? — сказал агент, услышав голос Авнера. — Мне сле-

довало догадаться... Вас разыскивают, а вы сидите здесь, точно никаких других забот у вас нет.

— А о чем я, по-вашему, должен заботиться? — спросил Авнер.

— Этого я не знаю, — сказал агент. — Вам это должно быть лучше известно. Там, на родине, есть люди, которым вы нужны. Так что теперь я смогу им сообщить, что вы вылетаете завтра утренним рейсом. Они очень обрадуются.

— Говорите, что хотите, — ответил Авнер и повесил трубку.

Тем не менее на следующий день с маленьким чемоданчиком в руке он был в аэропорту Кеннеди. Он еще не отошел от всего пережитого и не чувствовал себя в состоянии восстановить в хронологическом порядке всю историю этих двух с половиной лет. Но не было никакого смысла это откладывать. Раньше или позже, но через это пройти придется. Это было правилом. Беспокоило его совсем другое. Отчет был всего лишь прелюдией к решению. Решению, которое надо было принять безотлагательно.

Через десять часов он вышел из самолета на дышащую зноем летную полосу в аэропорту Лод. Красный диск закатного солнца быстро скользил по небу, опускаясь в море. Влажный воздух заполнил легкие, точно в них заталкивали мокрое тряпье. Ощущение было знакомое, будто он, еще ребенок, прилетел в Израиль из Франкфурта.

Эфраим ждал его у застекленной таможенной будки. С ним были двое незнакомых Авнеру мужчин. Эфраим обнял его.

— Очень рад вас видеть. Познакомьтесь, — представил он Авнера своим спутникам, — это Авнер. Я слов не нахожу, чтобы выразить, как мы гордимся вами. С возвращением!

В мае одну неделю Авнер был героем.

В течение трех дней на частной квартире Мосада он отчитывался. Обстановка была напряженной, но доброжелательной. Эфраим бродил по комнате, садился, снова вставал и снова садился, все время меняя положение, то складывая, то вытягивая свои длинные ноги. Он напоминал огромную марионетку, которую дергают за веревочку. Двое других представителей Мосада реагировали на его сообщения с оттенком одобрения, даже уважительно. Если вообще такое можно было себе представить. К его величайшему удивлению, миссию оценили как очень успешную.

Все это ни в какое сравнение не шло с настроением Эфраима в Женеве перед рейдом на Бейрут. Или с его отношением к ним позднее, после Войны Судного дня в Израиле, полтора года назад. Тогда Эфраим держался как укротитель львов, сопровождающий каждое свое слово ударом бича. А сейчас все было по другому. Все было прекрасно. Почему? Авнер вспоминал, что наиболее серьезные успехи были достигнуты группой как раз в самом начале ее деятельности, перед Войной Судного дня. Если они заслуживали медаль, то за это. И именно тогда он ожидал одобрения от

Эфраима. Пусть самого маленького, чего-нибудь вроде возгласа: „Молодцы!" Но тогда Эфраим кисло замечал им что дескать они медленно разворачиваются, денег много тратят. Уже не говоря о более поздней снисходительной проработке в связи с тем, что они вернулись в Израиль, чтобы воевать.

После отъезда из Израиля на их счету были только потери и просчеты. Такие трагические события, как гибель Карла, Роберта, Ганса. Такие неприятные происшествия, как стрельба по трем палестинским солдатам в Швейцарии и по одному в Испании. Тем не менее именно теперь Эфраим одобрительно похлопывал его по плечу.

Понять все это Авнеру было трудно. Может быть, все просто обрадовались, что миссия уже в прошлом? Может быть, они ожидали худшего — чего-нибудь вроде Лиллехаммера! А возможно, Эфраим — такой же бюрократ, как и все вокруг него, — получил сигнал сверху, где миссию одобрили. Вероятно, раньше подобные сигналы к нему не поступали. В среде бюрократов — а любая разведывательная организация бюрократическая — одобрение свыше и есть необсуждаемая более оценка. Так что, если Эфраим узнал о том, что высшее начальство положительно оценило их работу, то не надо удивляться, что он тут же стал вилять хвостом.

А его поведение было именно таковым. Он вилял теперь хвостом перед Авнером. И он, и другие „кибуцники". За три дня, проведенные Авнером в Мосаде, он стал всем, о чем когда-то мечтал, — и маленьким „екке-героем", и лейтенант-полковником Джоном Уэйном. Он стал человеком, которого любой кибуцник, с каким бы гонором он ни был, должен был уважать. В эти дни Авнер был знаменит так, как мечтал об этом в детстве. Все фантазии времен кибуца реализовались. Похоже на то, что он доказал, на что способен. Стал реальным живым героем! В первый раз в жизни.

Авнер в своем отчете старался ничего не упустить. Рассказывал обо всем подробно. Эфраим записывал. Не исключено, что вообще весь их разговор записывался на пленку. Авнер этого не знал и спрашивать не хотел. У него сложилось впечатление, что его слушатели горячо приветствовали их успехи и стремились свести к минимуму их неудачи. Это выглядело примерно так. Саламэ — жаль, конечно, но вы сделали все, что могли... Мухасси — это было правильное тактическое решение. Несмотря на то что его имени в списке не было. О человеке из КГБ никто ничего не слышал. Может быть, вы в него вовсе и не попали, а если даже и так, что еще можно было в этой ситуации сделать? Русские, по-видимому, не зря помалкивали на этот счет. Что касается молодых террористов в Швейцарии и в Испании, — то мы вам не судьи. Они ведь тоже в конце концов террористы. Вы сделали и в этом случае все, что вам подсказывал ваш опыт. Карл Роберт и Ганс...

Да, трагедия, но иного нельзя было и ожидать. На войне — не без потерь. Конечно, после получения распоряжений от Мосада вы должны были миссию прекратить. Но ваши сомнения на этот счет нам понятны. Не будем больше говорить об этом. Эфраим не одобрил только операцию в Хорне — убийство Жаннет.

— Это было ошибкой, — сказал он. — Вы нарушили данные вам инструкции. Меня в этом деле ваши мотивы не интересуют. Независимо от того, застрелила ли она Карла или нет, — я, кстати, не сомневаюсь в том, что так оно и было, — вы совершили убийство. И мы бы вам его никогда не разрешили.

— Это к вам отношения не имеет, — сказал Авнер. — Мы действовали самостоятельно. Считайте, что, с вашего разрешения, мы в это время были в отпуске.

— Не валяйте дурака, — резко произнес Эфраим. — Это ведь не кино.

Вот так, всего один раз за все это время Эфраим осудил их поведение. Но настаивать не стал.

— Что сделано, то сделано, — сказал он примирительно. — Изменить мы уже ничего не можем. Но запомните на будущее — неповиновение мы не одобряем. В обычных условиях это наказывается увольнением.

Авнер подумал: „Увольнение — откуда? Я вроде на вас больше не работаю". Но промолчал. Так было спокойнее.

Единственное, о чем Авнер в разговоре с Эфраимом не распространялся, — это их связь с „Ле Груп". Он не упоминал ни о Луи, ни о „папа". В его рассказе они фигурировали как „осведомитель из террористической организации" или под выдуманными специально для Эфраима именами: „Мы позвонили Полю..." „позвонили Халеду". Авнер продолжал считать, что, выдав „папа" Мосаду, он потеряет его доверие. Ему все еще казалось, что „папа", со своей стороны, его не предавал. Во всяком случае, он на это надеялся. Несмотря на все, что произошло с Карлом, Робертом и Гансом. В конечном счете и рассказывать-то было нечего. Несколько номеров телефонов, по которым можно было связаться с Луи и остальными, и дом „папа", который, может быть, ему удалось бы найти. Впрочем, за это время „папа" мог и сменить свою штаб-квартиру.

Была и еще причина для такой сдержанности — совет отца всегда иметь про запас какую-нибудь козырную карту.

Эфраим не настаивал. Это было привычным. Все агенты предпочитали о своих осведомителях не распространяться. Частично из соображений, связанных с личной безопасностью. Кроме того, контакты — капитал агента, своего рода гарантия, что его не заменять компьютером.

Через семьдесят два часа Эфраим вновь обнял Авнера и разрешил ему покинуть помещение.

Авнеру случалось видеть и других агентов, которые ходили в героях. Агентов с высокой репутацией, агентов, о которых высказывались всегда уважительно, хотя никто толком не знал, в чем именно состояли их заслуги. По всем признакам, и он, Авнер, стал таким же. Это было очевидным: его останавливали, хлопали одобрительно по спине и в штабе, и во всех офисах, куда он приходил, чтобы закончить разнообразные формально-бумажные дела. Едва знакомые люди с чувством пожимали ему руку, пока он сдавал счета, документы, ключи от сейфа и все остальное, что было связано с миссией.

Даже прародитель всех галицийцев одобрительно мычал, когда Авнер передавал ему денежные отчеты и несколько тысяч долларов наличными, оставшиеся в оперативном фонде.

Во время короткого свидания новый глава Мосада генерал Ицхак Хофи[1] пожал ему руку и изобразил на своем лице некое подобие улыбки.

Но, как заметил Авнер, в разговоре с отцом, съездить с визитом к премьер-министру ему не предложил.

Слухи о его подвигах, видимо, дошли и до отца. Без деталей, разумеется.

— Я слышал, что ты хорошо справился со своим делом, — сказал отец, когда они увиделись . — Так что они считают тебя „светлоголовым мальчиком".

— Именно так они считают, — ответил Авнер.

Отец внимательно посмотрел на него.

— А ты сам что об этом думаешь?

Авнер покачал головой.

— Я не знаю.

— Это значения не имеет, — сказал отец, помолчав. — Не так важно, что ты об этом думаешь. Не так важно и то, *что* ты сделал. Сегодня ты на вершине славы. Воспользуйся этим. Сегодня они тебе дадут все, что ты попросишь. Используй. Бери. Сегодня они тебе дадут, а вот завтра... Завтра будет уже поздно. Завтра о тебе позабудут.

— Я не хочу ничего из того, что они могут дать, — ответил Авнер. — Им нечего мне дать.

Отец выпрямился в своем кресле.

— Послушай, — сказал он, — ты не прислушался к тому, что я говорил тебе прежде. Послушай хоть теперь. Что сделано, то сделано. Все могло кончиться иначе, но ты — счастливчик. У тебя есть шанс. И притом — единственный. И только сейчас он есть, этот шанс. Завтра они уже спрячут свои рубины, свои драгоценности. Они и часа на размышление тебе не дадут. Ты будешь сидеть у телефона и ждать от них звонка. Звонка не будет. Никогда.

— А что если мне не нужны их драгоценности? — сказал Авнер. — Что если меня и телефонные их звонки не интересуют?

Отец печально взглянул на него и, казалось, потерял к нему всякий интерес.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал он. — Когда-нибудь поймешь, но будет поздно.

Больше Авнер от отца ничего не услышал.

Для скверного настроения у отца были серьезные причины. Его вторая жена Вильма умерла в прошлом году. Перед смертью — очень долго и тяжело болела, хотя началась ее болезнь еще в то время, когда отец сидел в тюрьме за шпионаж в пользу Израиля. Не израильтянка, даже не еврейка, она не имела права на страховку и бесплатное лечение в Израиле. Отцу пришлось за ее лечение платить. На это ушло много денег — большая часть того, что он получил в качестве компенсации после своей постфактум прославленной деятельности в Германии. Но теперь, несмотря на все его заслуги перед страной, *они* ничем помогать ему не стали.

Все эти подробности Авнер узнал не от отца. От него он услышал только несколько горестных замечаний общего характера. Рассказала ему об этом мать. Она была на похоронах Вильмы. Кроме нее, был только отец и несколько знакомых из кибуца. „Издевательство? — думал Авнер. Во всяком случае, странная история". В отличие от него мать, понимая настроение отца, его не разделяла.

В этой крошечной, со всех сторон осажденной стране, все были в трудном положении: многие потеряли отцов, матерей, сыновей и дочерей во время войн. Выходило, что почти каждый мог претендовать на особое к себе отношение. В чем состояла разница между заслугами „обыкновенными" и „необыкновенными"? Погибнуть можно, не только выполняя секретные задания, но и сидя в танке. И даже скорее. Если каждому надо чем-то платить, то страна просто обанкротится.

— Раз ты израильтянин, — выполняй свой долг, — сказал мать. — Нечего рассчитывать на награды. У евреев есть собственное государство. Это и есть награда.

— Вильма не была израильтянкой, — сказал Авнер.

— Она делала то, что ей надлежало делать, — холодно заметила мать. — И я выполняла свой долг. Ты считаешь, — это было легко? Меня наградили? Я, кстати, и не прошу для себя наград.

— Ты, мать, — святая, — не слишком сочувственно отозвался Авнер.

— Что ты имеешь в виду, говоря „святая"?! То, что я не причитаю вместе с твоим отцом?

— Отец, разумеется, не святой. И это плохо для него. Но то, что ты святая, для тебя тоже не лучше.

Он дерзил матери, но это не спасало положения. В глубине души он не мог не понимать, что его мать была по существу дела

права. Она мыслила в полном соответствии с действующими в стране стандартами. И не ее вина, что ни он сам, ни его отец не были на это способны.

И государство Израиль тут было ни при чем.

К концу мая Авнер возвратился в Нью-Йорк. Свое решение он уже принял, но Эфраиму ничего об этом не сказал.

— Используйте отпуск. Отдохните. Развлекитесь как можете, — сказал Эфраим. — Когда вы вернетесь, мы поговорим о вашем будущем.

— Хорошо, — уклончиво ответил Авнер. — Поговорим.

Поговорить он хотел вовсе не с Эфраимом, а с Шошаной. В первую же ночь после возвращения в Нью-Йорк он сказал ей:

— Ты вот уже два года живешь в Америке. Нравится это тебе?

— Да, — ответила Шошана.

— Ты скучаешь по дому?

— Конечно. А ты разве нет?

— И да, и нет, — ответил Авнер. — Но я отдаю себе отчет в том, что жить в Израиле больше не хочу. Я бы хотел, чтобы мы жили, скажем, в Америке. Что ты об этом думаешь?

— Ты имеешь в виду эмигрировать? Уехать насовсем?

— Да, именно это.

Произнеся эти слова, Авнер вдруг ощутил всю серьезность того, что предлагал, и то, каково было Шошане такое от него услышать. Оба они уроженцы Израиля. Оба сабры. Для шведа или, допустим, итальянца, эмиграция совсем не то, что для них. Для всякого человека уехать в другую страну, сменить гражданство — дело серьезное. Но для израильтянина — вдвойне. Для них эти перемены означали не только смену государственного флага, другой язык или уплату налогов другой бюрократической системе. Для них это означало *возвращение в диаспору.* Отказ от еврейской родины, то есть от идеи, за которую десятки тысяч евреев отдали жизнь, а еще сотни тысяч постоянно живут в смертельной опасности. Эмиграция была почти равноценна дезертирству.

И тем не менее к концу мая 1975 года Авнер на это решился. И только Шошана могла его отговорить.

— Мы не будем больше израильтянами? — спросила она.

— Как можем мы перестать быть израильтянами? — ответил Авнер. — Это все равно что перестать быть самим собой. Если война или что-нибудь подобное, я полечу в Израиль первым же самолетом. Можешь мне поверить.

Шошана пожала плечами.

— Да, я понимаю, — сказала она. — Но я не об этом спрашиваю. И не об этом мы сейчас говорим.

Она была права. И Авнер это понимал. Случись война, многие

кинутся к самолетам. И не только израильтяне. Эмиграция — это совсем другое. Ничего общего с тем, что происходит в чрезвычайных обстоятельствах.

— Я знаю, — сказал Авнер. — Я просто не хочу там жить. И даже не могу это толком объяснить. Во всяком случае это не связано с моим отношением к Израилю.

Шошана посмотрела на него.

— Из-за твоей работы?

— Возможно.

— Я ни о чем не спрашиваю, но я знаю одно — решить надо сейчас, — сказал она, глядя на спящую в кроватке Геулу. — Прежде чем Геула пойдет в детский сад. Я бы не хотела, чтобы ей пришлось метаться между двумя странами. Надо дать ей возможность вырасти цельным человеком.

Только после этих слов Шошаны Авнер по-настоящему понял, как трудно ей дается это решение.

— Мы можем решить и по другому, — сказал он. — Не сомневайся. Если ты хочешь, мы вернемся в Израиль.

— Нет, — ответила она. — Я думаю, нам будет лучше оставаться здесь.

Таким образом решение было принято сразу после возвращения Авнера из Тель-Авива, хотя они в течение еще многих недель возвращались к этой теме. Он не предполагал пока заявлять во всеуслышание о своем решении, то есть писать Эфраиму просьбу об отставке или обращаться к эмиграционным властям. Казалось, что увольняться ему неоткуда. Он уже это проделал два с половиной года назад.

Авнер снял другую, побольше, квартиру в Бруклине и оставил в качестве задатка плату за два месяца. Затем он заказал очень современную скандинавскую мебель, ничего не сказав об этом Шошане и предвкушая ее радость. Он знал, что о таком гарнитуре для гостиной она давно мечтала и истратил на это почти все имевшиеся у него деньги.

— Как мы можем это себе позволить? — спросила Шошана, когда он показал ей в витрине мебель, на которой остановил свой выбор.

— Не беспокойся об этом. Мы можем.

Эфраим позвонил ему еще до их переезда в новую квартиру и до получения новой мебели.

— Как отпускные дела? — спросил он на иврите.

Авнер его сразу узнал по голосу.

— Откуда вы? — спросил он.

— Я в Нью-Йорке и хотел бы с вами встретиться.

— Конечно, — ответил Авнер. — Может быть, вы к нам приедете?

— Спасибо. Но я не хочу вам мешать. Приходите ко мне в отель, — ответил Эфраим.

Они договорились встретиться на следующее утро в холле отеля. Так что Авнеру не пришлось даже узнавать у Эфраима, под каким именем он путешествует. Вероятность того, что телефон Шошаны прослушивается, была очень невелика, а Эфраим звонил из автомата. Тем не менее соблюдать осторожность было делом привычным.

— Рад вас видеть, — сказал на следующий день Эфраим, когда они расположились в его небольшом запущенном номере. — У вас уже отдохнувший вид. Есть работа, которую мы хотели бы вам предложить.

Авнера это не удивило. Он всю ночь думал о свидании с Эфраимом и пришел к выводу, что именно об этом и будет их разговор. Он заранее решил, как будет себя вести. Но не мог так вот сходу ответить отказом и попытался уйти от ответа.

— Эта новая работа — что она собой представляет? — спросил он. — Типа предыдущей?

— Нет, — ответил Эфраим. — Совсем другая. — У него все еще была эта неприятная привычка подносить к носу бумажные салфетки, как будто он собирался высморкаться, но не сморкаться. — Работа совершенно другого сорта. Уже хотя бы потому, что ехать вам придется на другой континент — в Южную Америку.

Авнер промолчал.

— Правда, так же, как и раньше, — продолжал Эфраим, — семью вам придется оставить. Мы сможем, однако, устраивать вам встречи с женой на две-три недели каждые семь месяцев. Ну, скажем так: два раза в году.

— Нет, — сказал Авнер. Голос его звучал твердо.

Эфраим взглянул на него с явным удивлением. Он даже снисходительно рассмеялся.

— Может быть, вы все же над этим подумаете?

— Думать мне не о чем. Я не хочу.

Несколько секунд они оба молчали. Эфраим положил руку на плечо Авнера.

— Послушайте, мы же друзья, — сказал он. — В чем дело?

Авнер высказался более решительно, чем хотел. Возможно, потому что не мог отделаться от чувства неловкости. Что он делает? Ничего удивительного в реакции Эфраима не было: израильские коммандос обычно не отказываются идти на задание.

— О'кей, мы друзья, — ответил он. — Именно поэтому я высказываюсь откровенно. Моя семья не согласится на новую разлуку. Кроме того, я и сам не заинтересован в этой работе.

Эфраим встал с места и подошел к окну. Постоял, посмотрел на улицу, потом обернулся к Авнеру.

— Что же делать? Вы отказываетесь... Я огорчен вашим отказом. — Он попробовал иначе: — Послушайте, может быть, это моя

вина. Слишком рано я вас потревожил. Вам нужно время, чтобы над всем этим поразмыслить.

— Нет, не в этом дело, — ответил Авнер. — Я рад, что вы позвонили и я смог высказаться. Я не хочу больше этим заниматься. Я очень сожалею, что огорчил вас.

Эфраим сел.

— Я понимаю, — мягко сказал он. — Поверьте мне. — Он говорил с искренней теплотой в голосе. И это было нестерпимо для Авнера. Он знал, что имел в виду Эфраим. — Я понимаю, вы не оправились от всего пережитого. Вы потеряли самообладание. В конце концов это оказалось вам не под силу. — В его голосе не было ни вызова, ни насмешки. Так стал бы доктор разговаривать с пациентом. С пациентом, которому поставил смертельный диагноз. Пациент не виноват. Но и доктор ничем ему помочь не может.

Этот момент был самым тяжелым в жизни Авнера. Из героев он превратился в ничто. За десять секунд. Так об этом когда-то говорил Карл. То, что последовало за этим, звучало еще более обескураживающе. В особенности потому, что тон был фальшиво доброжелательным.

— Не волнуйтесь, — сказал Эфраим. — Не надо так мрачно смотреть на вещи. Все в порядке. Мы вернем вас и вашу семью в Израиль. Вы сможете там работать. В Израиле сколько угодно не менее ответственной работы.

— Я не хочу возвращаться в Израиль, — сказал Авнер. — Я хочу пожить в Нью-Йорке, — повторил он спокойно.

— Что вы имеете в виду? — спросил Эфраим. — Это невозможно.

— Что это значит — „невозможно"? — Авнер встретился взглядом со своим начальником. — Я хочу жить в Нью-Йорке.

— Вы не можете жить в Нью-Йорке, — сказал Эфраим, точно втолковывал ребенку очевидные вещи. — У вас нет соответствующих документов, нет работы. Ничего у вас здесь нет. Что вы будете делать? — Он развел руками, размахивая салфеткой. — О чем вы, Господь с вами, говорите?

— Я говорю о том, что хочу оставаться здесь, — внятно произнес Авнер. — Я еще и сам не знаю, что буду делать. Меня это не волнует. Я хочу жить со своей семьей. Вот и все. И ничего другого не желаю.

Эфраим пожал плечами, лицо его исказилось.

— Может быть, мы встретились с вами в неподходящий момент? Я не могу понять, о чем вы говорите. Во всяком случае, надеюсь, что не понимаю. Неужели вы хотите стать одним из иммигрантов? И просите меня рассказать об этом вашим родителям? Вы, уроженец Израиля, хотите покинуть свою страну?!

Авнеру очень хотелось сказать „да". Но он не решился. Он даже набрал воздух в легкие, но все равно не смог. Труслив он, вот

что. Не смог противостоять Эфраиму и высказаться до конца. В то время еще не смог.

А вдруг, несмотря на всю подготовительную работу, которую он мысленно проделал, несмотря на разговор с Шошаной, он еще не пришел к окончательному решению? И никогда окончательного решения не примет. Или не найдет в себе мужества сказать то, что думает, людям типа Эфраима.

А сможет ли он сказать об этом своей матери?

— Я не покидаю свою страну, — сказал он, глядя в сторону. — Я, наверное, вернусь. Но сейчас... Сейчас я хочу остаться здесь. Вот и все.

— Хорошо, — сразу же ответил Эфраим. — Раз речь идет всего о нескольких месяцах, это совсем другое дело. Но об этом мы поговорим позднее. Не сейчас. Я на несколько дней уезжаю в Вашингтон. Перед отъездом в Израиль я еще свяжусь с вами. А вы пока что обсудите этот вопрос со своей женой. Я убежден, что ваша жена жить в Америке не захочет. — Эфраим при этом даже рассмеялся, такой нелепой показалась ему эта мысль. Затем прибавил: — Простите, у меня не было намерения вас задеть. Я просто вас не понял. У меня сложилось впечатление, что вы собираетесь остаться в Америке навсегда.

Он протянул Авнеру руку, которую тот пожал, но посмотреть Эфраиму прямо в глаза не смог.

— Послушайте, я не сказал навсегда. Но имел в виду несколько лет. Здесь или в Австралии. Я еще не решил. Именно об этом я говорил.

— Мы еще поговорим об этом. Позднее, — быстро ответил Эфраим.

Он начал собирать свои бумаги и запихивать их в папку, уже не глядя на Авнера. Но Авнер все еще не мог уйти. Он был раздражен, но чувство вины его тем не менее не оставляло.

— Может быть, вы приедете к нам пообедать? — спросил он, испытывая при этом чувство недовольства собой.

Эфраим перестал возиться со своей папкой и посмотрел на него.

— Нет, — холодно сказал он. — Благодарю вас. Мне еще кое с кем надо встретиться.

Говорить было больше не о чем.

Домой Авнер пошел не сразу. Он долго еще ходил по улицам от Ист Сайда до Гудзона, не замечая ни людских толп, ни машин, переходя дорогу, не глядя, прямо на красный свет. Он пытался понять ситуацию. Как он должен был разговаривать с Эфраимом? Как объяснить ему свою позицию? Если самому себе он объяснить ее толком не мог? Почему в самом деле не хочет он возвращаться в Израиль?

Он хотел жить в Америке всегда. Но, с другой стороны, по отношению к Израилю он всегда был настроен патриотически, хотя

и никогда не думал о Ближнем Востоке как о своем доме. Почему? Из-за воздуха? Из-за этого давящего, тяжелого воздуха, который может быть холодным, но никогда не будет ни чистым, ни сухим, воздуха, который он никогда бы не назвал живительным независимо от того, влажный он или сухой, свежий или вонючий. Это был воздух, от которого все в нем немело, все вокруг становилось враждебным. А песок, который летит в глаза?!

И все же дело было не только в воздухе и песке.

Может быть, он просто не выдержал испытания? И знает это. Он, который больше всего на свете хотел стать героем, стал им только номинально. Его нарекли героем. И для него это звучало насмешкой. Каждый раз, как ему пожимали руку, каждый раз, когда его хлопали по спине, он спрашивал себя: „За что? Позабыли они что ли о Карле, Роберте, Гансе? Как может быть героем полководец, который вернулся домой, потеряв свою армию? И даже тел погибших не смог вернуть. А это было одной из традиций израильской армии — не оставлять раненых или погибших товарищей. Даже если надо пожертвовать еще десятками жизней, чтобы их вызволить. Полководец, потерявший свою армию и не выполнивший основного своего задания, герой ли он? Да и террористы по-прежнему хозяйничают в Европе.

Должен ли он был объяснить все это Эфраиму? Нет у него, однако, уверенности, что суть его решения — в этом. Но что же еще?

В конце концов он понял, но выразить то, что он понял, словами все еще не мог. Однако он попытался поделиться с Шошаной этими мыслями, но по выражению ее лица понял, что говорит сумбурно. И все же он в себе разобрался. Это было главное, даже если другие его не поймут.

Для того чтобы чувствовать себя в Израиле на равных со всеми остальными, ему надлежало быть героем. Возможно, для других израильтян это было не так. Но он иначе не мог. Почему? Может быть, потому что он не был галицийцем? Не был похож на свою мать? Потому что всегда ощущал Франкфурт, а не Израиль своим настоящим домом? Или он просто не был таким выносливым, как те, в кибуце? Итак, — либо он тот самый „екке-герой", либо — никто. Совсем никто.

Разве не было на свете других стран, которые не требовали от своих граждан так много? Стран, где можно было быть самим собой, жить для себя и в то же время не быть человеком второго сорта, не чувствовать себя всегда виноватым? Стран, в которых героическое поведение не считалось обязательным для всех. Разве непременно надо быть героем? В других странах люди, не выказывающие желания по первому требованию отправляться на любое задание, не чувствовали себя неполноценными.

Авнер ни на минуту не предполагал, что такое положение вещей в Израиле несправедливо. Он, Авнер, был не на высоте, а не госу-

дарство Израиль. В Израиле установились более высокие стандарты, по которым оценивались люди. В этом все дело. Многие этим стандартам соответствовали по своей природе. Многих это вообще не заботило. Они могли даже не отдавать себе отчета в том, что эти стандарты существовали. Они просто могли не подозревать, что им следовало быть героями, быть людьми, способными к самопожертвованию. Они работали, голосовали, ссорились, отбывали ежегодно воинскую повинность и были счастливы, живя в Израиле.

Авнер чувствовал себя по другому. Пока жил в Израиле. Но винить он никого не собирался. Просто в нем ничего героического не было. Он был самым обыкновенным человеком. Он устал от необходимости быть необыкновенным. Но в Израиле он иначе существовать не мог. Надо было либо быть, либо претендовать на то, чтобы быть героем. Не обязательно при этом входить в отряд коммандос — закладывать взрывчатку, подбирать фугасные бомбы, охотиться за террористами. Можно жить и так, как живет его мать — на скромную пенсию, принеся в жертву семью, уйдя на отдых в кибуц, не претендуя на лучшее. Потому что у евреев теперь есть свой собственный дом — это и есть награда. И еще, как отец, — ждать телефонного звонка. И наблюдать за тем, как галицийцы делят между собой лучшие куски пирога.

Нет. Он этого не желает. Он не станет послушным маленьким „екке-поцем" из Нахарии. Если евреев будут пытаться вновь сбросить в море, он вернется и будет драться. Даже если ему уже стукнет семьдесят. В этом можно не сомневаться. Но пока что он собирается жить нормальной семейной жизнью. В Америке.

Через несколько дней Эфраим позвонил ему из Вашингтона.

— Пока вы обдумываете, что будете делать, — сказал он, — я хотел бы вам кое о чем напомнить.

— Что вы имеете в виду?

— Вы подписали контракт.

Авнер поначалу подумал, что ослышался. Он разговаривал с ним из телефонной будки, куда перезвонил ему Эфраим. Автомат был на очень шумном Квинс Бульваре

— Вы сказали — „контракт"? — переспросил он. — Что вы имеете в виду?

— Бумагу, которую вы подписали, — сказал Эфраим. — В моем офисе. Когда в октябре были в Израиле. Вы ведь ее прочли и подписали. Вспоминаете?

Он помнил, что подписывал бумагу в офисе Эфраима, но прочесть ее тогда не удосужился.

— Вы хотите сказать, что вы мне дали подписать бумагу, в которой значилось, что я обязан на вас работать всю мою жизнь?

Эфраим рассмеялся.

— Не совсем так. Контракт составлен на три года. За нами предусмотрено право его возобновлять ежегодно. Мы его возобновили, когда вы были за границей.

— Минутку, — сказал Авнер. Голова у него пошла кругом. — Пусть я даже подписал. Но как же вы могли его возобновить в мое отсутствие? Без моего согласия?

— О каком согласии вы говорите? Нам ваше согласие не требуется. Это наше право. Мы обязаны только поставить вас в известность.

— Но вы и этого не сделали.

— Мы занесли эти сведения в ваше личное дело, — ответил Эфраим. — Можете мне поверить, все это совершенно законно. Так что учтите все это, обдумывая свои планы.

— Так вы занесли ваше решение... куда? — с трудом выговорил Авнер.

Если бы Эфраим перепробовал все возможные способы отвратить от себя Авнера, он вряд ли нашел бы лучший. Ах вот что! Эта дрянь, галициец, занес в мое личное дело свои пожелания и считает, что я у него в руах! Да никогда этого не будет! — бесился Авнер.

— Вот что я вам скажу, — обратился он к Эфраиму. — Посылайте в Южную Америку мое личное дело. А я остаюсь в Нью-Йорке.

— Не кипятитесь, — сказал Эфраим. — Я позвонил с тем, чтобы вас предупредить. Я подумал, что вам будет интересно об этом узнать.

— Отлично. Вы это сделали, — ответил Авнер. — Теперь и я хочу кое о чем вас известить. Я никуда не поеду. И в Израиль не вернусь.

— Это означает, что вы нарушили условия контракта, — сказал Эфраим и повесил трубку.

На следующей неделе Авнер полетел в Женеву. Он не остановился в „Дю Миди", потому что паспорт у него был уже другой. Он связался со Стивом, который оказался в Европе по делам службы. Утром следующего дня они встретились в ресторане „Мовентик", который Авнер так любил.

— Плохи твои дела, старина, — сказал Стив.

— А что?

— Не знаю, что именно, — сказал Стив, покачав головой. — Но я встретился с Эфраимом, когда он возвращался в Израиль, и он сказал мне, что в Нью-Йорке разговаривал с тобой. Что он мол большего от тебя ожидал, что твое поведение он считает неразумным.

— Я хочу уйти.

— Я знаю об этом, — сказал Стив. — Он мне сказал. Но что ты собираешься делать?

— Еще не знаю. Прежде всего я хочу получить свои деньги и уйти. Ты помнишь, мы это когда-то обсуждали? Даже Карл. Мы тогда согласились на том, что, закончив операцию, уйдем. Все.

— Да, я помню, — кивнул Стив. — Мы об этом говорили.

Авнер посмотрел на него внимательно.

— И как же ты?

Стив пожал плечами и отвел взгляд.

— Я старше тебя, — сказал он наконец. — И не только это... — Он не закончил фразу. Затем продолжал: — В конце концов это твое дело. Я считаю, что уходить надо вовремя, когда ты еще молод. Пока ребенок еще не в школе и тому подобное. Я с этим со всем согласен. Но тебе это достанется нелегко. Учти это.

— О чем ты говоришь? — спросил Авнер. — О чем, черт побери? Почему они должны мешать мне? — Он вдруг заметил, что употребляет то же местоимение, что и его отец. — Я ничего дурного им не сделал.

— Не кричи на меня, — сказал Стив. — Я знаю только одно — Эфраим был твоим другом, а теперь рассорился с тобой. Вот и все.

— К черту Эфраима, — сказал Авнер. — Я иду в банк.

Они пошли вместе. У Авнера был ключ еще от одного сейфа, в котором оставались кое-какие вещи, в том числе несколько неиспользованных паспортов. Он все это забрал с собой в качестве сувениров. Затем он сказал клерку, что хочет закрыть один из своих счетов. Через несколько минут клерк вернулся с документами и небольшим конвертом в руках. Заглянув в конверт, Авнер обнаружил там не больше трех долларов.

— Этого не может быть, — сказал он, взглянув при этом на Стива. — Вы уверены, что не ошиблись?

Клерк проверил.

— Да, месье, — сказал он. — Все верно.

— Произошла ошибка, — небрежно сказал Авнер, хотя уже понял, в чем дело. — На этом счете должно было быть около ста тысяч долларов.

Клерк осторожно кашлянул.

— Вам, вероятно, известно, месье, что еще один клиент имеет доступ к этому счету. Деньги, как будто, были сняты со счета им. Месье, вы хотите, чтобы я это проверил?[1]

— Да, пожалуйста, — спокойно ответил Авнер.

Пока клерк отсутствовал, Стив и Авнер не обмолвились ни словом. Клерк вернулся в сопровождении своего начальника. Чиновник, одетый в темный костюм, выглядел озабоченным. Он пригласил Авнера и Стива в свой кабинет и предложил им сесть.

— Вы знаете, месье, что деньги на этот счет были положены французской компанией? — спросил он, заглядывая в документы.

— Да, — осторожно ответил Авнер.

Так было условлено с самого начала.

Чиновник пожал плечами.

— Помимо вас, месье, эта компания имела доступ к деньгам. Четыре дня назад она сняла с этого счета почти все деньги. Посмотрите сами.

— Авнер посмотрел.

— Я надеюсь, что все в порядке? — спросил чиновник.

— Да, — ответил Авнер. — Все в порядке.

Они уже собрались выйти из банка, но Стив, который был потрясен случившимся больше, чем сам Авнер, ринулся к другому клерку, чтобы проверить свой собственный счет. Так же, как и Авнер, он оставил все деньги на своем личном счете в Женеве, не сняв их после окончания миссии. Дожидаясь клерка, Стив тяжело дышал и ноздри его раздувались от волнения.

Счет Стива оставался нетронутым. Все деньги, около ста тысяч долларов, были аккуратно вписаны в соответствующую графу.

— Смотри, — сказал он Авнеру с облегчением. — Все на месте. Все на месте.

Авнер кивнул и двинулся к выходу. Он шел быстрыми шагами. Стив за ним. На набережной Авнер сел на скамью и долго смотрел на водную рябь Роны. Стив повторял:

— Не волнуйся, не волнуйся, Авнер.

Авнер в ответ кивал только головой и не произносил ни слова. Дышал он с трудом. И вдруг ощутил резкую боль в желудке, точно кто-то резанул его тонкой бритвой. Он посмотрел на свои руки — они дрожали. Дрожали и губы. Судорога сводила тело. Ему хотелось плакать.

— Можешь ли ты в это поверить? — сказал он, наконец овладев собой.

— Возможно, это просто недоразумение, — сказал Стив. — Может быть, они сняли эти деньги, потому что ты от них уходишь, и они хотят выслать тебе чек. Может быть... — Он замолчал, потому что сам не верил своим словам.

— Я хотел бы знать, кто это сделал? — сказал Авнер. — Потому что, поверь, я застрелю их всех по очереди.

— Не сходи с ума, — попытался утихомирить его Стив.

Авнер повторил, глядя на него:

— Не сходить с ума? Но ведь эти деньги принадлежат мне!

— Послушай, — Стив схватил Авнера за плечо и встряхнул. — Давай подумаем, что делать. Почему не позвонить им? Или еще лучше — на самолет. Теперь же. Возвращайся и переговори с ними.

Авнер постепенно приходил в себя. Конечно. Возвращаться в Израиль. Это именно то, чего они от него хотят. В этом все дело.

— Ты знаешь, что мы — военнообязанные. Мы — офицеры запаса, — сказал он Стиву. — Когда в последний раз ты был на сборах? В моей части надо ежегодно служить два месяца.

— Ты думаешь?

— Они могут продержать там меня более года. На совершенно законных основаниях. И заставить подчиниться. А что будет делать Шошана с ребенком в Нью-Йорке? Без копейки денег...

— Я пойду вместо тебя, — сказал Стив. — Я поговорю с ними.

Авнера это предложение не удивило. Они как-никак были товарищами.

— Нет, — сказал он. Спасибо, Стив. Но тебе незачем в это дело вмешиваться. У тебя с ними свои взаимоотношения. У меня — свои. Спасибо тебе, — повторил он. — Я что-нибудь придумаю сам.

— Ты куда сейчас? — спросил Стив.

— В Нью-Йорк.

Первым же швейцарским самолетом он вылетел в Нью-Йорк и уже из аэропорта Кеннеди позвонил Шошане. У него не было денег на такси. И не только на такси. У Шошаны на банковском счете лежало что-то около двухсот долларов.

По дороге домой он все рассказал Шошане. Он должен был это сделать, потому что это касалось их обоих. И Геулы.

— Как они могли так поступить? — спросила Шошана. — Это же нечестно.

— Я это знаю, — ответил Авнер. — Тем не менее это факт. Но, может быть, это все-таки и не так. Мой приятель высказал предположение, что они просто собираются переслать мне эти деньги сюда.

Авнер в это не верил, но сказал специально для Шошаны, чтобы несколько разрядить атмосферу. Однако Шошане эта версия не показалась сколько-нибудь правдоподобной.

— Неужели ты веришь, что они вернут тебе деньги после того, как их отняли? — спросила она. — Я в это не верю.

— Нет никаких оснований волноваться по этому поводу, — сказал Авнер. — Я всегда могу сказать Эфраиму: — Вы выиграли. Где там ваше задание?

Шошана резко затормозила.

Авнер едва не разбил нос о ветровое стекло.

— Если ты произнесешь эти слова, — сказала она в ярости, — первое, что я сделаю, это постараюсь устроить такую аварию, что к Эфраиму тебе придется явиться с ногами в гипсе до бедер. — Она говорила серьезно. И Авнер это знал.

— Полегче, — сказал он, потрясенный этим молниеносным взрывом, совершенно для него неожиданным. — Мы же должны как-то существовать. У нас ни денег, ни документов, ни работы. Кроме того, мы израильтяне. Израиль — воюющая страна. Может быть, я им нужен.

— Все равно. Не так они должны себя вести, — сказала Шошана. — Если бы ты хотел у них работать, я бы ни слова не сказала. Никогда я не возражала. Ни одного вопроса не задавала. Ты что ду-

маешь, я не знала, не догадывалась, что именно ты делаешь? Как ты думаешь, легко это было — ждать? Да еще с ребенком. Но я не возражала. „Я сабра, и я вышал замуж за солдата", — твердила я сама себе постоянно. Но теперь — ситуация изменилась. Лучше я полы мыть буду... Они не заставят тебя никуда ехать.

— Посмотрим, — сказал Авнер. — Не пора ли все же двинуться?

Шошана внимательно посмотрела на него и тронулась с места.

— Я никогда не откажусь от своих слов. Учти это. Ты меня плохо знаешь.

Примерно десять дней они прожили спокойно. И Авнер не пытался даже с кем-нибудь связаться. У него, впрочем, и возможностей не было. В прошлом существовали каналы информации — номер телефона, какой-нибудь сейф, доверенное лицо. Теперь — только Эфраим в Тель-Авиве, которому звонить имело смысл лишь для того, чтобы объявить о своем поражении. К этому, однако, он готов не был.

Они переехали в новую квартиру, потому что за нее было уплачено вперед за месяц, а от старой они уже отказались. Номер телефона оставался прежним, так как новая квартира находилась недалеко от старой.

Как-то утром раздался телефонный звонок.

— Вам письмо, — сказал офицер безопасности из израильского консульства в Нью-Йорке. — Чтобы его прочесть, вам придется прийти.

— Разве нельзя его прислать по почте?

— Нет. Письмо должно остаться у нас. Вы сможете прочесть его только здесь.

Может быть, Стив был прав. И это чек. На следующий день Авнер отправился на метро в Манхэттен.

Чека не было. Ему дали прочесть документ, в котором говорилось, что Авнер не явился в указанный ему срок в Израиль (это была откровенная ложь, о чем Авнер тут же сообщил офицеру). Из этого следовало, утверждалось далее в документе, что Авнер подал в отставку (откуда — сказано не было), что в его ситуации означало нарушение обязательств по контракту. Раз так — никаких денег ему не причиталось. Затем следовали лучшие пожелания на будущее и неразборчивая подпись. На обратной стороне листка не было ничего. Авнер вернул документ офицеру. Тот подвинул к нему регистрационную книгу.

— Распишитесь вот здесь, что вы читали письмо, — сказал он.

— Что это значит? — спросил Авнер. — Мне нужна копия.

— Копии не положено. Просто распишитесь вот здесь, а потом распишусь я.

— А я этого письма не видел, — заявил, придя в бешенство, Авнер.

— Послушайте, не устраивайте ни себе, ни мне неприятностей. Я всего лишь выполняю свои обязанности. Прошу вас — распишитесь вот здесь, на этой строчке.

— Попробуйте меня заставить, — сказал Авнер. — И все же спасибо.

Денег не будет. Никогда. Странно, но он испытывал облегчение. Плевал он на эти сто тысяч. Разве ради денег он делал эту работу? Если бы это было так, то и за миллион он бы на нее не согласился. Он ни в какие сделки с ними не вступал. Он действовал по своей воле. Потому что премьер-министр и глава Мосада просили его возглавить „историческую миссию". В присутствии генерала Шарона, героя его юности, который тогда сказал ему: „Я бы хотел, чтобы это предложение сделали мне". Вот почему он согласился. Он никогда не просил у них эти сто тысяч долларов. Он вообще ничего у них не просил. О финансовой стороне этого дела им объявил в свое время Эфраим: и ему, и Карлу, и Стиву, и Роберту, и Гансу. Это он говорил: „Бывая в Швейцарии, поинтересуйтесь своими счетами. Они будут расти". Ни Авнер, ни его коллеги и не помышляли о наградах. Им и в голову такое не приходило. И даже сейчас не деньги его беспокоили. Конечно, хорошо бы было оставить Шошане новую скандинавскую мебель. Приятно было бы поглядеть, как она обрадуется, когда доставят кухню. Однажды эта кухня даже приснилась ему. И тем не менее не так уж все это важно. Деньги были нужны ему для осуществления цели — остаться в Америке. Или уехать в Австралию. Или в Европу. Чтобы не пришлось ишачить в Израиле, обеспечивая себя, Шошану и дочку. Или гоняться за террористами в Южной Америке или где-нибудь еще. Только для этого и нужны ему были эти сто тысяч. А теперь, когда они с Шошаной решили пойти на разрыв с Мосадом, то не все ли равно потруднее или полегче будет это осуществить? У них и раньше никогда денег не было. Не будет и теперь. Только галициец типа Эфраима может поверить, что Авнера можно заставить что-нибудь делать за деньги.

Оставалась, однако, одна нерешенная проблема: документы.

До сих пор Авнер жил по фальшивым документам, которые Мосад либо поставлял, либо покупал. Были у него и документы, изготовленные Гансом во время миссии. Естественно, он плохо себе представлял, что требуется для получения настоящих документов. Сложные иммиграционые законы, осуществляемые громоздкой бюрократической системой, казались непостижимыми. Положение в общем было не особенно благоприятным. Дипломатические и служебные паспорта до сих пор освобождали Авнера от всяких забот. Ничего он не знал ни о квотах, ни о разрешениях на получение работы, ни о „грин-картах", дающих право на постоянное жительство в стране.

Теперь, не будучи легальным иммигрантом в Америке, он не

имел права на получение работы. А двухсот доларов на счете Шошаны надолго не хватит. И Авнер начал прирабатывать. Выбора у него не было, как не было его и у нелегального иммигранта из Мексики. Он влился в многотысячную армию иностранцев, которых жестоко эксплуатировали в огромной по своим масштабам подпольной хозяйственной системе Америки. Его это устраивало. И никогда он это эксплуатацией не считал. Он хотел получить то, что ему положено не было — жить в Америке, и согласен был временно на любые условия. Это ему казалось даже справедливым. Он готов был водить машины и красить дома за меньшее вознаграждение, чем полагалось легальному иммигранту. Или работать дольше за ту же плату. Но сидя за рулем в такси или водя малярной кистью, он начал осознавать, что, возможно, так будет всю жизнь.

И это после Парижа, Лондона, Рима... После предоставленного ему как агенту права летать на роскошных самолетах.

Ему всего лишь двадцать восемь лет, а самый волнующий, самый интересный период его жизни — уже позади. И даже разговаривать обо всем пережитом он не имеет права.

Многие в его возрасте смело смотрят вперед, стремятся к новым достижениям. А он потихоньку начинает сползать в болото обыденности. Он продолжал твердить самому себе, что это большого значения не имеет. Но образ отца неотступно его преследовал: вот отец сидит в своем кресле, мухи облепили края стакана с тепловатым апельсиновым соком. Отец дремлет. И снятся ему те самые рубины, которых он так и не увидел в своей жизни, и тот телефонный звонок, который должен переменить его жизнь.

Все это время Авнер перебивался временными работами, которые устраивали ему знакомые, приобретенные во время прежних его приездов в Нью-Йорк. Один из них был еврей-бизнесмен из Квинса, другой — служащий „Эль-Ала", кузен которого жил в Нью-Джерси. Ни один из них не имел ни малейшего представления о его прошлом. Через этих людей Авнер познакомился с опытным и компетентным адвокатом — пожилым человеком, чистокровным американцем. Этот адвокат подал им мысль оформлять в первую очередь документы для Шошаны, у которой было больше, чем у него, шансов получить статус легального иммигранта — прежде всего, потому что в ее послужном списке не было перерывов. Дело в том, что Мосад номинально оформил ее на гражданскую службу, стремясь официально обосновать переезд Шошаны в Нью-Йорк. Адвокат предполагал, что, после того как Шошана получит „грин-карт", легче будет добиться легального статуса и для ее мужа.

Пока что возможность обнаружения и депортации полностью исключить было нельзя. Это казалось, правда, маловероятным. Но,

как знать? Можно было легко вообразить и такой невеселый поворот событий. О человеке, который возглавлял одну из самых отчаянных операций в Европе, написали бы примерно так: „Задержан бывший израильский агент, нелегальный иммигрант, работающий таксистом в Манхэттене". Это было бы трагикомическим завершением его деятельности.

Впоследствии Авнер признавался, что в течение этих трудных в их жизни семи месяцев он не раз приходил в отчаяние и готов был сдаться. И это несмотря на присущее ему упорство, несмотря на общее с Шошаной решение выстоять во что бы то ни стало, но не подчиниться тем, кто, как он думал, обманул и предал его.

И все же, если бы в то время Эфраим позвонил ему и сказал что-нибудь вроде: „Это недоразумение. Выполните еще одно наше поручение и мы вернем вам деньги. Приезжайте в Израиль и получите их... Протяни ему тогда Эфраим такой пряник, он мог бы им соблазниться, хотя потом и было бы в этом неприятно признаваться. Но Эфраим выбрал кнут.

Однажды темной ноябрьской ночью случилось нечто из ряда вон выходящее. Авнер уже лежал в постели, но еще не спал. Свет был выключен. В тишине он слышал, что около их дома остановилась машина. Он не обратил на это особого внимания, но через несколько секунд раздался звонок в дверь. Шошана проснулась. Авнер приложил палец к губам. Она молча встала и быстро подошла к кроватке, в которой спала Геула. Авнер бесшумно подкрался к окну. Не тронув занавеску, не зажигая света, он стал всматриваться в темноту улицы в узкий просвет между стеклом и занавеской. Чарли тоже проснулся, но, уловив общее настроение, не залаял. Он положил лапы на подоконник рядом с Авнером и пытался выглянуть из окна. Звонков больше не было. Авнер увидел человека, который садился в небольшую машину с включенными фарами, запаркованную напротив перед двухсемейным домом. Машина была японская. Что касается самого человека, то Авнер поначалу даже затруднился его идентифицировать. Ни негр, ни араб. Более всего он походил на кавказца. Авнер никогда его раньше не видел. В этом он был уверен. Уверен был он и в том, что никто из знакомых ему людей не стал бы звонить в дверь его квартиры в час ночи.

Иммиграционные власти вряд ли направили бы к нему одного человека в импортной машине ночью. Кроме того, официальный представитель власти не ограничился бы только звонком в дверь. Кто же это был?

Машина уехала. С какой целью приезжал этот человек, Авнер не знал, но действовал он, по его мнению, очень неуклюже. Он не проверил выезд с улицы перед тем, как остановиться. Улица кончалась тупиком, так что ему пришлось развернуться и снова

проехать мимо дома Авнера. Авнер мог с легкостью перехватить его или по крайней мере рассмотреть номер его машины.

Он отодвинул штору.

Японская машина с шумом проехала мимо окон квартиры, но огни были выключены. Водитель, убедившись, что ему придется вернуться, догадался потушить их. Так что записать номер машины Авнеру не удалось. Похоже, что это быа „Тойота" последнего выпуска. Через пять минут раздался телефонный звонок. Авнер приложил трубку к уху.

— У ваших дверей оставлена записка, — сказал кто-то и тут же повесил трубку.

Человек свободно говорил по-английски, но с акцентом, который Авнер все-таки распознал. Слишком уж хорошо был ему знаком этот акцент. Родным языком звонившего был иврит.

Авнер решил действовать осторожно. Он не думал, что в письме бомба, но рисковать не стал. Ползая в темноте у своих дверей, он был бы прекрасной мишенью для прямого нападения или выстрела. Мог бы стать жертвой взрыва бомбы, управляемой по радио. К чему этот риск? Он подождет до утра, а там видно будет.

— Ничего особенного, — сказал он Шошане. — Иди спать. — Но сам он спать не мог.

Когда рассвело и на улицах появились первые прохожие, Авнер оделся и вышел из дома через заднюю дверь. Он обошел свой квартал, но ничего подозрительного не обнаружил. Подошел к главному входу и сразу заметил небольшой конверт, засунутый между дверью и косяком. На письмо-бомбу это похоже не было: конверт был слишком мал для этого и тонок. И все же действовал Авнер, не торопясь. Казалось, все было в порядке: конверт был плоским, не разбухшим, не влажным. Запаха марципана он тоже не почувствовал.

Осторожно распечатав его, Авнер обнаружил в нем фотографию дочери. Он сразу вспомнил, что этот снимок был сделан им самим летом. Единственный отпечаток. Пленку они сохранили, но, экономя, напечатали тогда ее только в одном экземпляре и отправили в Израиль родителям Шошаны. Снимок в конверте был из этой серии. Других не существовало.

Девочка была снята крупным планом: головка набок, лукавое выражение на личике и два пальца во рту.

На снимке, который Авнер держал в руках, вокруг лба Геулы были нарисованы четыре концентрических круга, а в центре — черная точка. Это была мишень. Его дочь — мишень! Авнер изо всех сил старался сохранить спокойствие. Это не были террористы. Террористы не стали бы посылать ему предупреждений. Зачем? Они просто попытались бы убить его, а возможно, его жену и ребенка.

— Вот что, — сказал он. — Я еду в Израиль. Так или иначе, но это должно быть улажено.

— Нет, — сказала Шошана. — Я тебя не отпущу. Мы спрячемся. Я не боюсь. Ты не поедешь. Я устрою скандал. Я позвоню в „Нью-Йорк Таймс".

— Ну, ну. Дай мне подумать. Я ведь не уверен, что это их работа. Я говорю об Эфраиме. Может быть, это затеял какой-нибудь из тамошних идиотов, которому захотелось прославиться. Я поеду туда и все объясню.

— Нет, — повторила Шошана. — Кто бы это ни был, ты не должен ехать в Израиль. Что касается твоего Эфраима, то он скорее всего скажет: „Я очень сожалею, но я ничего об этом не знал. Но поскольку вы здесь, займемся незаконченными делами". Ты думаешь, я их не знаю? Лучше, чем ты...

Авнер, пораженный, смотрел на жену. Она была права. Безусловно. Именно это сказал бы Эфраим. Во всех случаях. Независимо от того, знал он что-нибудь или нет. Независимо от того, был ли инициатором этого дела он или кто-нибудь другой.

— Геула должна ходить в детский сад, — сказал Авнер. — Мы не можем сторожить ее день и ночь. Мы должны работать. Я не думаю, что они действительно что-нибудь предпримут, но уверенным в этом быть, конечно, нельзя. Они вряд ли причинят ей вред, но могут ее увезти. У нас уже выбора не будет. Что же нам делать? Вот что — я позвоню своему брату. Я попрошу Бера приехать к нам.

— Где ты возьмешь деньги ему на билет? — спросила Шошана.

— Это я устрою, — сказал Авнер. — Не беспокойся.

Деньги он взял в долг у владельца такси, на котором работал. Обещал выплачивать их по частям, еженедельно. Его братишке, любимчику матери, был двадцать один год. Он только что отслужил в армии. Авнеру трудно было это себе представить. Для него он все еще был худеньким мальчишкой, которого мать оставляла на его попечение всякий раз, как он приезжал из армии на побывку. У Авнера обычно бывало не больше двух дней, но мать говорила: „Будь добр, посиди с ним сегодня, пока я схожу за покупками. Всего несколько часов".

Бер приехал. Он очень походил на отца. Авнер и сам хотел бы быть таким: голубоглазым блондином, похожим на немца больше, чем любой настоящий немец. Роста, однако, он был невысокого. Отец в молодые свои годы был выше. И все же Бер был очень хорош собой: широкоплечий с узкой талией. Он, вероятно, это знал и нахальная самодовольная усмешка кривила его тонкие губы.

Нью-Йорк мальчику понравился. Авнер был все еще героем в его глазах, и он ничего не имел против того, чтобы присматривать за Геулой.

Через две недели Бер вернулся домой, крепко держа за руку малышку. Он был невероятно взволнован. Из его рассказа Авнер

узнал, что Бер поджидал Геулу у парадной детского сада. Вдруг подъехала машина какой-то иностранной марки, из нее вышли двое молодых людей. Как только дети высыпали на крыльцо и Геула побежала к нему, один из вышедших из машины преградил Беру дорогу, а второй попытался схватить девочку.

— И что потом? — спросил Авнер срывающимся голосом.

— Как раз в это время на улице позади меня показалась группа полицейских, — рассказывал Бер. — Они только что вышли из-за угла. Поэтому я их не видел. Но парень, который стоял передо мной, крикнул второму: „Полиция!" Оба тут же сели в машину и уехали.

— Он закричал „полиция"?!

— Это было очень странно, — ответил Бер, — потому что выкрикнул он это слово на иврите.

Ни Авнер, ни Шошана не посвящали Бера в свои дела с Мосадом. Поэтому его рассказ нельзя было приписать игре возбужденного воображения. Авнер просил его неотступно смотреть за ребенком, ссылаясь на то, что мол в Нью-Йорке — высокая преступность. Бывает, что детей крадут или пристают к ним. Одним словом, трудно было себе представить, что Бер мог выдумать историю о молодых людях, выкрикивающих слово „полиция" на иврите. Авнер не сомневался в том, что так оно и было.

Объяснение напрашивалось само собой.

И ответ тоже.

Этот ответ Авнер начал подготавливать. Он работал упорно и настойчиво в течение целой недели. Один. Ничего не сказав об этом даже Шошане. Он работал так, как *они* его учили: не оставляя следов, избегая свидетелей, замечая все и оставаясь незамеченным. Он никогда еще так хорошо не работал. И через неделю закончил работу.

Был январь 1976 года. В один из вторников, в десять часов утра Авнер вошел в помещение израильского консульства.

— А вы, однако, нахал! — такими словами встретил его офицер безопасности, когда Авнер прошел мимо секретаря, не обращая внимания на его протесты. — Но, может, вы пришли расписаться?

Авнер вынул из кармана конверт и положил его на стол.

— Разрешите мне кое-что сказать, — начал он. — Когда я кончу, будете говорить вы. Все что угодно. Но только после того, как я закончу. Ваши молодцы пытались похитить мою дочь. Я не знаю, известно это вам или нет. Возможно, что вы и причастны к этому, так как эта операция проводится в Нью-Йорке. Возможно, и нет. Я не настаиваю. Я здесь знаю только вас. Поэтому ответственность за все возлагаю на вас.

Авнер раскрыл конверт и вынул оттуда шесть фотографий детей. Он разложил их перед офицером на столе. На снимках были изображены дети в возрасте от четырех до семи лет. Двое маль-

чиков и четыре девочки. Снимки были черно-белые. Дети были сфотографированы на игровых площадках, в школьных дворах и на улице.

— Узнаете? — спросил Авнер. — Одна из этих девочек — ваша дочь, так что ее вы во всяком случае знаете.

Офицер молча смотрел на разложенные перед ним фотографии.

— Вы здесь работаете, — сказал Авнер. — Вы живете в прекрасных квартирах, ваши дети учатся в хороших школах. Так вот, я знаю, где все вы живете и в каких школах учатся ваши дети. О себе я не очень беспокоюсь, — продолжал Авнер. — Но прошу вас, позаботьтесь о том, чтобы ничего не случилось с моим ребенком. Если вы — люди неглупые, вы приставите к ней телохранителей, с тем, чтобы исключить любую случайность. Вы меня поняли? Постарайтесь, чтобы она, например, не упала с качелей на площадке. Если это произойдет, я буду считать ответственным вас. Повторяю: если что-нибудь случится с моей дочерью, пострадают *все* ваши дети. Учтите — я говорю совершенно серьезно.

Офицер наконец очнулся. Голос его слегка дрожал.

— Я ничего не знаю о вашей дочери, — сказал он, разводя руками. — Поверьте мне.

— А вы — мне, — ответил Авнер. — Мне все равно, знаете вы или нет. Мне до этого нет дела. Кто-нибудь да знает. Так что в ваших же собственных интересах эти сведения распространить. Покажите фотографии всем, кого они касаются. И передайте им то, что я сказал.

Авнер поднялся. Встал и офицер.

— Вы просто сошли с ума, — сказал он. — Покажитесь врачу. Я утверждаю, вы все это выдумали. — Он говорил, не умолкая, пока Авнер шел к выходу.

Авнер молчал. Лишь дойдя до входной двери, он обернулся.

— Вы еще молоды. И вы действительно многого не знаете. Не знаете вы и меня. Прошу вас — расскажите обо всем этом остальным. Не пытайтесь взять всю ответственность на себя.

С этими словами он закрыл дверь.

В течение месяца не было никаких подозрительных звонков или писем. Но однажды ему позвонил старый знакомый. В прошлом, которое казалось бесконечно далеким, они оба работали в службе безопасности „Эль-Ала".

— Меня просили вам позвонить, — сказал он. — Можете ли вы в пятницу прийти в один отель в Манхэттене? В тот самый номер, в котором вы когда-то были. В десять утра. Вас хотят видеть.

„Вероятно, это Эфраим", — подумал Авнер.

— Хорошо, — сказал он. — Передайте, что я приду.

Эфраим руки ему не протянул. Он отступил в сторону, давая Авнеру пройти в комнату, затем отвернулся и подошел к окну.

— Я хотел встретиться с вами только по одной причине, — ска-

зал он, не оборачиваясь. — Чтобы задать вам всего один вопрос. До каких, по вашему мнению, пределов мы можем опуститься?

Авнер молчал. Эфраим обернулся и посмотрел на него.

— Итак, вы предполагаете, что мы занимаемся похищением маленьких девочек? — сказал он. — Так говорят о террористах. А вы такое думаете о вашей родине!

Авнер понимал, что это хорошо разыгранное представление. Этого он и ожидал.

— Где мои деньги? — спросил он Эфраима.

— Ваши деньги!? — Эфраим даже подошел к нему поближе, точно желая получше его рассмотреть, и сказал с изумлением в голосе: — Так это о деньгах вы хотите со мной разговаривать? Что с вами произошло?

— Может быть, я становлюсь более зрелым человеком, — сказал Авнер. — И более опытным.

— Я просто поверить не могу, что разговариваю с вами, — сказал Эфраим. — Я даже представить себе не могу сейчас, что разговариваю с израильтянином. Любым израильтянином. Не говоря уже о таком, как вы, из такой семьи, сыном такого отца, такой матери. Что бы сказала ваша мать, если бы могла вас слышать?

Авнер не на шутку рассердился.

— Моя мать говорила бы, несомненно, то же, что и вы, — сказал он Эфраиму. — Потому что подоплеки всего этого дела она не знает. Но вы-то прекрасно знаете.

— Извините, — сказал Эфраим. — Может быть, я еще очень наивен. Этакий простоватый парень, который не понимает, на что вы намекаете. Может быть, мне следует приехать в Америку и у вас подучиться? По вашему, каждый раз перед тем, как человек займет свое место в танке, ему следует заплатить. Может быть, парашютистам перед прыжками следует выдавать биржевые сертификаты? Хорошая мысль! Я попытаюсь продвинуть ваше предложение. Я не скрою, что идея — ваша. Будьте уверены. Вы что, полагаете, что вы были единственным, кто выполнял опасное задание? — Эфраим начал расхаживать по комнате, уже разгорячившись. — Вы думаете, что совершили подвиг? Вы вспомните хоть что-нибудь из истории своей страны. Известно ли вам, сколько их было — людей, которые действовали в более тяжелых условиях, чем вы, и совершали значительно более опасные для жизни подвиги, чем вы? Известно ли вам, сколько людей лишилось ног и рук, сколько погибло? Вы полагаете, что цель Израиля — обеспечить вашу дальнейшую жизнь кругленькой суммой? Кстати, ваш партнер рассуждает иначе. Он продолжает работать. Никто не может вынудить вас стать героем, если вы для этого не созданы. Возвращайтесь и по крайней мере выполняйте свои обязанности, как все. И вот тогда, возможно, мы и о деньгах поговорим.

Эфраим замолчал. Он ждал ответа. Но Авнер не произнес ни

слова. Молчание затягивалось. Нарушил его в конце концов Эфраим.

— Ну хорошо, — сказал он, — будем считать, что мы квиты.

— Позвольте мне все-таки задать вам один вопрос, — сказал Авнер. — Почему тогда, три года назад, вы остановили свой выбор на мне?

Эфраим фыркнул.

— Хорош вопрос, — сказал он резко. — Я и сам бы хотел это понять. Но какими соображениями мы руководствовались, сказать могу. Мы думали, так во всяком случае о вас говорили в вашей части, — что вы никогда не сдаетесь. Что вы, может быть, далеко не самый сильный, не самый быстрый, но зато самый выносливый. Когда самые сильные и самые быстроногие сваливаются в изнеможении, вы продолжаете свой бег. Так ваш командир охарактеризовал вас. Вы — человек упорный. Мы и подумали, что это ваше упорство может нам пригодиться.

— Хорошо. Но если вы знали об этом моем упорстве, почему вы предположили, что я легко откажусь от своих денег? Как вы могли подумать, что я примирюсь с тем, что вы обманули меня, одурачили и угрожаете моей семье? Как это согласуется с вашей верой в то, что я — человек упорный?

— С вами разговаривать невозможно, — сказал Эфраим и покраснел. — Опять о деньгах. Складывается впечатление, что вы все делали ради денег.

— Посмотрите мне в глаза, когда произносите такое, — сказал Авнер. — Вы прекрасно знаете, что я ничего у вас не просил. Никто из нас ничего у вас не просил. Обещали вы. А раз так — вы мой должник. Я не знаю, почему вы раздавали эти обещания. Может быть, потому что веры в людей у вас нет. Вы никому не доверяете. Разве не так? Но вы обещали.

— Вы обещали, вы обещали, — сказал Эфраим. — Сколько можно повторять одно и то же. Как пятилетний ребенок. В жизни не встречал такого человека. Вы только что высказались — вы пошли на задание не ради денег. Так в чем дело? Вы работали не ради денег и денег не получили. Так что все в порядке.

Авнер, пораженный, несколько секунд смотрел на Эфраима, а затем разразился смехом. Не мог остановиться. Он вспомнил старый анекдот, который много лет назад, еще мальчику, рассказал ему отец.

Галициец и „екке" подошли к блюду, где оставалось два куска пирога: один — большой, второй — маленький. „Выбирайте вы", — сказал „екке". Галициец, ни минуты не колеблясь, взял себе большой кусок. „Очень для вас типично", — сказал „екке". „Почему? А как бы поступили вы?" — спросил галициец, уписывая пирог. „Я бы, разумеется, взял меньший". — „Так чем же вы тогда недовольны?! — воскликнул галициец. — Вам и достался маленький".

То был анекдот. Но то, что происходило сейчас с ним, было реальностью. Авнер так себе ситуацию и представлял: это и есть галицийцы, которые управляют Израилем. К этому прибавить было нечего. Он смотрел на Эфраима и его все еще трясло от с трудом сдерживаемого смеха.

— Что это за дурацкий смех? — спросил недоуменно Эфраим.

Авнер только покачал головой.

— Вот что происходит, когда мы заурядным людям поручаем ответственную работу, — сказал Эфраим. Он выглядел по-настоящему обиженным.

— Нет, вы ошибаетесь, — сказал Авнер, направляясь к двери. — Это происходит тогда, когда вы обманываете этих заурядных людей. И в самом деле — вам нужны люди по настоящему неординарные, которые были бы способны закрывать глаза на ваши бесчестные поступки. Такие, например, как мой отец. Заурядные до таких высот не дотягивают.

— Вы, я вижу, собираетесь уходить, — сказал Эфраим. — Я вас не задерживаю. Забудем наши разногласия. Вам незачем беспокоиться о вашей жене и дочери. Желаю вам удачи в Америке или где бы то ни было. А мы благодарны вам за все то, что вы сделали для Израиля. Шолом.

— Шолом, — ответил Авнер, закрывая за собой дверь.

Сделать это было ему легко.

„Шолом" в переводе с иврита значит „мир". „Неужели и в самом деле мир?" — подумал Авнер.

Он много бы дал сейчас за то, чтобы знать, что таит для него этот мир.

ЭПИЛОГ

Свиданием с Эфраимом не ограничились контакты Авнера с его бывшим начальством. Однако все, что представляло интерес в контексте этой книги, было этим свиданием исчерпано. Авнер отстранился от участия во всяких секретных операциях. Изменил имя. Поменял место жительства, и, насколько мне известно, живет с семьей в Северной Америке.

Что касается его бывшего соратника Стива (естественно, что в книге не названо его реальное имя) то, по моим данным, он продолжает свою работу в разведке.

Все три лидера террористов, которых авнеровской группе не удалось ликвидировать, оставались еще в течение нескольких лет активны.

Доктор Хадад порвал с организацией Жоржа Хабаша в 1975 году. Кое-кто предполагал, правда, что этот разрыв был тактическим приемом. До начала 1978 года он продолжал разрабатывать планы международных террористических операций. Затем заболел, был госпитализирован в Восточной Германии и через несколько месяцев умер. В течение всего этого десятилетия Хадад был, вероятно, наиболее способным организатором среди лидеров террористов. Возможно также, что своей воинственностью он оттолкнул от себя прежнего своего сообщника доктора Хабаша и потому не исключено, что разрыв между ними действительно произошел.

Событие это широко обсуждалось в свое время в прессе. Но, возможно, контакт Хадада с Хабашем просто стал скрываться от широкой публики. Так же, как в свое время отношения между организациями „Черный сентябрь" и „Аль-Фатах". Однако в том, что Хадад умер от рака в Восточной Германии не приходится сомневаться.

1 августа 1981 года в вестибюле отеля одного из крупных польских городов в Абу Дауда (Мохаммеда Дауда Одэ) стрелял и ранил его человек, который вероятнее всего был израильским агентом. Стрелявшему удалось скрыться. Если это так, то, значит, израильская разведка осмелела и стала не только собирать информацию о странах Советского блока, но сделала эти страны полем своего непосредственного действия. Во времена Авнера

эти страны считались недосягаемыми для агентов, а потому надежными для террористов.

В тоталитарных странах деятельность контртеррористических организаций очень осложнена, так как там подлежит скрупулезному контролю и вполне безобидная деятельность. В этих странах непросто снять квартиру, получить номер в гостинице или взять машину напрокат. Кроме того, человек, арестованный в такой стране, не может рассчитывать на нормальную легальную юридическую процедуру и человеческое обращение с собой. А именно на это рассчитывают не только подозреваемые в шпионаже, но и террористы в демократических странах Запада. Поимка шпиона в странах Советского блока может вызвать и серьезные международные осложнения. Контрмеры, предпринимаемые Советским Союзом, часто оказываются значительно более агрессивными, чем те, которые практикуют правительства западных стран в аналогичных ситуациях.

В связи с этим не лишено вероятности неподтвержденное сообщение о том, что израильский агент стрелял в Абу Дауда случайно, просто не совладав с собой при виде этого злейшего врага Израиля. В таком случае стрелявший не был послан в Польшу с заданием убить Дауда и его поведение все-таки кажется странным. С другой стороны, хотя агентов подбирают и тренируют очень тщательно, все же им не всегда удается подавить импульсивность своей реакции. Случай в Польше поэтому нельзя рассматривать как указание на перемену в политике израильских разведывательных органов по отношению к странам Советского блока.

Покушению на Абу Дауда есть и другое объяснение. Оно связано с борьбой фракций внутри палестинского движения. Израильтяне обвиняют в этом группу Абу Нидала, „Черный июнь". Не исключено также, что это покушение было инспирировано КГБ. Единственное, что установлено с точностью, это самый факт — в Абу Дауда в Польше стреляли и он был ранен.

В печати появилось сообщение, что Али Хасан Саламэ был убит 22 января 1979 года в Бейруте. По опубликованным данным, в семидесятых годах на жизнь Али Хасана Саламэ было совершено несколько покушений. Ричард Дикон в своей книге „Израильская разведка" описывает два таких покушения: одно — в 1975 году и второе — 7 октября 1976 года. В первый раз израильский снайпер стрелял в проезжавшую мимо машину: пуля поразила манекен, посаженный на сиденье.

В 1976 году, по версии Дикона, Саламэ был смертельно ранен. По сведениям из других источников, например из книги Дэвида Тиннина, ранен был не Саламэ, а один из его друзей.

И все же 22 января 1979 года в 3.30 дня в Бейруте взорвался „шевроле", в котором находились Саламэ и несколько его телохранителей. Машина взорвалась в момент, когда проезжала мимо запаркованного „фольксвагена", недалеко от угла, где пересека-

ются улицы Верден и Марии Кюри. Осуществить это убийство удалось только потому, что Саламэ, всегда исключительно осторожный и изобретательный, стал с 1978 года, после женитьбы на Мисс Вселенной 1971 года — красавице ливанке Жоржине Ризак вести более открытый образ жизни. Не разведясь со своей первой женой (что вполне дозволяется мусульманским законом), он попеременно бывал то в штаб-квартире ООП, то в доме, где жила его первая жена и двое детей, то у Жоржины на рю Верден.

Саламэ, разумеется, не знал, что за ним вела наблюдение израильская агентка, выдававшая себя за эксцентричную англичанку Эрику Мэри Чамберс, прозванную Пенелопа, — старую деву и любительницу кошек. Она поселилась неподалеку от квартиры Жоржины Саламэ на рю Верден. Другие израильские агенты взяли напрокат „фольксваген", заложили в него взрывчатку и запарковали в месте, мимо которого ежедневно проезжал Саламэ на пути к своей второй жене. Затем, по одной версии, Пенелопа, укрепила маленький радиопередатчик под крылом „фольксвагена", по другой — нажала кнопку на своем радиопередатчике в тот момент, когда машина Саламэ проезжала мимо „фольксвагена". Наблюдение она вела из окна своей квартиры.

Во всяком случае „фольксваген", взорвавшись сам, взорвал и машину Саламэ, и следующую за ней машину с его телохранителями. Пострадали и прохожие.

О гибели Саламэ ООП объявила официально. Израильское телевидение тоже об этом сообщило. На похоронах присутствовал Ясир Арафат. Во всех газетах была напечатана фотография: Арафат обнимает за плечи тринадцатилетнего сына Саламэ — мальчика исключительной красоты. В своем выступлении на похоронах Арафат назвал Саламэ львом. В книге С.Стивена „Мастера шпионажа Израиля", опубликованной в 1980 году, убийство Саламэ описано довольно подробно. Кроме того, в 1983 году вышла книга израильских авторов Майкла Бар-Зохара и Эйтана Хабера „Охота за Красным принцем", в которой тоже рассказывается эта история.

Факт уничтожения машины Саламэ 22 января 1979 года в Бейруте бесспорен. Но, по неподтвержденным слухам, сам Саламэ, однако, не погиб во время этого взрыва: его будто бы в этой машине не было. (Жертвы взрыва были обезображены, так что установить личности погибших с абсолютной точностью невозможно.) Но скорее всего эти слухи не что иное, как развитие мифа о Саламэ и выдают желаемое за действительное. Подобные мифы часто создаются вокруг имени умершего революционного лидера, жизнь которого была окутана тайной. В особенности в тех случаях, когда на его жизнь покушались неоднократно и он из всех передряг выходил невредимым. В то же время, если Саламэ действительно не было в машине в тот день (что вполне воз-

можно), то и у палестинцев, и у израильтян было достаточно оснований публично выразить уверенность в его гибели. Саламэ — полагали палестинцы — будет в безопасности, если израильтяне поверят, что с ним покончено. Мосад, со своей стороны, будет доволен, что палестинцы считают, что обманули израильтян. Сам Саламэ при этом сможет считать, что охота на него окончена.

Такие хитроумные игры бесконечно давно практикуются разведывательными службами обеих сторон. Реальность и сама по себе богата сложными хитросплетениями событий. Но слухи могут оказаться еще более фантастическими.

В действительности бесспорно одно. Машина Саламэ взорвана была. Ее пассажиры погибли, и как палестинцы, так и израильтяне, объявили, что Саламэ был среди жертв.

В примечаниях, я в некоторых случаях отмечал расхождения, которые обнаружил при сравнении своих материалов с материалами из других источников. Когда рассказываешь о событиях, которые разыгрывались в обстановке секретности и отдаешь себе отчет в том, что информация об этих событиях может оказаться намеренно искаженной, специально для того, чтобы ввести окружающих в заблуждение, трудно отстаивать правильность именно своего варианта.

Положение особенно осложняется в тех случаях, когда развитие событий не соответствует законам элементарной логики. Бывает, конечно, что самые нелогичные и даже бессмысленные сообщения неожиданно оказываются верными. Это в особенности относится к тому, что происходит в подпольном мире политического террора. Даже такой добросовестный и осторожный автор, как французский журналист Серж Груссар, основываясь на сведениях, полученных от надежного осведомителя, считал Махмуда Хамшари ответственным за „казнь" Ваеля Звайтера по приговору, вынесенному организацией „Черный сентябрь".[1] Это не соответствовало истине, во-первых, и было маловероятным, во-вторых. Хамшари и Звайтер были товарищами по оружию. Тем не менее в 1973 году, когда Груссар опубликовал свою статью, эти сведения могли показаться вполне достоверными. Было известно, что межфракционные споры террористов часто кончаются убийством противника.

Я вынужден отметить ниже еще некоторые несообразности — вовсе не из духа противоречия, а потому, что это может представлять интерес само по себе и послужить предостережением тем, кто торопится опубликовать непроверенные данные.

Прежде всего группа, призванная осуществить акт мести после трагедии в Мюнхене, никогда не имела кодового названия „Гнев Божий". (Кстати, двое израильских авторов — Майкл Бар-Зохар и Эйтан Хабер — об этом в своей книге даже не упоминают.)

Это название, возможно, было придумано уже после осуществления миссии — либо западными журналистами, либо их израильскими осведомителями. Тем не менее почти все западные журналисты, включая Клэр Стерлинг, Эдгара О'Балланса, Ричарда Дикона, Кристофера Добсона и Рональда Пэйна, а также Дэвида Тиннина и др., приводят именно это название.

Кодовые имена Майк, Тамар и Джонатан Инглеби, которые фигурируют в изданиях многих авторов, описывающих убийство Звайтера и Будиа, а также события в Лиллехаммере, моими источниками не назывались. Инглеби, — возможно, имя агента, который действовал в Лиллехаммере, но ни одного фальшивого паспорта на имя Инглеби не оказалось ни в Риме, ни в Париже. Что касается женщины по имени Тамар, которой приписывается роль белокурой красотки, подруги руководителя группы, будто бы участвовавшей в покушении на Звайтера и собственноручно стрелявшей в Лиллехаммере, то все это чистая выдумка. (Не обязательно журналистов, может быть, и осведомителей.)

Далее. Сведения о том, что генерал Цви Замир лично принимал участие в убийстве Звайтера и Будиа не имеют никаких оснований. А присутствие его в Лиллехаммере кажется маловероятным.

Участие возглавляющего Мосад генерала в акциях контртеррора в Европе, так же как и похождения блондинки Тамар, — не что иное, как плод разыгравшегося воображения авторов.

Не надо думать, однако, что отделам „общественных отношений" Мосада подобный авантюризм так уж чужд.

Честно говоря, многие события, которые изучает исследователь, столь невероятны, что иногда приходится отбрасывать информацию, которая, как потом выясняется, была правильной.

Так, например, подругу Звайтера, австралийку, звали, как мне сообщили, Жаннет фон Браун.[2] Имя это мне не внушило доверия. Кроме того, называлось оно по памяти, так что я решил, если мне не удастся найти убедительные доказательства, в своей книге его не называть. В газетных отчетах этого имени тоже не было. И тем не менее, когда книга была уже закончена, правильность имени фон Браун удалось подтвердить.

Еще два примера. По моим данным, никто не претендовал на роль водопроводчика, который будто бы пытался повредить телефонную линию Хамшари. Рабочий-ремонтник никогда не вкладывал взрывчатку в основание телефона Хамшари на его глазах и на глазах его телохранителей.

Все это подробности не первостепенной важности, но они хорошо иллюстрируют те трудности, с которыми сталкивается автор, взявшийся за подобную книгу.

Перейду, однако, к темам более значительным.

Я стремился в процессе изложения всех событий дать оценку поведения и личности Авнера. Теперь, однако, мне хотелось бы рассказать о моих непосредственных впечатлениях от встреч с ним.

Я заметил, что в нем уживаются как бы два разных человека, отличающиеся друг от друга по своему темпераменту: невозмутимый, почти что бесстрастный — и одновременно — подвижный, похожий на ящерицу. Жестикулирует он для израильтянина мало. Когда разговаривает или слушает, почти не двигается, хотя вообще движения его уверенны и энергичны. Он производил на меня впечатление человека, которому не нужно много времени на раздумья перед тем, как начать действовать, и который не сомневается в том, что его подчиненные всегда за ним последуют. („Как вы проникните в это здание?" — спросил я его однажды, когда мы были в Европе, имея в виду запретную зону. „А вот так", — ответил он и через минуту уже просто входил в дверь.) Он очень аккуратен, у него безупречная военная выправка. В своих отношениях с людьми он тактичен и щедр.

В разговорах со мной Авнер утверждал, что удовлетворен своей мирной спокойной жизнью семейного человека, однако я заметил в нем жажду подвига, внутреннее стремление к необычному. Жизнь служащего, ежедневно отсиживающего свои рабочие часы с девяти до пяти, явно не по нем.

Однако подпольная деятельность для него не имеет смысла, да и эмоционально она ему не по душе. Но чувствуется, что он создан для чего-то, что требует большого напряжения душевных сил.

Он считает, что стал контртеррористом только под влиянием патриотических настроений, достигающих высокого накала в израильском обществе на всех уровнях: в кибуце, в армии, в семье. Я не сомневаюсь в том, что какую-то роль эти настроения действительно сыграли в его решении. Я полагаю также, что финансовое вознаграждение действительно для него значения не имело, и я убежден, что Авнер не испытывал удовлетворения, совершая насилие и лишая кого-то жизни.

На мой взгляд, его выбор профессии был связан с особенностями его характера. По своей природе он человек авантюрного склада и для внутреннего равновесия элемент опасности в жизни был ему просто необходим. (Среди людей, близких ему по характеру, встречаются парашютисты, гонщики, альпинисты и т.п.) К тому же Авнер был честолюбив, а других способов себя проявить не видел — особых талантов или способностей в какой-либо конкретной области у него не было.

Человек, который создан, чтобы выделяться из толпы, человек, которому необходимо жить в обстановке постоянного напряжения или опасности, чтобы обрести душевное равновесие, не теряет этих качеств даже если в силу обстоятельств вынужден изменить

образ жизни. Иногда случается, что он теряет мужество и веру в свое дело. Если это чувство возникает в очень молодом возрасте, оно становится еще более острым.

Что касается Авнера, то его стремление рассказать обо всем пережитом, на мой взгляд, объясняется главным образом потребностью пережить все заново. Он уверяет, что никогда не испытывал личной ненависти по отношению к людям, которых убил сам или помог убить. Но и сейчас считает, что их физическое уничтожение было вопросом чести и диктовалось необходимостью. Он настаивает на том, что решение организовать его группу и направить ее в Европу для осуществления определенного плана мести было и справедливым, и целесообразным. По первому пункту у него вообще нет никаких сомнений. Насколько же целесообразной в действительности оказалась их миссия, он судить не берется.

Рассказывая о своей работе, Авнер отдает отчет в том, что его группе не удалось ликвидировать терроризм как таковой или хотя бы способствовать уменьшению напряженности и ненависти в мире. С другой стороны, он убежден, что, не будь уничтожены Звайтер, Хамшари, аль-Кубаиси и другие, число жертв террористов и в Израиле, и в Западной Европе было бы в семидесятых годах значительно большим.

Он сожалеет о том, что в Швейцарии и в Испании им пришлось стрелять в молодых федаинов, рядовых солдат, но считает, что в обоих случаях у них не было другого выхода. Что касается казни женщины-убийцы из Голландии, то он в ней не раскаивается. Более того. Если бы Жаннет удалось ускользнуть тогда, он готов был бы искать ее даже сейчас. Сам, по своей инициативе.

Потерю своих товарищей Авнер переживает чрезвычайно тяжело до сих пор. Рассказывая об этом, он с трудом удерживался от слез, но себя виноватым в их гибели не считал и не считает. Если у него и возникают сомнения, то только в связи со смертью Карла. Тогдашнее его нежелание оказывать давление на человека, который был старше его и опытнее и которого он к тому же глубоко уважал, могло помешать ему, руководителю, принять правильное решение. Тем не менее, по его словам, ни Мосад, ни его товарищи не возлагали на него ответственности за гибель Карла.

Он был всего лишь номинальным руководителем группы, состоящей из специалистов высокого класса. В его обязанности не входил контроль за их частной жизнью. Он понимал, что всего лишь первый среди равных. Даже разработка планов операций во время миссии не была его прерогативой. Никогда ничего они не предпринимали по его личному распоряжению, как это практиковалось в армии. Решения принимались после обсуждения, в котором участвовали все.

Патриотические чувства по отношению к Израилю он испыты-

вает по-прежнему. И это, несмотря на то что чувствует себя обиженным. Уверенности в честности израильской правящей элиты, состоящей, по его мнению, из галицийцев, у него больше нет. Он считает, что эта элита требует абсолютной лояльности по отношению к собственным действиям, не будучи, однако, лояльна по отношению к народу. С его точки зрения, она цинично эксплуатирует преданность и патриотический энтузиазм молодежи, не считаясь с ее интересами и мнениями.

Однако, какой бы конфликт с участием Израиля Авнер ни рассматривал, будь то в прошлом или в настоящем, — он неизменно становится на сторону Израиля. Он всегда со своей страной. При этом он даже допускает, что правящая элита, которую он так не любит, действует в соответствии с патриотическим долгом, но эти действия, по его мнению, осуществляются жестокими методами, а порой с мыслью о собственной выгоде, которая не всегда соответствует интересам Израиля.

Впрочем, Авнер допускает, что вообще все государственные учреждения, занятые разведывательной деятельностью, циничны и жестоки по отношению как к своим сотрудникам, так и к посторонним людям.

Но в тех редких случаях, когда ему снятся кошмары, это прежде всего сцены из его жизни в кибуце, а не эпизоды, связанные с армией, Войной Судного дня или его работой в Европе.

Вокруг секретных разведывательных агентств типа КГБ, ЦРУ и особенно Мосада создано немало мифов. Мы к этому привыкли. И, естественно, возникает вопрос, почему такую необычную операцию был призван возглавить в сущности обычный человек? Помимо мифов, наши представления питаются еще и литературными образами суперагентов — Джеймса Бонда и Смайли, например, которые были явно личностями неординарными. Понятно, конечно, что литературный тип агента, наделенного способностями Макиавелли и рыцарскими доблестями короля Артура, — не что иное, как художественный вымысел. Однако, встречаясь в реальной жизни с человеком, который выполняет функции Джеймса Бонда, мы чувствуем себя обманутыми, если он не обладает его достоинствами.

Есть и еще один приемлемый для широкой публики тип агента — психопат с патологическими склонностями. Мы таких знаем — хладнокровных, загадочных преступников, мафиози, наемных убийц.

И жестокий убийца, и агент-интеллектуал с благородными устремлениями существуют в действительности, но составляют они лишь ничтожный от общего числа агентов процент. Особенно — последний.

В большинстве своем агенты — обыкновенные люди. Вопреки

мифам и, несмотря на обилие созданных в литературе типов. Я убедился в этом после того, как прочел множество отчетов о деятельности агентов. Это относится ко всем разведывательным организациям, в том числе и к легендарному Мосаду.

Когда очередная тайная операция предается гласности, выводы напрашиваются сами собой. Так было и с операцией в Лиллехаммере или с нашумевшей в пятидесятых годах „Операцией Сусанна", суть которой состояла в том, что израильские агенты попытались совершить диверсию на промышленных объектах западных стран в Египте с тем, чтобы ответственность за нее возложить на египетских националистов.

Принимая эти соображения во внимание, не приходится удивляться, что руководителем одной из знаменитых мосадовских групп возмездия был абсолютно обычный человек. Обычный во всем — в своих вкусах, привычках, способностях и побуждениях.

Мосад в этом смысле не похож на КГБ. Ставки на психопатов с преступными наклонностями для выполнения „мокрых дел" он не делает. Да и какой смысл посылать, например, пятерых профессиональных преступников на охоту за террористами, снабдив их деньгами, положенными в швейцарские банки? Таких деятелей пришлось бы на каждом шагу направлять и контролировать. С другой стороны, и будущие Эйнштейны на эту роль тоже не годятся. Люди с выдающимися способностями в какой-либо области науки или искусства предпочитают служить обществу в другом качестве, даже в тех довольно редких случаях, когда выбирают для себя разведывательную деятельность.

Вот и выходит, что стрелять приходится средним, обыкновенным гражданам.

Фокус состоит еще и в том, что при выборе кандидатов, помимо лояльности и мужества, учитываются не только присущие им качества, но и отсутствующие. Совершенно понятно, что агентам не положено быть людьми легко возбудимыми, фанатично настроенными или безоглядно смелыми. Живое воображение может породить сомнения, фанатизм — упрямство, смелость — неосмотрительность.

Если представить себе все в упрощенном виде, то группа контртеррористов по существу должна решить всего лишь две задачи — обнаружить „цель" и уйти от преследования после акции. (Третья задача — осуществление этой акции — лишь производное от первых двух.) Первая задача почти всегда решается с помощью осведомителей. Решение второй составляет примерно девяносто процентов в процессе подготовки и организации акции.

Эта вторая задача становится разрешимой только в контексте всех условий существования современного, в особенности городского общества. В многолюдном городе личность теряется, делается анонимной и безразличной окружающим, зачастую это без-

различие ко всем и всему вокруг проявляют и официальные лица. Никто ни на кого не обращает внимания. Если к этому присоединить элемент неожиданности и нежелание людей вмешиваться в дела, непосредственно их не касающиеся, то в общем получается, что и выследить „цель", и уйти от преследования после акции — задачи вполне выполнимые. Только очень небольшое число политических убийц были арестованы на месте преступления. Исключение составляют или камикадзе, или психопаты, действующие на свой страх и риск.

Скрываясь после акции в домах и квартирах, подготовленных заранее, убийцы, так же как и их жертвы до этого, подвергаются только одной опасности — быть выданными кем-либо из своих. Если этого не происходит, перспектива ареста оказывается маловероятной.

На мой взляд, заслуга Мосада, так же как и многих других разведывательных организаций, состоит в том, что он осознал сравнительную простоту осуществления этих операций. Возможно, что в этом Мосаду помогли сами террористы, которые не только действовали уверенно и быстро, нападали неожиданно, но главное — чье поведение за минуту до акции и минутой позже было четко продумано. Именно эта продуманность давала им шанс на спасение. Если через минуту после террористического акта террористы оказывались хотя бы на расстоянии квартала от места действия и им удавалось смешаться с толпой, анонимной и мобильной в любом крупном городе, то они обеспечивали себе уход от преследования.

Те факторы, которые делают таким трудным предотвращение актов террора, Мосад с успехом использовал против самих террористов.

Скорее всего Мосад, давая задания своим контртеррористическим группам, рекомендовал им различные методы. Но организационная изобретательность Мосада нашла свое выражение и в отправке одной группы (Авнера), которая должна была находиться полностью на самообеспечении. Группа получила задание — список лидеров террористов и денежные фонды, которые позволяли ей функционировать в европейской подпольной системе. По-видимому, точно таким же образом организовывалась и поддерживалась арабскими странами и странами Советского блока деятельность настоящих террористических групп.

Этот опыт поначалу дал такие прекрасные результаты, что многие исследователи впоследствии считали, что в это дело были вовлечены агенты исключительных способностей, за спиной которых скрывалась сложная и мощная организация. В действительности же участниками миссии были несколько простых экс-коммандос и агентов, обеспеченных деньгами и действовавших совершенно автономно.

Вопрос об отношении Мосада к Авнеру остается неясным. Если все известные нам факты верны, то может сложиться впечатление, что с ним поступили нечестно. Надо, однако, принять во внимание, что вряд ли можно из разведывательной организации уходить по своему желанию. И агент должен был это понимать. Может быть, Мосад имел право рассчитывать на высокую сознательность своего агента? Разве не подразумевалось, что агент соблюдает свои обязательства — повиноваться и продолжать службу, даже если она покажется ему незначительной или скучной? В ответ на отказ от задания, разве обвинить агента в нарушении контракта так уж несправедливо?

Я не знаю ответа на эти вопросы, хотя и сочувствую Авнеру и понимаю мотивы его поведения и причины овладевшего им разочарования.

Должен тем не менее признать поведение Мосада достаточно либеральным,хотя бы потому, что диспут на эту тему вообще оказался возможным. Никогда, ни один агент КГБ ничего подобного себе позволить бы не мог. Во всяком случае, если предполагал выжить и рассказать свою историю.

И последнее. Целесообразно ли проводить операции по контртеррору? Была ли деятельность Авнера успешной или не оправдала себя?

Довольно распространенным стало мнение, что контртеррор не только не решает, но и не приближается к решению проблемы террора. Он ужесточает, а не смягчает все противоречия. Число террористических акций не уменьшается, а, наоборот, растет. Все эти соображения, по-видимому, верны. Через десять лет после Мюнхена, между августом 1980 года и ноябрем 1981-го зарегистрировано по меньшей мере двадцать актов террора, совершенных арафатовским „Аль-Фатахом", организацией Абу Нидала „Черный июнь", „Сайкой", „Народным фронтом" Жоржа Хабаша и группой „Движение 15 мая за освобождение Палестины".

Тридцать шесть человек погибли, сотни ранены — в Париже, Бейруте, Найроби, Каире, Буэнос-Айресе, Стамбуле, Вене, Афинах, Антверпене и Риме. Мне представляется, что вопрос о целесообразности контртеррора нельзя решать на основе подобных соображений.

На мой взляд, военные столкновения никогда ничего не решали. Разве что такие победы, как при Ватерлоо. Да и такая победа в сущности только отодвигает решение наболевших вопросов на одно-два поколения.

Современная карта мира создавалась не карандашом, а оружием. Ни один пограничный спор не был решен мирным путем. Граница устанавливалась в результате военной победы одной из сторон или полного истощения другой. Иногда мирное соглашение навязывалось силой извне. Воинственные настроения сущест-

вуют и сейчас. У современных государств нет иного выхода, как продолжать повседневную борьбу независимо от того, решает каждая такая битва проблему или нет. Прекратить в этих условиях борьбу означает только одно — сдачу и порабощение. Старые государства призывают более молодые к сдержанности, считая, что таким образом они отстаивают моральные принципы. При этом они забывают, что их собственные границы создавались их предками в кровопролитных сражениях. Если бы в свое время эти предки руководствовались бы принципами, проповедуемыми современными правительствами этих стран, то, вероятно, нынче они вообще бы не существовали.

Из всего сказанного не следует, что не существует правил ведения войн. Но речь не о том.

С точки зрения моральных норм существует различие между контртеррором и террором, точно так же как оно сужествует между военными операциями и военными преступлениями. Стандартные этические нормы существуют. Терроризм в них не укладывается. А контртерроризм этим нормам соответствует.

Можно утверждать, что права палестинцев не менее важны, чем права израильтян. Но никак нельзя утверждать, что акты террора так же оправданы, как акты борьбы с террором.

В конечном счете необходимость с моральной и практической точки зрения вести борьбу с террором обоснована тем, что вредно и аморально ее не вести.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1 Например, изменены характеристики внешности и биографические данные людей, имена которых упоминаются в книге.

2 Информация, подтвержденная двумя источниками, естественно, вызывает большее доверие. Но нельзя стремление любую информацию подтвердить — превращать в самоцель. В практике американских журналистов в последние годы появилась тенденция ставить под сомнение вообще этот метод. Получается, говорит по этому поводу Майкл Ледин, что „не истина сама по себе важна, а тот факт, что два человека придерживаются одного и того же мнения".

3 В 1979 г. на Конференции по вопросам международного террора в Иерусалиме понятие „терроризм" определялось как „преднамеренные, регулярно осуществляемые убийства, нанесение увечий, а также угрозы по отношению к ни в чем не повинным людям с целью их запугать для того, чтобы добиться политических преимуществ". (Из заявления сенатора США Генри Джексона на закрытии Конференции; опубликовано Институтом Джонатана, 1980 г.).

ПРОЛОГ

1 Команды Кубы, Сирии и Болгарии жили в Олимпийской деревне на противоположном конце Штрассбергерштрассе. Правда, расстояние между коттеджами этих команд и израильской составляло не более 400 м.

Для того чтобы получить полное представление о плане Олимпийской деревни в Мюнхене, см.: Серж Груссар „Кровь Израиля".

2 Здесь жили пятеро спортсменов и двое офицеров медицинской службы. В квартире № 5, кроме того, жил Шмуэль Латкин, глава израильской делегации, за которым террористы охотились с особым рвением. Как Груссар, так и другие исследователи, утверждают, что израильских офицеров службы безопасности, которые сопровождали израильскую олимпийскую команду и жили, по-видимому, в квартире № 6, в эту ночь не было дома.

3 Некоторые источники указывают на то, что Тони был лидером группы. Другие утверждают, что лидерство принадлежало Иссе. Эдгар О'Балланс в

своей книге „Язык насилия" сообщает, что настоящее имя этого террориста Мохаммед Масалхад. По образованию он был архитектором и принимал участие в работе по созданию Олимпийской деревни. О'Балланс цитирует данные из арабской газеты „Аль-Нахар", которая утверждала, что гранату бросил не Исса, а Бадран. Убийство заложников во втором геликоптере газета приписывает Эль-Денави (см.с.124). О'Балланс указывает, что установить последовательность событий, а также подлинные имена террористов с абсолютной точностью невозможно.

АВНЕР

1 „Аман" — (Агаф Мадиин) — Бюро информации. Военная разведка в Израиле была создана летом 1948 г. и представляла собой одно из трех отделений старой „Шерут Елиот" (Службы информации), известной под названием „Шаи". Подробно об этом см.: Стюарт Стивен „Мастера шпионажа Израиля".

2 Кибуцы — коллективные сельскохозяйственные коммуны — в определенном смысле служат воплощением социальных принципов Израиля. Их создатели проповедовали идеалы, представлявшие собой комбинацию из различных европейских течений общественной и политической мысли прошлого века, в том числе идей национализма и доведенного до крайности эгалитаризма.

Движение за создание кибуцев явилось одним из ранних проявлений идеалов сионизма и достигло наибольших успехов в 50-х годах. Активные деятели кибуцев составляли всего лишь 3-5 процентов населения Израиля. Однако заведенные в кибуцах порядки и образ жизни оказывали огромное влияние на население страны. Роль кибуцев в политической жизни Израиля чрезвычайно высока. По данным великолепного исследования Амоса Елона „Израильтяне", которое я многократно использовал, в 1969 г. среди высших политических руководителей страны кибуцники составляли 15 процентов. 30 процентов мест в парламенте также принадлежало им (с.323).

Идеальными для кибуцника качествами считались: выносливость, трудоспособность, способность к самопожертвованию и признание мистической связи с землей праотцов. Физический труд (в особенности в сельском хозяйстве) почитался превыше всего. Для всякого нового израильского поселенца обязательными в повседневной жизни были: откровенность (часто доходящая до грубости), простота в одежде и поведении. Члены кибуца с неодобрением относились к лицам, носившим украшения, ордена и вообще пытавшимся как-то выделиться. Это относилось и к лексике.

Кибуцники, однако, были в самом деле людьми крепкими, умевшими тяжело и много работать, отказываясь от личного во имя общественного, например от наград за выдающуюся деятельность, от нормальной личной жизни. За всем этим стояла конкретная цель: создание нового, высшего типа человека, своего рода аристократа израильского общества.

3 Хар-Цион — сабра в третьем поколении, родился в 1934 г., входил в отряд коммандос израильской армии. Он принимал участие в вылазках на арабскую территорию и в уничтожении арабских солдат. За убийство двух

арабов, которых он считал ответственными за убийство своей сестры, Хар-Цион был арестован израильскими властями (впоследствии он был освобожден).В 1969 г. вышли в свет его мемуары с восторженным предисловием к ним генерала Ариеля Шарона. Имя Хар-Циона стало в Израиле легендарным.

АНДРЕАС

1 Итальянская фабрика оружия Пьетро Беретта, — по всей вероятности, одно из старейших предприятий по производству огнестрельного оружия — была основана в 1680 г. В 1915 г. она начала специализироваться на выпуске автоматических пистолетов разных моделей и калибров и произвела на сегодняшний день их уже несколько миллионов. Две модели „беретты" 22-го калибра, „плинкер" и „минкс" пользуются популярностью в США. Модель, принятая на вооружение в Израиле, — вариант девятимиллиметрового „люнго парабеллума", была создана в 1951 г. для специальных подразделений итальянского морского и воздушного флота. Сделаны эти пистолеты из легкого сплава (ергал). Магазинная коробка содержит десять патронов. Мосад использует эту модель в модернизированном виде.

2 Ортега, так же как и Дэйв, — вымышленные имена.

3 „Шин Бет" — сокращенное название „Шерут Ха́ритахон". Иногда в переводе его называют Отделом безопасности. Шин Бет по отношению к Мосаду примерно то же, что ФБР для ЦРУ, но и оперативная, и административная организация обеих израильских служб во многом отличаются от соответствующих американских.

Мосад и Шин Бет, так же как „Аман" и еще два агентства (Специальное исследовательское отделение израильской полиции и Исследовательский отдел в министерстве иностранных дел) входят в состав Центрального комитета служб безопасности, который координирует их действия.

4 Авнер произносит это слово на идише — „ганеф".

5 Элиагу Коген, — по всей вероятности, самый знаменитый из израильских оперативных работников родился в 1924 г. в Александрии. Проникнув в высшие правительственные круги Сирии под именем Камаля Амина Таабета, сирийского бизнесмена из Южной Америки, он успешно работал на израильскую разведку в течение трех лет (1962—1965). Из своей квартиры в Дамаске он передавал в Тель-Авив ценнейшую информацию. В мае 1965 г. Коген был арестован сирийцами и повешен. Самое подробное и научно достоверное исследование деятельности Эли Когена приведено в книге Цви Алдоби и Джеральда Боллингера, опубликованной в 1971 г.

6 Выросшие в кибуцах, агенты часто обнаруживали полное неведение в европейских правилах хорошего тона. В кн. Стюарта Стивена „Мастера шпионажа Израиля" рассказывается о том, как однажды израильские агенты, находившиеся в Европе, обратили на себя внимание как „подозрительные субъекты" из-за своего поведения и манер, резко отличающихся от общепринятых. „Всю свою жизнь они провели в кибуце, — пишет Стивен. — Никогда им не приходилось бывать и тем более жить в роскошных международных отелях. В этой обстановке они терялись". Стивен утверждает, что в

связи с этим Исер Харел, первый глава Мосада, был вынужден включить в программу тренировок агентов курс ,,хороших манер''. Пошел он на это с неудовольствием, отнюдь не уверенный в правильности этого решения (,,Мастера шпионажа Израиля, с.115).

Сам Харел был типичнейшим галицийцем, что, разумеется, не умаляет его исторической роли как одного из крупнейших деятелей разведки нашего века.

7 В Израиле было принято менять имена. В известной степени этот обычай сохранился и поныне. Новые граждане Израиля охотно ,,израилизируют'' свои имена. Некоторые меняют их совершенно произвольно, стремясь отразить в них какие-нибудь нравящиеся им особенности Израиля. По этому поводу в Израиле даже существует анекдот: израильский регистрационный справочник в отличие от американского ,,Кто есть кто?'' следовало бы называть ,,Кто кем был?''

8 ,,Аль-Сайка'' (,,Молния''), ,,Черный сентябрь'', ,,Аль-Фатах'' (,,Борьба''), Демократический фронт освобождения Палестины, Народный фронт освобождения Палестины, ,,Черный июнь'', Национальное объединение арабской молодежи за освобождение Палестины и т.д. — все эти группы и отколовшиеся группировки входят в состав сложной и непрерывно меняющейся структуры Организации освобождения Палестины. Все они в какой-то степени марксистские или марксистами вдохновлены, хотя не все разделяют представления Кремля о том, что такое ,,научный социализм''; все в той или иной степени придерживаются тактики террора по отношению к Израилю и сотрудничают друг с другом в борьбе с ,,западным империализмом'', но не гнушаются террористическими методами и тогда, когда сводят счеты друг с другом.

9 Доктор Жорж Хабаш, которого часто называют ,,дантистом'', действительно в свое время получил диплом врача в Американском университете в Бейруте. Можно легко понять, что Хабаш — араб-христианин, родившийся в Лоде, придерживался прежде всего марксистской концепции освобождения Палестины, а не религиозной.

Предшественником Народного фронта была созданная ранее Хабашем организация ,,Харака''. Народный фронт — гораздо более левая и воинственная организация, чем арафатовский ,,Аль-Фатах'', при том, что ,,Аль-Фатах'' вряд ли можно охарактеризовать как умеренную организацию.

В течение двух лет с момента организации ,,Аль-Фатаха'' в 1967 г. от него откололись еще более левонастроенные и воинственные группы — Народный фронт Ахмеда Джибрила и Демократический народный фронт Наефа Хаватма. Этот последний отличался полным отсутствием каких-либо признаков демократизма и народности. В его состав входило не более трехсот человек. Более полные сведения о докторе Хабаше и происхождении Народного фронта можно почерпнуть из книги ,,Язык насилия'' Эдгара О'Балланса.

Клэр Стерлинг в кн. ,,Сеть террора'' утверждает, что Хабаша в 1967 г. уговорил начать действовать на международной арене итальянский издатель и авантюрист Дж.Фельтринелли. На деньги Фельтринелли Хабаш впервые отправил в Западную Европу своих коммандос (см: с.39). Если это так, то

легко в этом деле усмотреть „руку Москвы". Известно, что Фельтринелли, которого вряд ли можно было легко держать под контролем, все же во многих своих начинаниях действовал по подсказке КГБ, осуществляемой через Чехословацкую секретную службу.

10 Доктор Вади Хадад — еще один араб-христианин, сын известного арабского ученого. В 1952 г. он открыл медицинскую практику в Аммане вместе с Хабашем. По данным, Э.О'Балланса, оба доктора „по слухам, прилагали к рецептам пропагандистские листовки" („Язык насилия", с.60).

Хадад — человек осторожный и по всем данным прекрасный организатор, в течение нескольких лет оставался на вторых ролях в качестве шефа оперативной службы у Хабаша. После разрыва с ним, он продолжал до конца своей жизни быть организатором террористических акций, в большинстве своем успешных.

Определенный интерес вызывает то обстоятельство, что все трое самых воинственных палестинских лидера — Хабаш, Хадад и Хаватма — не были мусульманами. Этим, вероятно, и объясняется, что все они исповедовали марксизм и не придерживались религиозных концепций „Джихада" — „священной войны против Израиля".

Можно лишь предположительно утверждать, что это явилось одной из причин той вражды, которая существовала между ними и мусульманскими фракциями в палестинском движении. Так, например, в 1970 г. Хадад и его семья чуть было не стали жертвами „Аль-Фатаха", устроившего ракетный обстрел дома Хадада в Бейруте. Позднее Хадад стал обвинять в этом покушении Мосад.

ГОЛДА МЕИР

1 Спортсмены, представляющие свою страну на Олимпийских играх, становятся как бы ее символом. Может быть, этим частично можно объяснить более болезненную реакцию израильтян на убийство в Мюнхене, чем на другие террористические акции (например, на события в аэропорту Лод), в результате которых погибло еще большее число ни в чем не повинных людей.

То, что официальный представитель правительства Федеративной Республики Германии заявил в телевизионной передаче сразу после полуночи в день убийства, что операция немецких коммандос прошла успешно и все заложники-израильтяне спасены, немало способствовало чувству острого разочарования и негодования израильтян, когда на другой день стало известно, что произошло на самом деле. Израильтяне в большинстве своем не верили, что арестованные федаины будут преданы суду в Германии. И действительно, через несколько недель двое палестинских партизан из организации „Черный сентябрь" угнали пассажирский самолет „Люфтганза-727", который летел из Дамаска во Франкфурт. Самолет был посажен в Загребе. В тот же день западные немцы обменяли на него троих захваченных в Мюнхене террористов.

2 По моим данным, начало „ударным командам" было положено не отрядом 101 Ариеля Шарона, хотя некоторые источники на это и указывают. Организованный в начале 50-х годов отряд Шарона действовал с неумоли-

мой (по-видимому, оправданной обстоятельствами) жестокостью против федаинов в районе Газы и других районах, расположенных вдоль израильских границ, следуя традициям прежних борцов против террора.

Состав и организация команд, созданных генералом Замиром после Мюнхена, отличались от всех существовавших ранее. Известно, что Шарон был на собрании, которое состоялось на квартире Голды Меир в самом начале организации миссии по отмщению. Его присутствие, однако, носило чисто символический характер и, может быть, было рассчитано на то, чтобы стимулировать готовность к действию ее участников. К 1972 г. отряд 101 в своем первоначальном виде уже не существовал.

3 В Израиле нет смертной казни. Это обстоятельство могло сыграть некоторую роль в том, что Эли Коген погиб. После ареста Когена израильтяне через неофициальных посредников предложили обменять его на нескольких сирийских агентов, находившихся в тюрьмах Израиля. По слухам, сирийцы с негодованием отвергли предложенную им сделку как неадекватную. Когена в Дамаске ожидала смерть, а жизни сирийских агентов ничто не угрожало. Цви Алдоби и Джералд Баллингер тоже приводят данные об отрицательном ответе Сирии, но в несколько другом варианте (см.: „Прерванное молчание", с.389).

4 Эти же свидетельства приводит и Стюарт Стивен в кн: „Мастера шпионажа Израиля".

ЭФРАИМ

1 По слухам, 21 июня 1965 г. четверо израильских коммандос проникли на еврейское кладбище в Дамаске с целью извлечь из могилы тело Э.Когена. Они вырыли гроб, поставили его в грузовик, но недалеко от ливанской границы были остановлены. Сирийские пограничники израильтян не опознали, но вынудили их бежать. Гроб с телом Когена остался в Сирии.

2 Канафани — арабский писатель, интеллектуал, был чрезвычайно популярен не только среди арабов, но и среди западных журналистов, с многими из которых его связывали приятельские отношения. Люди, подобные Канафани обычно обладают определенной личной привлекательностью, что придает им дополнительное влияние. Разногласия, возникшие в Израиле после его убийства сводились к сомнениям в целесообразности акций против подобных людей, но ни в коей мере не свидетельствовали о моральной переоценке контртеррора. Это следует хотя бы из факта, что Мосад отправил письмо-бомбу Басаму Абу Шарифу, который занял место Канафани в качестве пресс-секретаря Народного фронта через шесть месяцев после его гибели. Шариф не был убит взрывом, но обезображенным остался на всю жизнь.

3 Вопрос о том, была ли создана одна группа мстителей или несколько, теперь выяснен. Действительно, таких групп было несколько. Не имеет особого значения, знал об этом в свое время представитель Мосада, готовящий группу Авнера, или нет. Существовал и исторический прецедент. В великолепной книге Ласло Хаваса „Заговор против „Большой тройки" рассказывается, как немцы в свое время отправили две независимые группы

агентов из двух разведывательных организаций ("Sicherheitsdienst" и "Abwehr") с заданием убить лидеров свободного мира в Тегеране.

ВАЕЛЬ ЗВАЙТЕР

1 Этот эпизод описан в кн. Кристофера Добсона и Рональда Пейна „Террористы". Авторы утверждают, что итальянцы, чтобы избежать неприятной необходимости судить палестинских террористов, назвавшихся Ахмедом Заидом и Эднамом Али Хасаном, освободили их „условно" на том основании, что их бомбы „было бы недостаточно для уничтожения самолета" (с.132). И не только итальянцы так поступали. Эдгар О'Балланс в кн. „Язык насилия" приводит слова министра обороны Израиля Моше Даяна, сказанные им в 1973 г.: „Из арестованных ста десяти террористов, семьдесят были вскоре отпущены на свободу. Мы не знаем ни сколько денег было на это истрачено, ни какие соглашения, официальные или тайные, заключили правительства с террористами" (с.185). Даян, как впоследствии выяснилось, был совершенно прав.

Альдо Моро, который в 1978 г. был захвачен „Красными бригадами", писал, обращаясь к правительству: „Свобода была дарована палестинцам, чтобы не подвергать страну реальному риску возмездия с их стороны. И не однажды, а во многих случаях палестинцев освобождали под тем или иным предлогом. Тактика эта стала общепринятой". Моро писал все это, умоляя итальянское правительство спасти ему жизнь, выпустив из тюрьмы террористов, членов „Красных бригад". Так или иначе, но прецеденты такого рода были: итальянское правительство освобождало террористов. В 1978 г., однако, оно от этого отказалось, и Моро был убит (цит.по кн.: Клэр Стерлинг „Сеть террора", с.265-266).

2 Роберт подобрал все же одну из гильз, хотя потом не обнаружил ее в своем кармане и решил, что она осталась на сиденье в машине. Возможно, это та самая гильза 22-го калибра, о которой упоминают в своей книге Тиннин и Кристенсен.

„ЛЕ ГРУП"

1 Никто, однако, такого рода ошибок Мосаду не приписывал. За Мосадом числились другие просчеты, о которых см.ниже.

2 К началу 70-х годов Бельгия все еще играла некоторую роль в качестве нелегального поставщика оружия, но никак не главную. И во всяком случае никак не сравнимую с той, которая ей принадлежала до второй мировой войны. Страны Советского блока, страны Ближнего Востока, Ливия и некоторые из африканских, а также „неприсоединившихся" коммунистических стран типа Югославии и Кубы, стали основными поставщиками оружия в мире, хотя часто выступали лишь в роли посредников.

Характер торговли оружием на мировом рынке изменился по сравнению с тем, каким он был прежде. Тогда оружие было непосредственно доступно частным лицам. В настоящее время продавцы оружия почти всегда находят-

ся под контролем своих правительств. Но это все же не служит препятствием для нелегальной его продажи.

В этом контексте выходит, что Франция, США, Южная Африка, Израиль и другие страны тоже обеспечивают рынок контрабандным оружием, хотя, по всей вероятности, они и отстают в этом деле от стран Советского блока. Кроме того, продажа оружия в этих странах не всегда находится в соответствии с политикой их правительств.

3 Я, конечно, не имею в виду, что с начала 60-х годов и до настоящего времени все наркоманы, противники войны во Вьетнаме, защитники окружающей среды, борцы за равную оплату труда женщин или за сохранение исчезающих видов животных являются сознательно или непроизвольно проводниками международного влияния Советского Союза.

Скорее всего: а) каждое из этих движений начиналось с того, что агрессивные, ничтожные по своей численности группировки стремились подорвать стабильность западной системы или, провоцируя репрессии (старая тактика коммунистов), изменить ее; б) вслед за этим движение разрасталось. Его участники полагали, что их требования, зачастую порожденные примитивными представлениями об общественных явлениях (например, требование прекратить охоту на китов), непосредственно связаны с пороками системы свободного предпринимательства.

Получилось так, что в своей политике западные правительства, особенно в период 1965-1975 гг., вынуждены были принимать во внимание специфические интересы этих групп, часто в ущерб интересам всего общества в целом.

Осуждая деятельность всего лишь одной из этих групп — защитников окружающей среды, Поль Джонсон, в прошлом редактор журнала „Нью-Стейтсмен" в своей книге „Враги общества" пишет: „Выявить все экономические и вообще гибельные для людей последствия деятельности „экологистов" не удастся никогда. В выигрыше остался только Советский Союз, тоталитарное государство, престиж которого на этой почве вырос, а военное и политическое значение увеличивалось по мере того как благосостояние Запада падало и уверенность его в собственных силах исчезала" (с.101).

4 Цит. по кн.: Клэр Стерлинг „Сеть террора", с.274.

5 По этому поводу можно привести слова профессора Гарвардского университета, историка Ричарда Пайпса: „Меня всегда поражало, что террористы, среди которых много анархистов, ненавидящих Советский Союз не меньше, чем западные капиталистические страны, никогда не устраивали диверсий в Советском Союзе. Это может означать только одно — русские действительно контролируют все эти движения". (См.Доклад в Институте Джонатана, с.14).

6 СССР обнаруживает свое полное пренебрежение к идеологическим принципам, если представляется какая-нибудь возможность дестабилизировать западное общество. Это особенно видно в тех случаях, когда он оказывает поддержку разнообразным неофашистским террористическим группам во всем мире либо непосредственно, либо через своих сателлитов. Соответствующие примеры можно найти в книге Клэр Стерлинг „Сеть террора", в частности на с.113-118.

7 В кн. Клэр Стерлинг „Сеть террора" перечислены многие подобные факты, ставшие в 70-х годах достоянием мирового общественного мнения. См.с.286-292.

В этом смысле интерес представляет и книга мужа лидера немецких террористов Ульрики Майнхоф Клауса-Райнера Рола „Пять пальцев — это еще не кулак".

Выражения „осведомленность общественности", „факты стали достоянием широкой публики" означают только, что информация становится доступной и в известной своей части будет время от времени публиковаться, главным образом в научных и других специализированных изданиях.

8 По этому поводу Жан-Франсуа Ревел в своей книге „Искушение терроризмом" писал: „Объединенных сил ЦРУ и КГБ и всего золота Трансвааля будет недостаточно для того, чтобы в Нидерландах или Швеции создать военную диктатуру. Во всяком случае при нынешнем положении вещей".

9 Так, например, Клэр Стерлинг в кн. „Сеть террора" ссылается на то, что произошло с префектом Милана Либеро Мазза, который поднял тревогу в связи с тем, что молодые итальянцы отправляются в Чехословакию для обучения методам партизанской войны. „Его репутация была погублена, а доклад похоронен, — пишет Стерлинг. — Левая пресса представила его читателям как ренегата, реакционера и того хуже" (с.289).

К этому можно лишь добавить, что тем самым правительственным чиновникам, которые похоронили доклад Мазза в 1970 г. в течение последующих восьми лет пришлось хоронить своих товарищей, а затем и Альдо Моро. Все это будет происходить до тех пор, пока итальянские террористы будут учиться в чехословацких спецшколах.

10 Лензлингер был хорошо знаком офицерам разведывательных служб Швейцарии и Западной Германии. Они его окрестили „Фельтринелли в миниатюре", хотя никаких формальных обвинений ему предъявлено не было. Он умер в 1976 г. при загадочных обстоятельствах.

11 Террористические акции обходятся недешево: в 1975 г. бюджет группы „Аль-Фатах" составлял от 150 миллионов долларов (израильские данные) до 240 миллионов (по данным сирийских источников). (См.: Уолтер Лакер „Терроризм".) В СССР твердой валюты, как известно, всегда не хватает. Так что он, само собой разумеется, не желает тратить драгоценные американские доллары или швейцарские франки на террористов-иностранцев. Вся валюта, которая предназначается для целей дестабилизации и шпионажа, поступает в распоряжение КГБ. Советский Союз стремится увеличить запас валюты, продавая оружие и услуги.

В большинстве случаев фонды, обеспечивающие террористическую активность, поступают из богатых нефтью арабских стран (из Ливии, например) и складываются из отчислений от заработной платы палестинцев, работающих в этих странах, из пожертвований состоятельных людей типа Фельтринелли, сочувствующих движению, а также сборов среди населения. Эти сборы, поступающие террористам, часто проходят под совершенно другими лозунгами, например, как помощь беженцам или какому-нибудь национальному меньшинству. Подобные факты сообщают Добсон и Пейн. Например,

сумму в 600 тысяч долларов дали танцевальные вечера и лотереи 1972 г., проведенные среди американцев ирландского происхождения; деньги эти пошли на нужды ИРА. Большие суммы были собраны различными религиозными организациями западных стран. И, наконец, не последнюю роль играли в финансировании террористов нелегальные, преступные операции. Так, в пользу террористов делались отчисления после ограбления банков или из сумм, полученных в качестве выкупа за похищенных людей. Последнее особенно часто практиковали террористические группы в Германии, Италии и Южной Америке (см.Кристофер Добсон и Рональд Пейн. „Террористы", с.83-100; Клэр Стерлинг. „Сеть террора", с.258-271).

МАХМУД ХАМШАРИ

1 См.Серж Груссар „Кровь Израиля", с.107.

2 Великолепное описание ишутинистов можно найти в кн.Тибора „Российская традиция" (с.247-249).

3 Фахри аль-Умари, один из руководителей террористов „Черного сентября". Эдгар О'Балланс приписывает ему роль главы „Секции убийств" (см.: „Язык насилия", с,107).

4 Мохаммед Дауд Оде, известный под именем „Абу Дауд", с самого начала возникновения организации „Черный сентябрь" был одним из ведущих его руководителей.

5 По иронии судьбы, Али Хасан Саламэ и Абу Дауд были в Женеве в конце сентября 1972 г., в то самое время, когда агенты Мосада впервые встретились в отеле „Дю Миди". Можно даже представить себе, что в таком небольшом городе, как Женева, они могли невзначай столкнуться на улице.

6 Модели пистолетов: „стар", „астра", „ллама", модель револьвера — „руби".

7 Стивен Стюарт рассказывает, что „Хамшари окружали телохранители. Они дежурили у дверей его квартиры, у входных дверей и на улице" (см. „Мастера шпионажа Израиля", с.324). Эти данные не совпадают с моей информацией.

8 Доктор Ами Шахори, атташе, специалист по сельскому хозяйству, был убит 19 сентября 1972 г.

9 Хамшари протянул еще месяц. Он умер 9 января 1973 г.

АБАД АЛЬ-ШИР

1 С начала 70-х годов в течение нескольких лет центр руководства КГБ действиями арабских террористов находился на Кипре.

Эдгар О'Балланс в книге „Язык насилия" цитирует слова президента Кипра Макариоса: „У Кипра — свои проблемы; мы вовсе не желаем, чтобы нашу территорию использовали как поле боя арабы и израильтяне" (с.194).

К моменту действий, описанных в моей книге, т.е. к 10 апреля 1973 г., на Кипре было уже совершено более полудюжины убийств и попыток угона самолетов как арабами, так и израильтянами.

В конце-концов КГБ вынужден был переместить центр связи с террористами в Дамаск. Тем не менее сражения на территории Кипра разыгрывались по-прежнему. Возможно, это было связано с его географическим положением (см.Э.О'Балланс „Язык насилия", с.194). Один из самых страшных эпизодов произошел в феврале 1978 г. Палестинские коммандос, совершив убийство египетского издателя, приземлились в Никозии на захваченном ими кипрском лайнере. Египет отправил отряд коммандос на Кипр с целью захватить израильтян, но во время сражения пятнадцать египетских коммандос погибли. Некоторые исследователи считают, что это призошло из-за какой-то ошибки связистов.

2 По моим данным, в конверте была тысяча долларов. Если правда, что аль-Шира финансировал КГБ (такого мнения придерживаются и некоторые другие авторы), то скромное это вознаграждение не свидетельствует о щедрости русских. См.Ричард Дикон „Израильская секретная служба", с.255.

БАЗИЛЬ АЛЬ-КУБАИСИ

1 Основной обязанностью агента является сбор информации, в которой его страна нуждается. Невыполнение этих обязанностей — серьезное нарушение долга. Тем не менее история разведывательных агентств знает многочисленные примеры такого нарушения долга. Важные сведения не раз скрывались или придерживались. Причины могут быть разные. Помимо предательства, это может быть и обыкновенная небрежность. Но бывало, что агент руководствовался и соображениями, связанными с собственной карьерой, например, опасаясь, что его заслуги будут приписаны другому лицу или отделу. Возможен и такой мотив сокрытия информации: полученные сведения не соответствуют какой-нибудь „местной" теории или представлениям, которых придерживается начальство агента. Перед войной Судного дня один из младших офицеров Симан Тов, прикомандированный к Южному подразделению разведки, представил доклад, в котором содержался анализ ситуации и вывод, свидетельствующий о том, что египтяне готовят агрессию. Доклад этот дальше стола его непосредственного начальника не пошел. Выяснилось это уже после войны в результате работы Комиссии Агранат. Приведенный пример не является исключением.

Постороннего наблюдателя разговор Карла и Авнера может привести в ужас. Тем не менее тому, что команда обсуждала возможность утайки имеющихся у нее сведений из Бейрута, удивляться не приходится. К чести своей, они все же передали их Мосаду.

2 Например, 1 марта 1973 г., менее чем через три недели после встречи команды с ее куратором, террористы из организации „Черный сентябрь", захватив в Хартуме посольство Саудовской Аравии, убили двоих американских дипломатов и бельгийского поверенного в делах. В январе агент Мосада Барух Коген погиб в Испании. Примерно к этому же времени относится попытка „Черного сентября" совершить нападение на лагерь эмигрантов из СССР в Шенау.

3 По четвергам обычно происходили собрания высших руководителей Мосада.

4 Тэннос и Халеш приобрели широкую известность скорее благодаря своей внешности, чем заслугам. Обе происходят из семей арабов-христиан, обе по профессии — медсестры. Совместно с двумя террористами Тэннос и Халеш захватили бельгийский самолет и заставили его лететь в Израиль. В обмен на заложников и самолет они потребовали освобождения из израильских тюрем заключенных-арабов. Израильские коммандос взяли самолет приступом, мужчины-террористы были убиты, а Тэннос и Халеш арестованы. Обе в 1972 г. были приговорены к пожизненному тюремному заключению в Израиле. Детально эта операция описана у Эдгара О'Балланса в книге ,,Язык насилия'', с.110-115.

5 Из многих источников известно, что аль-Кубаиси был связан с Народным фронтом освобождения Палестины Жоржа Хабаша, а не с Ясиром Арафатом и группой ,,Аль-Фатах'', а значит, с ,,Черным сентябрем''. Мои данные с этими сведениями совпадают. Убийство в Мюнхене приписывается организации ,,Черный сентябрь''. Между тем аль-Кубаиси был включен в список, полученный группой Авнера. Из этого следует, что уничтожение террористов в это время рассматривалось Мосадом не просто как акт возмездия, а как часть политической концепции по борьбе с палестинцами.

6 Часто для людей, совершающих политические убийства, психологически оказывается существенным тот факт, что они встречаются со своей жертвой лицом к лицу. В этом случае им легче перенести моральную ответственность за убийство. Один из фалангистов, участвовавший в резне гражданского населения в палестинских лагерях летом 1982 г., в интервью по канадскому телевидению 13 марта 1983 г. утверждал, что он ,,никогда никому в спину не стрелял''. Ему, видимо, казалось, что в такой форме его преступление становится менее отталкивающим. Я не знаком с психологией обыкновенных преступников и не знаю, существуют ли по этому вопросу какие-нибудь специальные исследования.

7 Михаэль Бар-Зохар и Эйтан Хабер в книге ,,В погоне за Красным принцем'' рассказывают, что убийство аль-Кубаиси в ночь на 6 апреля произошло на 20 минут позднее, чем планировалось. В тот момент, когда агенты уже были готовы к выполнению своего задания, аль-Кубаиси был остановлен проституткой, проезжавшей мимо него в своей машине. Он принял ее предложение, и агенты в надежде, что проститутка привезет своего клиента туда, где его подобрала, решили ждать. Их надежды оправдались. Они ждали аль-Кубаиси 20 минут. История занятная, но мне об этом ничего известно не было.

8 Свидетели ни за кем из участников операции не следили. Более того, они даже Роберта, который остановился на другой стороне улицы в тот момент, когда раздались выстрелы, не заметили. Все свидетели, о которых упоминалось в прессе, говорили о двоих, а не о троих участниках (см., например, ,,Ле Фигаро'' от 7 апреля 1973 г.)

БЕЙРУТ И АФИНЫ

1 Некоторых из этих людей, действующих инкогнито, так же как и других, мне не известных, называет Ричард Дикон в книге ,,Израильская секрет-

ная служба (с.257-258). Последовательность событий, изложенных в книге Дикона, несколько отличается от моей.

2 Эдгар О'Балланс в книге „Язык насилия" отмечает, что француз по имени Франсуа Ранже в 1974 г. был заочно приговорен к смерти судом в Бейруте по обвинению в сотрудничестве с израильскими парашютистами (см. с.174). В моих материалах сведений об этом нет. Однако мне известно, что „Ле Груп" принимала участие в нападении на ООП в Бейруте, но все ее оперативники покинули город вместе с израильтянами сразу же после рейда.

3 Первым был Ясир Арафат, вторым — Сале Халиф (известный под именем Абу Иад), занимавший должность заместителя руководителя группы „Аль-Фатах" и лидер группы „Черный сентябрь".

4 Цифра эта, возможно, завышена. Кристофер Добсон и Рональд Пейн пишут, что было убито семнадцать арабских террористов. Эти сведения, по-видимому, ближе к истине (см.: К.Добсон, Р.Пейн „Террористы", с.212).

Относительно числа убитых и раненных израильтян мнения тоже несколько расходятся. В некоторых отчетах утверждается, что геликоптеры не были предусмотрены в первоначальном плане. Потребность в них возникла в связи с необходимостью эвакуировать раненых и переправить огромное количество материалов, захваченных в штабе ООП.

5 Вначале предполагалось сохранить в секрете участие Израиля в нападении на ООП и попытаться объяснить происшедшее стычками между враждующими фракциями палестинцев. Но, как пишет Стюарт Стивен, от этого плана пришлось отказаться из-за необходимости в геликоптерах. (См.: „Мастера шпионажа Израиля", с.330-331). По моим данным, обман имел своей целью всего лишь не допустить появления на поле боя ливанских военных частей, которые, вообще говоря, всегда придерживались тактики невмешательства в дела палестинцев. Что касается Израиля, то он и не собирался сохранять в тайне эту операцию после ее успешного завершения.

6 См. „Ле Фигаро" от 10 апреля 1973 г.

7 Резидент КГБ в Афинах вряд ли особенно старался держать в секрете контакты с Мухасси. Следует еще раз отметить, что Советский Союз, который в некоторых случаях заявлял о том, что не одобряет акты террора, например убийства в Мюнхене, в общем не стремился маскировать роль, которую играл, поддерживая террористические организации. Совсем иначе вели себя в это время западные правительства и пресса, ослепленные призраком детанта. К этому никакого отношения не имело то обстоятельство, что КГБ избегал прямых конфликтов с Мосадом, точно так же как Мосад с КГБ. Так, например, Мосад никогда не стал бы планировать убийство террориста из ООП в машине русского резидента.

8 В большинстве случаев основные факты (такие, как время и место), относящиеся к контртеррористическим операциям Мосада, совпадают во всех источниках. Но по каким-то малопонятным мне причинам, это не относится к операции по уничтожению Мухасси. Ричард Дикон, например, уверяет, что эти события произошли на Кипре 9 апреля (см. „Израильская секретная служба", с.256). Стюарт Стивен называет другую дату — 7 апреля — и даже высказывает предположение, что нападение на резиденцию посла Тимора

9 апреля было актом мести палестинцев за смерть Мухасси (см.,,Мастера шпионажа Израиля", с.326-327). Но Мухасси погиб через три дня после нападения на посольство. Эдгар О'Балланс называет еще одну дату — 12 апреля. Место действия — Афины (см.,,Язык насилия", с.178). Таковы и мои данные. Имя пострадавшего, однако, у меня другое. Никаких сведений об убийстве или ранении агента КГБ (или другого русского) я в печати не нашел.

МОХАММЕД БУДИА

1 Ричард Дикон считает Будиа главным виновником гибели Баруха Когена. ,,Не прошло и часа, как он /Коген/ был мертв: его убийцей стал человек, за которым он охотился, — Мохаммед Будиа" (см.: ,,Израильская секретная служба", с.256).

Другие авторы не в такой степени уверены в том, какую роль в этом деле сыграл Будиа. Остались неясными и причины, которые побудили Баруха Когена приехать в Испанию. Вообще говоря, в процессе противоборства террора и контртеррора агенты все время гоняются друг за другом. Однако нет никаких свидетельств в пользу того, что эти двое охотились друг за другом в день смерти Когена в январе 1973 г.

2 Карьера Фельтринелли подробно описана в книге Клэр Стерлинг ,,Сеть террора" (с.25-48). Этот невропат и революционер-авантюрист описан ею очень ярко, с поражающими воображение подробностями.

3 См. ,,Ле Фигаро" от 29 июня 1973 г. Противоречивые данные о поведении и местонахождении Будиа ночью в канун и утром в день убийства породили невероятную путаницу. Кристофер Добсон и Рональд Пейн в книге ,,Комплекс Карлоса" утверждают, что ,,рено" Будиа ,,всю ночь стоял на рю де Фоссе Сент-Бернар" и ,,по малопонятным причинам одна из подруг Будиа показала полиции, что он провел ночь у нее, на другом конце Парижа" (с.25). По моим данным, то, что девушка сказала полиции, было правдой. Будиа действительно провел ночь на рю Буано в 18-м арандисмане, а затем рано поутру погнал свой ,,рено" на рю де Фоссе Сент-Бернар, где и запарковал его, отправившись с визитом к другой девушке, которая жила неподалеку. В это время в его машине было установлено взрывное ус.ройство. Будиа вернулся после утреннего визита к своей второй любовнице около одиннадцати часов утра, сел в машину и был убит взрывом.

ВОЙНА СУДНОГО ДНЯ

1 В действительности Голда Меир сказала так: ,,Я не могу обещать, что террористы оставят нас в покое. Но я могу обещать, что правительство Израиля отсечет руку того, кто будет покушаться на жизнь наших детей". (Цит.по кн.: Эдгар О'Балланс ,,Язык насилия", с.233).

Слова Голды Меир были произнесены в ответ на выступление лидера Демократического Народного фронта Наифа Наватмы, взявшего на себя ответственность за жестокий террористический акт в Маалоте, в результате которого погибло более двадцати детей.

Следует отметить, что Голда Меир поначалу отрицательно относилась к организации контртеррора. И не только потому, что опасалась ошибок и связанных с этим дипломатических осложнений, но и по общим соображениям гуманности. Впоследствии она заняла значительно более жесткую позицию в этом вопросе. Выступая в Кнессете после рейда на Бейрут, она сказала: „Это было великолепно. Мы уничтожили убийц, которые вынашивали планы новых преступлений" (цит. по кн.: Давид Б.Тиннин „Ударный отряд").

2 Весной 1973 г. Авнер в роли сочувствующего организации Баадер-Майнхоф провел две ночи в одной из тайных квартир вместе с Карлосом. В этой квартире, расположенной на Левом берегу Сены, встречались самые разные люди: хиппи, личности без определенных занятий, вовлеченные в террористические акции, случайные попутчики движения. Они приходили и уходили, некоторые целыми днями валялись на полу. Никто никого ни о чем не спрашивал. В большинстве своем эти люди не были террористами. Авнеру довелось даже поболтать с Карлосом. Тучный венесуэлец, однако, никакого интереса у него не вызвал. Авнер принял его за анархиста, не представляющего для Израиля опасности. Похоже на то, что и Авнер не произвел впечатления на Карлоса.

3 Ричард Дикон в книге „Израильская секретная служба" приводит их имена: Абдель Хади Накаа и Абдель Хамид Шиби (с.262). По сведениям из других источников, взрыв этот не был делом рук агентов Мосада. Э.О'Балланс пишет: „Римская полиция посчитала, что причиной взрыва были два дефектных детонатора в машине, которая взорвалась на пьяцца Барберини" („Язык насилия", с.225). Итальянские власти всегда стремились побыстрее закрыть дела террористов, расценивая их действия как случайные происшествия. Применяя такую тактику, они не только экономили на трудоемких расследованиях, но и предупреждали дипломатические неурядицы. В то же время и террористы, и контртеррористы на Ближнем Востоке часто приписывали себе ответственность за случайные или целевые акты насилия, которые организовывала противная сторона.

По моим данным, террористы не имели никакого отношения к событиям в Риме в июне 1973 г. В то время они были убеждены, что эта акция — дело рук Мосада. Что в действительности произошло, мы можем так никогда и не узнать.

4 Информация Давида Б.Тиннина и Дага Кристенсена, как правило, значительно расходится с моей. Но в своей книге „Ударный отряд" они дают блестящее описание событий в Лиллехаммере. В их версии основные детали кажутся совершенно достоверными. Встречаются, правда, и подробности сомнительного свойства. Например, участие женщины-агента в покушении. По моим данным, это маловероятно (хотя этот факт приводят и другие авторы). Мои источники отвергают также версию о том, что глава Мосада генерал Цви Замир находился в Норвегии во время операции.

5 Строки из поэмы Низара Кабани взяты из его книги „Политические этюды", опубликованной в 1974 г. Бернардом Льюисом. Они цитировались как принадлежащие Эли Кедури в книге „Ислам и арабский мир". Другие отрывки взяты из антологии „Враги Солнца: поэзия палестинского сопротивления".

6 Хагана — организация еврейской самозащиты в Палестине, которая действовала в период, предшествующий образованию Израиля. В те годы отец Саламэ снискал известность такими действиями, как убийство арабского бизнесмена Ахмеда Латифа на главной улице Яффы. Труп убитого он затем многократно извлекал из могилы и оставлял на улице. Это должно было служить грозным предупреждением всем, кто захочет сотрудничать с евреями. „Предатель просто получил по заслугам, — комментировали приверженцы старшего Саламэ, обращаясь к прохожим. — Пусть гниет здесь, пусть собаки сожрут его труп". (См.: Бар-Зохар „Шпионы в Земле обетованной".

7 По этому поводу см.: Клэр Стерлинг „Сеть террора", с.118-119.

Существует предположение, что Саламэ сотрудничал не только с коммунистами и неонацистами, но и с ЦРУ, особенно в последние годы, когда возглавлял разведывательную службу „Аль-Фатаха" (см.об этом статью Дэвида Игнатиуса). Однако маловероятно, чтобы Саламэ был когда-нибудь агентом ЦРУ, но в отдельных операциях ЦРУ могло его использовать. Возможно, также, что, будучи достаточно образованным и ловким человеком, Саламэ пытался защитить себя от преследований израильских агентов, оказывая время от времени услуги ЦРУ или американским дипломатам. Не может быть сомнений в том, что эти услуги, связанные с Ближним Востоком, зачастую были просто неоценимы. Можно далее предположить, что американцы, желая отблагодарить Саламэ, иногда могли предупреждать его о грозящей ему со стороны Мосада опасности. Обо всем этом, однако, говорить можно только предположительно.

АЛИ ХАСАН САЛАМЭ

1 Хиларион Капуччи, католический епископ в Иерусалиме, занимался контрабандой оружия для ООП. В июле 1974 г. он был арестован и впоследствии приговорен израильским судом к двенадцати годам заключения. Мосаду было известно, чем занимался Капуччи еще до того, как он был пойман с поличным. Капуччи никаких аргументов в свою защиту не выдвинул. Он ссылался только на свою „дипломатическую неприкосновенность" и отрицал юрисдикцию израильского суда.

Ни одна церковь — протестантская, католическая или православная — не смогла противостоять советскому влиянию, которое становилось возможным благодаря своеобразному альянсу религии с марксизмом.

2 Мне не удалось отыскать отчета об этом инциденте в печати Швейцарии на немецком языке. См.также примеч.2 к главе „Франкфурт".

ЛОНДОН

1 Давид Б.Тиннин цитирует премьер-министра Голду Меир: „Вы не можете дать мне гарантии, что не произойдет ошибки. Когда-нибудь кто-нибудь из наших людей будет арестован. Так вот, скажите мне: что в этом случае мы будем делать?" („Ударный отряд", с.29). Создается впечатление, что Голду

Меир беспокоит не судьба случайных жертв, а политические последствия этих событий для Израиля. Я полагаю, что скорее всего Голда Меир имела в виду в равной степени оба аспекта подобных операций. Известно, что некоторые из израильских шпионов и диверсантов за границей были пойманы. Израиль ничего в этих случаях не предпринимал, потому что ничем особенным это его агентам не угрожало. Во многих странах поимка шпионов и террористов не влечет тяжелых последствий. Время от времени некоторых дипломатов высылают из страны. Происходит обмен нотами, составленными в резких выражениях, за которым могут последовать не слишком жестокие экономические санкции, действующие, как правило, не очень долго. У Израиля не было оснований предполагать, что по отношению к нему правительства будут поступать иначе.

ХОРН

1 Когда дело доходит до решительных столкновений, мужчины-террористы погибают. Погибают, конечно, и женщины, но реже. В большинстве случаев у женщин хватает здравого смысла в последний момент сдаться или не снимать с ручной гранаты предохранитель. Они понимают, что при взрыве они погибнут вместе со своими жертвами и другими террористами.

Халед, Халеш и Тэннос остались в живых в ситуациях, когда их партнеры мужчины погибли. Я не могу привести ни одного обратного примера. Смерть террористки, руководившей угоном японского Боинга-747, была случайностью. Сидя в кафе самолета, она резким движением схватила свою сумку, в которой была ручная граната Кристофер Добсон и Рональд Пейн, описывая этот случай, иронично замечают: ,,Ей следовало уделять больше внимания своей гранате, чем шампанскому'' (,,Комплекс Карлоса'', с.176).

Террористки, как правило, погибают в результате несчастных случаев, вызванных их собственной небрежностью или в ситуации, исключающей возможность сдаться.

ТАРИФА

1 Следует, однако, отдать должное Пепе. Трудно представить себе мужчину, который хотя бы в малой степени был бы готов стать мужем женщины агента. Разведывательным службам хорошо известно, что агенты женщины не могут рассчитывать на безусловную поддержку мужей, которую агенты мужчины всегда имеют. Женщины агенты обычно не бывают замужем или выбирают в мужья своих коллег.

2 Ганс, возможно, параноиком вовсе и не был. Независимо от того, чем занималась ,,Ле Груп'' и какие силы стояли за ней, легко себе представить, что КГБ мог организовать группу, близкую по типу той, которую создал ,,папа''. Такая группа под названием ,,Помощь и дружба'' действовала во Франции до 1978 г. Предполагалось, что она оказывала помощь террористам и сочувствовала им. (См. Клэр Стерлинг ,,Сеть террора'', с.49-69).

3 Сомнения, которые испытывает Ганс, типичны для агентов. Немысли-

мо получать информацию без того, чтобы не обнаружить, что ты ее ищешь. Невозможно встретиться с осведомителем, оставаясь невидимым для него. Риск не может быть устранен полностью. Принимая меры предосторожности, его можно лишь свести к минимуму. Агент оказывается в полной безопасности только в тех случаях, когда он бездействует.

„Законсервированные" агенты могут оставаться незамеченными в течение десятилетий, поскольку они пассивны и живут в ожидании момента, когда руководство призовет их к действию. Как только это происходит, продолжительность их жизни в качестве агентов резко сокращается. Риск не уменьшается, когда при этом вместо частных организаций типа „Ле Груп" агенты заводят собственных постоянных осведомителей. Известно, что Барух Коген был убит в уличном кафе, где он сидел со своим арабским осведомителем. Араб полез в карман за списком, который должен был передать Когену, а вытащил вместо него пистолет, из которого четыре раза подряд выстрелил в Когена (см. Кристофер Добсон и Рольнальд Пейн „Комплекс Карлоса", с.25).

4 „Черный сентябрь", ответственный за трагедию в Мюнхене, в период с ноября 1971 г. по сентябрь 1973 г. совершил по меньшей мере четырнадцать террористических акций, большей частью в Западной Европе. Начиная с конца осени 1973 г. активность этой группы в Западной Европе резко сократилась. На Ближнем Востоке 11 октября 1974 г. ею было совершено неудачное покушение на короля Хусейна в Рабате.

Трудно сказать, связано ли ослабление террористической деятельности „Черного сентября" в Европе с тем, что он лишился с октября 1972 г. по июнь 1973 г. девяти из своих главных руководителей. Более вероятным все же кажется предположение, что эти перемены явились следствием изменения внутрипартийной политики ООП после войны Судного дня. Группа Авнера, однако, имела все основания считать, что ее деятельность принесла свои плоды.

ФРАНКФУРТ

1 Психологические нарушения неизбежно возникают в тех случаях, когда ради обеспечения безопасности группы, выполняющей ответственную миссию, приходится ее изолировать. Само собой разумеется, что шансов быть обнаруженными меньше, когда каналы связи закрыты. И более того, полная автономия, как правило, способствует большей эффективности в профессиональной деятельности.

С другой стороны, в такой обстановке у агентов может легко появиться ощущение неуверенности в себе, особенно в трудные минуты, когда они испытывают потребность в квалифицированной помощи.

История секретных операций коммандос пестрит сведениями об эпизодах психологической подавленности, мучительных сомнений, связанных с чувством неполноценности у многих из них. Бывает, разумеется, что для сомнений имеются реальные основания. Но немало случаев, когда агенты действуют совершенно правильно и тем не менее мучаются от неуверенности в своих силах.

2 В испанской прессе мне не удалось найти сообщений об этом инциденте. Получить информацию непосредственно у официальных лиц не представлялось (по соображениям безопасности) возможным, точно так же как после событий в Гларусе. Из моих источников мне удалось получить сведения только при условии, что ни полиция, ни служба безопасности не смогут их использовать. Излагая этот материал, я могу говорить лишь о полном доверии к моим источникам, надежность которых была неоднократно доказана.

3 Эта акция, как и акция 17 декабря 1973 г., когда под руководством Абу Нидала был уничтожен самолет авиакомпании „Пан Американ" в Риме (погибло тридцать два пассажира) продемонстрировала его роль в движении террористов. На счету Нидала оказалось больше человеческих жертв, чем у кого бы то ни было из террористов. Абу Нидал, вышедший из группы „Черный сентябрь" и Ясир Арафат вынесли друг другу смертные приговоры. Ни один из этих „приговоров" приведен в исполнение не был. В 1983 г., когда в Португалии был убит один из ближайших помощников Арафата доктор Исам Сартави, западная пресса посчитала Абу Нидала ответственным за это преступление. Арафат, однако, обвинил в этом убийстве израильскую разведку.

АМЕРИКА

1 Генерала Цви Замира, ушедшего осенью 1974 г. в отставку, сменил генерал Ицхак Хофи. В Израиле из соображений безопасности подлинные имена руководителей Мосада или некоторых других официальных лиц высшего ранга службы безопасности до их ухода на пенсию остаются неизвестны. Смысла особого в этом, правда, нет, поскольку имена высших руководителей остаются секретом для жителей Израиля и журналистов, но известны, скажем, КГБ и террористам. Это положение хорошо иллюстрируется следующими примерами.

Советский шпион Израиль Бер (арестованный в 1962 г.) хорошо знал высших представителей израильской разведки, поскольку сам в конце-концов занял пост заместителя начальника „Амана".

Таким образом, враги Израиля давно знали имя первого главы Мосада Исера Харела, в то время как его друзья не знали, чем он занимается.

Из-за допущенной в момент назначения генерала Хофи оплошности, его имя тоже секретом не было. Хофи находился на своем посту с осени 1974 г., примерно до конца 1982 г. В результате, только двоим — Цви Замиру и его предшественнику Меиру Амиту — удалось сохранить свое инкогнито. (Человек, которого прочили на должность начальника Мосада после ухода Хофи, погиб при таинственных обстоятельствах в Ливане во время кампании 1982 г. Имя нынешнего главы Мосада пока остается нераскрытым.

ЭПИЛОГ

1 См.Серж Груссар „Кровь Израиля", с.197.

2 См. М.Бар-Зохар и Э.Хабер „В погоне за Красным принцем", с.148.

В связи с выходом в свет в 1984 г. первого издания моей книги в Канаде, в Англии, в Соединенных Штатах и в некоторых других странах возникли споры, которые в основном затрагивают три вопроса.

1. Действительно ли то, что описано в „Мести", является отчетом об антитеррористической миссии, организованной Израилем?

2. Прибегал ли Мосад с согласия своего правительства к таким методам, т.е. были ли созданы Мосадом специальные группы с заданием уничтожить главных террористов?

3. Не является ли пропагандой чистой воды утверждение, что Советский Союз оказывает поддержку — непосредственно или косвенно — международным террористическим группам?

Вопрос, сформулированный в пункте три, варьировался в выступлениях новых левых. Можно ли, например, применять термин „терроризм", когда речь идет о „вооруженной борьбе за национальное освобождение", или о таких непарламентских движениях, как ООП, ИРА, итальянские „Красные бригады"? Ведь об армиях и полиции, которые способны и убивать, и калечить невинных людей, никогда так не говорят? Одним словом, почему в моей книге федаины из ООП — „террористы", а израильские агенты — „антитеррористы"?

Для меня чрезвычайно важен первый вопрос: правда ли то, что рассказано в „Мести"? Этот вопрос имеет непосредственное отношение к моим собственным исследованиям. Кроме того, ответ на него важен для моих читателей, которые обо всем остальном могут судить сами.

Второй и третий вопросы заслуживают внимания, тем более, что рассуждения, связанные с ними, могут оказаться полезными при оценке контртеррора.

У тех, кто не верит или не хочет верить в то, что Израиль одним из методов борьбы с терроризмом избрал контртеррор, т.е. создал группы агентов с заданием уничтожить некоторых из главных лидеров террористов, доверия к отчету агента, выведенного под именем „Авнер", безусловно не будет.

„Представление о том, что разведка демократического государства, каким, в частности, является Израиль, — пишет журналист Илья Герол в газете „Провинс" (Ванкувер), — станет создавать ударные отряды, обладающие широкими полномочиями и неограниченными возможностями убивать, кажется слишком нелепым, чтобы в него можно было поверить".

Эта реакция на рассказ Авнера довольно типична для некоторых из сомневающихся.

Имеется немало сведений, что, помимо тех арабских лидеров, которые погибли в результате братоубийственных распрей между различными фракциями ООП, некоторые из них были убиты по заданию организаций, не имеющих отношения к палестинскому движению. По мнению критиков типа Герола, эти убийства совершены объединенными усилиями нескольких западных разведывательных служб. Иными словами — убивал не Израиль или, по крайней мере, он действовал не в одиночку.

Более того. Пусть даже Израиль и принимал какое-то участие в этих операциях, пусть в какой-то части рассказ Авнера достоверен, но все вместе взятое находится в вопиющем противоречии с укоренившимся в сознании мифом о вездесущем, ставшем легендарным Мосаде.

Герол пишет: „Я не утверждаю, что отчет Авнера лжив от начала до конца. Скорее всего он и в самом деле принимал участие во многих операциях Мосада против ООП. Создается, однако, впечатление, что его партнеры не преданные своему делу профессионалы, агенты одного из самых лучших разведывательных агентств в мире, а всего лишь корыстные наемники".

Трудно противостоять глубоко укоренившимся романтическим представлениям о честности государства, в которое люди верят и которое они поддерживают. Точно так же трудно поколебать их веру в профессионализм и благородство разведывательных служб вообще и Мосада в частности. Я к этому и не стремлюсь, во всяком случае теоретически. Я уже указывал в своей книге, что тоже поддерживаю Израиль и считаю Мосад по всем критериям одним из лучших агентств в мире. Романтические представления с действительностью не согласуются. Все агентства вынуждены пользоваться услугами того, кто их представляет. Все агентства иногда действуют непрофессионально и в некоторых случаях даже на любительском уровне. Секретные службы, в том числе и лучшие из них, сплошь и рядом прибегают к методу проб и ошибок. Удача и благоприятное стечение обстоятельств играют немалую роль в самых успешных операциях, точно так же, как заблуждения, неопытность и канцелярская волокита нередко являются причинами ошибок. Все время от времени прибегают к сомнительным приемам. И, разумеется, есть агенты просто плохо к своей роли подготовленные. Есть среди них и сомнительные личности, на лояльность которых рассчитывать трудно. Немногие из агентов похожи на героев, о которых пишутся романы. Все разведывательные службы в своих взаимоотношениях с агентами в той или иной степени прибегают к методам принуждения и даже к обману. Примеров этого и в литературе очень много.

Все рассказанное Авнером случалось и ранее. Это, разумеется, не аргументы в пользу достоверности его рассказа. Однако опровергает утверждения тех, кто говорит, что Авнер лжет по той мол причине, что подобных вещей в природе не бывает.

„Истине приходится с трудом пробивать себе путь, поскольку в сознании людей легенды пускают глубокие корни и к тому же отвечают нашему стремлению к героическому", — писал в книге „Рассказы о шпионах, обыкновен-

ных и выдающихся" бывший директор ЦРУ Аллен Даллес, у которого было для подобных высказываний достаточно оснований.

То обстоятельство, что Израиль никогда официально не подтвердил факта существования ударных отрядов и тем более не распространялся на тему о методах, которые они используют в своей деятельности, не может повлиять на степень доверия к рассказу Авнера.

Репортер „Таймса" в Нью-Йорке Филип Таубман, который начал полемику по поводу „Мести" 2 мая 1984 г., указывает: „Израильские официальные лица и прежде, и теперь, в частном порядке подтверждали, что Израиль после убийств в Мюнхене начал организовывать отряды, которым вменялось в обязанность убивать палестинских террористов. Тем не менее публично Израиль всегда это отрицал".

Такая позиция — результат существующей уже много лет договоренности между наблюдателями разведывательных агентств. Нет поэтому оснований утверждать, что Авнер неправ, потому что подобные операции вообще не проводились.

Таубман в своей статье далее пишет, что те же официальные лица утверждали: „Месть" не является достоверным описанием операции. Кроме того, человека, соответствующего образу главного героя книги, в Мосаде не было".

Те же официальные лица, однако, не предлагали Таубману никакой альтернативной, более точной версии событий. Не распространялись они и на другую тему — не было ли в команде человека, похожего на Авнера, пусть на других ролях. Безоговорочное отрицание не может служить аргументом в споре. Тем более что сам факт организации группы, подобной группе Авнера, Израиль тоже отрицал. После того как Таубман провел свое независимое расследование, мы узнали, что израильская разведывательная организация в неофициальном порядке подтвердила заявление Авнера, что ударные отряды созданы были. В то же время те же источники отрицали (хоть и голословно) его утверждение, что он был участником миссии, деятельность которой он описал.

После критиков, которые с самого начала просто отказывались верить фактам, изложенным в „Мести", появилась другая группа критиков, отрицающая достоверность рассказа Авнера совсем по иным причинам. Они рассматривают появление книги как плохо, по их мнению, замаскированную пропаганду ЦРУ и Израиля и приходят в восторг, когда им удается на этом основании подвергать сомнению достоверность рассказа Авнера. Для этих критиков вполне типична статья Кэрол Корбейл, напечатанная в „Глоб энд Мейл" (Торонто). Она пишет: „То, что в „Мести" выдается за истину, на самом деле является не чем иным, как выражением пристрастия Джонаса к сомнительной политике Рейгена".

Какой в самом деле смысл обсуждать книгу, которая, по словам Корбейл, „придерживается теории Клэр Стерлинг, объясняющей своим читателям, что все акции террора планируются Советским Союзом. А в подтверждение своей теории она ссылается на детективные романы". По мнению критиков, принадлежащих к новым левым, такая книга безусловно не заслуживает объ-

ективного рассмотрения. Другое дело — самые неправдоподобные и ничем не подтвержденные писания авторов, которые эксплуатируют одну и ту же тему — заговоры ЦРУ, имеющие своей целью дестабилизировать „прогрессивные" (читай: просоветские) режимы в Центральной Америке.

Моим оппонентам типа Корбейл показалось недостаточным подвергать критике те места в книге, которые действительно могут показаться сомнительными или во всяком случае недостаточно обоснованными. Они принялись раздувать пламя полемики, приписывая мне мысли, которых у меня не было.

Корбейл, например, утверждает, что я не стал бы называть террористическим актом бомбардировку кубинскими эмигрантами, обученными ЦРУ, кубинского лайнера, во время которой погибли семьдесят три пассажира, или убийство сионистской бандой Стерна лорда Мойна в 1944 г.

На самом деле я не только считаю подобные действия актами терроризма, но и специально обсуждаю этот вопрос в „Мести". Я считаю все насильственные действия, направленные против ни в чем не повинных людей (за исключением объявленных между суверенными государствами войн), терроризмом.

Разумеется, и в тех случаях, когда подобные действия инспирированы или поддержаны Советским Союзом, они являются актами терроризма. А СССР вот уже в течение двадцати пяти лет именно это и делает на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и в Западной Европе.

Я вижу различия между терроризмом и другими преступлениями. Нападение одной страны на другую, например, может быть морально отвратительным и варварским. Тем не менее это явление термином „терроризм" обозначено быть не может. Нельзя называть любое зло терроризмом. Это — не более чем вульгарный жаргон или метафора, как, например, в случае, когда налоговое обложение называют „грабежом на большой дороге".

Смешивать между собой различные представления — излюбленный прием экстремистов. Они, например, без стеснения называют партизан, посаженных в тюрьмы за ограбление банков, „политическими заключенными".

Я называю террористами палестинцев, которые захватили и убили группу Олимпийских спортсменов. Чтобы заслужить одобрение моих леволиберальных критиков, я должен тех, кто выслеживают и убивают этих убийц, называть „государственными террористами". Я так не поступаю. Я говорю об этих людях как о контртеррористах. Они не убивают кого угодно, без всякого разбора. Они не убивают гражданских лиц. Они убивают убийц. Можно не соглашаться с подобной тактикой, но несомненно одно — террористы и контртеррористы отличаются друг от друга своими нравственными критериями. Я могу лично для себя решить этот вопрос по другому — ни к той, ни к другой категории деятелей я принадлежать, допустим, не хочу. Но при всем том никогда не стану утверждать, что они равноценны.

Мои высказывания приводят в ярость некоторых леволиберальных критиков. Они, однако, чувствуют, что дискредитация будет более эффективной, если просто фальсифицировать мои идеи. Так, например, в „Мести" я писал, что вовсе не считаю, что с начала 60-х годов до настоящего момента все, кто

выступал против войны во Вьетнаме, боролся с загрязнением окружающей среды, требовал равной оплаты труда для женщин или ратовал за сохранение исчезающих видов животных, — сознательно или непроизвольно, способствовали укреплению политических позиций Советского Союза в мире.

Однако К.Корбейл прибегает к сомнительному приему: начинает цитировать меня с середины фразы, опустив ее начало и соединяя эту цитату с отрывком из другого места. Таким образом, моя мысль искажается.

Подобное нередко происходит, когда книга попадает в руки недобросовестных критиков. Останавливаюсь на этом только для того, чтобы показать, что спорная книга, которая в известной своей части действительно вызывает возражения, вряд ли может рассчитывать на объективное рассмотрение в ,,леволиберальной'' среде.

В своей работе я зачастую употребляю выражения ,,законные сомнения'' и ,,недостаточно достоверные данные'', потому что в ней описываются секретные операции, официальными лицами не признанные, и содержатся факты, засвидетельствованные лишь одним человеком. В самом начале, в предисловии к первому изданию я об этом предупреждал читателей. И сам, идя по следам Авнера, начинал работу, обуреваемый теми же сомнениями.

Я могу сказать, что пришел к убеждению, что рассказ Авнера в общем верен. Некоторые детали проверить не удалось. И вот теперь, после целого года, прошедшего в спорах, после того, как другие журналисты провели собственные, независимые расследования, я остаюсь при том же мнении.

В начале декабря 1981 г. издательства ,,Коллинз'' (канадское отделение) и ,,Лестер и Орпен Деннис'' обратились ко мне с предложением расследовать историю существования спецгруппы по уничтожению террористов. При этом издатели уведомили меня, что ими была сделана выборочная проверка данных, на основании которой они составили предварительное заключение. Прежде всего они пришли к выводу, что рассказ Авнера может оказаться правдивым. Тем не менее они совершенно сознательно ничего более мне на этот счет не сообщили. Издатели хотели дать мне и своему коллеге (представителю английского отделения издательства ,,Коллинз'' в Англии) возможность все проанализировать самостоятельно.

Кое-что о связях моих издателей и об их источниках информации мне было известно. В то же время я полагал, что они поступили правильно, не предоставив в мое распоряжение имеющиеся у них сведения. Я предпочитал провести собственное расследование и сделать собственные выводы.

Опыта в такого рода исследованиях у меня было мало, хотя расследованиями другого характера мне как журналисту заниматься приходилось.

Я ознакомился с литературой, порасспросил и людей более опытных, чем я, в этих делах. Затем мне надлежало решить, что из материалов, которые были в моем распоряжении, можно исключить.

1. В большинстве случаев отчеты о секретных операциях, написанные на основе сведений, полученных из официальных источников, оказываются неполноценными. Это обычно выясняется впоследствии, когда соответствующие материалы рассекречиваются. Таким образом, этот источник информа-

ции можно было исключить. Официальные лица либо не скажут мне ничего, либо постараются внушить то, что им покажется выгодным. Я не буду в состоянии отличить подлинную информацию от дезинформации.

2. Документальные исследования тоже не понадобятся. Секретные службы не выдают прав на убийство, имеющиеся в распоряжении Джеймса Бонда. Материалы, касающиеся таких миссий, существуют только в архивах соответствующих агентств.

3. Все сведения, относящиеся к деятельности Авнера во время операции, его паспорта и прочее, даже если бы мне удалось их раздобыть, ценности не представляют. Они использовались как раз для того, чтобы сделать невозможным расследование, которое могло привести к разоблачению действующих лиц.

4. Консультации частных экспертов в известном смысле более надежны, чем официальные данные, но они неизбежно привели бы меня к конфликтным ситуациям. Кроме того, рассчитывать на достоверность и тут не приходилось. Мнения экспертов, сами по себе интересные, не могут быть использованы как доказательства.

Мы (я и мои издатели) договорились, что прежде чем взяться за эту книгу, я должен получить подтверждение правильности некоторых положений, убедиться в том, что:

а) тот, кто поставляет мне информацию, действительно был израильским агентом;

б) операции проводились там, где он говорит, и в то время, на которое он ссылается;

в) Авнер в этих операциях действительно принимал участие.

Мы понимали, что если нам удастся подтвердить эту информацию из независимого источника, мы сможем решиться начать работу над этой книгой, при этом, однако, все время проверяя то, что будет рассказывать Авнер о событиях, связанных с операцией по уничтожению террористов и той ролью, которую он в ней играл.

Мы пришли к выводу, что свои обязательства перед читателями выполнили, поскольку предупредили их о том, что в известной своей части единственным источником изложенных в книге фактов было свидетельство одного, и при этом не названного по имени, человека. Газеты и журналы часто публикуют сведения, полученные от одного, тоже неназванного лица, если считают информацию достаточно достоверной. Так, кстати, всегда поступал канадский журнал „Маклинс", когда уведомлял своих читателей, что какие-то эксперты — специалисты по разведывательным делам, — большинство которых настаивало на том, чтобы имена их остались в тайне, — подвергали сомнению факты, сообщенные Авнером. Иначе как лицемерной нельзя назвать позицию журнала, который использует в своей практике те же методы, за которые упрекает издателей книги и автора. Ничего, кстати, незаконного в этих методах нет.

Пока что мы получили независмые доказательства, свидетельствующие о правильности наших сведений, в дух случаях из трех.

1. Нам удалось убедиться в том, что Авнер в Мосаде работал.

2. Некоторые операции, о которых появлялись отчеты в печати, действительно соответствовали рассказам Авнера.

Кстати, первоначальные сведения об этом находились в известном противоречии с версией Авнера, однако впоследствии выяснилось, что его версия верна. (Например, в вопросе о времени и месте убийства Мухасси, или об участии в этом деле человека, который предположительно был агентом КГБ.) Корреспонденты „Маклинса" стремились всячески дискредитировать Авнера, но между тем подтвердили, ссылаясь на свои источники, что он в Мосаде работал. Но об этом — ниже.

Третье, самое важное — доказать, что Авнер действительно принимал личное участие в операции — было чрезвычайно трудно. Но именно это доказательство было делом первостепенной важности. А вдруг Авнер — всего лишь бывший агент, недовольный своей судьбой, и рассказывает услышанные где-то истории и сплетни? Подобные случаи не такое уж редкое явление.

Доказательств у Авнера никаких не было. И это неудивительно. Свидетельства посторонних, фотографии, справки — всего этого не может быть у настоящего агента. Напротив, куда более подозрительными казались бы документы, которые доказывали бы его участие в акциях.

Я решил подойти к решению этого вопроса так же, как это делают полицейские, когда им нужно подтвердить сообщение осведомителей. Авнер утверждал, что принимал участие в событиях, которые происходили в определенное время и в определенном месте. События эти в печати подробно не освещались, а местом действия, как правило, были мало кому известные районы в городах Европы или Ближнего Востока. В связи с этим трудно себе представить, чтобы человек, который сам не был на месте операции, мог, скажем, описать рисунок решетки на двери жилого дома в окрестностях Парижа или зеркало в вестибюле одного из домов жилого комплекса в Риме, или, наконец, расстояние от почтового отделения до помещения пожарной команды на маленькой уличке Женевы. Совершенно исключено, что человек в состоянии вспомнить погоду и примерную температуру воздуха в конкретный день, например в 1972 г., без того, чтобы существовали специфические обстоятельства, благодаря которым эти детали запечатлелись навсегда в его памяти. Вот эти-то конкретные факты проверке поддавались.

Во время многочисленных встреч с Авнером я вновь и вновь возвращался к этим деталям. У него была прекрасная память (но нисколько не сверхестественная). Ничего неожиданного, принимая во внимание его склонности и тренировку, в этом не было. Он не мог предвидеть моих вопросов (значит, не мог и подготовиться к ним заранее). Если он был не в состоянии сразу ответить на вопрос, мы откладывали его — с тем, чтобы вернуться к нему к концу нашего свидания. Таким образом, возможность почерпнуть информацию из постороннего источника была исключена.

В конце концов накопилось множество фактов, которые поддавались проверке. Было очевидно, что только непосредственный участник событий мог все это сообщить.

Можно, разумеется, предположить, что Авнер потратил многие месяцы на то, чтобы ознакомиться с мельчайшими деталями, на фоне которых разыгры-

вались события, о которых он рассказывал, но при этом он еще должен был обладать исключительным даром предвидения. Кроме того, такое знакомство потребовало бы не только огромной энергии, но и немалых денег, безусловно больших, чем доход, на который он мог рассчитывать, если его рассказ будет опубликован. Так что вероятность этого предположения, по мнению моих издателей, которое разделяю и я, была ничтожна мала по сравнению с простым допущением, что Авнер знал обо всем им рассказанном из своего личного опыта.

Я потратил несколько месяцев на путешествие по Европе и другим местам, следуя указаниям, содержащимся в отчете Авнера, и обнаружил, что все детали, о которых он мне сообщил, были абсолютно точны. То, что Авнер высказывал в предположительной форме или то, чему он давал лишь приблизительное описание, тоже находилось в полном соответствии с обнаруженными мною фактами. Даже его неточности не выходили за пределы допустимых ошибок, естественных для человека с нормальной памятью (например, кто из нас может помнить число выключателей в собственной квартире?).

Рассказ Авнера, подтвержденный таким образом, мог быть рассказом только непосредственного участника событий. Лжец не смог бы предусмотреть в своем рассказе, например, такую подробность. Описывая конкретные события, Авнер упомянул о чувстве облегчения, которое испытал, заметив, что навесы над магазинами на одной из небольших улиц Парижа, скрывают его от посторонних глаз. Через несколько месяцев, будучи в Париже и проходя по этой улице, я взглянул наверх и сразу же увидел навесы, о которых рассказывал мне Авнер.

Посетив один из отелей, который называл Авнер, я заметил, что интерьер не соответствует его описанию. Впоследствии, однако, выяснилось, что эти комнаты были недавно заново отделаны, но в то время, о котором говорил Авнер, выглядели именно так, как он их описывал.

Помимо проверки многих деталей из рассказа Авнера, я интервьюировал людей, имеющих опыт в области разведывательной деятельности вообще или разбирающихся в деталях конкретных операций. Шестерых из этих людей мне рекомендовал Авнер, остальных я нашел сам. В их рассказах я не обнаружил ничего, что противоречило бы версии Авнера. Более того, все сведения, полученные мной из этих источников, лишь подтверждали ее. Из Европы я вернулся удовлетворенный результатами своей поездки. Похоже было на то, что Авнер говорил правду.

Все это происходило весной и летом 1982 г. Рукопись я закончил в конце 1983. Тогда же Авнер согласился дать интервью троим журналистам из английского, канадского и американского издательств, указав место для встречи в Северной Америке и в Европе и соблюдая известные меры предосторожности.

Еще до этого издательство „Коллинс" (Англия) хотело, чтобы Авнер встретился с одним из обозревателей, экспертом по делам разведывательных служб, к мнению которого оно прислушивалось. Авнер дал свое согласие, и встреча состоялась ранней весной 1984 г. Результаты ее оказались весьма интересными, и за ней последовало еще три интервью.

Двое американских журналистов — Филип Таубман из „Таймса" в Нью-Йорке и Роберт Миллер из „Маклинса" после интервью провели дополнительное расследование, использовав для этой цели возможности своих издательств. „Маклинс", например, подрядил на эту работу еще пятнадцать корреспондентов.

В итоге были напечатаны подробные разборы моей книги, но выдержки из нее издательство публиковать отказалось. По мнению Миллера, „Месть" не отвечала требованиям, преъявляемым журналом, к достоверности материала.

Однако в лондонской „Мейл он Сандей" издатель Стюарт Стивен (автор книги „Мастера шпионажа Израиля") опубликовал три больших отрывка из „Мести", придя, очевидно, к другому заключению о достоверности ее материалов. Стивен писал: „События, описанные в книге, в той части, которая связана с моими собственными исследованиями, изложены достоверно. Упрекнуть Джонаса я не могу ни в чем, когда речь идет о фактах, мне известных".

Противоречивые высказывания по поводу „Мести" положили начало дискуссии.

Журналисты, которые пытались выяснить, достоверна ли история Авнера, — все, за исключением, насколько мне известно, двоих, — прибегали к методам, которые я отвергал с самого начала, считая их неподходящими и неубедительными, когда речь идет о расследовании, связанном с тайными операциями. В первую очередь я имею в виду ссылки на комментарии и оценки событий, описанных в книге, официальными лицами, а также обмен информацией между самими журналистами. Как правило, все это сводилось к тому, что думает то или иное лицо, названное или неназванное, о степени достоверности рассказа Авнера. (Кстати, в сфере разведки универсальных экспертов быть не может. Основной принцип деятельности такой организации состоит в том, что каждый знает ровно столько, сколько ему „знать надлежит". Даже офицеры высшего ранга информированы лишь настолько, насколько это необходимо для выполнения ими служебных заданий.)

Как и следовало ожидать, эксперты и официальные лица давали противоречивые оценки даже в тех случаях, когда их окончательные выводы совпадали.

Так, например, „Таймс" приводит слова бывшего руководителя Мосада Цви Замира: „Человек, который называет себя Авнером, выдает себя не за того, кем он был. В Мосаде такого человека не было".

Эксперт „Маклинса", известный в прошлом агент Мосада Вольфганг Лоц, который был выбран журналом не случайно, а потому, что его образ в книге очень напоминал отца Авнера, назвал все, что рассказал Авнер, небылицей. Тем не менее он писал: „Разумеется, Авнер в Мосаде работал. Был в Нью-Йорке с каким-то небольшим заданием".

Такие же расхождения экспертов по поводу „Мести" возникали и прежде.

Случалось, что какая-нибудь деталь одному из наблюдателей казалась абсолютно достоверной и важной, в то время как другой отвергал ее как вообще не заслуживающую внимания.

Джон Старнс, бывший генеральный директор Королевской Канадской конной полиции поместил в ,,Оттава Ситизен'' очень благосклонный отзыв о книге, но заметил, что ,,не заслуживает доверия и кажется нелепым все относящееся к ,,Ле Груп'', подпольной преступной организации, действующей на международной арене''. Через неделю после появления отзыва Старнса Ян Блэк, специалист по разведывательным делам, репортер ,,Гардиан'', утверждал: ,,Самыми интересными в книге и, по-моему, самыми достоверными являются страницы, посвященные отношениям, сложившимся у агентов с французской преступной организацией ,,Ле Груп''. В ,,Таймсе'' Кен Фоллет, автор беллетризованных и документальных книг о тайных разведывательных операциях, находит, что „в „Мести'' совершенно доказательных деталей не меньше, чем деталей в механизме часов Бреге''. В то же время он отмечает, что ,,некоторые страницы кажутся сомнительными или надуманными''. Фоллет далее высказывал предположение, что ,,хоть Авнер и искренен, но не исключено, что кое-что он выдумал с целью замаскировать конкретного человека или источник информации''.

В теории можно представить себе, что Авнер мог так поступить, точно так же как он мог преувеличить свою роль в операции или выдать собственную осведомленность за непосредственный опыт.

Подобные споры возникали не раз по поводу дел, связанных с бывшими агентами или перебежчиками — от Анатолия Голицына до Игоря Гузенко. Один из самых замечательных исследователей в этой области, журналист Чапман Пинчер в своей книге ,,Слишком загадочно и долго'' указывает, что даже перебежчик такого ранга как Голицын, делал заявления, вызывавшие недоуменную реакцию в ЦРУ, приведшую к раздорам и даже возникновению фракций — сторонников и противников Голицына. Тем не менее полученная от Голицына информация была безупречной и неоценимой.

Я интересовался мнением экспертов по отдельным вопросам, но не полагался на их оценки отчета Авнера. Все сводилось к одному и тому же: они делили материал на ,,заслуживающий доверия'' и ,,правдоподобный''. Точно так же не принимал я во внимание и высказывания официальных лиц по этому поводу. Будучи уверен, что Авнер был агентом Мосада в период, о котором он рассказывал, я не сомневался, что факты, относящиеся к этому времени, не входят в противоречие с его рассказом. (Все это впоследствии подтвердилось и собственными расследованиями журналистов из ,,Маклинса''. Кроме того, я полагался на свидетельские показания, которые мне удалось добыть.

Вскоре после выхода в свет ,,Мести'' журнал ,,Маклинс'', который ранее уже опубликовал очерк, посвященный книге, объединил свои усилия с лондонским ,,Обсервер'' с тем, чтобы проверить слух о том, что Авнер за несколько лет до этого подписал контракт с американским издательством ,,Симон энд Шустер'', которое теперь издавало мою книгу в США. По сведениям, полученным этими журналами, контракт был расторгнут после того, как американский журналист Ринкер Бак, которому было предложено оценить отчет Авнера, а затем написать по нему книгу, отказался от этого предложения, сочтя все рассказанное Авнером незаслуживающим доверия.

Роберт Миллер („Маклинс") и Роберт Чессхайр („Обсервер") сообщили мне, что получили одиннадцатистраничный критический отчет Бака. „Маклинс" в последней своей публикации по поводу „Мести" охарактеризовал этот отчет как разгромный.

Бак, по словам Миллера и Чессхайра, в результате своей поездки в Европу обнаружил, что данные Авнера во многом не „совпадают с официально опубликованными". Помимо этого, Авнер не представил ему „доказательства, которые представить обещал".

Оба журналиста сообщили мне также, что они обнаружили серьезные расхождения между вариантом, рассказанным Авнером Баку, и данными, опубликованными в моей книге. Они при этом не утверждали, что мои данные неаутентичны. Наоборот, по их мнению, они совпадали с появившимися за это время в печати немногочисленными публикациями. В связи с этим оба журналиста заподозрили, что Авнер изменил описание некоторых эпизодов, приведя их в соответствие с появившимися в печати.

Я, разумеется, не мог в своей работе ориентироваться на чужие исследования. (В свое время мои издатели предупреждали меня, что попытки найти автора для материала, которым располагал Авнер, делались и раньше, но в детали этого дела я не вникал и о существовании критического отзыва Бака ничего не знал.)

Как бы то ни было, но мои впечатления от встреч с Авнером были совершенно иными. Все его данные обычно совпадали с материалами, опубликованными в печати. В тех случаях, когда обнаруживались расхождения, дальнейшее расследование подтверждало правоту Авнера. Все, что он обещал, он, как правило, выполнял. Не было случая, чтобы его версию событий приходилось менять из-за возникшей необходимости привести ее в соответствие со сведениями, полученными из других источников. Я не знаю, что он говорил другому журналисту три года назад, но все сказанное им мне подтверждалось результатами моих собственных исследований.

Миллер и Чессхайр не пожелали показать мне отзыв Бака. „Маклинс" и „Обсервер" (а позднее и некоторые другие журналы, в том числе „Уолл-стрит Джорнал") в основном сходились на том, что Бак — честный журналист — не захотел участвовать в сомнительном мероприятии и „был убежден, что помог всем причастным к этому делу, избежать серьезной ошибки".

Когда я в конце концов через несколько месяцев получил отчет Бака, оказалось, что он писал обо всем этом несколько по-другому. Я выяснил, что однозначного отношения к рассказу Авнера у него не было. Он действительно подробно останавливался на замеченных им расхождениях. Однако он ставил вопрос: „Значит ли это, что я более не доверяю своему соавтору?". На этот вопрос он отвечал однозначно. „Нет, не значит". И далее он делал допущение, что приведенные Авнером объяснения всех неточностей кажутся ему убедительными. Кроме того, он отмечал, что все детали рассказа Авнера неизменно оказываются логически между собой связанными.

Дело не в том, прав был в своих оценках Бак или нет. Человек честный, он говорил то, что в тот момент думал. Но к чему же все-таки сводился сделанный им вывод?

Материалы Бака находились в распоряжении „Маклинса" и „Обсервера", и оба журнала использовали только ту их часть, которая, казалось, подтверждала тезис: рассказ Авнера, по всей вероятности, доверия не заслуживает. Все остальные рассуждения Бака они игнорировали. Неудивительно, что обе редакции отказались показать мне его отзыв.

Оценивая работу Бака по достоинству, я могу сказать, что он не пошел дальше сравнения данных Авнера с материалами, опубликованными в печати, или оценками сведений об уничтожении террористов, которые к тому времени стали известны другим журналистам. По какому пути пошел бы Бак, если бы продолжал свои исследования, можно только гадать.

Кстати, Бак обнаружил серьезные расхождения между версией Авнера об убийстве Хамшари в Париже и заключением французской полиции, которая расследовала это дело. Я же пришел к обратному выводу: рассказ Авнера ни в чем не противоречил заключению французских властей. Как бы то ни было, но Бак не стал продолжать расследование, а предпочел обратиться к Авнеру за разъяснениями. Он исходил из предположения, что официальные данные полиции верны. Я пошел по несколько другому пути. Натыкаясь на несоответствия, я тоже иногда обращался к Авнеру, но не торопился сличать его показания с официальной версией. Такой подход себя полностью оправдал. Правота Авнера подтверждалась либо им самим, либо другими источниками. (В качестве примера я могу привести случай ранения человека, который, возможно, был агентом КГБ. Этот эпизод озадачил в свое время Бака, а затем и меня. Упоминаний о нем нигде не было. Впоследствии, однако, совершенно независимый источник подтвердил реальность этого происшествия. Эти сведения мои издатели предоставили в распоряжение журналов „Маклинс" и „Обсервер".)

Миллера и Чесхайра короткое расследование привело к заключению, что я и мои издатели попались на удочку мошенника, которому удалось запродать нам материал, отвергнутый в свое время Баком. Авнер, мол, использовал оставшееся в его распоряжении время, чтобы все им состряпанное привести в соответствие с опубликованными фактами.

Я объяснил обоим журналистам, почему их предположение кажется мне совершенно неправдоподобным. Невозможно допустить, чтобы мошенник, который сначала делает грубые ошибки, в мгновенье ока превратился в дотошного исследователя, способного изучить весь интересующий его материал до мельчайших подробностей.

По данным Бака, получалось, что Авнер даже не побеспокоился о том, чтобы прочесть отчеты, опубликованные в газетах. Такой человек не станет через какие-нибудь один-два года тратить многие месяцы и десятки тысяч долларов на то, чтобы удостовериться в том, каков в действительности рисунок решеток на глухих улицах в предместьях европейских городов. Подобное перевоплощение ни практически, ни психологически представить себе невозможно.

Мошенники бывают разные, но они либо небрежны, либо дотошны. Одно из двух — либо они предусмотрительны и располагают временем, ресурсами и достаточной квалификацией для того, чтобы проводить исследования, либо

наоборот. В течение одного или двух лет мошенник определенного типа не может превратиться в свою противоположность.

Мне кажется, что поначалу Авнера просто плохо понимали (его английский язык даже двумя годами позднее, когда мы с ним повстречались, был далек от совершенства). Не исключено, кроме того, что, начиная свой рассказ он не решил для себя окончательно вопрос, насколько будет откровенен. Он не мог забыть и о своем конфликте с Мосадом.

Хорошо известно, что бывшие агенты говорят о себе неохотно даже если совершенно добровольно на это идут. Останавливаются только на отдельных эпизодах. Путаются. Случается, что они кое-что скрывают или меняют в своей информации. Мотивы такого поведения бывают разные — иногда это страх, иногда „остаточная" лояльность по отношению к бывшим хозяевам. Случается, что они просто не могут ответить на вопрос, но опасаются признаться в этом, боясь подорвать к себе доверие. Тогда они наспех что-нибудь сочиняют или свои догадки выдают за факты. Для того чтобы создать атмосферу доверия и получить подлинную информацию, требуется немало времени.

Я полагаю, что всего изложенного достаточно для того, чтобы объяснить недоразумения, которые возникали у журналистов в общении с Авнером. В течение двух лет у меня было больше возможностей, чтобы расположить к себе Авнера, чем у кого бы то ни было до этого.

Следует иметь в виду, что Бак с самого начала решал вопрос не в пользу Авнера, если его данные не совпадали с опубликованными в печати. Этот подход был ошибочным, что в дальнейшем и подтвердилось.

Я думаю, что Миллер и Чессхайр должны были приобщить мои комментарии к своим публикациям. К сожалению, они предпочли этого не делать.

Но более всего я был разочарован позицией, занятой „Обсервером". Его редакция не посчитала нужным включить в две опубликованные в журнале статьи, посвященные событиям, описанным Авнером, материал, иллюстрирующий возможность другого подхода к его рассказу. Материал этот редакция получила в результате расследования, которое проводила совместно с журналом „Маклинс".

„Маклинс" все же поместил комментарий, подтверждающий факты работы Авнера в Мосаде и службу его в авиакомпании „Эль-Ал". „Эль-Ал", кстати, отказалась сообщить, в каком качестве работал в ней Авнер.

„Обсервер" и этого не напечатал. Издатель Магнус Линклетер объяснил мне, что эта часть информации была получена без его участия, одним „Маклинсом". Оставалось предположить, что общими в исследовании были только те факты, которые могли дискредитировать мою книгу. Линклетер в разговоре со мной и с Кристофером Мак-Лахоузом, представителем английского филиала издательства „Коллинз" вообще обвинил книжные издательства в том, что они давно начали навязывать читателям вымышленные истории в качестве подлинных, довольствуясь одним каким-нибудь источником информации. Подобная практика, по его словам, не отвечает более высоким стандартам, принятым в редакциях газет и журналов. Эти соображения должны были, казалось, побудить „Обсервер" опубликовать информацию, поступающую из разных источников.

Ни Линклетер, ни некоторые другие журналисты, которые занимаются са-

ми исследованиями подобных вопросов, не выдвигали возражений против моего метода уточнения информации, основанном на проверке косвенных данных. При этом, однако, они явно предпочитали моим доказательствам представленные официальными разведывательными органами.

Мне кажется, что „Обсерверу" не следовало бы так уж безоговорочно полагаться на официальные источники после того, как по настоятельной рекомендации английской разведывательной службы он в свое время послал в Бейрут в качестве корреспондента Гарольда Филби („Кима").

В этих заметках я сосредоточил внимание лишь на негативных комментариях к вопросу об аутентичности „Мести". В прессе появлялось немало и положительных откликов, но останавливаться на них я не считаю нужным. Читатели, которые доверяли Авнеру, точно так же как другие, которые ему в доверии отказывали, полагались либо на собственные суждения о предмете, либо на отзывы других, когда отвечали себе на вопрос, достоверны ли события, описанные в книге, или лишь „похожи на правду". Никаких доказательств ни „про", ни „контра" никто выдвинуть не смог. Все, что по этому поводу известно, изложено в сообщении об истории создания книги. Официальные источники либо все отрицали, либо отказывались, как обычно, от всяких комментариев.

Немецкий журнал „Дер Шпигель" пользовался методами проверки, в некоторых отношениях отличными от обычных, и обнаружил ошибку в первоначальном варианте моей рукописи. Ошибся я в названии дороги в горах в Швейцарии, описывая январский побег Авнера. Оказалось, что дорога, которую я назвал, в это время года была непроезжей. Я неправильно понял инструкцию, данную мне Авнером. В своей правоте я поначалу не усомнился, потому что сам по этой дороге проехал, но это было ранней осенью. Ошибка эта была единственной. На протяжении целого года полемики ничего больше пересмотру не подвергалось.

Отдельные эпизоды, рассказанные Авнером, подтверждены быть не могут. В предисловии к своей книге я на это указывал. В этой связи меня поразила позиция журнала „Маклинс". Печатая отрывки из книги, редакция не сочла нужным предупредить об этом читателей. Пятнадцать журналистов, приглашенных „Маклинсом", трудились над проверкой рассказа Авнера и пришли к выводу, который был четко сформулирован мною в предисловии, доступном каждому взявшему в руки мою книгу.

Совершенно естественно, что человек в ответ на нападки, дискредитирующие его методы работы и достоверность его источников информации, защищается. Невольно возникает желание выше оценить свои собственные достижения. Однако этому искушению я все же не поддамся. В своей оценке исповеди Авнера я остаюсь на той же позиции, которую занимал год назад, когда писал свое предисловие. Я доверяю ему не больше, но и не меньше, чем тогда.

Журналист Фил Сержи в обозрении „Книги в Канаде" поднял вопрос, который показался мне важным. Он подверг сомнению — и достаточно категорично — достоверность материала, положенного в основу „Мести". „Самое

интересное в „Мести", — писал он, — то, что она не очень отличается от других написанных Джонасом книг: прекрасной „Сделано неизвестными" ("By Persons Unknown") — в соавторстве с Барбарой Амиель — и замечательного романа „Окончательное соглашение" ("Final Decree"). По существу в обеих книга речь идет об инопланетянах, оказавшихся в обществе, которое ставит их в тупик. Авнер по своему характеру от них не отличается... Насколько эти особенности Авнера повлияли на отношение к нему Джонаса, сказать трудно".

Над этими словами мне пришлось задуматься. Верно, что Авнер как личность меня заинтересовал и все рассказанное им показалось мне увлекательным. И все же не увлекательность его рассказа обусловила мое к нему доверие. Я поверил ему потому, что он точно знал, где находится выключатель в парадной одного из домов захудалого жилого комплекса в Риме.

Те из читателей, кто имел доступ к источникам информации в течение последних шестидесяти лет, вряд ли найдут в этом очерке что-либо заслуживающее интереса. Но издательство отдает себе отчет в том, что он окажется полезным тем, кто не имел в прошлом возможности знакомиться с развитием событий на Ближнем Востоке.

Хорошо известно, что в последней четверти прошлого века некоторые из еврейских деятелей, главным образом в странах Центральной и Восточной Европы, стали склоняться к мысли, что евреям, рассеянным по всему миру, следовало возвратиться на родину своих библейских предков, в Палестину.

Идея эта обосновывалась по разному. Некоторые (таких было большинство) считали, что евреи, лишенные своей государственности, навсегда останутся преследуемым меньшинством в странах своего проживания. Другие опасались ассимиляции, которая, по их мнению, с неизбежностью влекла за собой абсорбцию и исчезновение еврейского народа с лица земли. Некоторые из руководителей, увлеченные социалистическими идеалами, полагали, что евреи-энтузиасты способны создать новый, лучший тип общества именно в Палестине, которую они представляли себе землей практически необитаемой.

На первых порах к сионистам прислушивались лишь немногие из евреев.

В массе своей евреи относились к идеям сионистов как к утопиии, то есть как к чему-то надуманному и практически недостижимому.

Для многих европейских евреев понятие „еврейство" казалось связанным лишь с религией. Во всех остальных отношениях они были патриотами тех стран, в которых жили сами и в которых жили несколько поколений их предков. Их стремления сводились в основном к тому, чтобы стать полноправными гражданами на своей родине.

Более того, те из них, кто ощущал себя немцами, русскими и т.д., хоть и исповедовали иудаизм, однако и помыслить не могли о том, чтобы жить в пустынных районах Ближнего Востока. Совершенно так же, как не смогли бы себя ощутить членами какого-нибудь племени в джунглях Африки.

Они были европейцами. И при этом городскими жителями: купцами и ремесленниками, художниками и журналистами, врачами и инженерами. Фермеры, горняки, моряки или солдаты среди евреев встречались сравнительно редко. На идише говорили многие, но иврит все они воспринимали только как язык торжественных молитвенных собраний. Иврит считался библейским, реликтовым языком, в условиях современного общества малопригодным.

Образованные евреи читали Пушкина или Гете. В музыке предпочитали Бетховена и Шопена. Слова „в следующем году в Иерусалиме" для большинства евреев носили характер символический, никак не выражая планов, связанных с отъездом.

Даже те, кто терял надежду на изменение политических условий на родине, решаясь на эмиграцию, уезжали обычно в Новый свет — в Америку. Она привлекала своими демократическими свободами и привычными условиями городской жизни. В конце девятнадцатого и в начале двадцатого века евреев не слишком беспокоило то, что они составляли меньшинство в странах своего проживания, если они не подвергались дискриминации и пользовались свободой.

Такой была диаспора, то самое рассеяние, которое пришло на смену пленению евреев в Древнем Вавилоне. Не приходится поэтому удивляться, что на протяжении первых пятидесяти лет после возникновения сионистского движения (примерно с 1880 по 1930 год) мало кто из евреев откликался на призывы пророков-сионистов. Первые четыре волны иммиграции (алии), насчитывали не более чем несколько десятков тысяч евреев каждая. При этом среди иммигрантов нееврев оказалось больше, чем евреев. В их числе было немало анархистов, христиан-фундаменталистов, просто фантазеров и авантюристов. Все они считали Землю Обетованную малонаселенной и потому вполне пригодной для воплощения на ней своих утопических идей.

В Палестину в это время отправлялись на редкость целеустремленные евреи-энтузиасты. (Среди них были не только сионисты, но и всякого рода анархисты, социалисты-революционеры и всевозможные мечтатели.) Далеко не все они в Палестине оседали надолго. Те же, кто оставался, были одержимы стремлением посвятить свою жизнь выполнению монументальной задачи построения нового светского общества на жалких обломках исторического прошлого.

Не следует слишком удивляться тому, что Палестина, какой она представлялась первым теоретикам сионизма, сильно отличалась от Палестины реальной.

Она, правда, не была в полном смысле слова „страной", но тем не менее территория ее была заселена.

Палестина не имела своей государственности. Значительная ее площадь оставалась необработанной. Многие институты, нормальные в современном обществе, в ее системе отсутствовали. Ощущалась острая потребность в реформах и прогрессивных изменениях.

В большинстве своем население, однако, ощущало себя народом, несмотря на то что вело примитивный образ жизни и обнищало в результате эксплуатации и угнетения, которым подвергалось под властью Оттоманской империи.

Палестина была заселена арабами, в большинстве своем мусульманами. Такими они себя и считали.

В их среде уже зарождался тот самый национализм, который сыграл свою роль в становлении сионизма. В девятнадцатом веке национализм как определенное умонастроение захватывал одну страну за другой. Будучи в то вре-

мя явлением относительно новым, национализм оказался невероятно энергичен.

На протяжении многих веков, предшествующих девятнадцатому столетию, население Европы и Америки делилось на группы по этническим, династическим или религиозным признакам. Кровавых конфликтов было не меньше, чем сейчас, но войны за национальную независимость в чистом виде велись лишь в редких случаях.

Девятнадцатый век стал веком патриотов, отстаивающих национальную независимость. Такими были, например, итальянец Джузеппе Гарибальди (1807-1882) и венгр Лайош Кошут (1802-1894).

Даже „железный канцлер" Бисмарк, которого не принято ставить на одну доску с Гарибальди, в своей деятельности руководствовался теми же принципами.

Государства считают свои национальные притязания законными не только в пределах страны, но и вдалеке от своих традиционных границ. На Ближнем Востоке британцы руководствовались именно этими соображениями. Эксплуатируя все тот же „дух времени", который всего несколькими десятилетиями ранее способствовал созданию первого германского рейха и объединению Италии, они поддерживали националистические настроения, направленные против уже ослабевшей Оттоманской империи как в среде арабов, так и в среде сионистов. Действовали британцы при этом, однако, в своих собственных интересах. Правда, среди британских сановников встречались люди, искренне озабоченные положением в Палестине и отдававшие себе отчет в его губительности для этой страны.

Так сложилось, что в годы, предшествовавшие первой мировой войне и в годы непосредственно за ней последовавшие, зачатки несовместимых между собой течений — национализма палестинцев и национализма евреев — зародились одновременно на полосе бесплодной земли, простирающейся вдоль восточного побережья Средиземного моря.

Оба движения набирали силу спонтанно. Но политика британских властей способствовала разжиганию вражды. Британские представители стремились обеспечить себе поддержку местного населения в борьбе с Турцией, с одной стороны, и с любыми посторонними влияниями, которые могли возникнуть в образующемся вакууме — с другой. (По каким-то неясным причинам возможность оппозиции населения по отношению к самой Великобритании во внимание не принималась.) Оба антагонистических национальных движения Великобритания поддерживала, руководствуясь при этом надежностью старинного римского принципа: разделяй и властвуй. Справедливости ради, следует отметить, что не одни британцы эксплуатировали этот принцип.

Падение жестокого и давно умиравшего владычества турецкого султана способствовало развитие арабского национализма и в меньшей степени — сионизма. Решающей роли, однако, это не играло. Турецкая империя „гнойник в Европе", развалилась в результате внутренних неурядиц и поражения, которое потерпела в первой мировой войне.

В послевоенные годы победоносная Британия (а также Франция) укрепила свои позиции на Ближнем Востоке. Многие арабские территории, в том

числе те, которые принадлежали ранее Турции, стали колониями Англии, Франции или зависимых от них стран. Мандат на управление Палестиной был выдан Англии. Такое положение вещей не решало, естественно, проблем Ближнего Востока (да это и не имелось в виду) и не могло сохраняться долго. Западные страны оно устраивало до того момента, как защита их интересов в этом районе мира стала возможной другими методами. Многие деятели на Западе учитывали необходимость выполнять свои обязательства перед странами Ближнего Востока.

В 1917 г. была принята Декларация Бальфура, в которой в достаточно туманных выражениях утверждалось Положение о „создании национального очага еврейского народа" на территории Палестины. Интерпретация этого Положения варьировалась, но в переводе на арабский язык оно означало гарантию обеспечения государственной организации, — создание „национальной родины".

Начиная с этого момента стала возрастать напряженность в отношениях между еврейскими поселенцами и местным населением.

Земля Обетованная отнюдь не пустовала.

Сионисты реагировали на действия арабских националистов по-разному. Многие из них продолжали верить в то, что распространение подлинной информации, образование, общественные мероприятия и демонстрация добрых намерений умиротворят рядовых палестинцев, вражду которых к еврейским поселенцам подогревали „реакционно" настроенные арабские экстремисты или их бывшие „опекуны".

В намерения сионистов в то время вовсе не входила организация израильского государства. Они формулировали свою идею так: евреям просто надо было из диаспоры вернуться домой.

Многие из них видели свою задачу в том, чтобы создать современную, процветающую, квазисоциалистическую страну, управляемую совместно арабами-палестинцами и евреями в общих интересах.

Евреи таким образом обретут национальное убежище, а арабы смогут воспользоваться плодами прогрессивной цивилизации. Их утверждение о том, что у арабов нет причин опасаться евреев, были совершенно искренними.

Известно, однако, что националисты всегда предпочитают самоуправление каким бы оно ни было, любому иностранному правлению, пусть даже самому хорошему. Уверения сионистов арабов не успокоили.

Агрессивность палестинцев подогревалась полуфеодального типа землевладельцами и некоторыми арабскими лидерами, проповедовавшими расистскую и религиозную нетерпимость (среди них назначенный в свое время британскими властями Муфтий). Некоторую роль в разжигании вражды между арабами и евреями сыграл и недальновидный расчет британских властей. И все же корни этого явления следовало искать глубже.

Турки ушли. Покидали страну и британцы. Палестинцам, естественно, хотелось стать наконец хозяевами в собственном доме. С этими планами идея национального убежища евреев в Палестине никак не согласовывалась — ни в теории, ни на практике. Тем не менее возможность мирного решения конфликта существовала вплоть до 1930 г.

С приходом к власти Гитлера все эти надежды рухнули. До самого окончания первой мировой войны все либерально настроенные деятели, в том числе и сионисты, свято верили в то, что эксплуатация человека человеком, непримиримость и дискриминация — тяжелое наследие прошлого. Считалось, что все это представляет собой остатки несовершенных и устарелых систем правления, которые с течением времени, по мере совершенствования общества, исчезнут. Всех, кто не выражал согласия с подобными представлениями, называли реакционерами. ,,Прогрессисты'' не предвидели в будущем никаких катаклизмов.

Эти иллюзии развеялись после становления тоталитарных режимов в Европе. Впервые в истории институты, созданные во имя будущего, оказались более устрашающими, чем известные в прошлом. Процесс национального самоопределения сопровождался разгулом нетерпимости в новых формах. Знамена социализма обагрились кровью. Казалось, что история движется в обратном направлении.

В Палестине сионистское движение переменило направление: от поисков мирного разрешения конфликта с арабами сионисты стали готовиться к вооруженной борьбе с ними. Евреи в Европе тонули, захлебываясь в потоках крови. Обсуждать стало нечего. В этот момент евреи нуждались в одном — в спасательных лодках.

Такое положение вещей соответствовало интересам тех арабов, которые никогда не стремились к миру с евреями. Они говорили: ,,Если чужой приходит в ваш дом и пытается захватить для себя место в нем, о чем тут спорить? И вообще, существует ли в мире нация, которая согласилась бы уступить евреям часть своей территории?''

Арабы утверждали, что по существу у евреев нет ни прав на землю Палестины, ни возможности ее заполучить. Претензии их базируются на исторических событиях глубокой древности, происходивших несколько тысячелетий назад. На подобных основаниях, утверждали они, почти все народы могут претендовать на территории других. К тому же, кучке евреев все равно не одолеть хорошо вооруженный арабский мир. Если евреям в Европе грозит истребление, их, конечно, жаль, но вины арабов в этом нет. Уступки сионистам — не соответствуют кодексу чести арабов.

Нападения арабов на евреев и еврейские поселения перед началом войны участились. Жертвами оказывались, как правило, мирные поселенцы, путешественники и их семьи.

Британцы в первые годы второй мировой войны придерживались той же тактики, которую применяли во время первой. Частично это диктовалось необходимостью.

Армии нацистской Германии занимали Северную Африку и представляли собой угрозу куда более страшную, чем в свое время турки. Восстанавливать арабов против Англии было не время. Британская дипломатия на Ближнем Востоке ориентировала арабское население на то, что в послевоенном мире их ждет независимость и заманчивые перспективы.

Взаимоотношения между руководством сионистских организаций и Англией носили двусмысленный характер. С одной стороны, они находились в

конфликте. Конфликт касался будущего Палестины. С другой — вели совместную борьбу с общим врагом — нацизмом.

Англия переживала тяжелое время. Америка еще не вступила в войну. Франция потерпела поражение, а Советский Союз был связан с нацистской Германией договором, подписанным Молотовым и Риббентропом. Англия остро нуждалась в помощи, и сионисты в большинстве своем в 1939-41 гг. считали самоубийственной тактику выступлений на Ближнем Востоке против Англии — единственной из Великих держав, которая противостояла Гитлеру.

К концу войны, однако, и после нее в особенности, ситуация радикально изменилась. Угроза существованию других стран, исходящая от Гитлера, уменьшилась, но катастрофические последствия геноцида, который проводил нацистский режим, все возрастали. Катаклизмы, которые предсказывали прорицатели в девятнадцатом веке, осуществились в Освенциме, когда шесть миллионов человек погибли в газовых камерах.

После всего сделанного немцами, кто бы решился утверждать, что евреям не нужна своя собственная страна?

А британская администрация между тем отказывалась допускать к берегам Палестины корабли, в которых находились спасшиеся.

Некоторые фракции сионистов, такие, например, как „Иргун", пытались добиться создания еврейского государства в 1944-1948 гг. террористическими действиями. Они убили министра-резидента Великобритании на Ближнем Востоке лорда Мойна, а также шведа, посредника Организации Объединенных Наций графа Бернадота. В это же время они подвергли бомбардировке отель „Царь Давид" в Иерусалиме (при этом погибли 91 человек, в том числе 15 евреев). Кроме того, они уничтожили 254 человека — стариков, женщин и детей — в арабской деревне Дир Яссин.

Противники подобных действий составляли преобладающее большинство среди участников сионистского движения. Между „Иргуном" и силами других еврейских организаций происходили вооруженные схватки в окрестностях Тель-Авива и на побережье.

Осталось невыясненным, оказали ли эти террористические вылазки влияние на решение Англии передать свой мандат на управление Палестиной Организации Объединенных Наций. Впоследствии это привело к разделу Палестины. Не подлежит, однако, сомнению, что решение Организации Объединенных Наций о разделе Палестины никак не было связано с выступлениями еврейских террористов.

Израиль стал государством в соответствии с резолюцией Организации Объединенных Наций, принятой 29 ноября 1947 г. Мотивы, обусловившие это решение, были самые разнообразные. Но главным образом это решение было продиктовано послевоенной ситуацией. Катастрофа была самым мощным аргументом за создание еврейского государства.

Израиль стал единственной в истории человечества страной, созданной по воле большинства государств мира. То, что произошло, значительно превосходило самые дерзкие мечты зачинателей сионистского движения семьдесят лет назад. Великобритания при голосовании воздержалась, но своего права „вето" не использовала. Соединенные Штаты голосовали за создание

Израиля. Позиция Советского Союза во время дебатов по этому вопросу оставалась неясной, но в конечном счете и он голосовал „за".

Арабские страны возражали против решения, одобренного странами всего мира. Они утверждали, что Объединенные Нации не имели права наказывать арабов за преступления, совершенные против евреев в Европе. Никакого впечатления не произвели на них и миролюбивые уверения сионистов.

Многие арабы высказывались в том смысле, что вор, протягивающий обворованному оливковую ветвь, только усугубляет нанесенный ущерб, сопровождая его еще и оскорблением.

Первая арабо-израильская война, известная в Израиле под названием Войны за независимость, возникла почти сразу после раздела страны. Началась она в 1948 г. и закончилась подписанием перемирия отдельно с каждой из стран, вторгшихся в Палестину, — Египтом, Ливией, Иорданией и Сирией. Переговоры длились с февраля по июль 1949 г. Четыре ведущие в арабском мире страны, поддержанные экспедиционным корпусом Ирака, не смогли одолеть только что созданные военные формирования Израиля. Этот факт расценивался специалистами как решительное поражение арабских армий.

В арабских странах это поражение (термин не точный, поскольку речь в данном случае шла лишь о том, что арабы не сумели победить своего врага) вызвало состояние психологического шока и укрепило враждебное отношение к Израилю.

Что касается Израиля, который понимал, что на смягчение позиции арабов он вряд ли может рассчитывать, то ему с этого момента оставалось полагаться только на военную силу.

Эти обстоятельства и послужили предпосылками для всего того, что впоследствии происходило на Ближнем Востоке.

Раздел Палестины привел к исходу арабов, хотя в то время он еще не носил массового характера.

Вновь созданное еврейское государство покинули примерно восемьсот тысяч арабов. Столько же евреев было выслано из арабских стран, в которых они жили веками.

Арабские беженцы уходили по своей воле, у еврейских — не было свободы выбора. Израиль в короткий срок абсорбировал приезжих, в то время как арабские страны этого делать не стали. Они утверждали, что, благоустроив беженцев, они как бы признают статус кво навязанного им положения вещей.

До сих пор остается нерешенным вопрос о том, следовало ли арабам уезжать из Палестины. Ни их жизни, ни их собственности ничто не угрожало. Но национальное достоинство и общественный их статус могли несомненно пострадать. Большинство беженцев верили в неизбежность поражения Израиля в войне с превосходящими силами арабов и считали, что это произойдет в течение ближайших месяцев.

Надежды эти не оправдались. И в течение последующих десятилетий беженцы жили в условиях нищеты и безнадежности в специальных лагерях на территориях арабских стран. Два поколения детей родились и выросли в этих лагерях. Численность беженцев уже превысила миллион. Разумеется,

многие из тех, кто бежал в свое время из Израиля, не стали бы этого делать, если бы могли предугадать свое будущее. Но были, конечно, и такие, кто уехал бы при всех обстоятельтсвах. У молодых палестинцев, выросших в лагерях, этой свободы выбора не было.

Партизанская война против Израиля началась практически сразу же после войны 1948-1949 гг. Группы федаинов (в переводе с арабского — „людей, готовых пожертвовать собой") стали осуществлять набеги на Израиль и диверсии на его территории.

В военном отношении эти операции никакой реальной опасности для Израиля не представляли. Но гражданское население было под угрозой, и Израиль, как и любое другое государство на его месте, не счел возможным с этим мириться. Арабские партизаны действовали, игнорируя моральные принципы. В их среде господствовали экстремистские настроения, обычные в вооруженных конфликтах. Арабы сознательно нападали не на военные объекты, а на беззащитное гражданское население.

Израильские военные реагировали резко и зачастую тоже безжалостно. Но они никогда не прибегали к жестким мерам по отношению к арабскому гражданскому населению. Как правило, ни в чем не повинные арабы страдали только в тех случаях, когда их использовали в качестве прикрытия свои же партизаны.

Несмотря на то что в ходе израильско-арабского конфликта число жертв среди арабского населения и партизан превосходило потери израильтян, в этом нельзя усматривать цель Израиля. Израильтяне никогда намеренно не вели военные действия против мирного населения. Жертвами среди гражданских лиц были люди, убитые случайно или те из них, которые жили в деревнях или беженских лагерях, сознательно превращенных федаинами в военные базы.

Арабские террористы таких тонкостей не признавали. Наоборот, они предпочитали совершать нападения на гражданское население.

Эти этические различия, четко обозначившиеся с самого начала возникновения конфликта, остались неизменными и в последующие годы. В связи с этим арабских партизан стали вскоре именовать террористами. Само собой разумеется, что арабы, как и некоторые политические деятели Запада, с такой характеристикой не соглашались. Они считали себя борцами за свободу.

И тем не менее террористы от партизан отличаются не по задачам, которые ставят перед собой, а по методам, выбираемым для достижения своих целей. Отсюда неопровержимо следует, что термины „террорист" и „партизан" имеют разный смысл.

В Европе арабская риторика воспринималась как призывы к кровопролитию. Дело, однако, риторикой не ограничивалось: арабские отряды нерегулярных войск в своих действиях в точности следовали словесным заявлениям собственных лидеров.

Их жестокие и целенаправленные атаки на гражданские поселения или школьные автобусы убедили Израиль в том, что провозглашенная арабами цель „спихнуть евреев в море" — не простая угроза. Израилю оставалось одно — ожесточенно сопротивляться.

После 1948 г. между Израилем и его противниками постоянно происходили спорадические столкновения, а иногда и настоящие сражения.

Первое из них, достаточно масштабное, чтобы его можно было называть войной, — Синайская кампания, относится к 1956 г. Война началась с совместных с Англией и Францией действий и была ответом на национализацию Египтом Суэцкого канала.

Второе — в 1967 г. — вошло в историю под названием Шестидневной войны. Оба военных конфликта закончились разгромом арабских армий.

И в 1956 г., и в 1967-ом военные действия начинал Израиль. Однако им предшествовали (помимо непрекращающихся набегов федаинов) агрессивные акции со стороны различных арабских стран, подобные блокаде международных водных путей и запрещению израильскому флоту пользоваться каналами, или требованию об отводе миротворческих сил ООН.

В такой обстановке Израиль имел все основания считать свои собственные действия оборонительными, а не агрессивными. Арабы, и это было очевидно, сами готовили войну. (Позднее, уже в 1974 г. они захватили инициативу в свои руки и первыми начали военные действия. Но и это ни к чему не привело. И в войне Судного дня победили израильтяне.)

В международном масштабе первые признаки терроризма появились за шесть лет до войны Судного дня. Вплоть до этого момента арабы терпели поражение во всех войнах на Ближнем Востоке. И все в большей степени ими овладевали чувства безнадежности и бессилия.

В 1968 г. несколько фракций, входивших в состав Организации Освобождения Палестины или отколовшихся от нее (те самые, которые в течение уже многих лет осуществляли рейды на территорию Израиля под прикрытием этой организации), атаковали один из пассажирских самолетов израильской авиакомпании Эль-Ал в Афинах (26 декабря), а второй угнали (22 июля) из Рима. Не обошлось при этом без человеческих жертв.

Вслед за этим последовали новые выступления. Угон самолетов, бомбардировки, похищения людей. Все эти действия были поначалу направлены против гражданских лиц — израильтян или израильских дипломатов в Европе. Затем начались нападения и на самолеты американских и западноевропейских авиалиний, на аэропорты, посольства и другие объекты. В конце шестидесятых и в начале семидесятых годов выступления террористов становились явлением все более распространенным, а действия террористов все более ожесточенными. Число жертв среди гражданского населения значительно выросло.

Те, кто планировали и осуществляли террористические акции против ни в чем не повинных людей, которые ни непосредственно, ни косвенно не имели отношения к арабо-израильскому конфликту, рассчитывали, что их неистовые по своей жестокости выступления привлекут внимание общественности к отчаянному положению палестинцев. Они надеялись таким образом оказать давление на мировое общественное мнение. Иными методами им этого достигнуть не удавалось, и они пошли на то, чтобы переместить центр своей активности за границу, главным образом на Запад.

По каким-то неясным причинам некоторые из арабских лидеров полагали,

что убийства жителей городов Западной Европы (помимо израильских граждан, живущих на Западе), вызовут в мире волну сочувствия к делу палестинцев.

Эти расчеты оказались ошибочными. Однако им удалось привлечь к себе внимание всего мира, и вопросы, связанные с палестинским движением, стали серьезно обсуждаться в мировой политике.

Израильтяне не были настроены так фанатично, как их враги — террористы, и никогда не занимались убийствами без разбора. Но и израильтяне с некоторого времени начали испытывать чувство отчаяния и враждебной непримиримости по отношению к арабам. К тому же у них были основания предполагать, что правительства других стран мира в своих собственных интересах оказывают поддержку палестинским террористам.

В Израиле всегда отдавали себе отчет в том, что вести переговоры в обстановке шантажа и насилия аморально и тактически невыгодно. Некоторые правительства Западных стран занимали в этом смысле совсем иную позицию.

После того как в 1968 г. началась кампания международного террора, и в особенности после убийства в 1972 г. одиннадцати израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене, израильское правительство объявило терроризму решительную войну.

Один из эпизодов этой войны описан мною в „Мести".

עיריית חיפה
מינהל החינוך
בית ספריה

БИБЛИОГРАФИЯ

Aldouby, Zwy, and Jerrold Ballinger. *The Shattered Silence.* New York: Lancer Books, by arrangement with Coward, McCann & Geohegan, 1971.

Avineri, Shlomo. *The Making of Modern Zionism.* New York: Basic Books, 1981.

Baker, Ralph. *Not Here, but in Another Place.* New York: St. Martin's Press, 1980.

Bar-Zohar, Michael. *Spies in the Promised Land.* Boston: Houghton Mifflin, 1972.

——— and Eitan Haber. *The Quest for the Red Prince.* New York: William Morrow, 1983.

Becker, Jillian. *Hitler's Children.* New York: Lippincott, 1977.

Ben-Hanan, Eli. *Our Man in Damascus: Elie Cohn.* New York: Crown, 1969.

Clark, Richard C. *Technological Terrorism.* Old Greenwich, Conn.: The Devin-Adair Co., 1980.

Clutterbuck, Richard. *Guerrillas and Terrorists.* London: Faber and Faber, 1977.

Cohn-Bendit, Gabriel and Daniel. *Obsolete Communism: The Left-Wing Alternative.* London: Penguin, 1969.

Davitt, Michael. *Within the Pale.* c. 1903.

Deacon, Richard. *The Israeli Secret Service.* London: Hamish Hamilton, 1977.

Debray, Regis. *Revolution in the Revolution.* New York: Grove Press, 1967.

Dobson, Christopher, and Ronald Payne. *The Carlos Complex.* New York: Putnam, 1977.

———. *The Terrorists.* New York: Facts on File, 1979.

Elon, Amos. *The Israelis.* London: Weidenfeld & Nicolson, 1971.

Fanon, Frantz. *The Wretched of the Earth.* New York: Grove Press, 1965.

Groussard, Serge. *The Blood of Israel.* New York: William Morrow, 1975.

Havas, Laslo. *Hitler's Plot to Kill the Big Three.* Cambridge, Mass.: Cowles, 1969.

Herzog, Chaim. *The Arab-Israeli Wars.* London: Methuen, 1982.

Johnson, Paul. *Enemies of Society.* New York: Atheneum, 1977.

Jonathan Institute. *International Terrorism: Challenge and Response,* ed. Benjamin Netanyahu. Proceedings of the Jerusalem Conference on International Terrorism. Held under the auspices of the Jonathan Institute, July 2–5, 1979. Printed by *The Israel Economist,* Jerusalem, 1980.

Khaled, Leila. *My People Shall Live.* c. 1973.
Laffin, John. *Fedayeen.* London: Cassell, 1978.
Laqueur, Walter. *Confrontation: The Middle East and World Politics.* New York: Quadrangle, 1974.
———. *Terrorism.* London: Weidenfeld & Nicolson, 1977.
Lewis, Bernard. *Islam and the Arab World.* Toronto: McClelland and Stewart, 1976.
Netanyahu, Benjamin. *International Terrorism: The Soviet Connection.* The Jonathan Institute, 1979.
O'Ballance, Edgar. *Language of Violence.* Novato, Calif., Presidio Press, 1979.
Peres, Shimon, *From These Men.* London: Wyndham, 1979.
Philby, Kim. *My Silent War.* London: Granada, 1969.
Revel, Jean-François. *The Totalitarian Temptation.* New York: Doubleday, 1977.
Rohl, Klaus Reiner, *Fünf Finger sind keine Faust.* Cologne: Kiepenheuer and Witsch, 1977.
Selzer, Michael. *Terrorist Chic.* New York: Hawthorn Books, 1979.
Sterling, Claire. *The Terror Network.* New York: Holt, Rinehart & Winston, 1981.
Steven, Stewart. *The Spymasters of Israel.* New York: Macmillan, 1980.
Szamuely, Tibor. *The Russian Tradition.* London: Secker & Warburg, 1974.
Tigay, Alan M. *Myths and Facts 1980.* Near East Report, 1980.
Tinnin, David B., with Dag Christensen. *The Hit Team.* Boston: Little, Brown, 1976. New York: Dell, 1977.

עיריית חיפה
מערכת [illegible] המרכזית
[illegible]
בית [illegible] - שערית
מס. מלאי .....

Цена $ 24